

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ СОВЕТ ПО ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРЫ

ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ

ИССЛЕДОВАНИЕ
И РЕСТАВРАЦИЯ

3

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1961

РЕДКОЛЛЕГИЯ

И. Э. ГРАБАРЬ, В. Н. ЛАЗАРЕВ, В. В. КОСТОЧКИН

*Посвящается светлой памяти
председателя Научно-методического совета
по охране памятников культуры
Академии наук СССР*

*Академика
ИГОРЯ ЭММАНУИЛОВИЧА
ГРАБАРЯ*

Академик
ИГОРЬ ЭММАНУИЛОВИЧ
ГРАБАРЬ

ПАМЯТИ ИГОРЯ ЭММАНУИЛОВИЧА ГРАБАРЯ

(1871—1960)

16 мая 1960 г. на девяностом году жизни скончался академик Игорь Эммануилович Грабарь. Смерть оборвала большую жизнь ученого и художника, педагога и общественного деятеля, горячего патриота и чудесного человека.

Жизнь Игоря Эммануиловича — это яркая страница русской и советской культуры. Его делам и дням, несомненно, будут посвящены многие статьи и книги историков науки и искусства. И, конечно, нельзя охватить все богатство и многообразие сделанного им в небольшом некрологе.

Здесь, на страницах сборника, уместно сказать об Игоре Эммануиловиче как о крупнейшем деятеле в области охраны и реставрации памятников культуры. Его знаменитая «История русского искусства» (1910—1914) впервые показала миру и России все величие художественного богатства, созданного русскими зодчими и живописцами. Этот труд прославил его организатора и автора ряда глав — Игоря Эммануиловича Грабаря. Поэтому не случайно, когда Великая Октябрьская социалистическая революция поставила вопрос о передаче народу всех сокровищ искусства и старины, сохранившихся в России, — центральной фигурой этого благородного начинания стал именно Игорь Эммануилович. Ему посчастливилось работать в области учета, охраны и реставрации памятников под непосредственным руководством В. И. Ленина, проявлявшего постоянный интерес к этому делу. В тяжкие годы гражданской войны и голода была проведена огромная работа по учету и регистрации памятников. Экспедиции обследовали глухие места страны, вывозя оттуда новые и новые произведения искусства. Основанные в 1918 г. Центральные государственные реставрационные мастерские осуществили под руководством Игоря Эммануиловича серию блестящих реставраций древнерусских фресковых росписей и икон, открыли много новых шедевров древнерусского искусства. Силой превосходного и тонкого исследователя Игорь Эммануилович воскресил великие образы таких гигантов русской художественной культуры, как Феофан Грек и Андрей Рублев. Реставрационное дело из кустарной профессии иконопиков, под неослабным, требовательным руководством Игоря Эммануиловича, выросло в точную науку, став одним из выдающихся достижений советской культуры.

В годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., когда был нанесен огромный урон культурным сокровищам нашей страны, Игорь Эммануилович вновь был призван к руководству делом защиты памятников культуры. Он становится

председателем Комиссии по учету и охране памятников искусства Комитета по делам искусств СССР. Как всегда полный энергии, горячий и принципиальный, Игорь Эммануилович ведет и здесь огромную организационную и научную работу, выступает в печати как публицист и патриот, клеймящий варварства фашистских захватчиков. В 1948 г. Игорь Эммануилович возглавляет созданный по его инициативе Научно-методический совет по охране памятников культуры при Президиуме Академии наук СССР и руководит им вплоть до болезни, оборвавшей его жизнь.

Все, кому довелось работать вместе с Игорем Эммануиловичем, обращаться к его помощи в вопросах научных и даже личных, не могли не испытывать чувства благодарного изумления богатством духовного мира этого незабываемого, чудесного человека. Он был необычайно прост и доступен, чуток к нуждам каждого своего сотрудника, строг и принципиален в решении больших и малых вопросов, выдвигавшихся жизнью. Его авторитет человека и ученого был непререкаем.

Имя Грабаря широко известно всей стране и далеко за ее рубежами. Это имя было твердой гарантией верного решения научных и организационных вопросов. И любимое дело жизни Игоря Эммануиловича — охрана и изучение памятников русского искусства — в немалой степени укреплялось благодаря его авторитетному руководству. Он был ученым поистине энциклопедического профиля, в этом он не знал равных, и его защита того или иного памятника, того или иного решения реставрационных работ всегда была бесспорно аргументирована.

Смерть Игоря Эммануиловича — утрата невозместимая. Заменить его и с честью продолжать завещанное им дело любовной и строгой охраны, изучения и реставрации памятников культуры может лишь дружная и сплоченная работа всех организаций, ученых, реставраторов, их самоотверженная борьба за сохранение, изучение и пропаганду многовекового культурного наследия народов нашей необъятной страны.

*Научно-методический совет
по охране памятников культуры
АН СССР*

Г. Н. ЛЮБИМОВА

КУЛЬТОВЫЕ ПОСТРОЙКИ АГУЛЬСКИХ СЕЛЕНИЙ ГОРНОГО ДАГЕСТАНА

Архитектура горных районов Дагестана все больше и больше привлекает внимание исследователей. В последние годы появились работы, посвященные архитектуре жилища крупных дагестанских народов¹. Менее изучены крепостные, культовые и мемориальные сооружения горного Дагестана. Однако почти в каждом дагестанском ауле сохранились мечети и минареты, многие из которых — замечательные творения народных мастеров². Эти постройки не только не изучены, но и остаются даже невыявленными³.

Настоящая статья посвящена культовой архитектуре небольшого дагестанского народа — агулов⁴, селения которого расположены в Агул-дере, Хушан-дере,

¹ См.: Г. Я. Мовчан. Из архитектурного наследия аварского народа. — СЭ, № 4. М., 1947, стр. 187—195; Г. Я. Мовчан. Предварительные заметки о типологии жилища народов Нагорного Дагестана. — КСИЭ, вып. IV. М., 1948, стр. 41—52; С. О. Хан-Магомедов. Народное жилище Южного Дагестана. — СЭ, № 1. М., 1951, стр. 166—176; С. О. Хан-Магомедов. Жилище табасаран. — СЭ, № 4. М., 1951, стр. 202—210.

² Как пример можно привести мечеть в селении Кала-Корейш, уникальные резные деревянные двери которой датируются XII—XIII вв. (А. С. Башкиров. Деревянные двери дагестанского аула Кала-Корейш. — Труды секции археологии Ин-та археологии и искусствознания, вып. II. М., 1928, стр. 118—130).

³ В работах по этнографии, истории и культуре Дагестана имеются, однако, отдельные упоминания, описания, рисунки, фотографии и даже обмеры мечетей (См.: С. О. Хан-Магомедов. Арочные конструкции в народной архитектуре Дагестана. — «Архитектурное наследство», вып. 11. М., 1958, стр. 53—80; С. О. Хан-Магомедов. Народная архитектура Дагестана. — «Архитектура СССР», № 4, 1954, стр. 29—34; Н. Б. Бакланов. Архитектурные памятники Дагестана. Л., 1935, стр. 25—28; Л. Б. Панек. Работа южного отряда Дагестанской экспедиции. — КСИЭ, вып. IV. М., 1948, стр. 53—58; А. Башкиров. Резьба по камню и дереву в Дагестане. — «Художественная культура Советского Востока». М. — Л., 1931, стр. 105—115; Л. И. Лавров. Лакцы. — «Народы Дагестана». М., 1955, стр. 152—178).

⁴ В 70-х годах XIX в. в Дагестане насчитывалось 5357 агулов — 1054 двора (А. В. Комаров. Народонаселение Дагестанской области. — «Записки Кавказского отдела Русского географического общества», кн. VIII. Тифлис, 1873, стр. 20). По переписи 1926 г. их было 7473 человека (Н. Яковлев. Языки и народы Кавказа. Тифлис, 1930, стр. 39), по переписи 1959 г. — 8 тыс. («Правда», 4 февраля 1960 г.).

Курах-дере и Хпюк-дере, т. е. в четырех горных ущельях (дере) Агульского и Курахского районов⁵.

Первоначально агулы жили в Агул-дере, впоследствии они расселились и по другим ущельям⁶. Район, населенный агулами, — один из самых высокогорных⁷, труднодоступных и суровых по климатическим условиям. «Страна агулов, — пишет Д. Трунов, — находится в глубине южнодагестанских гор. Она сурова и угрюма. Горы и скалы раздеты, почти непригодны для земледелия... Ущелья труднодоступны. От аула к аулу в старое время можно было пройти только вьючными тропами. Да и эти тропы или размывались ливнями, или сносились оползнями и снежными обвалами. В суровые зимы страна агулов отрезалась, изолировалась от соседних районов. Невозможно было попасть из одного аула в другой. Так веками агулы и жили в каменном кольце. Крепко гнездилась в этом кольце патриархальная старина»⁸.

Трудной доступностью этой территории и объясняется, по-видимому, что исследователи Дагестана XVIII—XIX вв. не посещали, как правило, агульских аулов. Исключение составляли, пожалуй, лишь Н. Ханыков, опубликовавший одну из надписей на камне в кладке мечети аула Рича⁹, и А. Пастухов, который в 1893 г. хотя и посетил аулы Бедюк и Рича, но не оставил их описаний¹⁰.

Культовые сооружения, сохранившиеся в агульских селениях, связаны прежде всего с мусульманством; языческая, иудейская и христианская религии, предшествовавшие исламу в Дагестане, не оставили на агульской территории памятников материальной культуры.

Начало распространения ислама в Дагестане относится ко времени арабских завоеваний на Кавказе в VII—VIII вв. Некоторые арабские историки¹¹, а особенно местные хроники¹², сильно преувеличивают заслуги первых арабских завоевателей Дагестана. С одним из них — Масламой (в местных хрониках и преданиях его деятельность приписывается Абу-Муслиму) они связывают распространение ислама в горных районах Дагестана, в том числе и в агульских, относя появление ислама уже к первой половине VIII в. — времени походов Масламы в Дагестан в 727—732 гг.¹³ Так, Гасан Алкадари писал, что арабский военачальник Маслама бен Абдул Малик (отождествляемый им с Абу-Муслимом), покорив Дагестан, построил мечети в Дербенте и во многих селениях Дагестана, в том числе в Кумухе, Ахта, Кара-Кюре, Кочхюре, а также в агульских аулах Рича и Фита¹⁴. Эти сведения Гасан Алкадари заимствовал, по его словам, из народных преданий. Последние и до настоящего вре-

⁵ Перечень селений см.: Б. А. К а л о е в. Из истории земельных отношений у агулов в XIX—начале XX вв. — КСИЭ, вып. XX, 1954, стр. 44; Р. Ш а у м я н. Грамматический очерк агульского языка. М.—Л., 1941, стр. 11—14.

⁶ См.: Б. А. К а л о е в. Поселения и жилища агулов. — КСИЭ, вып. XXIII, М., 1955, стр. 34.

⁷ Большая часть агульских селений расположена на высоте 1500—2000 м: Усуг — 1827 м, Хпюк — 1932 м, Хоредж — 1938 м, Бедюк — 1732 м, Хутхул — 1617 м, Буршаг — 2173 м, Рича — 2047 м и т. д. («Плановое хозяйство Дагестана», № 2—3. Махачкала, 1929, стр. 144—149).

⁸ Д. Т р у н о в. В горах Дагестана. М., 1958, стр. 289.

⁹ См.: Н. Х а н ы к о в. Археологическое известие. — «Кавказ», 1850, № 53.

¹⁰ См.: А. П а с т у х о в. Поездка по высочайшим селениям Кавказа и восхождение на вершину горы Шах-даг. — «Землеведение», кн. II. М., 1894, стр. 35.

¹¹ См.: Я к у б и. История. (Перевод П. К. Жузе). — «Материалы по истории Азербайджана», вып. IV. Баку, 1927, стр. 6—7.

¹² См.: «Тарихи-Дербент-наме». Под ред. М. Алиханова-Аварского. Тифлис. 1898, стр. 1—192; А. К. Б а к и х а н о в. Гюлистан Ирам. — «Труды Об-ва обследования и изучения Азербайджана», вып. 4. Баку, 1926, стр. 37—58; Гасан А л к а д а р и. Асари Дагестан. — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 46. Махач-Кала, 1926, стр. 14—193.

¹³ См.: «Очерки истории Дагестана», т. I. Махач-Кала, 1957, стр. 53.

¹⁴ Гасан А л к а д а р и. Указ. соч., стр. 30.

мени связывают строительство многих крупных мечетей в горных районах Дагестана с деятельностью Абу-Муслима и датируют их VIII в. Однако А. Гасанов, переведивший сочинение Гасана Алкадари, выразил сомнение по поводу распространения ислама в VIII в. на всю территорию Дагестана. В Дербенте, в предгорьях Кюринского округа, Табасарани, Кайтага и вообще на плоскости, пишет он, арабы, действительно, могли выстроить мечети, а также поставить кадиев и правителей, но чтобы в VIII в. они могли сделать это в Акуше, в Хунзехе, Кумухе или даже в Ахтах, т. е. в горных районах Дагестана, то этому «трудно поверить». По его мнению, это могло произойти только на два-три века позже¹⁵.

Трудности установления датировки дагестанских мечетей, а значит и определения времени распространения ислама в горных районах Дагестана, усугубляются еще и тем, что на некоторых из них имеются поздние арабские надписи, связывающие их строительство с именем Абу-Муслима.

Арабская надпись, сделанная в 1906 г., существует, например, на мечети лакского селения Кумух. Она гласит: «В 162 г. (778 г. п. э. — Г. Л.) по велению богоугодного Абу-Муслима, да помилует его великий аллах, была основана мечеть». Между тем другая надпись на стене этой мечети сообщает, что «действительно мечеть эта была построена Сулейманом, Магомедом и Омаром в 1151 году хиджры» (т. е. в 1740 г. п. э.)¹⁶. Е. И. Козубский утверждает, что мечеть в лезгинском селении Кочхюр построена Абу-Муслимом, о чем гласит надпись на ее стене¹⁷. Л. И. Лавров датирует куфическую надпись на кочхюрской мечети X в. и считает ее самой древней из всех датированных арабских надписей Северного Кавказа¹⁸.

Многие современные исследователи безоговорочно принимают версию о строительстве мечетей в горных районах Дагестана в VIII в.¹⁹ Однако, анализируя памятники материальной культуры, М. С. Саидов приходит к выводу, что лакцы приняли ислам не в VIII, а в X в.²⁰ Р. М. Магомедов временем исламизации Дагестана считает X—XV вв.²¹

Наиболее детально вопрос о распространении ислама в Дагестане разработан А. Шихсаидовым, который в одной из статей пишет, что в VIII в. «ислам был введен в районе Дербента, а Масламе приписывают то, что имело место гораздо позже, а именно, начиная с X—XI веков»²². Он считает, что процесс исламизации горных районов следует ставить в зависимость не столько от арабских завоеваний, сколько от процесса классового расслоения в горах²³. «Процесс проникновения ислама в Дагестан был неравномерным, — пишет А. Шихсаидов в другой своей работе, — и продолжался в течение столетий. Раньше всего ислам упрочился в Южном Дагестане... В течение XII—XIV вв. ислам получил здесь широкое распространение, о чем свидетельствует масса памятников арабской эпиграфики, относящихся к этому времени... в XV веке была исламизирована только часть (вернее, большая часть)

¹⁵ Гасан Алкадари. Указ. соч., стр. 181 (примечания переводчика к стр. 30).

¹⁶ М. С. Саидов. О некоторых памятниках материальной культуры в лакских районах ДАССР. — УЗИИЯЛ, т. III. Махач-Кала, 1957, стр. 124.

¹⁷ См.: Е. И. Козубский. Заметки о памятниках и остатках старины в Дагестанской области. — «Дагестанский сборник», вып. 1. Темир-Хан-Шура, 1902, стр. 161.

¹⁸ См.: Л. И. Лавров. Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции. — «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. XVIII, М.—Л., 1958, стр. 325.

¹⁹ См.: Б. А. Калоев. Агулы. — «Материалы научной сессии по истории народов Дагестана». Махач-Кала, 1954, стр. 1; Л. И. Лавров. Лакцы. — «Народы Дагестана». М., 1955, стр. 153—154; Л. И. Лавров. Ответ Д. С. Габиеву. — «Материалы по этнографии Грузии», т. IX. Тбилиси, 1957, стр. 174.

²⁰ См.: М. С. Саидов. Указ. соч., стр. 131.

²¹ См.: Р. М. Магомедов. Хронология истории Дагестана. Махач-Кала, 1959, стр. 28.

²² А. Р. Шихсаидов. О проникновении христианства и ислама в Дагестан. — УЗИИЯЛ, т. III. Махач-Кала, 1957, стр. 71.

²³ См. там же, стр. 76.

Дагестана. Процесс распространения ислама продолжался и в последующее время»²⁴.

В XIII в. агульские районы подверглись нашествию монголов. В последующие века, вплоть до XVIII в., эти районы не раз подвергались нападениям турецких и иранских завоевателей. В начале XIX в., после присоединения Дагестана к России, агулы вошли в состав Кюринского ханства, преобразованного затем в Кюринский округ²⁵.

Религия агулов не отличается от религии других народов Южного Дагестана. К ней целиком может быть отнесена характеристика, данная Л. Б. Панек религии лезгин, которая «представляет собой переплетение древних, домусульманских верований с более поздними, мусульманскими. В каждом квартале селения имеются мечети, но наряду с ними всюду почитаются могилы прославившихся какими-либо чудесами святых (пиров)»²⁶.

* * *

Из 21 агульского селения Курахского и Агульского районов²⁷ автором настоящей статьи в 1950 г. было обследовано шестнадцать (Тпиг, Дулдук, Буркихан, Хутхул, Буршаг, Цирхе, Бедюк, Усуг, Укуз, Хоредж, Рича, Хпюк, Яркуг, Кураг, Худиг, Арсуг)²⁸. Почти в каждом из них сохранились мечети (сейчас не действующие), причем в крупных селениях (Тпиг, Хутхул, Буркихан и Рича), кроме главных мечетей, перед которыми находились площади (места празднеств и собраний), имелись и другие мечети, меньшие по размерам, принадлежавшие богатым тухумам или даже отдельным кулакам — барановодам²⁹.

Одним из самых крупных и древнейших агульских аулов является Рича. Надписи на главной мечети этого аула свидетельствуют о существовании здесь крепости, разрушенной в XIII в. монголами³⁰. На карте Дагестана, составленной русскими топографами в 1819—1820 гг., показан схематический план селения³¹. Оно расположено на южном склоне горы, окруженной с трех сторон горными реками. С четвертой стороны (с запада), над селением, на горе, стояла оборонительная башня. По гребню горы, прикрывая доступы к селению с севера, шла крепостная стена. Селение делилось на три части и насчитывало в то время 70 дворов³².

В Рича сохранилась одна большая главная мечеть с высоким стройным минаретом (рис. 1) и три небольших квартальных, в одной из которых имеются прекрасные резные деревянные столбы.

²⁴ «Очерки истории Дагестана», т. I, стр. 85 и 87.

²⁵ См.: Б. А. К а л о е в. Агулы. — «Народы Дагестана». М., 1955, стр. 205.

²⁶ Л. Б. П а н е к. Указ. соч., стр. 56.

²⁷ В Агульском районе сохранилось также несколько разрушенных «мертвых» селений. «Некоторые большие селения (Рича, Тпиг, Буркихан, Хутхул), — пишет Б. А. Калоев, — образовались в результате переселения в одно место жителей соседних маленьких селений. Это чаще всего происходило во время каких-либо вражеских нашествий, когда население нескольких маленьких сел соединилось, в целях обороны, в большое селение и затем тут навсегда обосновывалось» (Б. А. К а л о е в. Поселения и жилища агулов, стр. 35).

²⁸ В обследовании принял участие С. О. Хан-Магомедов, частично использовавший собранный материал в двух упоминавшихся ранее статьях.

²⁹ См.: Б. А. К а л о е в. Поселения и жилища агулов, стр. 37.

³⁰ Л. И. Л а в р о в. Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции, стр. 331—332.

³¹ См. ЦГВИА, ВУА, № 1951.

³² В 1869 г. в Рича насчитывалось 88 дворов (А. К о м а р о в. Списки населенных мест Дагестанской области. — «Сб. статистических сведений о Кавказе», т. I. Тифлис, 1869, стр. 106—108), в 1902 г. — 145 дворов («Дагестанский сборник», вып. I. Темир-Хан-Шура, 1902, стр. 100), а в 1926 — 170 дворов (Районированный Дагестан. Махачкала, 1930).

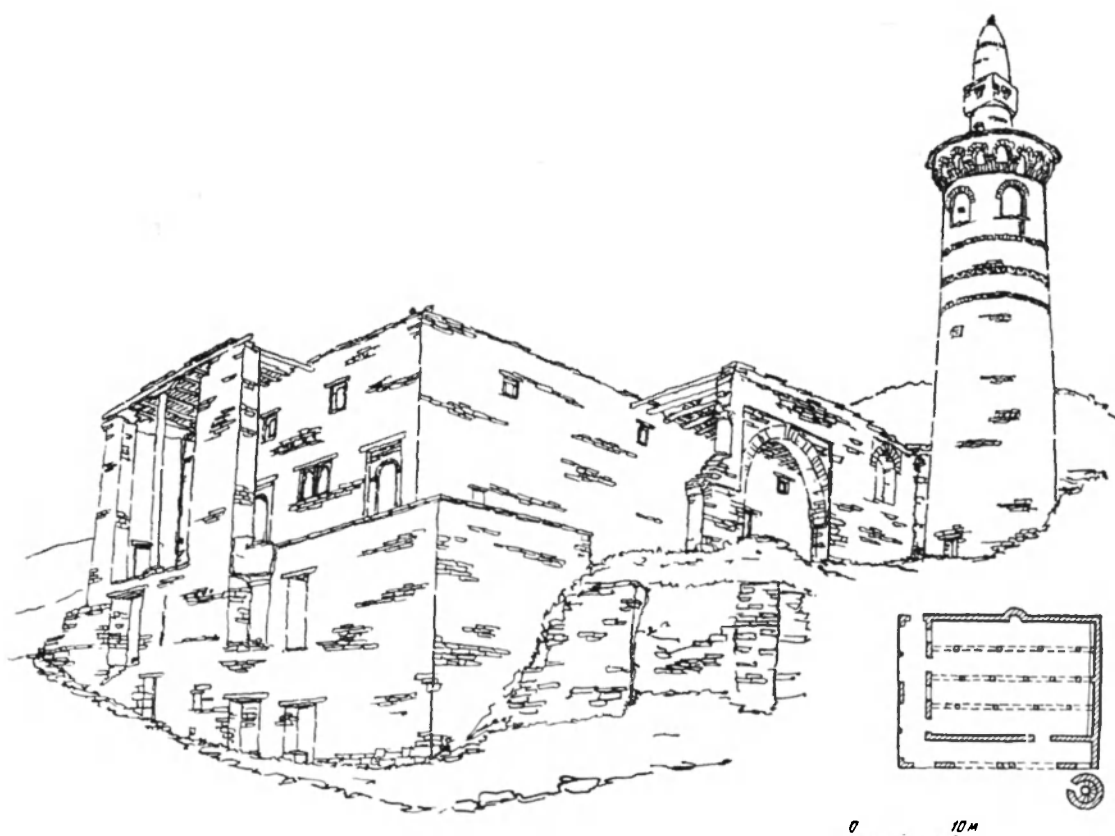

Рис. 1. Мечеть в селении Рича. Общий вид и план

Относительно датировки большой Ричинской мечети высказывались самые различные мнения. Гасан Алкадари и Б. А. Калоев, относят ее к VIII в.³³, а Д. Трунов пишет о ней как о «построенной тысячи лет назад»³⁴. В ричинской мечети имеются три надписи, датируемые XIII в. Одна из них, как уже отмечалось выше, была опубликована Н. Ханыковым в 1850 г. Уточненный ее перевод и тексты двух других надписей изданы Л. И. Лавровым³⁵. В двух из них сообщается о нашествии в 1239 г. монголов (татар), взятии ими аула Рича (после упорного сопротивления) и его разрушении³⁶. Третья надпись, опубликованная одновременно с Л. И. Лавровым А. Р. Шихсаидовым, гласит: «Эта соборная мечеть Бабуль-кист Рича разрушена войском татар, когда разрушен был [город (?) Рича] в месяце раби'аль-ахир, один из месяцев шестьсот тридцать седьмого года. Затем приказал эмир славнейший,

³³ См.: Гасан Алкадари. Указ. соч., стр. 30; Б. А. Калоев. Агулы. — «Материалы научной сессии по истории народов Дагестана», стр. 1.

³⁴ См.: Д. Трунов. Указ. соч., стр. 291.

³⁵ См.: Л. И. Лавров. Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции, стр. 331—333.

³⁶ Ссылаясь на материалы неопубликованной рукописи Али Каяева, А. Р. Шихсаидов пишет, что Рича была взята татарами после восемнадцатидневных боев («Распространение ислама в Южном Дагестане в X—XV вв.» — УЗИИЯЛ, т. VI. Махачкала, 1959, стр. 152).

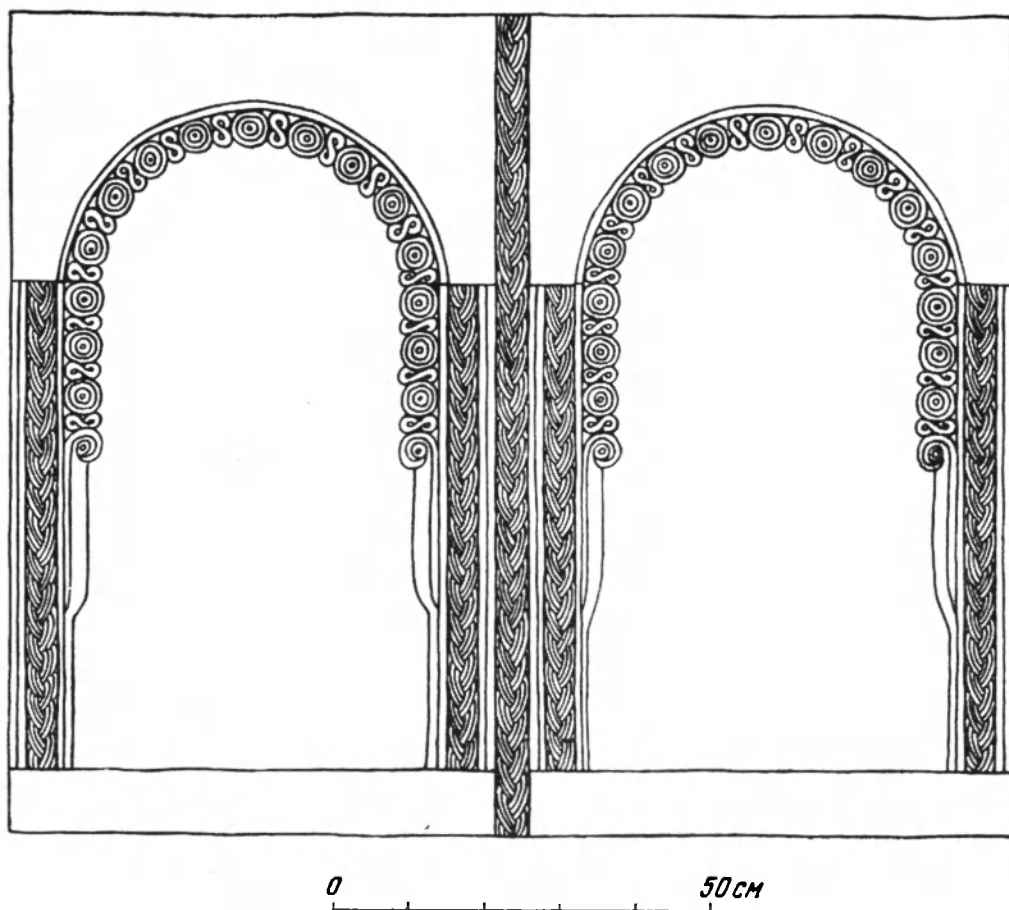

Рис. 2. Мечеть в селении Рича. Резное окно

великий, поддерживающий, победоносный, борец за правое дело, стоящий на страже венца мира и религии Адам сын Абд-ал-Мелика сына Мухамеда, да продлит аллах славу его — приказал (он) построить эту мечеть в месяце раби'аль-авваль, один из месяцев шестьсот сорок восьмого года»³⁷.

А. Р. Шихсандов, анализируя эту надпись и выдержки из обнаруженного им у ричинского жителя списка «Истории Абу-Муслима», где строительство мечети датируется не VIII в. (как в других списках), а X в. (после 913 г.), сравнивает памятник с мечетью ругульского аула Ихрек, которая существовала уже в начале XI в.³⁸, и пишет: «Вполне возможно, что к XI—XII вв. относится также строительство мечети в селении Рича (Агульский район). Надпись в северной стене мечети сообщает только дату разрушения мечети татарскими войсками — ноябрь 1239 г.

³⁷ А. Р. Шихсандов. О пребывании монголов в Рича и Кумухе (1239—1240 гг.) — УЗНИЯЛ, т. IV. Махач-Кала, 1958, стр. 7.

³⁸ В северной стене мечети аула Ихрек частично сохранилась арабская надпись следующего содержания: «Эта мечеть, после того как раз[рушена...] год четыреста седьмой» (1016—1017 гг.). — Л. И. Лавров. Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции. — «Сборник музея антропологии и этнографии», т. XVII, 1957, стр. 373—374.

и дату ее восстановления (июнь 1250 г.), что позволяет предположить строительство до XIII в.

Ряд куфических надписей в северной стене мечети и сходство в планировке, формах и размерах с минаретом в Ихреке позволяет отнести строительство мечети в Рича примерно к XI—XII вв.»³⁹.

Большая ричинская мечеть сложена из грубо обработанного местного камня. Она стоит на сравнительно крутом склоне горы. Для того чтобы сделать ее внутреннее помещение достаточно обширным и вместительным, потребовалось с одной стороны срезать часть склона, а с другой — создать цокольный этаж.

К основному помещению мечети — обширному залу площадью более 180 кв. м (16,30 × 11,05 м в плане, высота — 4 м) — с севера и востока примыкает крытая галерея шириной 1,90 м. С галереи во внутреннее помещение мечети ведут три дверных проема с резными деревянными обрамлениями (своеобразные деревянные порталы) — один с северного фасада и два — с восточного.

Внутреннее помещение мечети имеет двусветное освещение: в его восточной стене устроены два больших двухпроемных окна (с резными деревянными коробками), расположенные на уровне дверных проемов, и три небольших верхних окна. На северный фасад выходят только три небольших верхних окна. Наличие окон второго света дает возможность предположить, что, подобно некоторым другим агульским мечетям, ричинская мечеть имела хоры.

К моменту обследования мечеть находилась в полуразрушенном состоянии: рухнула одна из двух арок северной галереи и часть стены восточной галереи. Перекрытия над галереей и внутренним помещением в ряде мест также обрушились.

Изучение мечети на месте и ее фотографии, сделанные в 30-х годах XX в.⁴⁰, позволяют представить ее облик до разрушения. Объемно-пространственная композиция мечети, несмотря на свою архаичность, очень выразительна и живописна. Она хорошо гармонирует с окружающей застройкой, выделяясь из массы жилых домов своими размерами и крупными формами аркады, проемов восточной части галереи, цокольного этажа.

Наибольший интерес, с архитектурно-художественной точки зрения, представляют резные деревянные детали ричинской мечети: десять внутренних столбов, три входных двери и два окна нижнего яруса восточного фасада (рис. 2).

Десять резных деревянных внутренних столбов ричинской мечети — уникальные произведения народного искусства (рис. 3); они различны как по форме, так и по характеру орнаментальной обработки. Здесь и столбы без подбалок с трапециевидной «капителью», покрытые орнаментальной «плетенкой», близкие по форме к характеру обработки к столбам табасаранских мечетей⁴¹, и столбы с фигурными подбалками и «конической» резьбой. Один из столбов мечети имеет простую по форме подбалку и покрыт примитивной резьбой в виде простых геометрических рисунков. Другой, вращающийся на своей оси, имеет две расположенные под прямым углом друг к другу фигурные подбалки. Местный историк, учитель курахской школы Бабаев Исмаил, сообщил, что к этому столбу привязывали преступников

³⁹ А. Р. Шихаидов. Распространение ислама в Южном Дагестане в X—XV вв., стр. 138.

⁴⁰ Одна из таких фотографий, правда очень плохого качества, помещена в книге Р. Шаумяна (Указ. соч., приложение, рис. 2). Фотографии ричинской мечети, где мечеть представлена уже в полуразрушенном состоянии, опубликованы также в статьях Б. А. Калоева: «Агулы» («Народы Дагестана», стр. 221) и «Поселения и жилища агулов» (стр. 36).

⁴¹ Г. Н. Любимов и С. О. Хап-Магомедов. Народная архитектура Южного Дагестана. М., 1956, стр. 74—91.

Б. А. Калоев сообщает, что в агульских селениях «работы по художественному оформлению дерева выполнялись мастерами из Табасарана, где искусство резьбы по дереву было довольно высоко развито» (Б. А. Калоев. Поселения и жилища агулов, стр. 43).

и вращали. Однако это сообщение вызывает сомнение, так как трудно представить, что наказание преступника осуществлялось в мечети.

Большое различие в форме и орнаментальной обработке деревянных столбов мечети в Рича, по преданию, объясняется тем, что ее столбы были подарены ричинцам жителями других селений.

Не меньший художественный интерес представляют также резные деревянные обрамления входных проемов и окон. Особенным мастерством исполнения отличается резное обрамление главного входа, расположенного на северном фасаде (рис. 4).

Мечеть в селении Рича, по-видимому, неоднократно перестраивалась и ремонтировалась. Возможно, что при тщательном исследовании ее кладки будут обнаружены части стен XII—XIII вв.

Однако большая часть существующего здания относится, несомненно, к более позднему времени, это прежде всего резные деревянные детали (окна, двери, столбы), которые можно датировать самое раннее XVII—XVIII вв., но никак не XIII в., как утверждает Б. А. Калоев⁴². Это вполне очевидно, ибо даже в Табасарани, откуда агулы заимствовали искусство художественной резьбы «плетенкой», а также форму столбов и дверей, подобные детали датируются в основном XIX в.⁴³

Более позднего происхождения, вероятно, и аркада галереи мечети, которая могла быть построена или перестроена в XIX в., так как в горных районах Дагестана полуциркулярная арка стала широко применяться именно в это время⁴⁴.

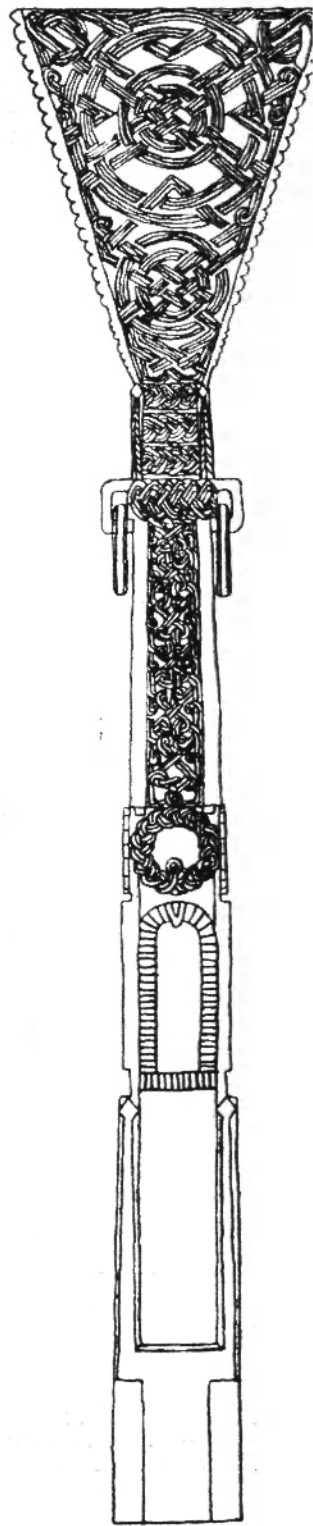
Минарет в Рича, также сложенный из местного грубо обработанного камня, примыкает к северо-западному углу мечети. Это — круглое в плане сооружение с внутренней винтовой каменной лестницей (рис. 5), ведущей на площадку, нависающий парапет которой поддерживается аркатурным поясом на каменных консолях.

Высота минарета от земли до пола верхней площадки — 12,5 м. Диаметр его основной цилиндрической части — 3,8 м внизу, а у аркатурного пояса — 3,2 м. Диаметр же верхней площадки минарета вместе с парапетом составляет 3,8 м.

⁴² В статье «Поселения и жилища агулов» Б. Калоев пишет: «В известной Ричинской мечети имеется четыре (!) огромных столба, украшенных изумительно красивой художественной резьбой, неоднократно привлекавшей к себе внимание исследователей. Кроме богатого орнамента, на столбах вырезана арабская надпись, которая относится к началу XIII в.» (стр. 43). В действительности в ричинской мечети 13 столбов, 10 из которых (а не четыре) резные.

⁴³ Так, на резном деревянном столбе мечети в табасаранском селении Ягдык вырезана дата 1310 г. (1892—1893). (См.: Г. Н. Любимов и С. О. Хан-Магомедов. Указ. соч., стр. 91).

⁴⁴ С. О. Хан-Магомедов. Народная архитектура Дагестана, стр. 33.

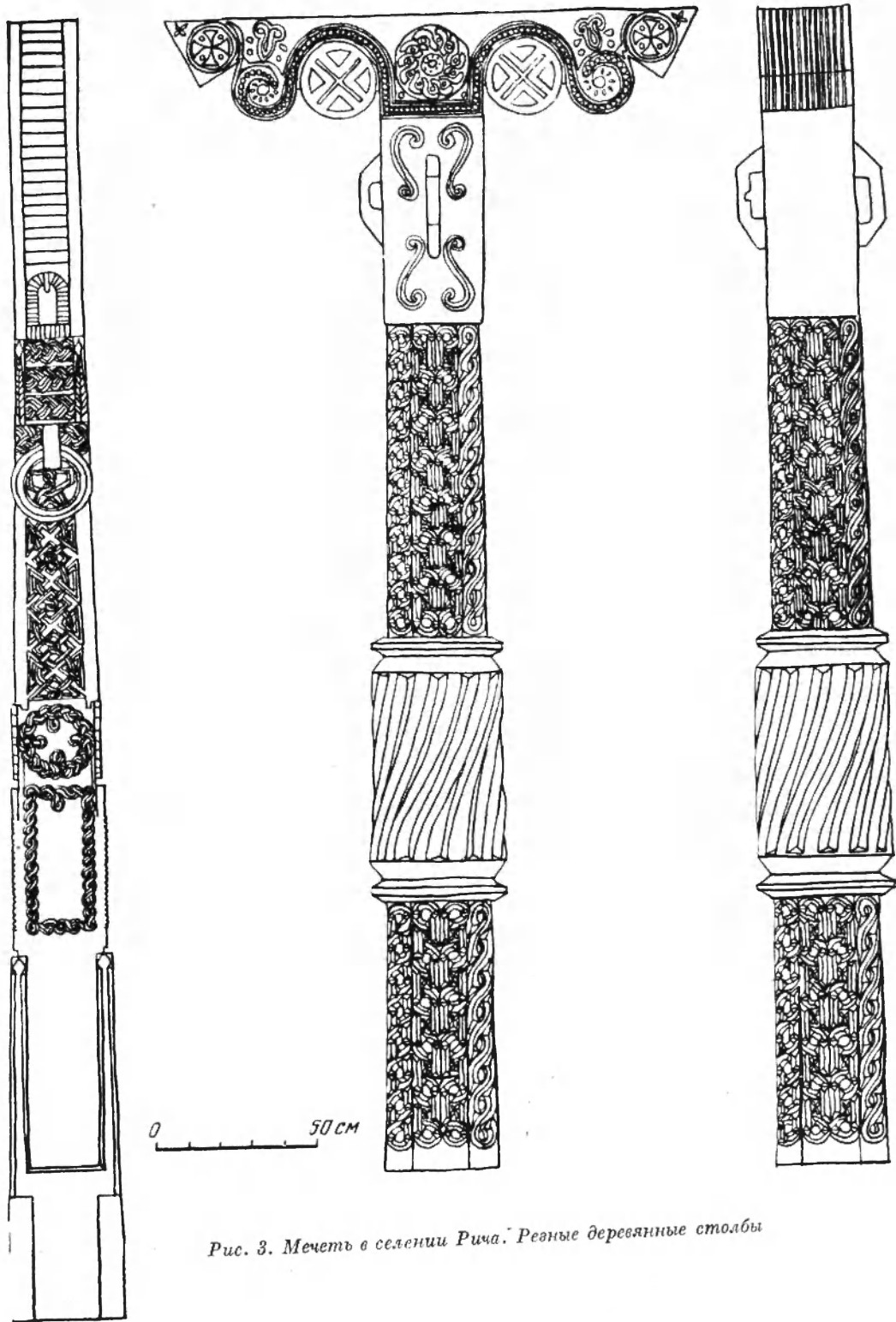
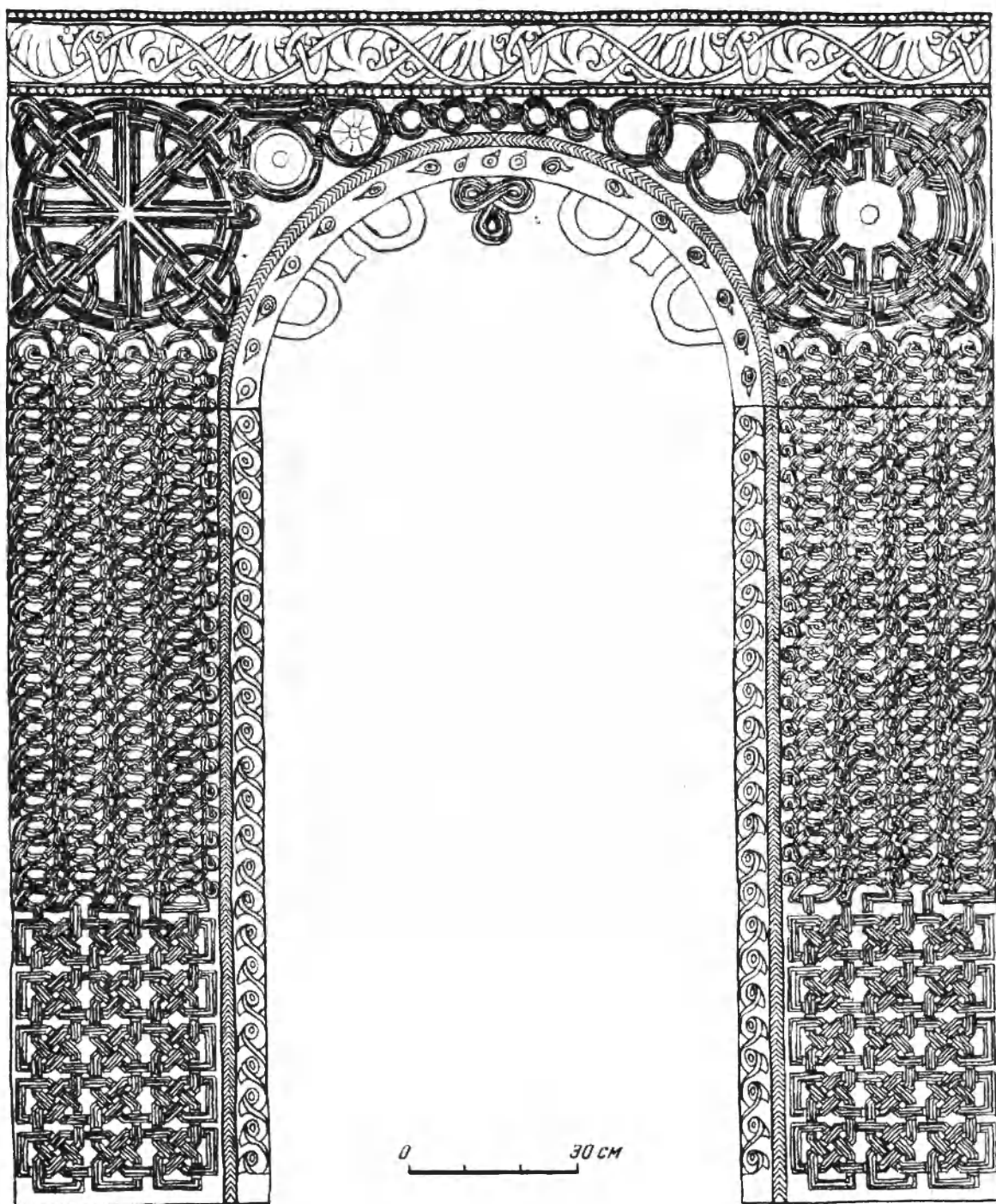

Рис. 3. Мечеть в селении Рича. Резные деревянные столбы

Рис. 4. Мечеть в селении Рича. Резная деревянная дверь

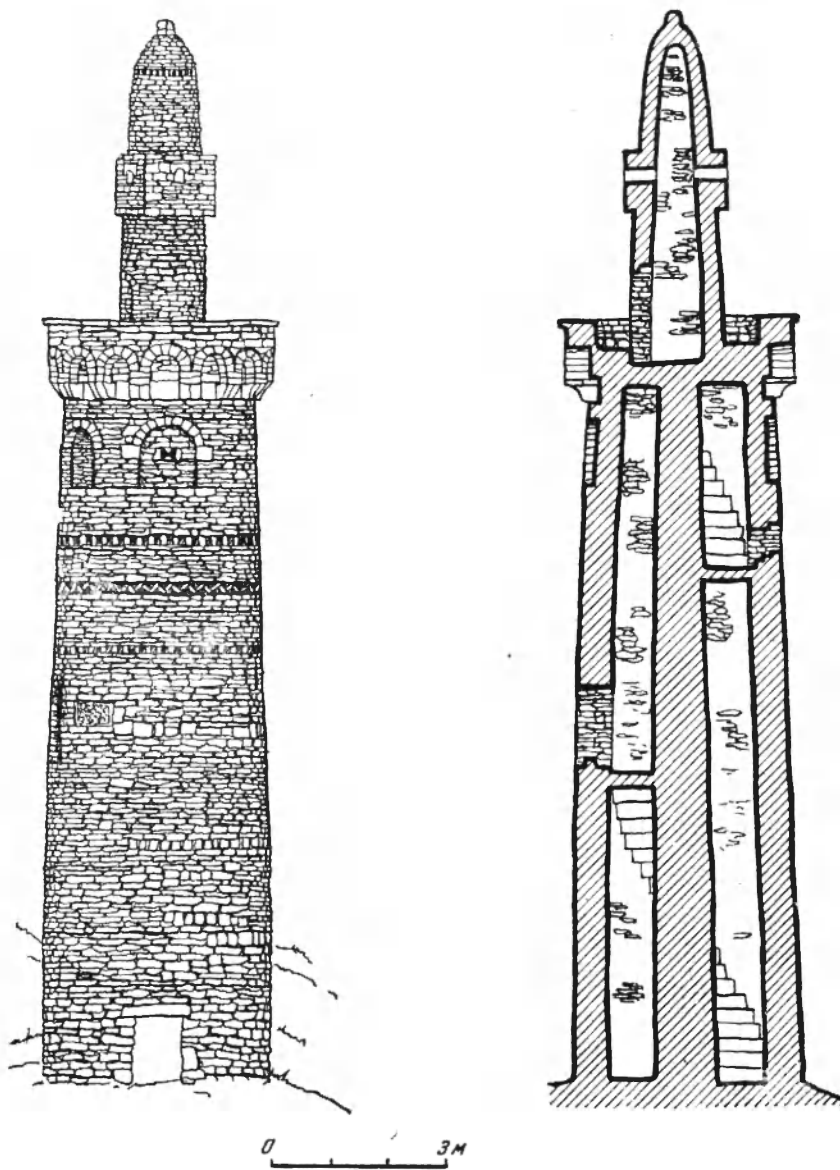

Рис. 5. Минарет в селении Рича. Фасад и разрез

В центре площадки стоит башенка высотой 5,7 м. Подобные башенки характерны для всех дагестанских минаретов. Они сооружались над входами внутрь минаретов с площадок, однако в агульских минаретах форма башенок получила трактовку, отличную от других дагестанских минаретов⁴⁵.

Башенка ричинского минарета имеет не только функциональное назначение, что характерно, например, для минарета аула Цудахар, где она даже сдвинута в

⁴⁵ Например, лезгинских (см. рисунок Т. Л. Юзепчук «Минарет и мечеть в с. Хрюк», помещенный в статье: Л. Б. П а н е к. Указ. соч., стр. 55), даргинских (см. рисунок селения Цудахар с минаретом, помещенный в альбоме Гагарина), табасаранских (минарет в с. Джули) и др.

Рис. 6. Мечеть в селении Арсуг. Общий вид

сторону от вертикальной оси сооружения и поставлена непосредственно над выходом с винтовой лестницы на верхнюю площадку, но и является его композиционным завершением. Низ башенки цилиндрический, а верх — почти кубический, с небольшими оконными проемами. Над башенкой возвышается сильно вытянутый купол.

Общая высота минарета 18,5 м. Стоит отметить, что основные средства художественной выразительности: оригинальная по форме декоративная башенка, аркатурный пояс парапета, ряд неглубоких арочек-ниш под этим поясом и три декоративных каменных пояса (типа «городок» и «бегунец»), — сосредоточены в верхней части минарета, хорошо видимой с самых отдаленных окраин аула. Такая концентрация декоративной обработки обычна для сооружений подобного рода.

По местным преданиям, ричинский минарет построен в XIII в. Однако его облик, характер кладки и отдельные детали (арочные ниши, аркатурный пояс и др.) указывают, что он сооружен (или капитально перестроен) значительно позже — примерно в XVIII—XIX вв. По-видимому, минарет появился одновременно или даже позже мечети. На это указывает дверной арочный проем, ведущий из него на крышу мечети.

По архитектуре и прежде всего по живописной архаичности фасадов к ричинской мечети очень близка мечеть в Арсуге⁴⁶ (рис. 6 и 7). В кладке главного фасада

---

⁴⁶ Арсуг — это небольшое селение Агульского района. В 1869 г. в селении насчитывалось 48 дворов, в 1902—68, в 1926—69.

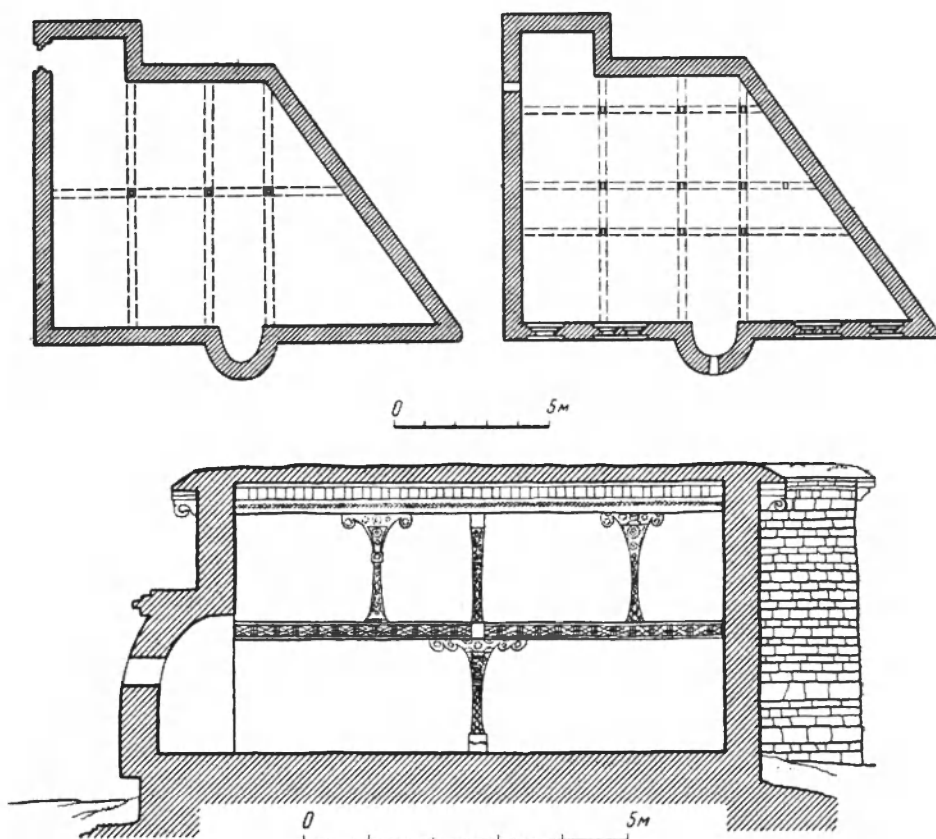

Рис. 7. Мечеть в селении Арзуг. Планы и разрез

этой мечети имеется камень с датой 1286 г. хиджры (1869—1870), которая относится, по-видимому, ко времени ремонта или перестройки.

Мечеть расположена на небольшом неправильной формы участке, что предопределило и конфигурацию ее плана. На улицу выходит ее южный, самый богатый по обработке фасад.

Кладка стен мечети состоит из грубо обработанных, но хорошо подогнанных друг к другу сравнительно крупных камней. На некоторых из них нацарапаны примитивные геометрические рисунки. В центре южного фасада — выступ михраба. На этот фасад выходит четыре окна, деревянные коробки которых покрыты прекрасной орнаментальной резьбой (рис. 8). Все они различны не только по орнаментальной обработке, но и по форме, что подчеркивает живописную асимметричную композицию фасада. Завершается фасад карнизом на каменных консолях.

Однако, как и в ричинской мечети, наибольший интерес представляет внутреннее помещение мечети. В арзугской мечети создана совершенно уникальная по своему типу двухъярусная конструктивно-декоративная система перекрытия, состоящая из балок, прогонов, фигурных подбалок, столбов и промежуточных прогонов. Такая система, по-видимому, была вызвана устройством хор, увеличивавших вместимость мечети.

Обычно при устройстве хор в дагестанских мечетях северная половина внутреннего помещения делится деревянным настилом по высоте на два яруса. При этом

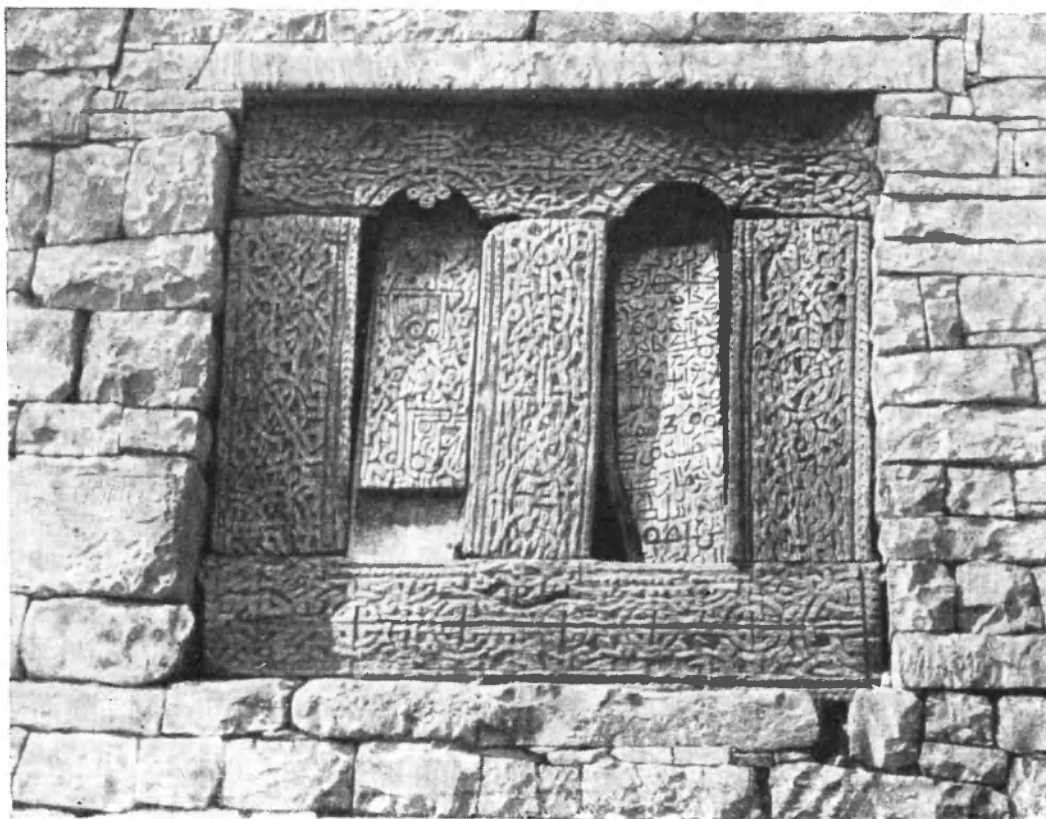

Рис. 8. Мечеть в селении Арсуг. Резное окно

некоторые столбы, поддерживающие перекрытие, также делятся по горизонтали на две части, что приводит к искажению их пропорций. Верхняя половина столба, например, оказывается увенчанной слишком крупной подбалкой, рассчитанной на всю высоту столба. Это объясняется тем, что хоры устраивались обычно позднее, когда мечеть уже не вмещала увеличившегося населения аула. Поэтому в композиции деревянных резных внутренних столбов, как правило, не была заранее предусмотрена возможность членения их по высоте на две части.

Перед мастерами, строившими или перестраивавшими арсугскую мечеть, по-видимому, с самого начала была поставлена задача создать внутреннее помещение с хорами, и они, стремясь решить эту задачу не только технически и функционально, но и художественно, отказались от высоких столбов (общая высота внутреннего помещения мечети — около 4 м), заменив их оригинальной конструктивно-декоративной системой, состоящей из невысоких, покрытых орнаментальной резьбой столбиков, расположенных в два яруса (рис. 9). Первый ярус состоит из трех столбиков, высотой 175 см. На них опираются три поперечных прогона сечением 27×17 см, концы которых заделаны в стены. Столбики первого яруса соединены между собой и с боковыми стенами короткими прогонами-распорками, которые, видимо, сделаны позднее (дерево их более повое). На каждый поперечный прогон первого яруса в свою очередь поставлены три столбика второго яруса, поддерживающие прогоны перекрытия (сечением 23×17 см). Еще один столбик второго яруса стоит на прогоне-распорке.

Рис. 9. Мечеть в селении Арсуз. Резные деревянные столбы

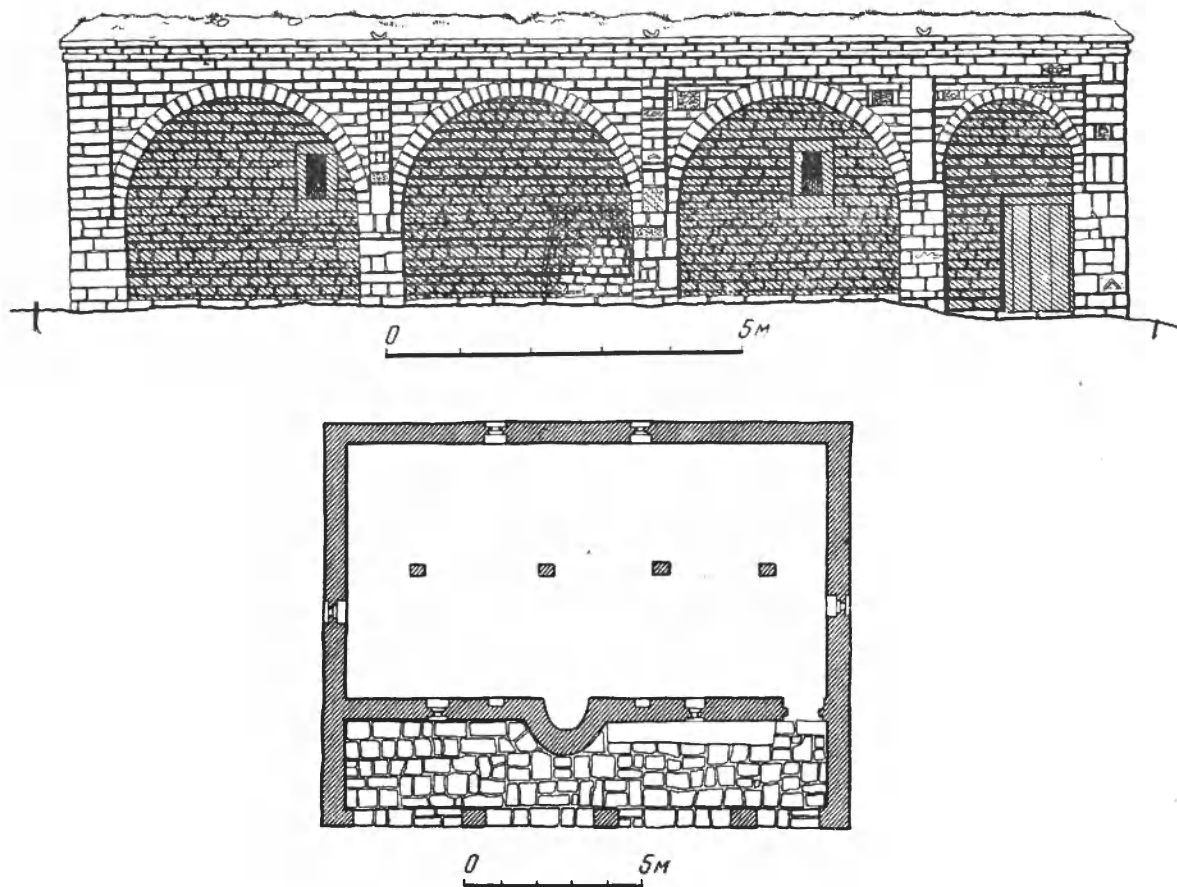

Рис. 10. Мечеть в селении Дулддук. Фасад и план

Большая часть столбиков имеет фигурные, покрытые орнаментальной резьбой подбалки, размер которых почти равен высоте столбика. Это придает внутренним столбам мечети необычные пропорции.

Все деревянные части интерьера арсугской мечети — столбы, подбалки, основные прогоны обоих ярусов и обрамление ниши михраба — покрыты резьбой «плетенкой», а также растительным и геометрическим орнаментом, выполненными, по-видимому, одновременно. Однако детальный осмотр элементов этой оригинальной конструктивно-декоративной системы позволяет думать, что после создания двухъярусной конструкции перекрытия мечеть капитально перестраивалась, что могло быть вызвано необходимостью замены рядовых балок, опирающихся на основные прогоны. В процессе перестройки вся система, видимо, разбиралась, а затем была собрана вновь. При этом произошла, очевидно, какая-то путаница; во всяком случае только так можно объяснить то, что одна подбалка столба нижнего яруса как по характеру орнаментальной обработки, так и по своим размерам больше подходит к одному из столбов верхнего яруса и, наоборот, некоторые столбы, по форме ничем не отличающиеся от других, лишены подбалок, причем один из них стоит на каменной подставке, равной по высоте подбалке других столбов (раньше этот столб также имел, по-видимому, подбалку) и т. д.

Интересно отметить, что в мечети селения Рича подбалки столбов, а следовательно и широкие, покрытые орнаментальной резьбой стороны столбов, расположены параллельно продольным стенам, в связи с чем входящий через главный вход видит их с наиболее выгодной точки зрения, т. е. освещенными боковым и прямым светом. В мечети селения Арсуг вход расположен в боковой западной стене, а окна — в южной. Если бы в этих условиях столбы были расположены так же, как в ричинской мечети — параллельно продольной стене, то входящие видели бы лишь силуэты столбов и подбалок, а вся их богатая орнаментальная обработка оставалась бы незаметной. Учтя это обстоятельство, строители арсугской мечети и расположили большую часть подбалок перпендикулярно южной стене, причем наиболее богатую орнаментальную обработку они дали как раз тем сторонам столбов, которые обращены к центру, т. е. наиболее хорошо освещены и лучше всего видны основной массе молящихся.

Минарет арсугской мечети сохранился не полностью (рухнула его верхняя башенка). Он представляет интерес главным образом как композиционная доминанта Арсуга. Особенно наглядно роль минарета видна в общем силуэте селения, при подъезде к нему со стороны селения Худиг, когда оно вырисовывается на фоне далеких гор.

Как уже отмечалось, в мечетях аулов Рича и Арсуг основное внимание строителей обращалось на убранство внутренних помещений. Фасады же этих мечетей, хотя и имеют уникальные по своей художественной ценности резные деревянные детали, — в целом довольно архаичны (особенно если предположить, что галерея ричинской мечети была пристроена позднее). Такое отношение к интерьеру и внешнему облику зданий было характерно для архитектуры горных районов Дагестана до XVIII — начала XIX вв. Лишь во второй половине XIX в. и в следующем столетии народные мастера начали уделять большое внимание объемно-пространственной композиции и архитектурной выразительности их внешнего облика. Выше говорилось, что это во многом было связано с повсеместным распространением тогда таких форм, как аркады, арочные порталы, арочные окна, арочный декор и т. д.

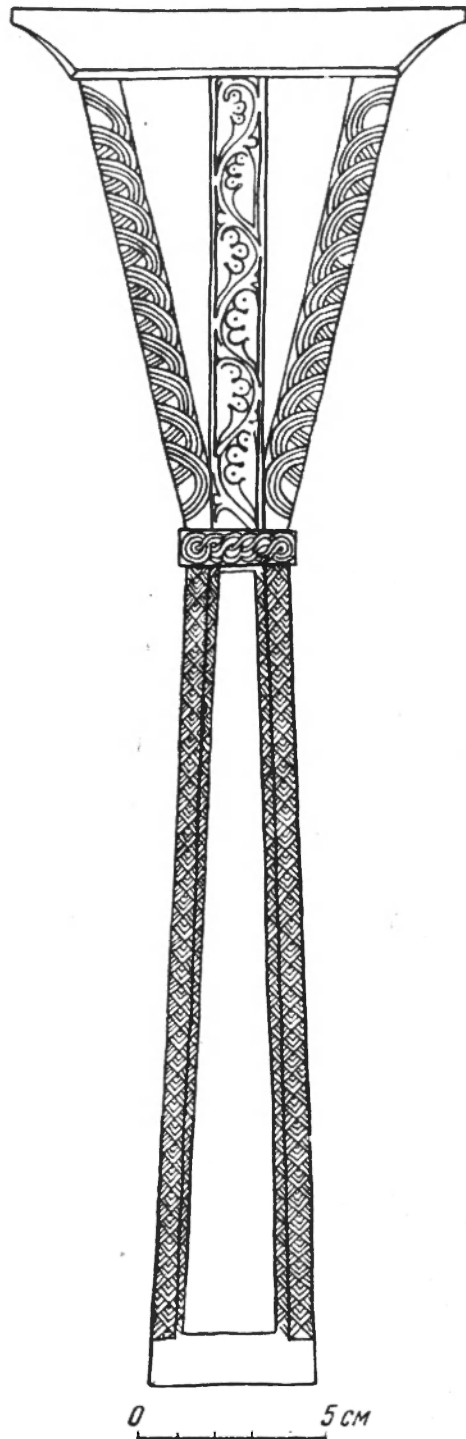

Рис. 11. Мечеть в селении Дулдук.
Резной деревянный столб

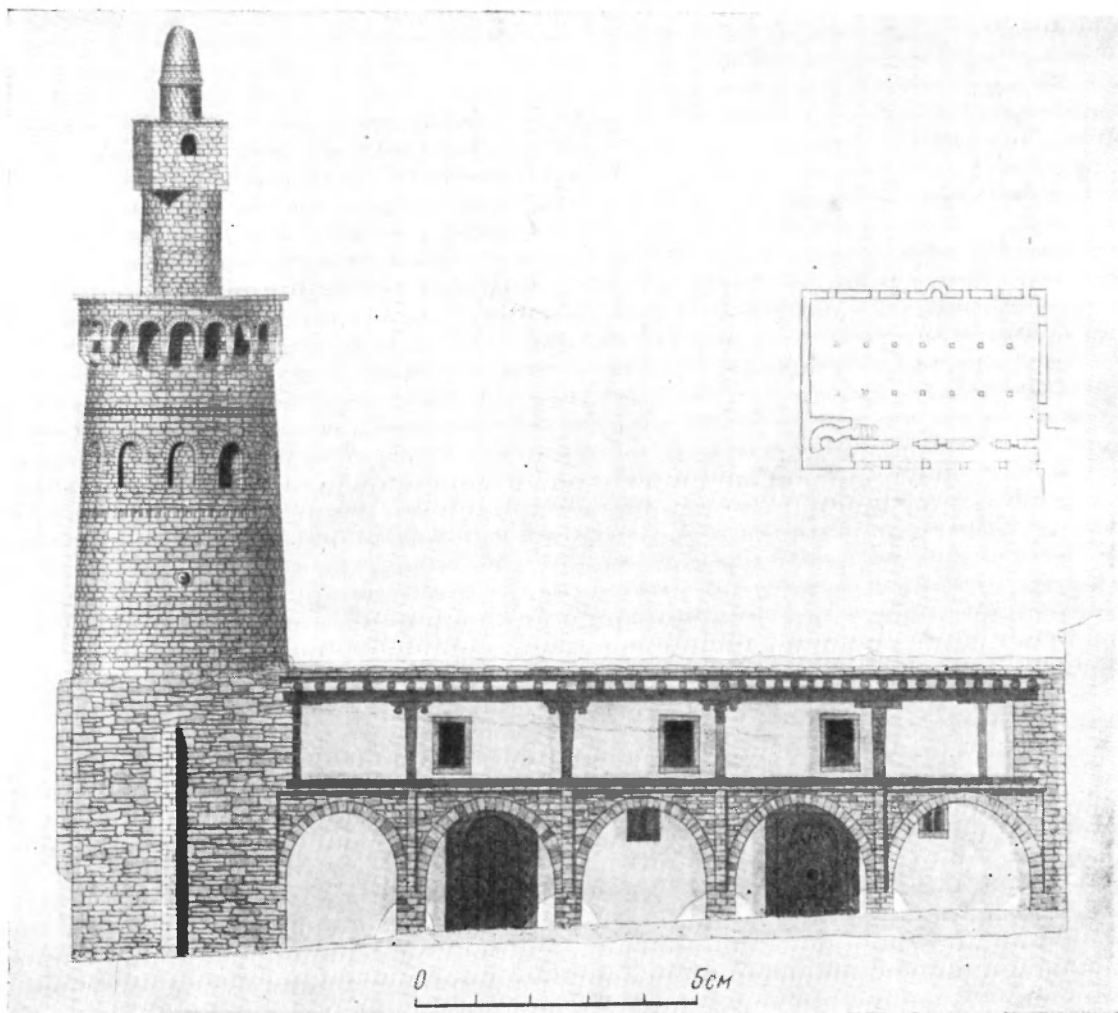

Рис. 12. Мечеть в селении Туг. Фасад и план

Мечеть в селении Дулдук⁴⁷ (рис. 10) строилась в два приема. Сначала была построена ее основная часть с внутренним помещением размером почти в 100 кв. м, перекрытие которого поддерживается тремя большими (высотой 3,6 м) деревянными столбами (два столба покрыты орнаментальной резьбой — рис. 11). Затем перед южным (главным) фасадом этой мечети была сооружена галерея в виде аркады из четырех полуциркульных арок, причем крайняя (западная) арка, расположенная против входной двери, сделана значительно уже других. В результате первоначальный внешний облик мечети существенным образом изменился: ее главный фасад стал более интересным и композиционно организованным, хотя неодинаковость пролетов арок придала его композиции некоторую незавершенность.

В кладке старой части мечети (на южной стене, в глубине галереи) имеется камень с датой 1306 г. хиджры (1888—1889), которая, вероятно, соответствует времени перестройки и ремонта основной части мечети. Дату на камне фасадной стены

⁴⁷ В 1869 г. в Дулдуке насчитывалось 38 дворов, в 1902—70, в 1926—89.

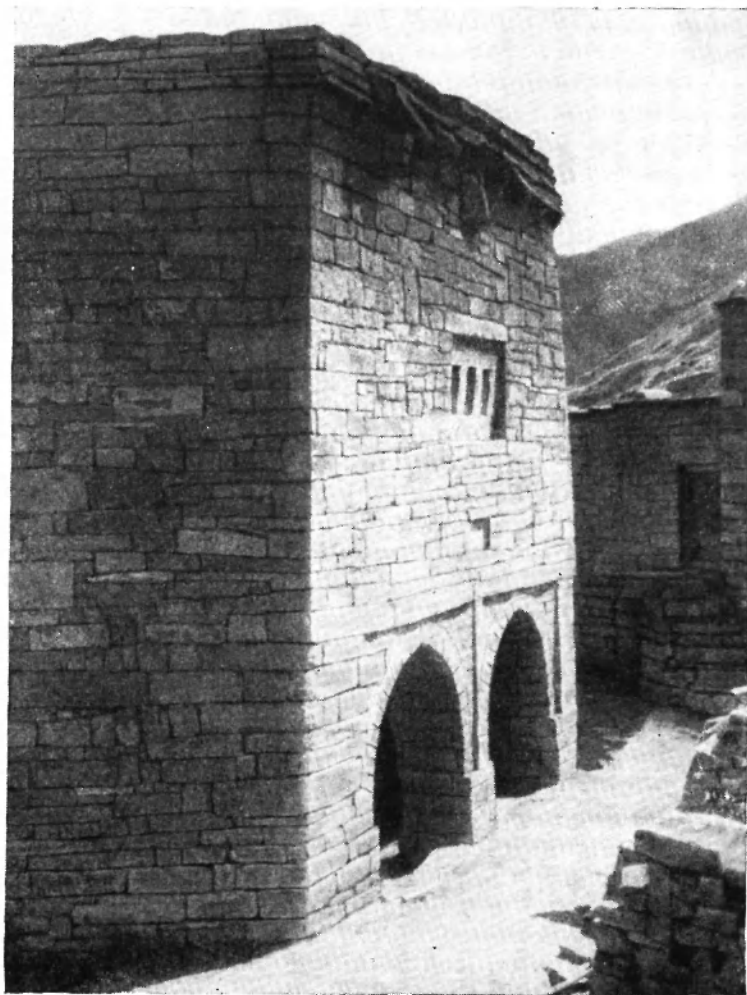

Рис. 13. Мечеть в селении Кураг. Общий вид

аркады 1339 г. (1920—1921), по-видимому, следует отнести ко времени сооружения аркады.

Характерный пример, показывающий изменение роли фасада и интерьера мечетей, — главная мечеть крупнейшего аула Тпиг⁴⁸ (рис. 12). Ее главный фасад выходит на небольшую, прямоугольную в плане площадь, застроенную с трех сторон жилыми домами с арочными галереями в первых этажах. Вместе с аркадой галереи мечети это создает своеобразный законченный ансамбль. Такая неожиданная по регулярности для горного аула площадь особенно большое впечатление производит, когда на нее выходишь из узкой кривой улицы.

Внутреннее помещение тпигской мечети (площадь около 175 кв. м) освещается тринадцатью небольшими окнами, расположенными в южной, западной и северной

⁴⁸ Тпиг — одно из наиболее крупных и древних агульских селений. В нем сохранились арабские надписи, написанные куфическим шрифтом, т. е. относящиеся к XI—XIII вв. (Л. И. Лавров. Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции, стр. 373). В 1869 г. в Тпиге насчитывалось 106 дворов, в 1902 — 1709, в 1926—2079.

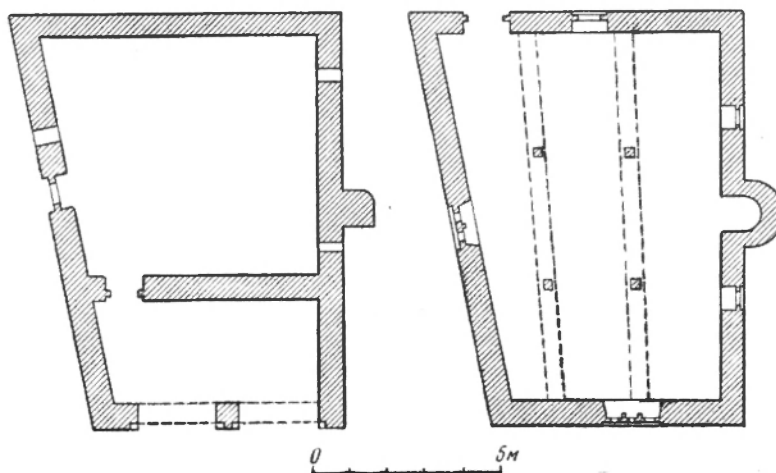

Рис. 14. Мечеть в селении Кураг. Планы

стенах, причем со стороны северного (главного) фасада окна расположены в два яруса. Перекрытие мечети держится на 14 деревянных столбах.

Большое внимание строители уделили главному фасаду постройки, который вместе с встроенным минаретом образует запоминающуюся композицию. Основной темой композиции главного фасада мечети является двухъярусная галерея: нижний ярус — аркада из пяти арок, верхний — ряд небольших деревянных столбиков с фигурными подбалками. В глубине нижнего яруса расположены два входных портала, ведущих во внутреннее помещение. Деревянные обрамления проемов и створки дверей покрыты великолепной орнаментальной резьбой. Эти порталы по праву могут быть отнесены к наиболее выдающимся образцам дагестанского искусства. Особенно хорошо выделяется орнаментальная резьба дверей на фоне оштукатуренной и побеленной стены. Кроме дверей, в глубине аркады расположено два небольших двухпроемных окна, одно из которых тоже резное.

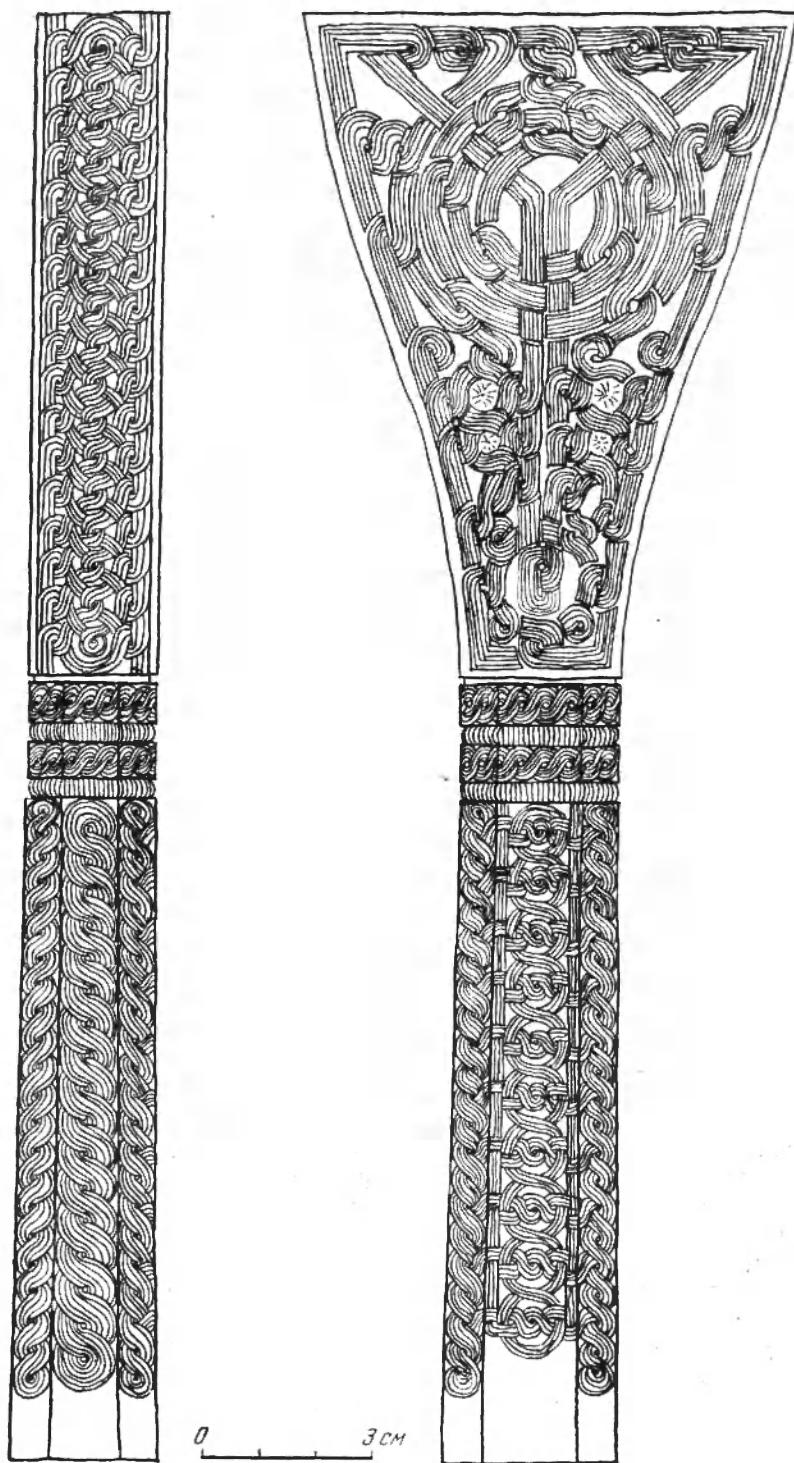
Минарет тпигской мечети (высота — 16,40 м) как бы вырастает из основного здания. Его круглая часть начинается лишь на высоте 5 м. По форме и деталям, особенно в верхней части, он почти полностью повторяет минарет в селении Рича.

Характер деталей тпигской мечети показывает, что она неоднократно перестраивалась и ремонтировалась. Наиболее древней ее частью, вероятно, являются стены с резными дверями и окнами первого яруса. Галерея главного фасада и окна второго яруса относятся, по-видимому, к XIX в. Это подтверждается тем, что второй ярус галереи не имеет никакого функционального назначения (он не имеет входа ни снаружи, ни изнутри мечети).

Наряду с большой мечетью в селении Тпиг существует еще и малая мечеть с прекрасной резной дверью и аркадой.

Если в композиции главного фасада арсугской мечети главную роль играют резные деревянные детали, а в остальных рассмотренных выше сооружениях основной архитектурной темой являются пристроенные позже аркады, то в мечети с. Кураг ⁴⁹ (рис. 13 и 14) сделана попытка органично объединить «старые» средства художественной выразительности (резные деревянные детали), с «новыми» — арочными формами.

⁴⁹ В 1869 г. в Кураге насчитывалось 25 дворов, в 1902—53, в 1926—67.

Рис. 15. Мечеть в селении Кураг. Резной деревянный столб

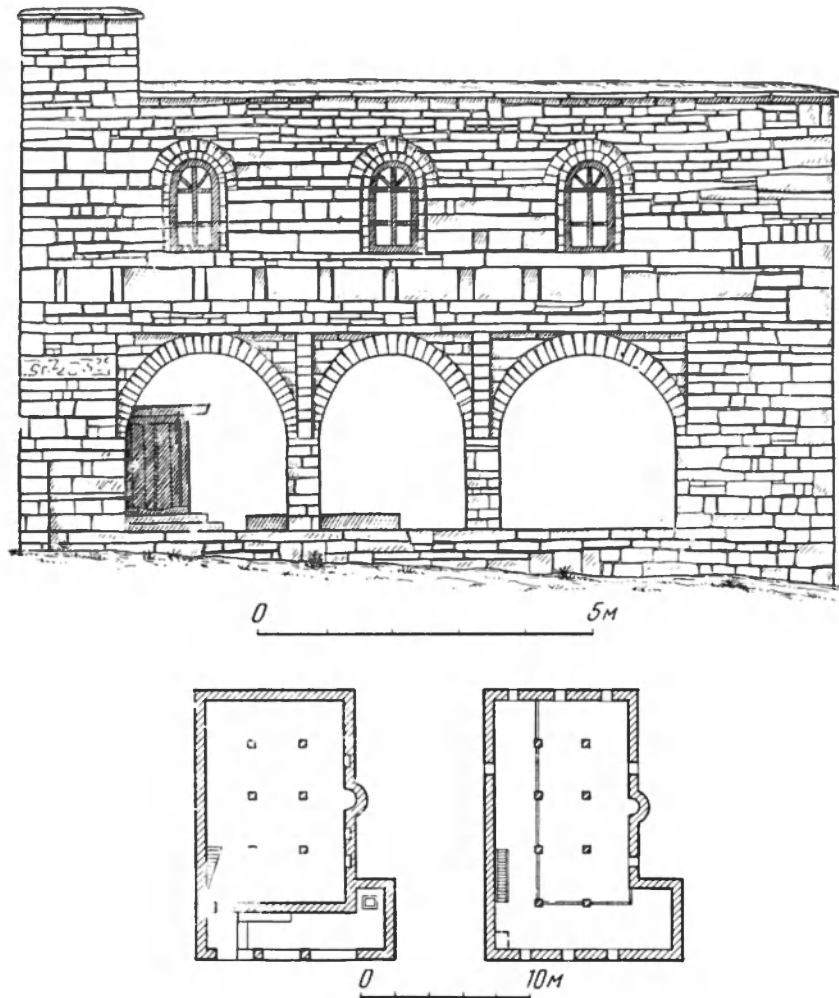

Рис. 16. Большая мечеть в селении Хутхул. Фасад и планы

Небольшая хорошо сохранившаяся курагская мечеть расположена на склоне горы. Ее стены сложены из сравнительно хорошо обработанных камней, многие из которых покрыты несложным геометрическим орнаментом. Венчающий их карниз выложен из хорошо выполненных и простых по форме каменных консолей.

Наибольший интерес представляет западный фасад мечети. С этой стороны ее первый этаж занят арочной лоджией, а в центре второго находится трехпроемное резное окно (рис. 13). Здесь мы видим умелое сочетание арочных форм с резными деревянными деталями и стремление создать симметричную композицию фасада. Второй этаж мечети состоит из одного помещения, перекрытие которого опирается на четыре деревянных столба. Три из них резные. По форме, пропорциям и орнаментальной резьбе один столб (рис. 15) особенно выразителен. Его трапецевидная капитель по высоте равна длине ствола и отделена от него резной шейкой.

В Кураге сохранилось также полуразрушенное круглое сооружение, которое по своему внешнему облику и конструкциям внутренней лестницы напоминает нижнюю часть минарета. Однако оно находится довольно далеко от мечети и минаретом

считаться не может. Высокое ограждение его верхней площадки, а также проемы позволяют считать, что это — остатки древней сторожевой башни⁵⁰.

Большая хорошо сохранившаяся мечеть аула Хутхул⁵¹ (рис. 16) — пример главной мечети крупного селения, выстроенной в начале XX в. На одном из камней в кладке ее фасада имеется дата — 1327 г. хиджры, что соответствует 1909 г. В это время искусство художественной обработки дерева в горных районах Дагестана пришло в упадок, но зато значительно улучшилась техника обработки камня. Об этом говорит тщательность кладки стен мечети и, особенно, характер кладки ее главного фасада. В композиции последнего основную роль играют не резные деревянные детали или отдельные резные камни, а аркада и выходящие на хоры арочные окна.

Главный фасад мечети обращен к небольшой площади. Мечеть имеет одно помещение, площадью 122 кв. м и высотой 6 м. Вдоль южной и западной стен этого помещения расположены хоры, причем пространство под ними (со стороны южного фасада) образует открытую арочную лоджию, в глубине которой расположен вход в мечеть. В лоджии сохранился выдолбленный из целого камня сосуд для воды, украшенный резной розеткой.

Внутренние деревянные столбы хутхульской мечети неудачны по пропорциям и формам (один из них покрыт орнаментальной резьбой).

В Хутхуле есть также другая небольшая полуразрушенная мечеть (рис. 17) с резным обрамлением дверных и оконных проемов. Она интересна тем, что перекрытие над ее внутренним помещением поддерживается не с помощью деревянных столбов, а двумя арками, опирающимися на один каменный столб, стоящий в центре. Необычен по форме и михраб мечети: внутри он как обычно полукруглый, а снаружи — треугольный в плане.

Перед главным (южным) фасадом мечети расположена арочная галерея, в кладке которой имеется камень с датой 1926 г. Резные деревянные части мечети созданы не позднее, чем в XIX в. Поэтому дата 1926 г. может относиться ко времени перестройки мечети, когда, вероятно, и появились арочные конструкции перекрытия и арочная галерея.

Выше мы познакомились с мечетями тех агульских селений, где расцвет искусства художественной обработки дерева, во многом заимствованного из Табасарани, в XIX — начале XX в. постепенно сменился развитием техники обработки камня

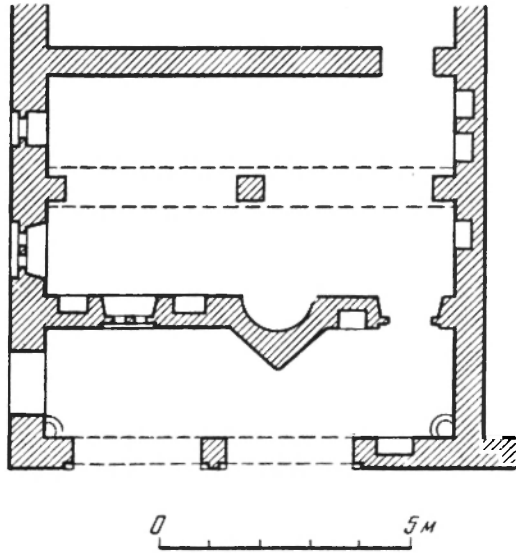

Рис. 17. Малая мечеть в селении Хутхул. План

⁵⁰ Некоторые исследователи также считают это сооружение «старой башней» (Е. И. К о з у б с к и й. Указ. соч., стр. 161).

⁵¹ Селение Хутхул — одно из самых крупных агульских селений. В него «во время нашествия Надир-шаха навсегда переселились жители окрестных поселений Гьулардал, Гвач, Булав и Фунаг». В Хутхуле сохранились развалины круглой в плане крепостной башни «Наибхана», которая в прошлом имела высоту одиннадцать этажей (Б. А. К а л о е в. Поселения и жилища агулов, стр. 35). По преданию, записанному нами со слов местных жителей, Хутхульская башня имела семь этажей. В 1869 г. в Хутхуле насчитывалось 84 двора, в 1902—134, в 1926—154.

и широким применением арочных форм. Однако в некоторых агульских селениях, в частности в аулах, входящих в Курахский район, резкий дефицит дерева как строительного материала в прошлом не позволил развиться искусству орнаментальной резьбы. Здесь в качестве основного строительного материала применялся твердый, с трудом поддающийся обработке окварцованный песчаник, на котором делать двухплановую резьбу было очень трудно. Поэтому в качестве декоративных элементов фасадов жилых домов и мечетей этого района широко применялись вставленные в кладку стен отдельные камни с нацарапанными на них рисунками, а также наборные каменные пояски — «бегунец», «городок», «поребрик», «елочка» и т. д.

Характерным примером агульской мечети Курахского района является мечеть в селении Хпюк⁵² (рис. 18). Это двухэтажное хорошо сохранившееся здание, михрабы обоих этажей которого сдвинуты относительно друг друга. По-видимому, второй этаж хпюкской мечети был сооружен позднее, возможно в конце XIX в. Во всяком случае на одном из камней кладки стены фасада имеется дата — 1302 г. хиджры (1884—1885).

Отсутствие дерева в Курахском районе привело к тому, что междуэтажные перекрытия в жилых домах⁵³ целиком делались каменными, причем камень первое время использовался в конструкциях перекрытий в качестве балок. Позднее, в XIX в. широкое распространение получили уже арочные конструкции междуэтажных перекрытий. В хпюкской мечети над первым этажом они сделаны целиком из камня с применением каменных балок пролетом около 2,5 м.

Главный фасад хпюкской мечети весьма архаичен; он интересен лишь тем, что в его кладку вставлено много камней с простыми нацарапанными рисунками. Интересны также карниз с фигурными отверстиями для птиц и михраб второго этажа, украшенный декоративным пояском.

Селение Хоредж также расположено в Курахском районе. Это одно из наиболее древних и интересных агульских селений⁵⁴. Здесь сохранилась средневековая оборонительная башня⁵⁵ и две мечети — главная с минаретом и так называемая «подземная».

Большая мечеть, по-видимому, неоднократно перестраивалась, но ее входной арочный портал очень интересен. Заслуживает внимания и минарет мечети. По своей форме он напоминает минареты аулов Рича и Тпиг.

В кладке минарета имеется камень с датой 1344 г. хиджры (1925—1926) и два выступающих фигурных камня, изображающих головы каких-то животных (возможно, коров или ослов). Минарет является архитектурной доминантой селения и вместе с оборонительными башнями (всего их было четыре)⁵⁶ играл большую роль в его силуэте.

---

⁵² Хпюк — одно из древнейших агульских селений. Оно упоминается на сохранившейся в селении Курах каменной стеле — надпись 1356 г., в которой определены территориальные владения Кураха (Л. И. Л а в р о в. Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции. — «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. XVII, 1957, стр. 375—376). В Хпюке в 1869 г. имелось 44 двора, в 1902—69, в 1926—92.

⁵³ В первых этажах жилых домов располагались хозяйственные помещения.

⁵⁴ В Хоредже в 1869 г. насчитывалось 25 дворов, в 1902—39, в 1926—41. Б. А. Калоев в статье «Агулы» («Материалы научной сессии по истории народов Дагестана») пишет, что на каменной стеле из селения Курах упомянуто агульское селение Хоредж, и делает отсюда вывод, что аул известен с XIV в. Однако на самом деле на этой каменной стеле упомянуто другое одноименное селение Хоредж, населенное табасаранами (Л. И. Л а в р о в. Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции, т. XVII, 1957, стр. 375—376).

⁵⁵ С. О. Х а н - М а г о м е д о в. Арочные конструкции в народной архитектуре Дагестана, стр. 54; Б. А. К а л о е в. Агулы «Народы Дагестана», стр. 208 (рисунок Т. Л. Юзепчук).

⁵⁶ В литературе существует указание, что раньше было три башни (Б. А. К а л о е в. Поселения и жилища агулов, стр. 35). Однако в процессе нашего обследования селения удалось выяснить, что их было четыре.

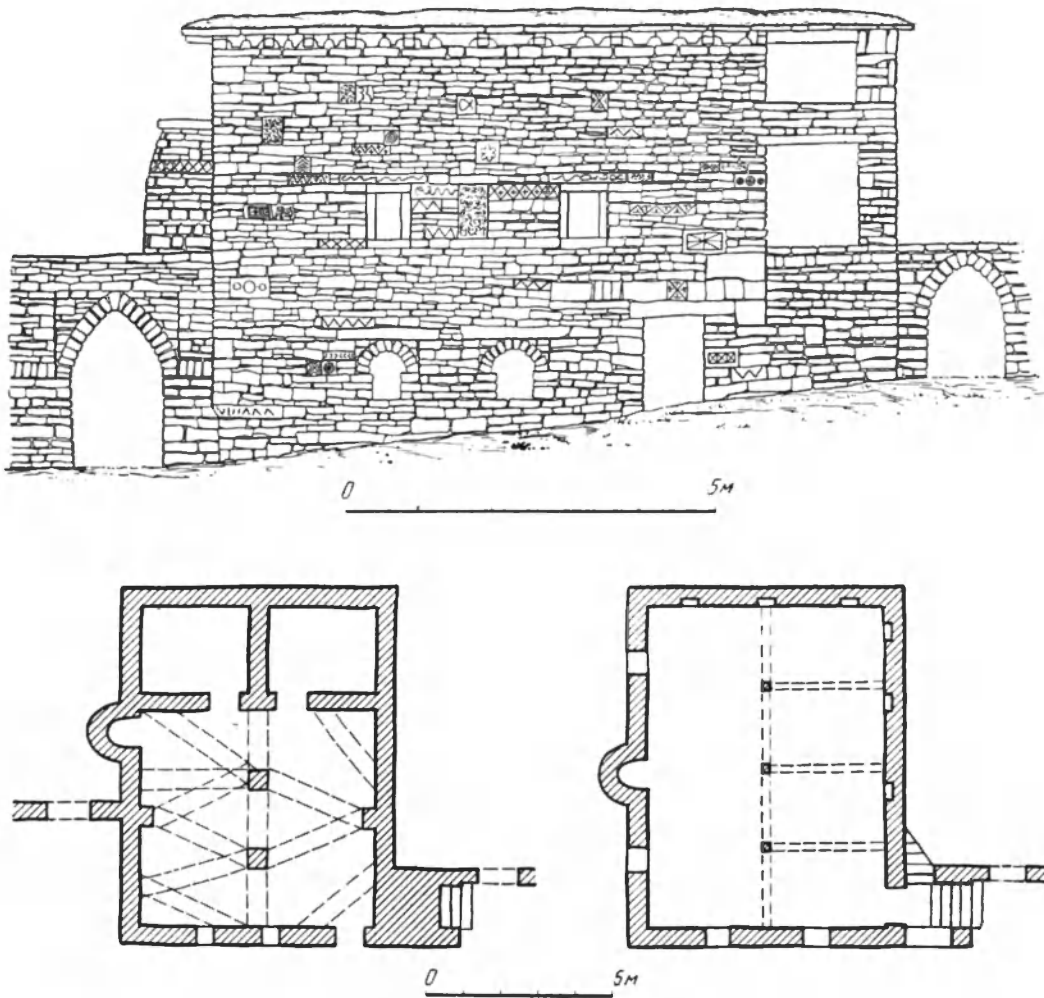

Рис. 18. Мечеть в селении Хлюк. Фасад и планы

«Подземная» мечеть — это небольшая постройка, расположенная на южном склоне горы (рис. 19). Ее задняя стена па всю высоту, а боковые только частично находятся ниже уровня земли и являются фактически подпорными стенками. Главный и единственный фасад мечети — это южная стена с михрабом, двумя небольшими окнами и входной дверью.

Входы в агульские мечети обычно не делались с южных сторон, так как в этих случаях входящие оказывались лицом к молящимся и спиной к михрабу. Чтобы избежать этого, в подземной мечети селения Хоредж устроен узкий длинный коридор, идущий вдоль западной стены. Из коридора через специальный проем попадали во внутреннее помещение. У западной стены мечети, неподалеку от этого проема, устроен водоем, где скапливается вода подземного источника, введенного в помещение мечети. Здесь вода использовалась для омовения перед молитвой. Перекрытие мечети целиком каменное: на каменные столбы опираются каменные балки. На последние, в свою очередь, уложены каменные плиты, а сверху насыпан слой земли.

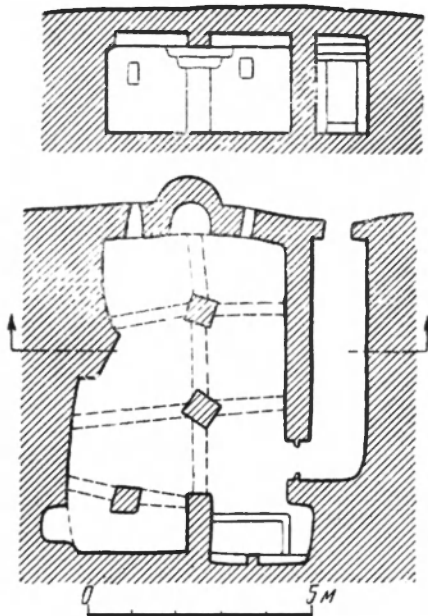

Рис. 19. «Подземная» мечеть в селении Хоредж. План и разрез

Расположение мечети в склоне горы, каменные конструкции перекрытия, небольшие размеры окон и источник воды — все это способствует созданию внутри мечети приятной прохлады в жаркие летние дни.

В некоторых аулах мечети с источником расположены за пределами их территории. «Кулла-комната, устроенная для молитвы вне деревни», — пишет Омар-Оглы. В центре ее «имеется бассейн для омовения. Молодые люди обыкновенно больше ходят туда молиться, чем в мечеть. „Молодой“ ходит каждое утро купаться. Куллы устраиваются на счет пожертвований частных лиц»⁵⁷.

На краю селения Яркуг⁵⁸, рядом с крутым склоном горы, расположена небольшая мечеть с источником⁵⁹ (рис. 20). Интересен план этой мечети. Вход, перед которым устроена небольшая крытая площадка, ведет в маленькую, перекрытую каменными балками, прямоугольную камеру с бассейном; в стенах ее ниши для обуви. Из камеры в основное помещение попадали по узкому коридору (арочный дверной проем, соединяющий оба помещения, по-видимому, пробит позднее). Основное помещение мечети — это

квадратная в плане комната с подпружными полуциркульными арками, паруса которых образуют круглое в плане основание. На это основание со стоящего в центре каменного столба перекинута каменная балка.

Фасады мечети архаичны; она целиком построена из камня без каких-либо деревянных деталей.

В центре селения Яркуг стоит вторая мечеть, общий вид которой очень напоминает жилой дом с лоджией. Из лоджии резная деревянная дверь ведет во внутреннее помещение. В кладке северного фасада мечети имеется камень с датой 1290 г. хиджры (1873—1874).

В Буркихане⁶⁰, в отличие от других агульских селений, в разное время зависевших от соседних крупных феодалов (казнкумухского и кюринского ханов, а также табасаранского кадия), имелись местные феодалы — беки⁶¹, или, как пишет Р. Магомедов, существовала «особая ветвь буркиханских ханов в составе казнкумухского ханства»⁶².

В Буркихане сохранились две мечети. Один из авторов середины XIX в., говоря о Буркихане, упоминает об огромной старой мечети, над которой возвышался высокий минарет, «стремившийся к разрушению от ветхости»⁶³. По-видимому, упо-

⁵⁷ Омар-Оглы (Абдулла). Воспоминания муталима. — «Сборник сведений о Кавказских горах», вып. I. Тифлис, 1868, стр. 22.

⁵⁸ В Яркуге в 1869 г. насчитывалось 16 дворов, в 1902—45, в 1926—62.

⁵⁹ В настоящее время мечеть используется как баня.

⁶⁰ Буркихан — в настоящее время одно из крупнейших агульских селений. В 1869 г. в нем насчитывалось 30 дворов, в 1902—144, в 1926—171.

⁶¹ Б. А. К а л о е в. Из истории земельных отношений у агулов в XIX — начале XX в. — КСИЭ, вып. XX. М., 1954, стр. 45.

⁶² Р. М а г о м е д о в. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX в. Махачкала, 1957, стр. 10.

⁶³ Омар-Оглы. Указ. соч., стр. 57—60.

мянутая «огромная старая мечеть», была коренным образом перестроена в конце XIX или начале XX в. Сейчас — это выстроенное из тесаного камня здание с монументальным арочным порталом и карнизом на каменных консолях. Перекрытие его опирается на аркаду. Такая конструкция, придающая внутреннему помещению известную монументальность и строгость, характерна для лакской архитектуры конца XIX — начала XX в.⁶⁴, откуда она, по-видимому, и была заимствована, если учесть, что Буркихан входил в Казикумухское ханство (ядром этого феодального объединения была территория, населенная лакцами).

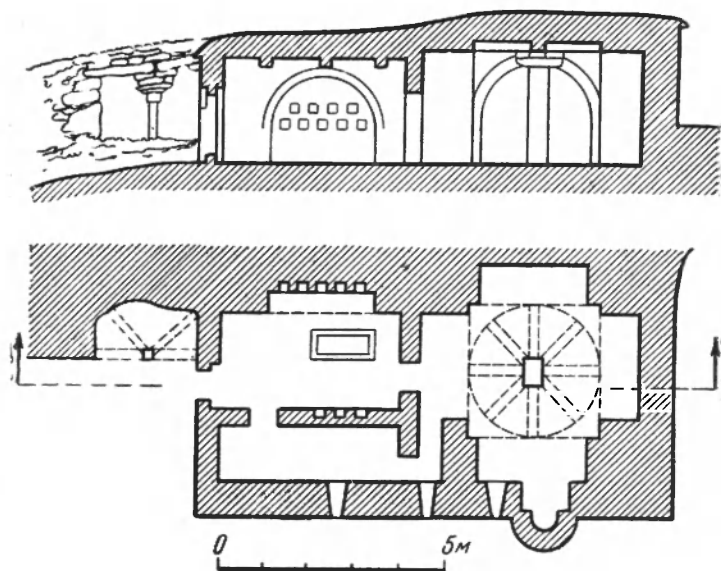

Рис. 20. Мечеть-источник в селении Яркуг.
План и разрез

От старой мечети сохранились лишь два резных деревянных столба, напоминающих ричинские (лежат внутри мечети), и минарет⁶⁵. Верхняя часть минарета рухнула в июне 1950 г.⁶⁶, однако на старых фотографиях⁶⁷ можно видеть, что завершение минарета по своей форме было подобно завершению ричинского и тпигского минаретов. Б. А. Калоев сообщает, что на буркиханском минарете сохранились надписи, относящиеся к XII в.⁶⁸

Вторая малая мечеть Буркихана, так же как и большая, построена или капитально перестроена в XIX — начале XX в. Ее перекрытие тоже опирается на арочные конструкции. Значительный интерес представляет монументальный арочный портал, выполненный из тесаного камня.

Небольшая мечеть с интересными деревянными столбами существует в агульском селении Цирхе. В мечети селения Буршаг значительный интерес представляют внутренние резные деревянные столбы. В Худике, так же как и в Буркихане, мечеть перестроена с заменой внутренних резных деревянных столбов (два существуют) на аркады. Здесь сохранилось резное деревянное обрамление михраба и резная створка двери. В Укузе от мечети осталась только аркада первого этажа.

* * *

Рассмотренные выше мечети показывают, что в агульской архитектуре существовало три типа культовых зданий — главная мечеть (джума-мечеть), квартальная (тухумная) мечеть и летняя мечеть с бассейном.

⁶⁴ См.: С. О. Х а н-М а г о м е д о в. Арочные конструкции в народной архитектуре Дагестана, стр. 76.

⁶⁵ Местное предание приписывает строительство минарета Абу-Муслиму.

⁶⁶ Автор обследовал минарет в июле 1950 г.

⁶⁷ См.: Р. Ш а у м я н. Указ. соч., приложение, рис. 3.

⁶⁸ См.: Б. А. К а л о е в. Агулы. — «Материалы научной сессии по истории народов Дагестана», стр. 2.

По составу помещений агульские мечети ничем не отличаются от мечетей других народов Дагестана. Н. Б. Бакланов справедливо пишет, что дагестанская «мечеть отличается от жилого дома только величиной своего основного и единственного зала и, в зависимости от величины, некоторыми деталями конструкции. У нее в большинстве случаев не развилось ни вестибюля-притвора, ни каких-либо особых частей, существующих при мечетях у других народностей ислама, и только при некоторых мечетях, большей частью поздней постройки, имеется что-то вроде «ризницы»-хранилища священного имущества мечети»⁶⁹.

Агульские мечети имеют, как правило, одно помещение для молитвы, перед входом в которое часто сооружается крытая галерея. В двухэтажных мечетях первый этаж отводился для хозяйственных нужд (своего рода кладовые). В нем иногда помещалась школа, в редких случаях, например в селении Хпюк, устраивалось второе помещение для молитвы. Омар-Оглы так описывает одну из мечетей горного Дагестана: «Сбоку мечети была маленькая комната, в которую входили через самую мечеть и для которой служило окном одно маленькое отверстие, выходящее на улицу. Эта комната, называемая у мусульман хуждра, служила вместе и кухней, и столовою, и кладовою»⁷⁰.

Национальные особенности агульской культовой архитектуры выявляются при сравнении ее с табасаранской, т. е. с архитектурой соседнего дагестанского народа. В табасаранской архитектуре выработался и получил распространение единый тип мечетей, план и объемно-пространственная композиция которых слегка видоизменялись в зависимости от размеров и конкретных условий участка.

Характерный пример крупной табасаранской мечети — мечеть в селении Джули (1876)⁷¹. Это однокамерная постройка, основной прогон перекрытия которой поддерживается тремя деревянными столбами. Форма таких столбов в табасаранских мечетях обычно очень простая. Они не имеют подбалок, а их поверхности, как правило, сплошь покрыты орнаментальной резьбой. Вдоль одной из продольных стен мечетей расположены галереи, куда выходят окна, двери и выступы михрабов, стоящих непосредственно на полах галерей. Галереи вместе с внутренними помещениями имеют плоские перекрытия, над которыми возвышаются двухскатные соломенные (иногда черепичные) кровли со ступенчатыми щипцами. Со стороны галерей кровля поддерживается простыми по форме деревянными столбами.

Двухскатная кровля — особенность табасаранской архитектуры. В мечетях она служила дополнительной защитой плоским перекрытиям от атмосферных осадков. Одновременно такая кровля выделяла мечеть из окружающей жилой застройки с плоскими кровлями, подчеркивая ее роль в общей структуре селения. Если еще учесть, что минареты в табасаранской архитектуре встречаются крайне редко, то становится ясным, какое значение имела двухскатная кровля в силуэте селения.

Агульские мечети не строились по единой схеме. Каждая из них индивидуальна по плану, объемно-пространственной композиции и внешнему облику. Если в табасаранских мечетях расположение михрабов определяло и ориентацию главных фасадов, всегда обращенных на юг, то в агульских мечетях главные фасады — это не обязательно фасады с михрабами. Здесь главный фасад определялся в зависимости от того, какой стороной мечеть выходила на основную улицу или небольшую площадь; при тесноте застройки агульских селений важно было обеспечить свободный подход к мечетям.

Агульские мечети не всегда прямоугольны в плане; иногда они имели и более сложную конфигурацию. Это зависело от выбираемого для их строительства участка и окружающей застройки. В Арсуге, например, план мечети почти треуголен.

⁶⁹ Н. Б. Б а к л а н о в. Указ. соч., стр. 10.

⁷⁰ Омар-Оглы. Указ. соч., стр. 22.

⁷¹ См.: Г. Н. Л ю б и м о в а и С. О. Х а н-М а г о м е д о в. Указ. соч, стр. 82—87.

Деревянные коробки окон и входных порталов многих агульских мечетей по своей форме и орнаментальной резьбе подобны табасаранским. Однако их роль в общей композиции фасадов агульских мечетей была иной. Они располагались более живописно и контрастировали с необработанной каменной кладкой стен. Мечеть селения Арсуг — яркий пример этому.

Внутренние столбы агульских мечетей богато украшались орнаментальной резьбой, но в отличие от табасаранских форма столбов и подбалок была в них более сложной. Впрочем, во многих агульских мечетях выразительность внешнего облика достигалась не применением резных деревянных форм, а использованием каменных деталей и декора — поясков и узоров в кладке стены, рисунков на камнях, карнизов, формой и украшением михрабов и т. д. Пример этому — мечеть в селении Хпюк.

Основные приемы композиции и декоративной обработки агульских мечетей — это каменные узоры и камни с рисунками, живописно расположенные на фасадах, выразительная форма проемов, более или менее равномерная художественная обработка стен (иногда двух-трех). Композиция последних всегда вытекала из конкретной планировки самих мечетей. У агульских мечетей чаще всего пет ярко выраженного главного фасада.

Карнизы на деревянных консолях в агульских мечетях крайне редки, хотя для их перекрытий, как правило, применяли крупное привозное дерево. Концы балок таких перекрытий могли бы служить одновременно и консолями карнизов, как это было принято в табасаранских постройках, однако агульские мастера предпочитали делать каменные карнизы, широко распространенные в агульской архитектуре и в первую очередь в жилых домах.

Несмотря на то, что консоли карнизов изготавливались обычно из твердого, с трудом обрабатываемого камня и не могли иметь сложной формы, у агулов карнизы богаты и разнообразны по форме. Мастера умело использовали простые каменные детали и различные сочетания карнизов с каменными поясками узорной кладки.

Следует указать также на существенное различие в интерьерах агульских и табасаранских мечетей. В табасаранских мечетях внутреннее пространство всегда единое, прямоугольное, разделенное вдоль одним рядом резных столбов, поддерживающих основные прогоны перекрытий, на которые опираются рядовые потолочные балки. Входы, окна и михрабы этих мечетей расположены так, что при попадании внутрь в первую очередь видишь покрытые резьбой, хорошо освещенные столбы, причем ту их сторону, которая обращена к михрабу и особенно богато украшена резьбой. Михрабы при этом остаются за спиной, ибо они устраивались в той же южной стене, где располагались и входные двери. Поэтому они и были плохо освещены.

Интерьеры агульских мечетей производят совсем другое впечатление. Их общая конфигурация обычно близка к квадрату. Поэтому перекрытия в них опираются не на один, а на несколько рядов столбов. Кроме того, расположение входных дверей, окон и михрабов в каждом отдельном случае зависело от мест расположения мечетей в селениях, ориентации их главных фасадов и конфигурации планов. Михрабы обычно хорошо освещены, так как окна находятся не только со стороны главных фасадов, а по возможности и во всех других стенах мечетей. Ниши михрабов имеют часто резное деревянное обрамление, в связи с чем в оформлении внутренних помещений мечетей они играют более значительную роль, нежели в табасаранских мечетях. Михраб — это своеобразный композиционный центр сооружения.

Особенностью многих агульских мечетей являются также резные деревянные антресоли. Внутренние стены мечетей, как правило, белились, а полы — сплошь застилалась яркими коврами. В сочетании с темно-коричневыми или даже черными резными деревянными балками потолков это создавало цветовой контраст, придававший помещениям своеобразный колорит.

Минареты в табасаранских селениях строились редко. При обследовании 25 селений минарет встретился только в селении Джули, где он стоит рядом с мечетью. Общая высота этого минарета около 15 м. Нижняя его часть, высотой около 1,3 м, —

восьмигранная. Она служит основанием для цилиндрической части, которая сужается кверху и завершается карнизом на каменных консолях. Выше карниза расположен вытянутый, почти конусообразный, каменный купол с проемами.

В агульских селениях минаретов сохранилось много⁷². Можно без преувеличения сказать, что агульские минареты — самые выразительные по силуэту и законченности форм во всей дагестанской архитектуре. Здесь мы сталкиваемся с очень интересным явлением. Так, в агульской архитектуре, где не было создано единого типа жилого дома и других сооружений, имелся, оказывается, единый тип минаретов с хорошо продуманным объемно-пространственным построением, с одними и теми же архитектурными формами и декоративными деталями.

Старые агульские селения воспринимаются обычно как единые сооружения, ярусами поднимающиеся по склонам гор. Завершением для таких селений служат стройные и изящные по силуэту минареты (селения Хоредж, Рича, Арсуг и др.), которые, как правило, хорошо видны с самых дальних подступов. Поэтому агульские мастера придавали большое значение объемной композиции минаретов.

Иногда агульские минареты возводились как отдельно стоящие сооружения (селение Рича). Однако чаще всего они вплотную примыкали к мечетям, образуя с ними одно сооружение (селения Арсуг, Тпиг, Хоредж).

Недостаточная изученность истории и материальной культуры агулов в настоящее время затрудняет определение точных дат строительства отдельных мечетей и не дает возможности составить периодизацию культовой агульской архитектуры. Но все же можно отметить, что в архитектуре агульских мечетей четко видны два периода строительства — один, относящийся ко времени до присоединения Дагестана к России в начале XIX в., а другой — к середине XIX — началу XX в. При этом для наиболее отдаленных районов, где влияние товарно-денежных отношений и городской культуры сказалось лишь во второй половине XIX в., данный «рубеж» отодвигается к концу XIX в. Для «первого» периода, т. е. для XVIII в. и первой половины следующего столетия, характерно высокое развитие художественной обработки дерева, а для «второго», более позднего, — улучшение техники обработки камня и широкое применение арочных конструкций. Рассмотренные выше постройки — характерные примеры обоих периодов, в том числе и переходного. Все они являются замечательными произведениями народного зодчества, которые несут в себе традиции многовековой культуры. В этом отношении прав Н. Б. Бакланов, когда он указывает, что в горных районах Дагестана сохранились такие типы сооружений, которые являются «памятниками» общественно-экономических формаций, пройденных значительно раньше многими другими народами Европы⁷³.

---

⁷² Поэтому едва ли прав Н. Б. Бакланов (указ. соч., стр. 10), когда он пишет, что в Дагестане вообще редко строились минареты. Это справедливо, например, для табасаранских районов, что же касается агульских селений, то минареты здесь имели широкое распространение.

⁷³ Н. Б. Б а к л а н о в. Указ. соч., стр. 6.

Г. Н. ЛОГВИН и Б. А. ТИМОЩУК

БЕЛОКАМЕННЫЙ ХРАМ XII ВЕКА В ВАСИЛЁВЕ

Василёв, ныне село Заставнянского района Черновицкой области, — один из древнейших населенных пунктов Буковины. Он упоминается в источниках уже в первой половине XIII в. Древнерусский летописец, описывая борьбу Даниила Галицкого с венгерскими войсками, отмечает, что князь, преследуя врага в 1230 г., переправлялся через Днестр у Василёва. «От туду же поиде Король ко Василеву и переиде Днестр и поиде ко Пруту»¹.

На это известие обратил внимание профессор Черновицкого университета Р. Кайндль, который в 1899 г. провел обследование территории села. Он обнаружил в обрывах берегов Днестра остатки гончарной печи и захоронения в каменных саркофагах в урочище «Хом»². Исследователь утверждал, что Василёв в XIII в. был значительным населенным пунктом. В своих публикациях Кайндль приводит интересные легенды об этой местности. В одной из них рассказывается о строительстве высокой каменной церкви в Василёве и о гибели трех мастеров-строителей. Когда мастера кончили работу, то боярыня, по воле которой возводился храм, спросила строителей: «Думаете ли соорудить церковь подобной высоты в другом месте?» Получив утвердительный ответ, она распорядилась снять леса именно в то время, когда мастера находились на куполе высокой церкви. Чтобы спастись от голодной смерти, они решили спуститься на землю при помощи деревянных крыльев, изготовленных ими из дранц. Но крылья их не выдержали, и мастера разбились насмерть³.

Возле Василёва высокие берега Днестра немного отступают от реки, создавая надлуговую террасу, длиной около 3 км и шириной до 1 км. На этой террасе располагается нынешнее село. В 1958 г. экспедицией Черновицкого историко-краеведческого музея были обнаружены фундаменты древнего сооружения. В 1959 г.

---

¹ ПСРЛ, т. II, стр. 761.

² См.: R. K a i n d l. Archäologische Untersuchungen zu Wasilew und Panka in der Bukowina. — «Mitteilungen der Central Kommission», 1901, Band XXVII, стр. 47—48.

³ См. сообщение Р. Кайндля в «Zeitschrift für Osterreichische Volkskunde» (Wien, 1900, VI, Heft, S. 238—239).

экспедиция продолжила работу по исследованию остатков храма⁴. Как показали исследования, здесь размещалась и основная часть летописного Василёва. На всей территории села, вдоль берега Днестра и его небольших притоков встречаются обломки древнерусской керамики. В обрывах берега реки Млыновки выступают остатки полуземляночных жилищ. В северной части села есть остатки древнерусского городища, что ныне носит название «Замчище», а в южной — городище под названием «Хом»⁵. Древнерусская керамика распространяется и на высоты возле села, в урочищах «Монастырь» и «Жигулевка».

Таким образом, летописный Василёв занимал значительно большую территорию, нежели современное село.

Остатки древнерусского храма были выявлены в юго-восточной части села, на мысе высотой до 20 м (рис. 1). Размещение храма в этом месте очень выгодно: он господствовал над селом, и, кроме того, его могли видеть издали, как только выплывали из устья реки Серет и когда плыли вверх или вниз по Днестру. Раскопом площадью в 400 кв. м на мысе открыты фундаменты древней церкви (рис. 2). Это остатки довольно большого четырехстолпного, трехнефного храма с тремя полуциркульными апсидами с восточной стороны. Его общие размеры по наружному обводу стен достигают 21,2 м длины и 13,6 м ширины. Фундаменты храма, заложенные в траншеях, выкопанных в твердом глинистом материковом грунте, состояли из рваного камня — местного днестровского известняка.

Фундаменты внешних стен, шириною в 2 м, имеют различную глубину залегания. Так, в восточной части храма фундаменты заложены на глубину 2,7 м, а фундаменты западной стены имеют глубину 1,15 м. Это объясняется тем, что храм стоял на наклонной поверхности. Поэтому цоколь апсид значительно возвышался над прилегающей дневной поверхностью почвы, достигая здесь высоты 1 м, и был обложен тесаными каменными блоками. Блоки после разрушения храма были выбраны, и на стенах остались только их отпечатки.

Нижние ряды кладки обводных фундаментов до уровня древней поверхности (на глубину 0,6—1,1 м) сложены из бутового камня без раствора. Выше лежат более крупные камни, залитые известковым раствором серо-пепельного цвета с примесью толченого угля и мелкой речной гальки. Фундаменты внешних стен сужаются книзу на 35—40 см.

Ленточные фундаменты также заложены на неодинаковую глубину в зависимости от наклона древней поверхности. Разница эта достигает 60 см. Ширина ленточных фундаментов — 1,25—1,45 м. Они также сложены из бутового камня и на всю толщю залиты известковым раствором.

На пересечении ленточных фундаментов размещены подкупольные столбы (рис. 3). Их фундаменты залегают на 1 м глубже, чем стены. Сложены они из крупных камней и на всю толщю залиты известковым раствором. Поверх ленточные фундаменты были перекрыты слоем глины толщиной в 30—40 см. Только поперечный фундамент, который отделяет южную апсиду от нефа, поднимался до уровня пола и не был засыпан глиной.

Фундаменты западной стены в средней части между лопатками сужаются на 30 см. Здесь к ним примыкают фундаменты портала храма. Они сложены на глубину 1,3 м из камней средней величины и на всю толщю залиты известковым раствором.

⁴ Экспедиция работала с 8/VIII по 6/IX 1953 г. и с 16/VI по 31/VII 1959 г. Ее состав: Б. А. Тимошук (руководитель), А. П. Филиппович, Л. Г. Коршупова, В. К. Касимов, Н. А. Зимина, кандидат архитектуры Г. П. Логвин (Академия строительства и архитектуры УССР), П. П. Бырия (Молдавский филиал АН СССР), П. П. Винокур (Черновицкий университет). Раскопки проводились силами студентов Черновицкого университета, юных краеведов — учеников Черновицкой школы-интерната № 1 и воспитанников Черновицкого детдома № 7.

⁵ См.: Б. А. Тимошук. Археологические памятники Василёва. — «Археологические памятники УССР», т. III. Киев, 1952.

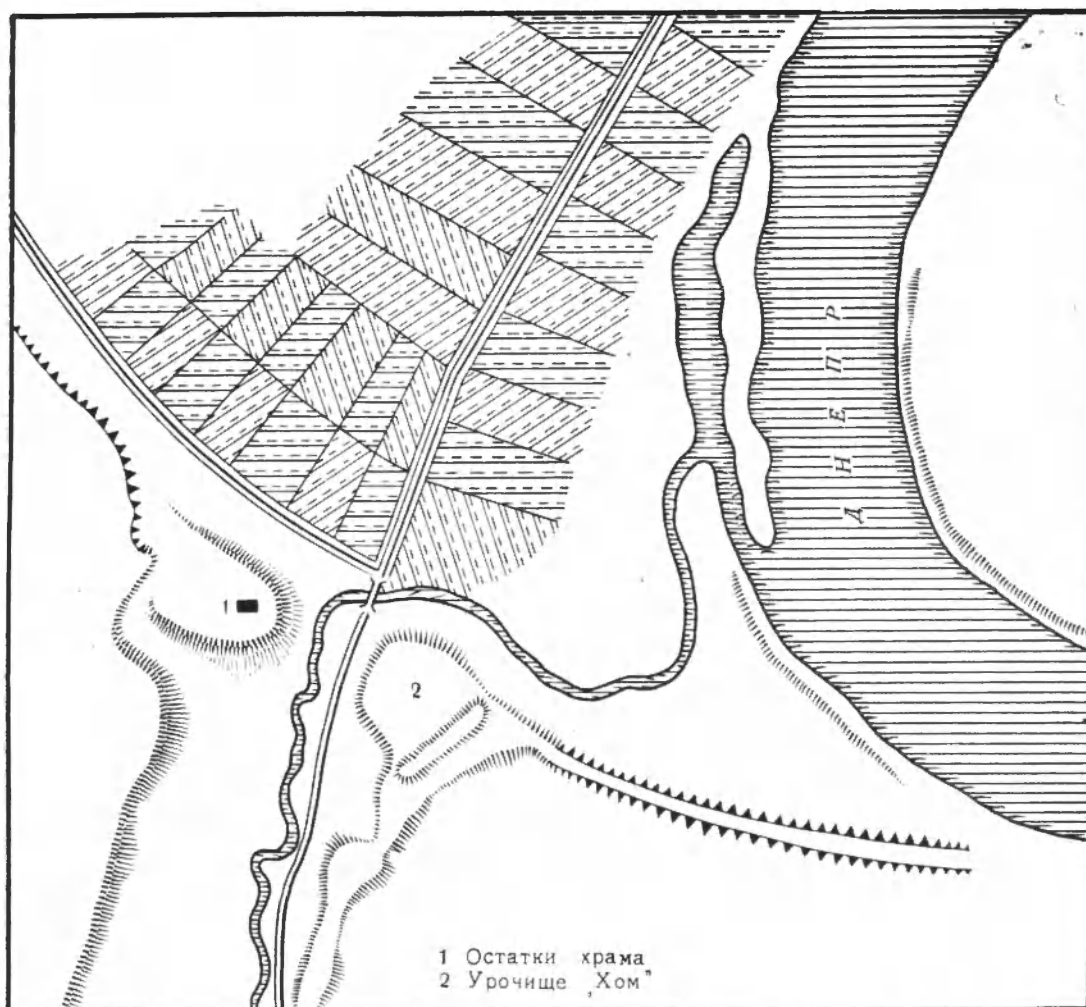

Рис. 1. Схема генерального плана села Васильева с местом расположения остатков храма

В плане они имеют размер 1 и 0,8 м. Следов порога, наличника и самого портала не сохранилось. Между выступами фундамента под порталом, на уровне древней поверхности, лежала каменная плита, толщиной 10 см. Возможно, что это остатки вымостки перед входом. На одном уровне с этой плитой, рядом, лежала другая отесанная плита прямоугольной формы, длиной в 1,05 м, шириной 0,7 м, толщиной 0,15 м. Под этой плитой на глубине 0,2 м обнаружен скелет ребенка длиной 0,9 м. Возле скелета найдены угольки, три обломка древнерусской керамики, кусочки пережженных костей.

И ленточные и обводные фундаменты сооружены одновременно. Позже были сделаны фундаменты двух подпор-контрфорсов. Первый из них прилегает к фундаменту южной апсиды. В плане он трапецевидный, сложен из больших камней, на всю глубину (1,9 м) залитых известковым раствором. Подошва его лежит на 15 см выше подошвы фундамента южной апсиды.

В северо-западной части фундамента контрфорса во время кладки было оставлено углубление прямоугольной формы 0,85 × 0,45 м, где обнаружено детское

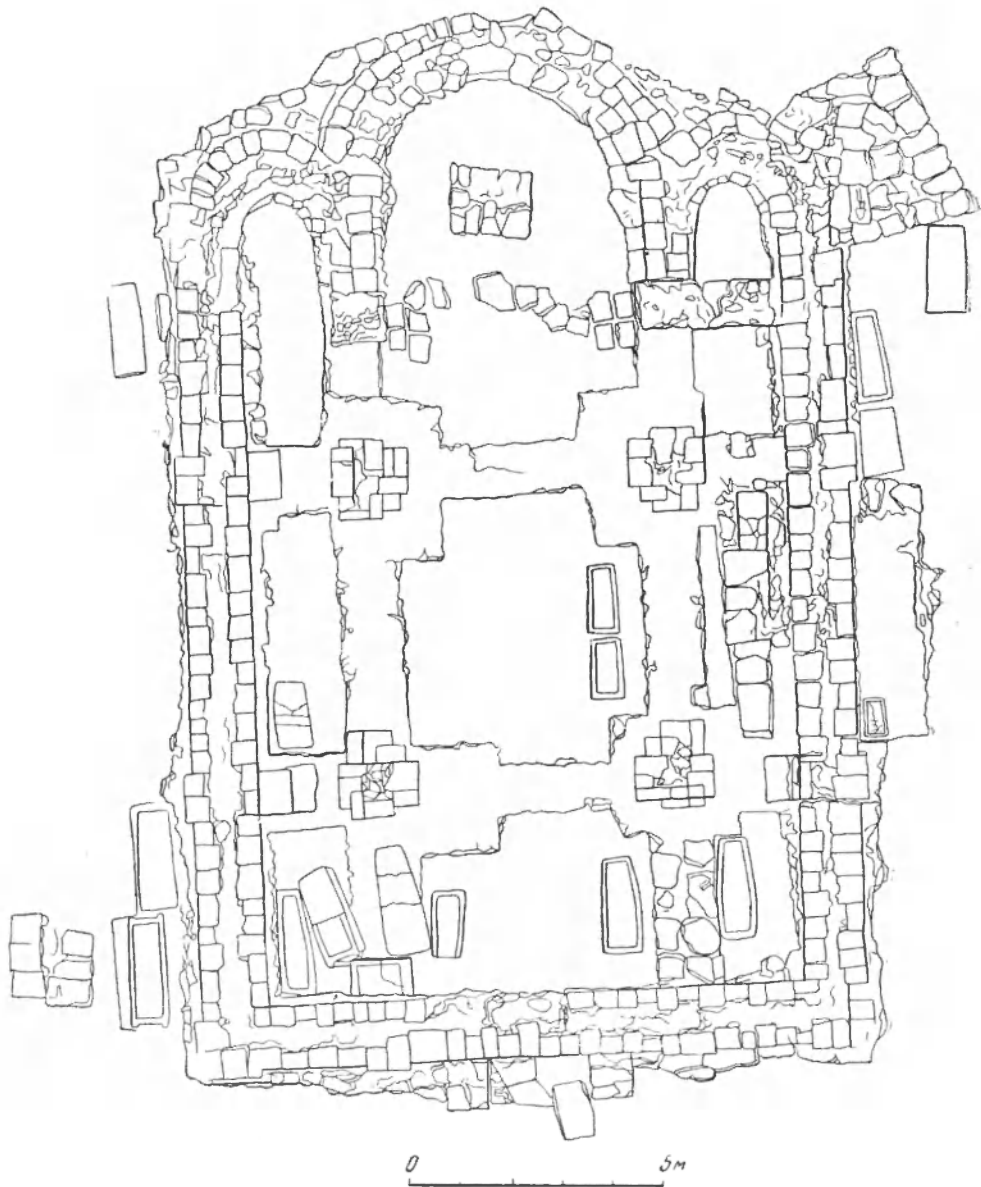
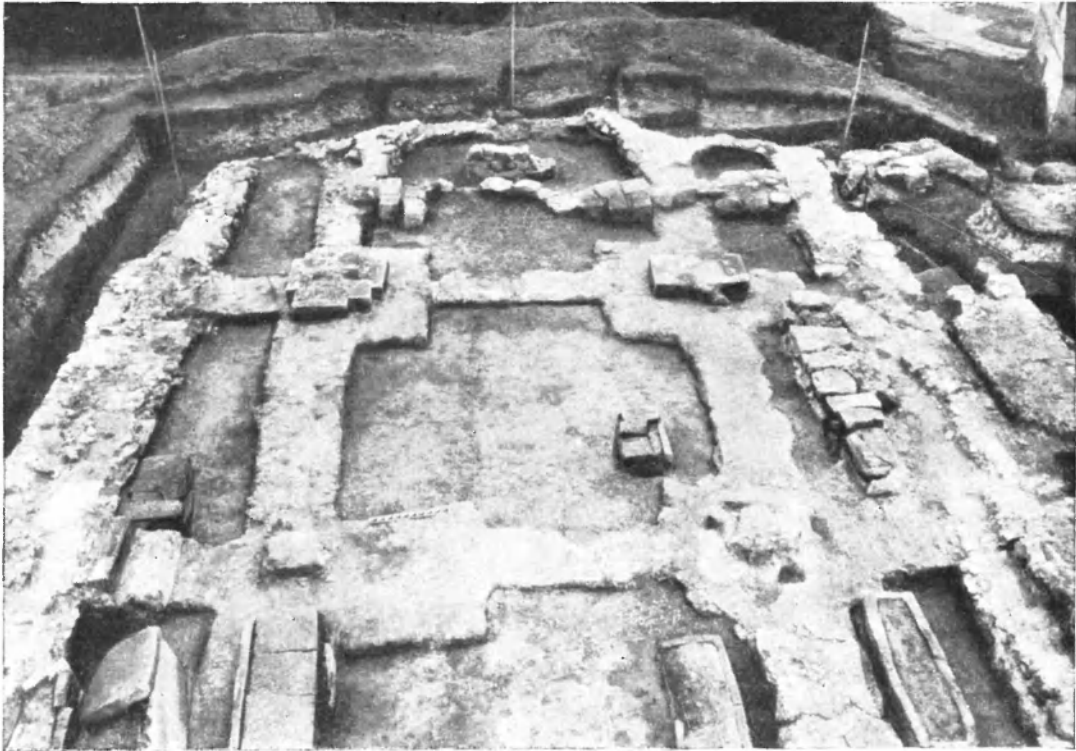

Рис. 2. Общий план храма в Василёвске

погребение в возрасте до двух лет. Углубление в кладке (глубиной до 17 см) было засыпано мелкими камнями.

Фундамент второго контрфорса находился в средней части южной стены храма, между лопатками. Он залегает на глубину 1,7 м, т. е. до уровня подошвы фундамента южной стены храма, и на всю толщу залит известковым раствором. Этот фундамент, шириной в 1,5 м, простирается на 5,5 м вдоль южной стены храма. Во время закладки фундамента этого контрфорса было частично разрушено подплиточное захоронение. Его остатки обнаружены на восток от контрфорса. Кости обеих ног лежали под плитой (1,25 × 0,6 × 0,14 м) на глубине 0,4 м. Возле костей обнару-

Рис. 3. Общий вид остатков храма с запада

жены остатки истлевшего деревянного гроба. В захоронении не обнаружено каких-либо вещей. Следует отметить, что в фундаменте южной стены, как раз возле лопатки, есть древняя щель, шириной в 3—4 см. Вторая щель находится по диагонали на восток в ленточном фундаменте, возле северо-восточного опорного столба. Очевидно, еще в древности церковь получила какую-то деформацию, в связи с чем и были сооружены контрфорсы.

В западной части этого контрфорса, в специальном углублении (до 0,3 м), лежал скелет ребенка. Углубление в плане прямоугольное, размером 0,85 × 0,4 м.

Как уже сказано, стены храма не сохранились; они были полностью разобраны на строительный материал. Но на фундаментах остались отпечатки каменных блоков, из которых был сложен первый ряд кладки стены. Стена состояла из двух параллельных рядов блоков. Внутренняя полость между этими рядами была заполнена обломками камней и залита известковым раствором. Во время раскопок в завале было найдено 26 каменных тесаных блоков. Отпечатки их на стенах храма позволили восстановить план сооружения (рис. 4). Стены храма образуют прямоугольник размером 17,5 × 13,6 м, восточную сторону которого составляют три апсиды. С внешней стороны стен, на осях опорных столбов, на 16 см выступают плоские лопатки, а с внутренней стороны лопатки выступают на 0,7 м. Первый ряд кладки из тесаных блоков сохранился на восточной паре столбов, а на западной паре остались только отпечатки блоков. Опорные столбы храма очень своеобразны; они крестчатые и имеют несимметричные в плане ветви креста, с добавочным выступом в углу, обращенным в сторону центра подкупольного квадрата.

Алтарная часть храма была отделена от основной перегородкой, сложенной из необработанных камней, теперь сдвинутых с места. По обе стороны перего-

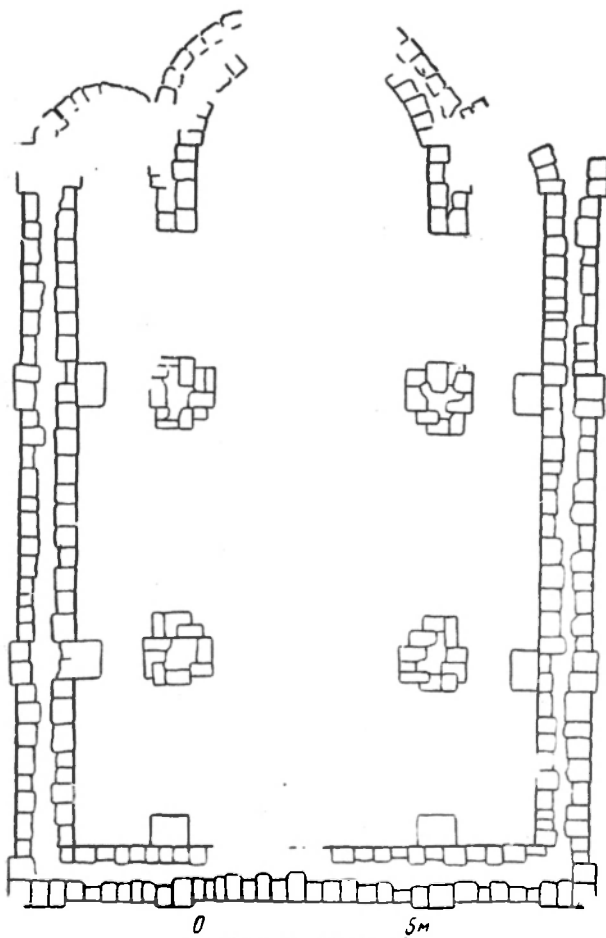

Рис. 4. План отпечатков каменных блоков на стенах храма

нений были раскопаны и исследованы. В притворе храма раскопано пять каменных саркофагов с остатками захоронений XII—XIII вв. Четыре саркофага представляют собой прямоугольные каменные ящики. Вытесанные из целых каменных блоков, они сужаются в одну сторону. Один саркофаг сложен из отдельных каменных плит.

В середине храма (в центральном и северном нефах и в нартексе) стояло шесть саркофагов-костниц, где лежали человеческие кости без всякой связи между собой. Костницы сделаны из блоков местного камня — известняка, в виде каменных ящиков, покрытых сверху каменной же крышкой. В четырех случаях костницы имеют по одной вставной стенке.

За время строительства храма отложился культурный слой. В середине сооружения — это земля, вынутая из фундаментных рвов, и желтая глина, которую подсыпали под пол. За границами храма — это земля, вынутая из фундаментных рвов, и строительный мусор. В слое, который возник в результате строительства, найдены обломки древнерусской керамики, поливные керамические плитки, шиферные пряслица, обломки стеклянного браслета. Эти находки относятся к XII—XIII вв.

родки лежат по четыре тесаных каменных блока. Эта перегородка является фундаментом предалтарной преграды.

В центре главной апсиды сохранился фундамент прямоугольного в плане престола. Он сложен из рваного камня и залит известковым раствором. Пол церкви не сохранился. В последний период существования храма он был деревянным и сгорел во время пожара. Теперь его уровень отмечен слоем пожара до 0,15 см.

Первоначальный пол был вымощен глиняными поливными плитками обыкновенного для XII—XIII вв. типа. Они имеют треугольную или четырехугольную форму со скошенными краями и покрыты светло-желтой, зеленой и коричневой поливой. Плитки сделаны из чистой светло-желтой глины. На всех плитках, найденных выше уровня пола, есть остатки известкового раствора. На некоторых обломках, найденных ниже уровня пола, в насыпной глине, следов известкового раствора нет.

Храм был сооружен на территории славянского кладбища XI—XII вв. Во время рытья котлована для его фундаментов часть захоронений была разрушена. Остатки шести захоронений

Рис. 5. Воздвизальный крест и детали хороса

За время существования храма на прилегающей к нему территории отложился слой чернозема, толщиной в 0,2 м. В этом слое найдены обломки керамики XV—XVI вв. Слой чернозема перекрыт слоем пожарища. Последний является результатом пожара, разрушившего храм. В середине церкви тоже есть слой пожарища — это остатки сгоревшего пола. Во время пожара на пол упали различные вещи, в том числе и металлические. Большинство бронзовых вещей под воздействием огня сплавилось в аморфные куски, которые и были найдены во время раскопок в слое пожарища.

Некоторые культовые бронзовые вещи сохранились и были обнаружены во время исследования. В подкупольном пространстве среднего нефа были найдены остатки бронзовой люстры-хороса, воздвизальный крест и подставка-подсвечник (рис. 5). От хороса найдена фигурная ветвь, которая имеет на себе диск и стержень для вставления свечи. От другой найденной ветви хороса сохранилась лишь головка. Бронзовый воздвизальный крест, высотой 32 см, имеет две поперечные перекладины. На нем горельефом изображено распятие Христа, по сторонам которого на фигурных подставках стоят горельефные женские фигуры. На большой поперечной перекладине креста помещены полуфигуры ангелов. Выше есть надпись: «IC—XC»

Бронзовый подсвечник-подставка, высотой 5 см, состоит из фигурной базы на трех ножках и цилиндрической подставки для свечи.

После пожара церковь не восстанавливалась. Развалины храма служили местом для ссыпки мусора. В результате этого в середине храма отложился культурный слой (толщиной до 1 м), в котором найдены различные вещи XVII в.

Со временем (приблизительно в XVIII в.) стены храма были разобраны на строительный материал. При этом все тесаные каменные блоки были выбраны, а известковый раствор и бой камня рассыпались и создали слой, толщиной до 0,6 м. В нем были найдены обломки резного камня, полуколонки, кусок листа капители и др.

Таким образом, исследованием установлено, что каменный храм в Василёве был сооружен приблизительно в XII в. Он функционировал до XVII в., когда и был разрушен пожаром.

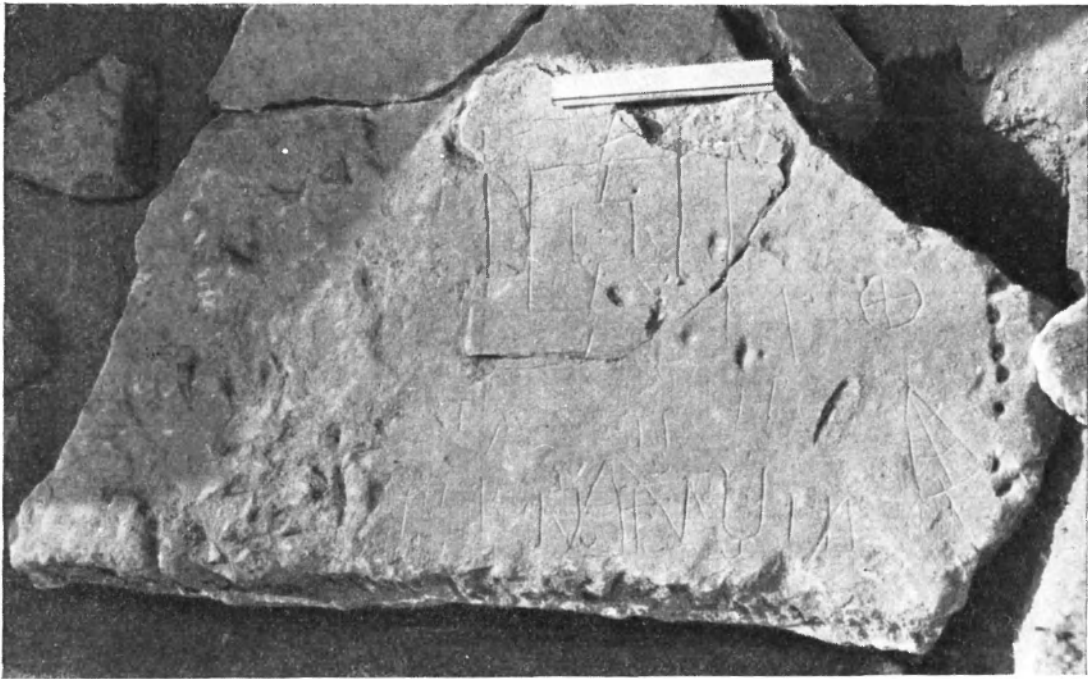
Особого внимания заслуживает каменный саркофаг, раскопанный у северо-восточного угла храма. Саркофаг стоит на расстоянии 1 м от угла северной апсиды и на глубине около 1 м от современной поверхности. Его длина — 2,2 м, ширина — 0,65 м и высота — 0,45 м. Саркофаг сделан в виде ящика. В древности саркофаг был разбит: почти отсутствует западная стенка, северная стенка расколота на несколько кусков. Сверху саркофаг был накрыт каменной плитой (длиной 2,5 м, шириной 0,8 м, толщиной 0,12 м), разбитой на несколько кусков. На ее нижней плоскости, вдоль всех сторон, есть паз шириной 0,15 м, в который входили боковые стенки саркофага. Половина поверхности плиты заглажена, и на ней вырезаны различные знаки. На плите начертан так называемый «вавилон» (рис. 6 и 7), состоящий из трех вписанных один в другой квадратов.

Линии северо-восточного и юго-западного угла внешнего квадрата сближены. Стороны каждого квадрата между собой не равны. Так, стороны самого большого прямоугольника имеют размеры: 31,6; 30,5; 31,1 и 31,2 см. Стороны среднего квадрата — 19,4; 18,2; 18,8 и 18,1 см. Стороны наименьшего квадрата: 7,7; 7,6; 7,6 и 7,6 см. В центре «вавилона» находится маленькая ямка глубиной до 2 мм. Стороны всех квадратов соединены между собой косыми линиями. По сторонам «вавилона» размещаются различные геометрические знаки. Среди них особого внимания заслуживают три знака рюриковичей и геометрические фигуры в виде треугольников, поделенных линиями на несколько частей. На краю плиты с востока находится семь круглых в плане ямочек глубиной до 1 см, диаметром до 1,5 см. Все фигуры вырезаны линией шириной до 2 мм и глубиной до 2 мм. По определению В. Л. Янина, знаки рюриковичей относятся к середине XII в.⁶

* * *

Раскопанная постройка представляет значительный интерес для истории отечественной архитектуры. Это впервые обнаруженный на Буковине белокаменный храм, оригинальные архитектурные качества которого говорят о высоком уровне архитектурно-строительной культуры Буковины в период феодальной раздробленности. Храм обладает особенностями, которые выделяют его среди других известных нам памятников XII—XIII вв. Так, он имеет нетипичный для четырехстолпного сооружения удлиненный прямоугольный план основного объема с очень узкими, сравнительно со средним, боковыми нефами. Кроме того, его внутренние лопатки очень сильно выступают из плоскости стены и являются по существу внутренними контрфорсами (рис. 8). Подобных, сильно выступающих внутренних лопаток мы не наблюдаем в русской архитектуре. В храме, вероятно, отсутствовали хоры. Подчеркнутая ширина среднего нефа типична для западноевропейских школ романской архитектуры. Эта особенность характерна лишь для гродненских и полоцких

⁶ За сообщение сведений авторы приносят глубокую благодарность В. Л. Янину.

Рис. 6. Фрагмент надгробной плиты строителя храма

храмов периода феодальной раздробленности, но в галпцкой и воыпской архитектуре она не встречается.

Несимметричных крестчатых опорных столбов в нашей архитектуре также нет. Подобной формы опорных столбов нет ни в болгарской, ни в сербской архитектуре. Несимметричные в плане крестчатые столбы с уступом между ветвями встречаются только в армянских и грузинских памятниках VI—VII вв. В храме Гаяне, трехнефной купольной базилике, сооруженной в 630 г. в Эчмиадзине (Вагаршапат), есть подобные нашему храму несимметричные крестчатые столбы, с той, однако, разницей, что в храме Гаяне и другие ветви крестчатых столбов довольно длинные, в то время как в нашем памятнике они очень короткие. Больше аналогичных черт в армянской архитектуре мы не находим. В грузинской архитектуре подобные опорные крестчатые столбы, с выступом между ветвями, есть в храме Цром, сооруженном в VII в. Но здесь все ветви крестчатого столба одинаковы по длине. Сходство в плане опорных столбов свидетельствует не о влияниях или заимствованиях какого-либо образца грузинской или армянской архитектуры, а лишь о случайной аналогии, потому что других черт, которые указывали бы на какую-то общность архитектурно-художественных приемов, нет.

Попытаемся, пользуясь только планом, восстановить объемно-пространственную структуру храма. Храм был, вероятно, однокупольным, потому что угловые помещения в плане не квадратные, а прямоугольные, причем прямоугольник в плане равняется двум квадратам, что исключало возможность конструктивной постановки боковых куполов. Несимметричная и своеобразная в плане форма крестчатых подкупольных столбов позволила оригинально и своеобразно выложить подпружные арки. Очевидно, выступы в углах между ветвями опорных столбов служили постаменами для колонн и давали возможность сделать подпружные арки

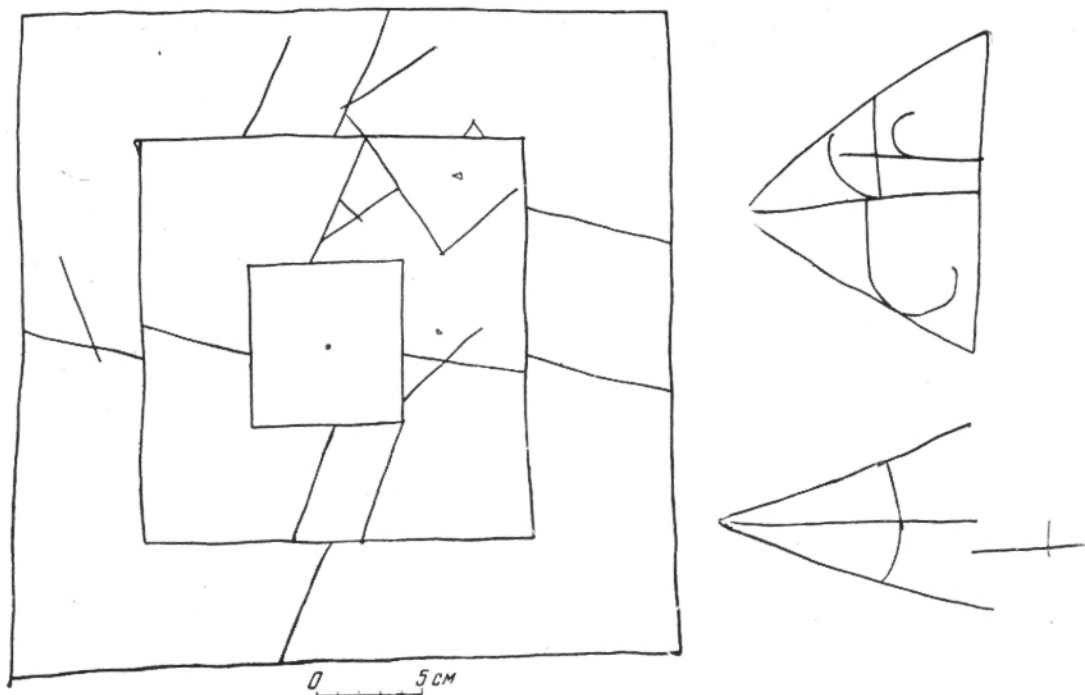

Рис. 7. Знаки и «бавило» на плите строителя храма

ступенчатыми. Подобное устройство есть в названных храмах Армении и Грузии. Ступенчатые подпружные арки, но без подобной формы опорных столбов, встречаются в сербской архитектуре.

Аналогичное устройство было, вероятно, и в церкви Ивана в Холме, как можно судить из летописного известия о пожаре в 1258 г. В этой заметке о церкви Ивана в Холме говорится: «Зданье же еи [т. е. церкви Ивана] сице бысть: комары четыре. с каждого угла перевод, и стоянье их на четырех головах человекских изваянных от некоего хитреца...»⁷. До сих пор это известие было трудно комментировать и невозможно было с точностью раскрыть его архитектурное содержание. Теперь же, после открытия в Василёве храма с несимметричными опорными крестчатыми столпами с выступом в одном углу, это известие Ипатьевской летописи, нам кажется, можно толковать более определенно. Нельзя себе представить, чтобы скульптурные головы, на которые опирались четыре подпружные арки, равнялись ширине ветви крестчатого столпа. Возможно только такое построение, как в Василёвском храме, или в армянских и грузинских храмах, где в углу между ветвями крестчатых столпов стоят колонны с капителями (рис. 9). В Холмском памятнике эти капители были сделаны в виде «голов человекских», а в Василёве они могли быть либо растительными, либо также антропоморфными. Антропоморфные капители в западноевропейской архитектуре встречаются очень часто.

Пока мы не знаем памятника с подобными крестчатыми столбами, и, возможно, что в Василёве была впервые с успехом применена оригинальная для нашей архитектуры конструкция крестчатых опорных столбов и ступенчатых подпружных арок.

⁷ ПСРЛ, т. II, стр. 765—767.

Подобный прием давал возможность не только слегка сузить диаметр барабана купола, но и, что особенно важно, сделать постамент барабана купола ступенчатым и очень высоким, что не могло не придать башнеобразный характер храму.

При рассмотрении плана храма бросаются в глаза лопатки, которые в интерьере сильно выступают из плоскости стены. Это придавало не только своеобразный характер интерьеру, но и соответствовало конструктивным требованиям, обеспечивая устойчивость здания с очень высоким куполом.

Известно, что крестовокупольная система имела найденное классическое конструктивное построение, при котором не наблюдается таких сильно выступающих пилястр-лопаток в интерьере. В нашем памятнике это было вызвано какими-то важными причинами, о них говорит план храма, из которого видно, что диаметр купола равняется почти половине всей ширины храма. Подобного соотношения в архитектуре XII—XIII вв. мы нигде не наблюдаем. Такой большой купол требовал и соответствующей конструкции, которая гарантировала бы устойчивость сооружения. Этой же задаче подчинены и конструктивные особенности в устройстве фундаментов храма. Так, фундаменты под опорные столпы заглублены значительно больше

(на 1 м), нежели под стены, — обстоятельство, показывающее, что купол в храме был, вероятно, очень высоким (во всяком случае он был значительно выше средней высоты куполов в памятниках XII—XIII вв.). Догадка эта находит подтверждение и в легенде о сооружении храма, подчеркивающей именно его высоту.

Таким образом, сведя воедино все отмеченное выше, можно сказать, что внутреннее пространство храма в Василёве очень своеобразно. Его боковые помещения, благодаря сильно выступающим лопаткам, были сильно дифференцированы и очень узки, чем зрительно подчеркивали высоту храма и просторность центрального нефа. При своих небольших размерах храм казался очень просторным и высоким еще и благодаря тому, что опорные столпы были очень широко расставлены, а купол очень высок.

Большим своеобразием отличался, вероятно, и внешний вид храма. В его силуэте ведущую роль играл большой купол. Кроме того, у него были оригинальные фасады. Южный и северный имели почти равные интервалы между лопатками, ибо средний интервал — лишь немного шире боковых, поэтому и закомары по высоте не очень отличались. Зато восточный и западный фасады были разными. Это объясняется тем, что интервал между средними лопатками почти в три раза превышает

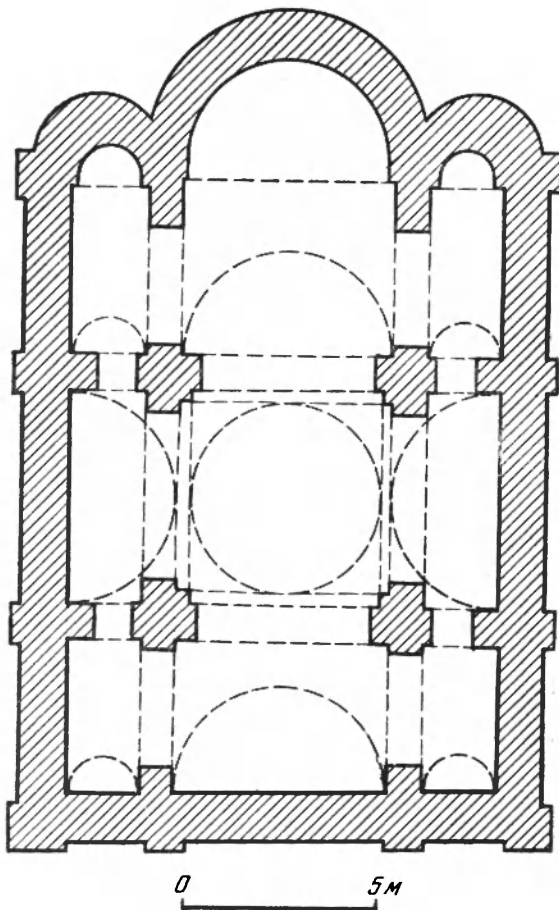

Рис. 8. План храма в Василёве.
Реконструкция Г. Н. Логвина

боковые. Поэтому и ритм закомар и их высота были иными, чем в боковых. Восточный фасад имеет полукруглые апсиды, которые, очевидно, были значительно понижены, сравнительно с основным объемом.

Таким образом, уже в структуре фасадов заметна тенденция нарушить статичность и неподвижность силуэта. Можно, в таком случае, предположить, что храм отличался стройностью и динамичностью. Это достигалось только путем резкого увеличения высоты купола (сравнительно с традиционными нормами) за счет удлинения барабана и повышения его постамента при помощи подпружных арок. И то и другое не составляло непреодолимых трудностей.

Опасаясь за прочность купола, мастер принял меры, гарантирующие от возможных случайностей, которые могли бы вызвать какую-нибудь деформацию. Наличие деформаций в фундаменте сооружения, обнаруженных во время раскопок, и устройство контрфорсов после этих деформаций, говорит о том, что его опасения имели почву. Эти деформации были вызваны, вероятно, сейсмическими явлениями. Из летописей известно несколько землетрясений. Наиболее сильные из них зафиксированы в 1127 и 1230 гг.⁸ Во время какого из этих землетрясений появились трещины, — неизвестно, так как храм не имеет точной даты постройки.

Еще меньше имеется данных, на основе которых можно было бы судить об архитектурном декоре храма. Найденные возле портала и у апсид небольшие обломки полуколонок, а также части колонок четырех типов позволяют предположить, что портал, апсиды и барабан купола были богато декорированы. О стиле этих деталей мы можем судить лишь по незначительным обломкам капителей, которые имеют романский характер и подобны капителям церкви Пантелеймона возле Галича, построенной, как известно, перед 1200 г.

Храм в Василёве дает основание считать его своеобразным местным (так сказать, буковинским) вариантом галицкой школы архитектуры. Если наши предположения относительно его объемно-пространственной структуры правильны, то следует отметить, что в нем впервые появляется тенденция к башнеобразности. Хотя основной объем храма в плане не квадратный, а прямоугольный, это не противоречит все же нашему выводу, и только подтверждает, что памятник относится к первой половине XII в.

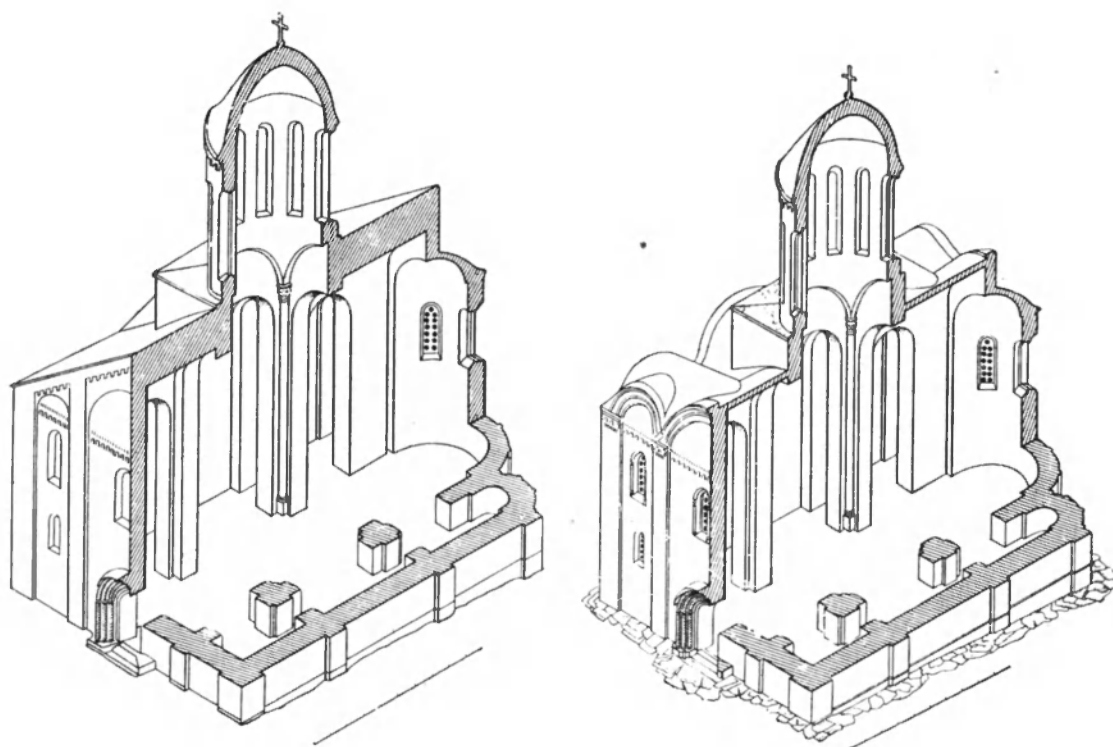
Храм размещен не на территории феодального замка или монастыря, поэтому его нельзя принять ни за монастырский, ни за княжеский. Мастер, которому было поручено его построить, был воспитан, очевидно, на образцах обычных крестовокупольных церквей, но в данном случае перед ним была поставлена, видимо, новая задача: построить храм иного типа с подчеркнутым динамизмом силуэта и ярко выраженной вертикальной композицией.

Следует отметить, что в развитии архитектуры периода феодальной раздробленности заметна тенденция увеличения высоты храма с одновременным изменением пропорциональных отношений высоты основного объема и куполов: барабаны куполов делаются все более удлиненными, а основной объем (без апсид) приближается в пропорциях к кубу. Для того чтобы еще больше подчеркнуть центричность и башнеобразность общих масс храма, апсиды чаще всего значительно понижаются. Эта тенденция аналогична эволюции европейской архитектуры от романского стиля к готике. В русской архитектуре она нашла наиболее яркое проявление в башнеобразных четырехстолпных, однокупольных храмах типа Пятницкой церкви в Чернигове.

Сделанный стилистический анализ позволяет высказать еще одно предположение. Видимо, храм был сооружен не в конце XII в., а ранее, потому что уже в конце XII — начале XIII в. отмеченная эволюция центральнокупольных храмов завершилась. Этот вывод подкрепляется также и тем, что «знаки Рюриковичей» на

⁸ См.: ПСРЛ, т. II, стр. 207 и 760.

*Рис. 9. Варианты реконструкций храма в Василёве.
АксонOMETрические изображения Г. Н. Логвина*

плите строителя храма относятся также к первой половине XII в. Отнести храм к данному периоду позволяет также и анализ летописной истории Галицкого княжества.

Василёв в летописи упоминается всего один раз, но большая территория, занятая древним Василёвым, подтверждает предположение о том, что в XII—XIII вв. он был крупным населенным пунктом. Это подтверждается и данными истории Галицкого княжества, которое в конце XIII в. стало самостоятельным и достигло затем значительной силы и расцвета, став после феодального дробления Руси вторым крупным центром наряду с Владимирским княжеством. Галицкое княжество вело весьма оживленную торговлю с Польшей, Венгрией, Балканами, Новгородом и Киевом. Его богатое купечество было заинтересовано в транзитной внешней торговле. Василёв и был именно таким важным городом на пути к Балканам и берегам Черного моря.

Очень заманчива мысль — связать название города и время его возникновения с именем талантливого и энергичного князя Василька (1090—1124), столица княжества которого — Тереховля находилась на берегу реки Серета, впадающей в Днестр против Василёва. Это весьма выгодное положение города на торговых и стратегических путях обусловило его быстрый рост в прошлом. Годы княжения Василька — годы наибольшего могущества и расцвета этих районов. Возможно, что Василёв получил свое название от имени князя Василька. Можно предположить, что храм в Василёве был построен именно в годы наибольшего расцвета этих земель, а именно в пору княжений Василька, Владимирки (1142—1152) и Ярослава Осмомысла (1152—1157), т. е. в первой половине XII в.

Относительно того, кто же был заказчиком храма, можно высказать только самую произвольную гипотезу. Основанием для нее служит легенда, рассказывающая, что заказчиком храма была княгиня, может быть — вдова князя Василька.

Захоронение, на плите которого начертан «вавилон» — символ зодческой мудрости, наводит на мысль о том, что в этом саркофаге похоронен мастер-строитель. Знаки Рюриковичей, начертанные на плите, свидетельствуют о какой-то очень тесной связи этого мастера с династией князей Рюриковичей. Возможно, несколько этих знаков указывают на то, что мастер строил для князей Рюриковичей и, в частности, для князей Мономаховичей, ибо на плите есть знаки, которые можно связать с Андреем Боголюбским и его братом. Вероятно, похороненный в этом саркофаге у стен храма мастер был местным жителем. Признанием заслуг своего земляка и было захоронение его у стен храма. Если он и не был местным мастером, а его захоронение здесь вызвано его смертью в Василёве, то и в этом случае оно для нас ценно. Вероятно, храм в Василёве — его последнее произведение⁹.

Таким образом, археологическими исследованиями на Буковине начата интересная страница в изучении архитектуры этого края. И уже первые шаги принесли большие результаты, обогатившие наши представления об архитектуре XII в. сведениями о новом оригинальном памятнике. Исследования дают основания внести некоторые поправки в старые представления о границах распространения культуры Галицкого княжества.

---

⁹ Плита с саркофага мастера храма в Василёве находится сейчас в Черниговском музее и является его лучшим украшением.

Н. В. ХОЛОСТЕНКО

АРХИТЕКТУРНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ УСПЕНСКОГО СОБОРА ЕЛЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ В ЧЕРНИГОВЕ

Среди древних памятников Чернигова Успенский собор Елецкого монастыря по своей сохранности и архитектурно-строительным качествам занимает одно из первых мест. До нашего времени храм дошел в переработке XVII в. с типичными для этого времени многоярусными куполами (рис. 1).

Во время кратковременной оккупации Чернигова в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Успенский собор сильно пострадал. Он утратил кровлю и деревянные полы; осыпалась внутренняя и наружная штукатурка стен; была разобрана аркада между крещальной и нартексом, а в крещальне забелены фрески.

После войны были проведены ремонт и реставрация собора, которым предшествовали работы по обмерам и некоторые исследования¹. В результате этих исследований были получены интересные данные о кладках закомар собора и его центрального барабана.

Обследование верхов фасадов показало, что древние кладки закомар сохранились почти полностью. Пострадавшие их части (между закомарами и верхом полуколонн) до уровня верха малых закомар доложены кладкой XVII в., поверх которой выложен горизонтальный карниз. Обследованием центрального барабана было установлено, что он также древний, но имеет карниз XVII в. На его наружной поверхности сохранились остатки арочного карниза, а под карнизом — фрагменты орнаментального пояса городков. Купол сохранил древнюю кладку снизу на одну треть, а местами и выше. Его утраченные части доложены кирпичом XVII в.

В 1925—1926 гг. памятник изучал И. В. Моргилевский. Из его исследований наиболее интересны данные о крещальне, так как открытая им тройная аркада между ней и нартексом не существует, а найденная в апсидке крещальни половина мраморной купели утеряна.

Наши исследования проводились в процессе руководства ремонтно-восстановительными работами². Материалы этих наблюдений и исследований, в сопоставлении

---

¹ Обмеры, обследование и составление проекта восстановления были выполнены в 1947—1948 гг. архитектором Д. С. Вероцким.

² Исследования 1949—1951 гг. проводились мной при участии Д. С. Вероцкого, а в 1951—1954 гг. при участии М. М. Александровой.

с некоторыми данными одновременно изучавшихся других памятников Чернигова этого же периода, мы и излагаем ниже.

* * *

Шурфы и раскопы, сделанные с целью исследования трещин в стенах памятника, позволили определить характер и конструкцию его фундаментов. Система их ленточная. Особенность ее состоит в том, что внутри памятника, под стенами и пилонами, разделяющими нефы, имеются две продольные фундаментные ленты и одна поперечная — под западной парой пилонов и стеной нартекса.

Сооружение было заложено на месте старого поселения, занимавшего весь прилегающий холм. Культурный слой во время его постройки достигал 60—70 см. Верхняя часть этого слоя (45 см) черного цвета; она насыщена культурными остатками X—XII вв. Нижняя часть не имеет точных границ и переходит гумусированными прослойками в материковый лёсс. Эта часть культурного слоя включает раннеславянскую керамику VII—IX вв. Ниже залегает лёссовая супесь (27 см), затем суглинок (50 см) и далее мелкий светло-серый песок. Фундаменты заглублены в него на 16—18 см. Общая глубина фундаментов от древней дневной поверхности 160 см.

Кладка фундамента состоит из колотого камня — плитняка, сложенного на растворе. В нижнем слое фундамента выявлены следы деревянных лежней. Верх же его кладки залит раствором, выступающим наружу в виде полочки, прикрывающей стык кладки и края котлована. Поверх фундамента, по периметру здания, положен один ряд деревянных связей и из квадров тесаного камня, правильной кладки, сложен цоколь. Выше цоколя стены выложены кирпичной рядовой кладкой. Под пилястры и полуколонны в цоколе и фундаменте сделаны прямоугольные раскреповки. Вокруг здания устроена была отмостка: у северного, южного и восточного фасадов из мелкого камня, залитого раствором (толщиной 12—15 см), а у западного — из шиферных плит, положенных на слое лёссового суглинка.

Равнослойная кирпичная кладка стен собора выполнена с наклонно подрезанным швом. Кладка велась преимущественно ложковыми рядами с применением «половинок» и укладкой некоторых кирпичей тычком. Перевязка между рядами достигалась применением этих «половинок» и тычков, а также путем сдвига вышележащего ряда на $\frac{1}{3}$ длины кирпича. Кладка выполнялась весьма тщательно с соблюдением вертикальности плоскостей, углов и горизонтальности рядов. Толщина горизонтальных швов — 2,2—2,7 см. Внутренность кладки стен выполнялась с применением кусков кирпича, боя и камней. Камни, местами выходящие наружу, подтесаны соответственно рядам кирпичной кладки. Деревянные связи, кроме указанных выше, обнаружены еще над арками хор и в уровне пят закомар. Они проходят также по всему периметру здания, а ранее связывали между собой пилоны и стены. Прокладка из шиферных плит применена в пилонах — под пятами арок хор, под пятами подпружных арок и в основании барабана.

Арочные перемычки окон и порталов выполнены в один пережат (в один кирпич) с такими же швами, как и в кладке стен. Порталы многоуступчатые; внутри их были прямоугольные проемы с перемычками из шиферных плит. Тимпаны были заполнены горизонтальной рядовой кладкой, оштукатурены и расписаны фресками.

Портальные двери были установлены на подпятниках. Лестница на хоры перекрыта шиферными плитами. Ее ступени кирпичные, покрытые дубовыми досками толщиной 4,5—5 см. Все коробовые своды были сделаны толщиной в один кирпич. В один кирпич были выложены и своды конх. Они сделаны горизонтальными концентрическими рядами, с несколько наклонными внутрь постелями. Это позволило выполнить их без сплошной опалубки, пользуясь лишь шаблоном. Подпружные арки сделаны в два пережата. Паруса выложены нависающими рядами. В основании каждого из них положена корчага диаметром 55—56 см (в широкой части). Выше корчаги расположено по три голосника.

Рис. 1. Общий вид Успенского собора Елецкого монастыря после восстановления

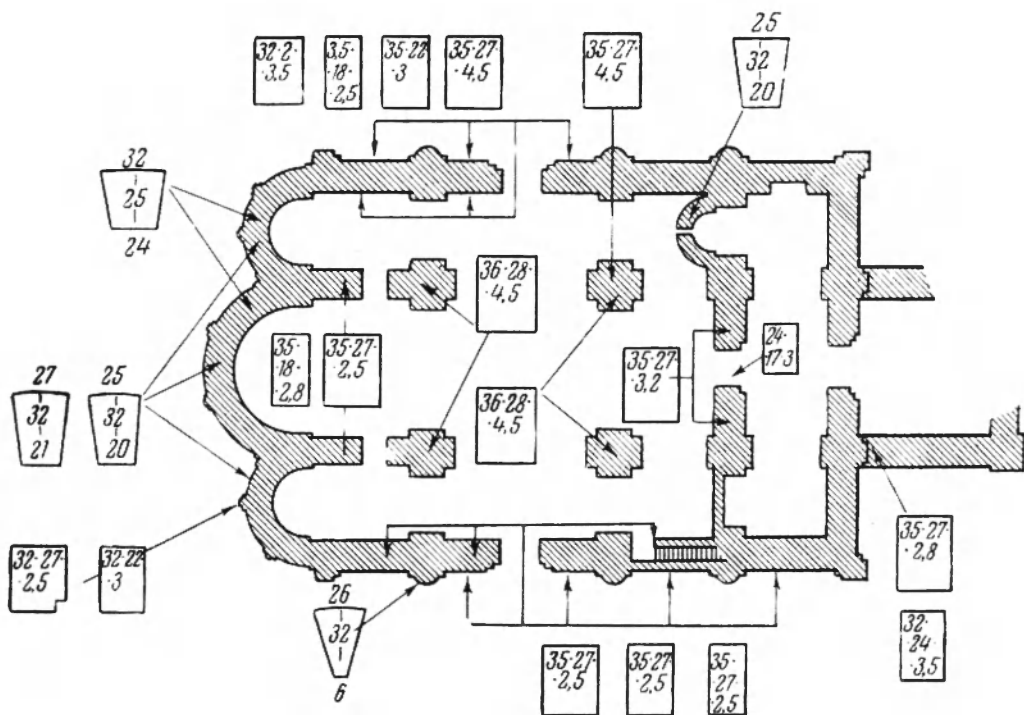

Рис. 2. Расположение типов кирпичей в плане Успенского собора

Исследование показало, что здание частично сложено из лекальных кирпичей определенного сортамента. Расположение их показано на плане (рис. 2). Основные размеры кирпичей стен: $36 \times 28 \times 2,2-2,5$; $35 \times 2,5$; $31 \times 26 \times 2,5-3,5$ и «половинки» к ним шириной 14—15 и 13 см. Для пилонов был применен кирпич, кратный их размерам в плане (с учетом швом) и несколько большей толщины — 4—4,5 см. Размеры его — $36 \times 28 \times 4-4,5$, что соответствует $36 \times 4 \text{ шт} \times 2,5 \times 3 = 152 \text{ см}$ и $28 \times 5 \text{ шт} \times 2,5-3-4 = 152 \text{ см}$. Размер 152 — это размер древнерусской («простой» или «тмутараканской») сажени, в мерах которой выполнены все основные величины плана собора.

Для лучшей перевязки с телом стены трапециевидные кирпичи апсид были изготовлены двух размеров по длине. Перевязь рядов этих кирпичей по вертикали сделана путем их сдвига на $\frac{1}{2}-\frac{1}{3}$ фасадной ширины.

Весь кирпич здания по выработке — одного характера. Он очень хорошего качества (выдерживает сжатие $168,53 \text{ кг/см}^2$), имеет светло-желтый цвет и сделан из глины коалинового типа, для которой характерно значительное содержание Al_2O_3 (14,2%) и малое содержание Fe_2O_3 (1,47%), MgO (0,36%). Глин этих в самом Чернигове нет, их ближайшие залежи находятся в 40—50 км от города. Привозились они, очевидно, водным путем. Так же доставлялся и шифер из Овруча. Об этом говорит находка на берегу старого русла реки Стрижня (территория Черниговского «Подола», против горы, где расположен Елецкий монастырь) — обжигательная печь, датируемая XI в. и сложенная из того же типа кирпича, что и собор (размеры $35 \times 27 \times 2,5-2,8 \text{ см}$)³.

³ См.: В. А. Богусевич. Археологічні розкопки в Чернігові 1949 та 1951 рр. — «Археологічні пам'ятники УРСР», т. V. Київ, 1955, стр. 10.

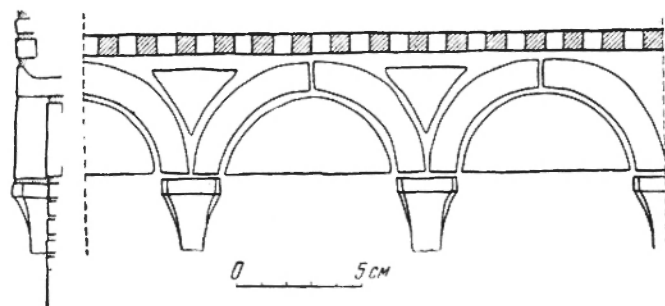

Рис. 3. Арочный пояс Успенского собора

Особо остановимся на арочных поясах памятника. Они имеются в основании закомар, в венчающем карнизе барабана и в карнизе апсидки крещальни. Существовали они и на апсидах восточного фасада. В апсидке крещальни над арочным поясом помещен пояс зубчиков. При исследовании поясов закомар и купола там тоже были выявлены ряды зубчиков. Сравнение шаблонов, снятых с арочных поясов, показало, что все они набраны из одних и тех же керамических элементов — кронштейнов, зубчиков, донышек, сердечек и полуарочек (рис. 3). Особенность полуарочной детали, не встречаемой на других памятниках, состоит в том, что по наружной стороне она имеет бортик (высота 2,5 и ширина 1,5 см), который напоминает бортики черепиц Херсонеса X—XII вв.

При обследовании кладок установлено, что на многих кирпичах имеются метки. Они либо рельефные, либо писанные пальцем по сырой глине (углубленные). Последние наносились на гладкую, постелистую сторону кирпича, которая при кладке повертывалась вниз. Большинство найденных меток — рельефные. Сопоставление собранных меток разных видов (их зарегистрировано 107) и распределение их по зданию выявляет некоторую связь меток с типами кирпичей (рис. 4). В первую очередь это относится к кирпичам пилонов. На западной их паре у кирпичей своя группа меток, а на восточной — своя. Однако и тут и там они состоят из букв кирилловского алфавита, изобразительных фигур и княжеских знаков — трезубца с раздвоенной на конце средней мачтой, характерного для Успенского собора. Кирпичи полуколошн мечены равноконечным крестом с сегментообразно расширенными концами и княжеским знаком указанного выше типа. Кирпичи стен имеют много разнообразных меток. В большинстве случаев они состоят из знаков типа «черт и резон», иногда сочетающихся со знаками в виде букв. Кроме того, имеются знаки типа гончарных клейм.

Характерной особенностью меток кирпичей Успенского собора является то, что среди них имеются метки, состоящие из нескольких знаков. Такие метки с приращением тех же знаков найдены на кирпичах Черниговских теремов XI в. Буквенные метки кириллицы — «К», «М» и «Ж» — близки по начертаниям к аналогичным буквам Остромирова евангелия и Изборника Святослава, т. е. памятникам письменности конца XI в.

Все эти знаки, очевидно, обозначали разные категории строителей-ремесленников, участвовавших в создании храма. Знаки, имеющие вид крестов, могут принадлежать монастырским людям; княжеские знаки — зависимым княжеским строителям, а все остальные сделаны, возможно, свободными городскими мастерами и гончарами. Судя по количественному распределению знаков, большинство строителей было из категории свободных мастеров. Ими выложены наиболее ответственные части здания.

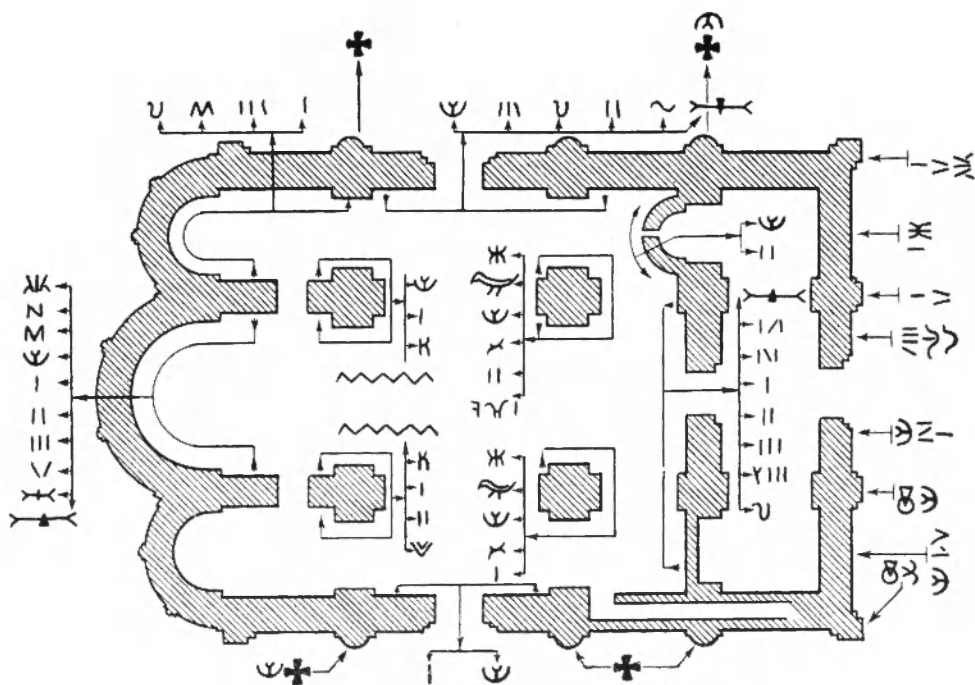

Рис. 4. Расположение характерных знаков на кирпичах стен Успенского собора

* * *

Как указывалось выше, изнутри и снаружи кладка стен собора выполнялась с аккуратной подрезкой швов. Своды и стены внутри штукатурились под фресковую роспись. Многие исследователи считали, что кладка наружных поверхностей стен оставалась открытой. Для выяснения этого было проведено специальное исследование. Расчистка нескольких участков южной стены на чердаке придела XVII в. и выше его, показала, что древняя кладка была покрыта тонким слоем затирки. Затирка — известковая с цемянкой, имеет светлый желтовато-розоватый тон и шероховатую поверхность, расчлененную белыми заглаженными полосками (шириной до 2 см) другого раствора. Полоски изображали регулярную кладку из правильной формы каменных блоков. В местах перемычек они имитировали кладку полуциркулярных арок из клинчатых камней. Анализы состава затирки показали, что она одновременна кладке собора.

Шурфы внутри храма установили стратиграфию напластований и последовательность смены полов. Деревянный пол XIX в. не сохранился. Ниже под слоем строительного мусора лежат остатки пола XVIII в., сделанного из чугунных плит. Под ним, поверх слоя строительных остатков и песка, находятся фрагменты кирпичной выстилки пола XVII в.

Песок под полом XVII в. покрывает образовавшийся над древним полом культурный слой, который состоит из перегара, углей, фрагментов штукатурки, боя кирпича и т. п. От древнего пола в центральном нефе найдены лишь кусочки поливных керамических плиток. Древний пол был уложен на растворной подготовке по слою лёссового песка. Исследования показали, что пол в алтаре и храме был на одном уровне. В месте престола обнаружены небольшие фрагменты шиферных плит, очевидно, от шиферных досок, из которых он был сделан. Специального основания под алтарную преграду не обнаружено.

В подкунольном пространстве, под остатками амвона XVII в., в уровне древнего пола, в уплотненном слое, состоящем из перегара, угольков и черной земли, найдено большое количество витражного стекла: девяносто пять кусков, сохранивших цвет, и 0,5 кг мелких фрагментов, утративших прозрачность. Фрагменты витражей можно разделить на два типа. Стекла одного типа имеют крупную роспись черной, непрозрачной краской по цветному прозрачному фону. Эти стекла — разные по форме: круглые, шестиугольные, треугольные, сегментные и др. Другой тип имеет более тонкую роспись с преобладанием изящно нарисованных растительных мотивов. Их цветной фон покрыт мелким узором из элементов в виде буквы «S». Найденные стекла имеют интенсивно синий, розовый, красно-коричневый, желтый, лимонно-желтый, лиловый и голубой цвет. Среди них имеются кусочки красной, мягкой меди.

Расположение находки позволяет сделать два предположения: одно, что витражи были в алтарной преграде, и другое, что ими были остеклены окна барабана купола. В последнем случае они хорошо читались на фоне неба. Некоторую аналогию всем этим фрагментам дает кусок стекла XI в., найденный в Гродно⁴. Большое количество разноцветного витражного стекла, расписанного растительным орнаментом в желтом, зеленом и коричневом тонах, найдено при раскопках двухэтажного жилого, очевидно, боярского дома в Галиче, в урочище «Церковиське»⁵, относимого исследователями к XII в.

Шурф у апсидки крещальни показал, что пол в боковых нефях был сделан из плинфы (размер $27 \times 27 \times 2,5$ см), уложенной плашмя. Представление о характере пола центрального нефа дали раскопы, сделанные снаружи у западной стены храма. Здесь, в строительном мусоре, принадлежащем одному из ранних восстановлений здания и лежащем поверх древней отмостки, обнаружено много целых и битых плиток пола, куски штукатурки с фресковой росписью и т. п. Поливные плитки найдены щитково-крестообразной формы ($13 \times 9,5 \times 1,4-1,5$ см) и квадратные ($10 \times 10 \times 1,5$; $19 \times 19 \times 3,12$; $21 \times 21 \times 3,2$ см). Борты плиток слегка скошены внутрь.

Щитковые и квадратные плитки меньше по размерам. Они зеленые, желтые и коричневые, а также мраморовидные: черные с желтым, черные с зеленым, черные с коричневым и коричневые с красным. Большого размера найдены желтые, зеленые и черные плитки. Щитково-крестообразные плитки имеют аналогии с плитками XI в., обнаруженными в Киевской Софии⁶, с плитками гражданского здания XI в., найденного в Белгородке ниже храма XII в.⁷, с плитками открытого нами двухкамерного терема XI в. в Чернигове и, наконец, с плитками Коложской церкви в Гродно⁸. По аналогии с полами других памятников Древней Руси следует полагать, что пол центрального нефа Успенского собора в Чернигове набирался из панелей, сложенных из щитково-крестообразных плиток и обрамленных рамками из квадратных плиток.

Исследования у наружных стен здания (хотя и весьма ограниченные по объему) дали возможность установить, что памятник имел наружные паперти. Раскопы у западного фасада вскрыли северную стену паперти с северо-западным углом и большую часть южной стены. Сохранились фундаменты и поверх них три — пять рядов кладки стен.

⁴ См.: Ф. Д. Гуревич. Из истории раннего Гродно. — СА, вып. 15, 1951, рис. 8, фиг. 7.

⁵ См.: В. К. Гончаров. Археологічні дослідження древнього Галича в 1951 г. — «Археологічні пам'ятники УРСР», т. V. Київ, 1955, стр. 25.

⁶ См.: Н. Д. Плонский. Археологические раскопки В. В. Хвойко 1909—1910 гг. в местечке Белгородке. М., 1911, стр. 17, рис. 17.

⁷ См. Н. Н. Ворониин. Древнее Гродно. — МИА СССР, № 14. М., 1954, стр. 97, рис. 50, фиг. 2.

⁸ Там же.

* * *

Успенский собор Елецкого монастыря, принадлежа к типу шестистолпных крестово-купольных храмов, имеет своеобразные черты в планировке и архитектуре. Так, нартекс сделан в виде изолированного пространства, связанного с храмом проемом по оси центрального нефа. Исследование показало, что проемы западной стены крещальни и восточной стены южной части нартекса пробиты позже, причем низ проема крещальни находится выше древней отмостки на 50 см и лежит в уровне отмостки XVII в., а под проемом восточной стены нартекса сохранилась древняя стена с остатками фресковой росписи.

Крещальня, как указывалось выше, отделялась от нартекса тройной аркадой. В крещальне сохранились большие участки древней штукатурки с фресками, сейчас забеленными.

В 1959 г. были начаты пробные расчистки росписи. В аспидке крещальни было открыто, в частности, изображение Оранты с поднятыми руками, а в окне южной стены — орнаментальная роспись притолок. Под этим окном имеется ниша захоронения — аркосолий. Второй аркосолий имеется в северной стене нартекса¹⁰.

Вход на лестницу, ведущую на хоры, идет из храма. Хоры расположены только над нартексом. Они открываются внутрь храма лишь центральным проемом, сделанным в виде двух арок со столбом посередине. С южной стороны к хорам примыкает помещение, занимающее прилегающий отсек южного нефа. Оно связано с хорами дверью (растесана), имеет небольшую апсиду и жертвенник. Использовалось это помещение как придел (рис. 7).

О таких помещениях В. В. Суслов писал, что они предназначались, вероятно, для особых приделов, куда игумены удалялись молиться¹¹, т. е. были игуменскими капеллами. В его апсиде имеется узкое оконце для наблюдения за тем, что делается в храме.

Перекрытие над центральной частью нартекса сделано в виде коробового свода, поставленного параллельно западной стене. Над крещальной и южным отсеком

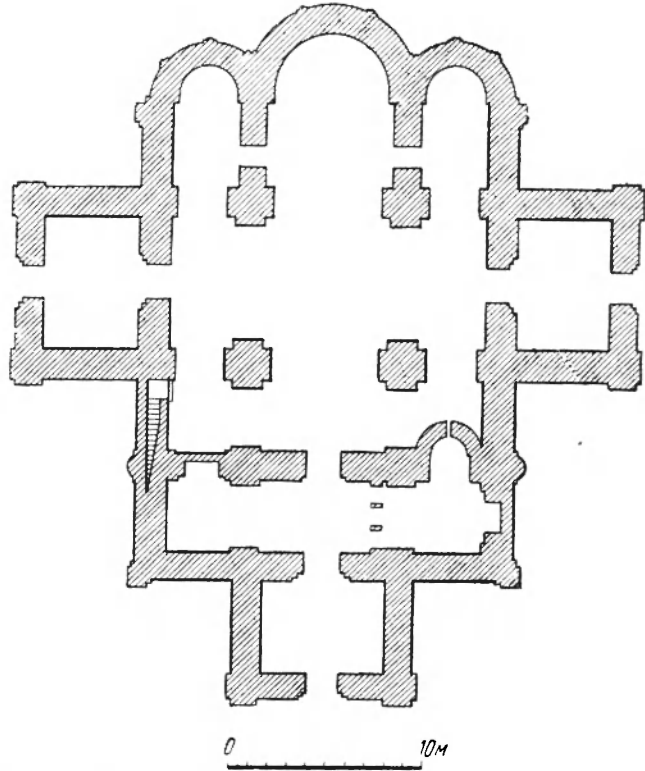

Рис. 6. План Успенского собора на уровне первого яруса. Реконструкция Н. В. Холостенко

¹⁰ При восстановлении собора в 1668 г. в нартексе нашли саркофаги из красного шифера (П. М. Д о б р о в о л ь с к и й. Черниговский Елецкий Успенский первоклассный монастырь. Историческое описание. Киев, 1900, стр. 105).

¹¹ См.: В. В. С у с л о в. Материалы к истории Древней Новгородско-Псковской архитектуры. СПб., 1888, стр. 19.

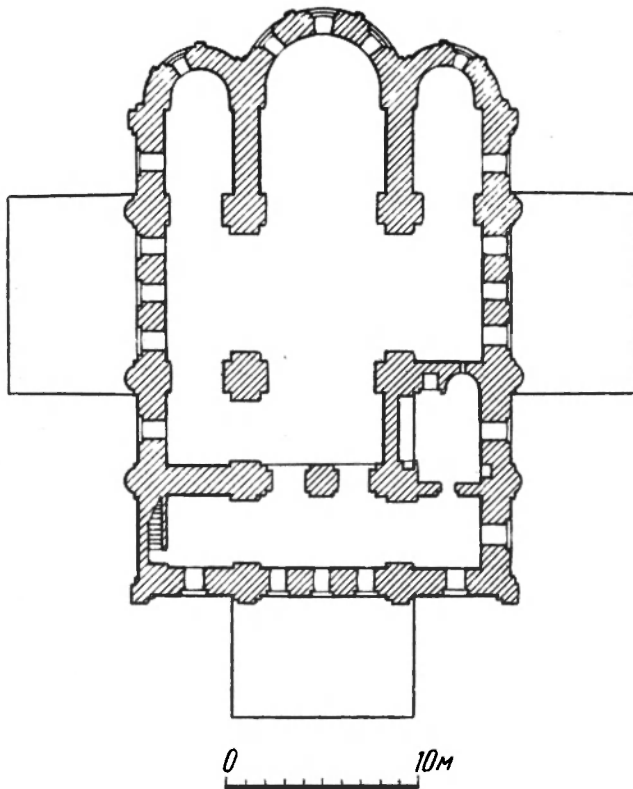

Рис. 7. План Успенского собора на уровне хор.
Реконструкция Н. В. Холостенко

Очертание поперечной и продольной подпружных арок — кривая полуокружности, но продольная из них растянута. Подбарабанное кольцо и барабан имеют слегка овальную форму, вписанную в прямоугольник основания.

Особенность позакомарных перекрытий Успенского собора состоит в том, что угловые камеры западного и восточного фасадов перекрыты сводами на юг и на север. На запад и восток обращены ложные закомары. В связи с этим боковые апсиды ниже центральной.

О характере расположения и количестве глав памятника сохранилось свидетельство И. Галятковского, восстанавливавшего собор после изгнания поляков из Чернигова. Говоря о состоянии собора до начала восстановления в 1611—1676 гг., он указывал, что «верхи мурованы над хором» и боковые упали и «великий верх мурованный в засклепению проломав и учинив гром великий»¹². И. Галятковский указывал также на то, что церковь была «каплицами оточена»¹³.

Приведенные исследования подтвердили указания о «каплицах» и частичном обрушении купола. Что же касается глав, то, восстанавливая храм, И. Галятковский решил создать традиционное в его время украинское трехглавие по оси восток — запад. Для этого он возвел две новых главы: одну — над центральной апсидой,

нартеса поставлены крестовые своды. Под капеллой игумена перекрытие тоже сделано в виде крестового свода. В кладку оснований крестовых сводов вставлены корчаги — амфоры; некоторые из них с ручками, обращенными вниз. На сводах местами сохранились фрагменты штукатурки с фресками. Над апсидкой крещальни изображена сцена сказания от трех отроках, выполненная в коричнево-красных тонах. На притолках окна южной стены также сохранилась роспись, выполненная мазками кисти и набрызгом. Это растительно-геометрический орнамент в виде концентрических кругов. По обоим сторонам окна сохранились фрагменты двух фигур на голубом фоне. Росписи сделаны на двуслойной штукатурке.

В основании храма лежит не квадрат, а прямоугольник. У него поперечная, меньшая сторона кратно четырем простым древнерусским саженим (152 × 4); продольная сторона относится к поперечной, как сторона равностороннего треугольника относится к его высоте.

¹² П. М. Добровольский. Указ. соч., стр. 11.

¹³ Там же, стр. 7.

другую — над хорами, которые совместно с древней центральной и составили это трехглавие. Кроме того, им возведены еще две главы, но не над угловыми западными отсеками храма, а на одно деление восточное, т. е. над капеллой игумена и над симметричным ей северным отсеком храма.

Исследования всех восстановленных покрытий показало, что они сделаны на прежних местах и в прежних габаритах. В связи с этим и указанными выше данными И. Галятовского встал вопрос: не объясняется ли их положение тем, что они были восстановлены на местах древних покрытий, ранее здесь существовавших? В. В. Сулов указывал, что в древнерусских храмах над приделами, расположенными «на полатях», делались обычно главы¹⁴. Для проверки этого были проведены исследования, показавшие, что в углах каплицы имеются диагонально поставленные голосники. Крестового свода здесь не могло быть, а голосники ставились так только в основании крестовых сводов или парусов. Расчистки над голосниками в двух местах выявили следы горизонтальной кладки. Следовательно, тут были паруса под главу. Таким образом, древний храм был первоначально трехглавым.

Главы и закомары были покрыты свинцовыми листами. Об этом говорят находки фрагментов свинца и сведения И. Галятовского¹⁵.

Относительно членений наружных стен Успенского собора выше указывалось, что на западном фасаде имеются двуступенчатые пилястры, а на северном и южном — полуколонны на пилястрах. Особенностью последних является то, что центры полуколонн лежат на внешней грани стены, а фасадные грани лопаток поставлены не параллельно плоскости фасадов, а несколько под углом. Угловые пилястры восточного и западного фасадов не одинаковые. Западные более узкие, двухступчатые с обеих сторон; восточные же несимметричные и переходят на восточном фасаде в плоскость стены.

В соответствии со всеми этими данными нами и сделана реконструкция первоначального вида памятника (рис. 8).

* * *

Летописных данных о времени сооружения Успенского собора никаких нет. Многие исследователи XIX и XX вв. связывали его постройку со временем основания Елецкого монастыря Антонием Печерским в 1074 г. Однако ни в летописном рассказе об основании монастыря, ни в рассказе Печерского патерика о постройке каменного собора не говорится; об этом упоминал лишь И. Галятовский, который основывался на недошедшем до нас синодике Зосимы Прокоповича XVII в.

После исследований И. А. Моргилевского и сделанных им выводов о датировке собора XII в. многие историки полностью принимают эту дату, причем некоторые из них относят его ко второй половине XII в.¹⁶ Между тем свои выводы И. В. Моргилевский сделал, исходя из возможного, по его мнению, времени влияния западного романского зодчества. При этом он писал: «Романские формы у себя на родине начинают формироваться только в конце XI в.». Поэтому «поневоле приходится склониться к выводу, что Елецкую церковь надо считать постройкой во всяком случае XII, а не XI в.»¹⁷. Естественно, что вывод этот научно не обоснован, да и

¹⁴ См.: В. В. Сулов. Указ. соч., стр. 19—20.

¹⁵ «Перед Батыем церковь Елецкая оловянными таблицами была покрытая, що дається оттоль ведати, же и теперь ходячи колы церкви люда шукают в песку олово, и штуки великие находят, и инии познаходили в песку великии таблицы оловянные, которыми церковь была покрыта» (П. М. Добровольский. Указ. соч., стр. 7).

¹⁶ История русской архитектуры. Краткий курс. М., 1951, стр. 22.

¹⁷ И. В. Моргилевский. Успенська церква Елецкого монастыря. — «Чернігів та північне лівобережжя». Київ, 1927, стр. 206.

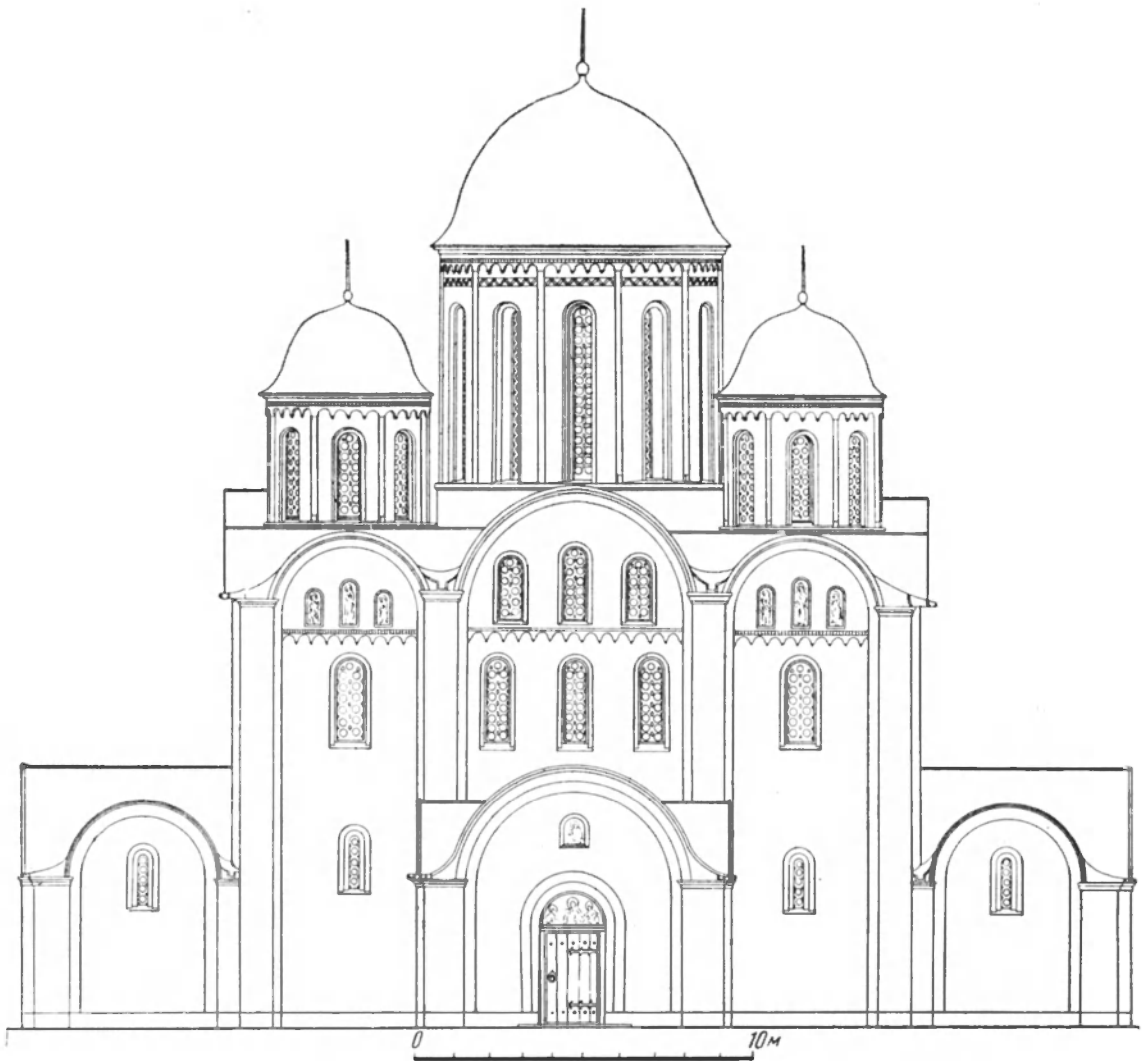

Рис. 8. Западный фасад Успенского собора. Реконструкция Н. В. Холостенко

сам автор лишь «поневоле» склонился к нему. Он признавал принципиальную разницу в развитии Восточной и Западной Европы в этот период, а отсюда и механическую теорию влияния. Этой точке зрения вполне резонно можно противопоставить мнение Б. А. Рыбакова, который, указывая, что «романское искусство нельзя считать присущим только западноевропейским странам», поясняет одновременно, что речь идет не о частных заимствованиях, а о наличии общих черт в жизни и культуре крупнейших феодальных государств Восточной и Западной Европы и Закавказья. По словам Б. А. Рыбакова, «создание национального стиля не отгораживало русских художников средневековья от искусства других стран», ибо «разделение церквей не могло помешать развитию европейской культуры», в том числе и зодчества¹⁸.

¹⁸ Б. А. Рыбаков. Культура Древней Руси. М., 1956, стр. 29—30.

Это абсолютно правильно. Б. Д. Греков писал, что признание феодального периода для Восточной Европы означает одновременно и признание того, что «в своем развитии она принципиально не отличается от других европейских стран»¹⁹. На это обращал внимание и В. И. Ленин, говоривший о тождественности основных черт «этого общего процесса в Западной Европе и в России, несмотря на громадные особенности последней как в экономическом, так и во внеэкономическом отношении»²⁰.

В древнерусском зодчестве это, с одной стороны, сказалось в создании своеобразных национальных форм, имевших общие черты с европейским зодчеством в целом и с зодчеством славянских стран в частности, а с другой — в том, что в процессе создания средневековой европейской культуры Русь X—XII вв. не только не отставала, но во многих областях, в частности в зодчестве, шла впереди Западной Европы.

Поэтому мы считаем, что в вопросе о датировках надо исходить из конкретного анализа обстановки, в которой создавался памятник, а также из общих особенностей развития зодчества Древней Руси времени его создания.

Сейчас, когда проведена большая работа по исследованию памятников Древней Руси, можно выявить то место Успенского собора, которое он занимает как среди памятников Чернигова, так и среди близких ему по характеру и времени памятников Приднепровья в целом.

За последние годы в Чернигове проведены большие работы по исследованию сохранившихся памятников — Спасского собора, Успенского собора Елецкого монастыря, Борисоглебского собора, Пятницкой церкви, Ильинской церкви. Одновременно вновь открыты и изучены ранее неизвестные древние сооружения — Благовещенский собор, Михайловская церковь, однокамерный терем, двухкамерный терем, терем с проездом.

Некоторые из перечисленных сооружений датированы историческими источниками, а другие могут датироваться на основе сопоставления с датированными по техническим и архитектурным качествам.

По архитектурным формам и по технике строительства все эти сооружения можно, хотя и несколько условно, разбить на три группы.

Одну группу составляют памятники первой половины XI в., сложенные смешанной или близкой к ней кладкой из камня и кирпича. Кирпич делался из глины каолинового тона, дающих розовый и светло-желтый цвет. Раствор их кладок розоватый. К этой группе относятся Спасский собор, с его крещальней, и двухкамерный терем.

Вторая группа (Успенский собор, Ильинская церковь, Борисоглебский собор, однокамерный терем) характеризуется применением смешанно-порядовых и порядовых кладок из светло-желтого кирпича на светлых, почти белых растворах с мелкой цемянкой этого же кирпича. Размеры кирпичей довольно большие: 39—31 на 37—28 см при высоте 2,5—4,5 см. Время их изготовления — конец XI в. и до 40-х годов XII в.

Третью группу составляют памятники второй половины XII в. Сюда входят Михайловская церковь, терем с проездом, Пятницкая церковь и кладки ремонтов галереи Борисоглебского собора. Для них характерно применение кирпича из местных огнеупорных глин, дающих в обжиге красный кирпич. Сам кирпич меньших размеров: 31—24 на 28—18 см при 4,5—5,5 высоты. Раствор кладок розоватый, часто с довольно крупной цемянкой.

¹⁹ Б. Д. Греков. Ленин о некоторых вопросах истории России. — «Вопросы истории», 1952, № 1, стр. 56.

²⁰ В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. — Сочинения, т. 3 (изд. четвертое), стр. 5.

Технические данные по всем этим сооружениям сведены в следующую таблицу:

Название памятника	Дата	Кладка	Размеры кирпича (в см) и цвет
Спасский собор	1037	смешанная	38—36 × 28 × 2,5 34 × 22 × 3,5 розоватый и желтоватый
Крещальня Спасского собора	—	смешанно-порядо- вая	32 × 27 × 3,5 31 × 26 × 2,5—3 светло-желтый
Двухкамерный терем	—	смешанная	36 × 28 × 3,5 35 × 27 × 2,5 33 × 26 × 2,5—3 светло-желтый
Однокамерный терем	—	смешанно-порядо- вая	39 × 28 × 2,5 36 × 28 × 2,5 35 × 27 × 2,5—3 светло-желтый
Ильинская церковь . .	—	порядовая с при- менением камня	36 × 28 × 4—4,5 35 × 27 × 2,8 33 × 26 × 3—3,5
Борисоглебская цер- ковь	1120— 1123	порядовая	34 × 28 × 4,5—5 31 × 27 × 4 34 × 24 × 3,5—4 светло-желтый
Михайловская церковь	1173	порядовая	27 × 19 × 4—4,5 26 × 18 × 4,5—5 26 × 16 × 3 красный
Терем с проездом . . .	—	порядовая	25 × 20 × 4 26 × 19 × 4,5 25 × 17 × 4 красный
Благовещенская цер- ковь	1186	порядовая	31 × 27 × 4,5—5,5 27 × 24 × 4,5—5 27 × 19 × 4,5—5 красный и часть желтого
Ремонт галереи Бори- соглебского собора . .	—	порядовая	28 × 24 × 22 × 4,5—5 27 × 19 × 4,5 25 × 18 × 5—4,5 красный
Пятницкая церковь . .	—	порядовая	28 × 20 × 5,5 27 × 19 × 5—5,5 25 × 18 × 5 красный

Анализируя все эти данные и сравнивая их с данными исследования Успенского собора Елецкого монастыря (кладка порядовая, размеры кирпича $35 \times 27 \times 2,5$; $39 \times 24 \times 2,5$; $36 \times 25 \times 3,5-4$), не трудно установить, что место его либо перед Борисоглебским собором, либо перед Ильинской церковью.

Материалы 1956—1958 гг. датируют дошедший до нас Борисоглебский собор 1120—1123 гг.²¹ По архитектурным формам и конструкциям Борисоглебский и Успенский соборы принадлежат к одному типу. Что же касается времени их возведения, то, принимая во внимание широкое распространение этого типа сооружений в городах Приднепровья и беря из них наиболее близкие и имеющие датировки, можно установить, что Борисоглебский и Успенский соборы предшествуют остальным. При этом первым, как это видно из приводимой ниже таблицы, оказывается Успенский собор Елецкого монастыря.

Дата	Название памятника	Город	Размеры кирпича (в см)
1094—1097 (предполож.)	Успенский собор Елецкого монастыря	Чернигов	$35 \times 27 \times 2,2-2,5$ $36 \times 28 \times 3,5-4$
1120—1123	Борисоглебский собор	Чернигов	$34 \times 25 \times 3,5-4$ $31 \times 27 \times 4 \quad -4,5$
1130—1132	Успенский собор «Пирогоща»	Киев	$31-30 \times 27 \times 5$ $29 \times 26 \times 4,5-5$
1144	Георгиевский собор	Капев	$35 \times 23 \times 3 \quad -4,5$ $31 \times 22-21 \times 4,5-5$
1145	Петроавловская церковь	Смоленск	$31 \times 22-21 \times 4$ $26 \times 20-3,5-4$
после 1147	Кирилловская церковь	Киев	$31 \times 25 \times 4$ $28 \times 20 \times 5-5,5$
1156	Успенский Мстиславов собор	Владимир Волинский	$24 \times 22 \times 4,5$ $24 \times 21 \times 4,5-5$
1173	Иоанно-Богословская церковь	Смоленск	$30 \times 20 \times 4-4,5$ $28 \times 20 \times 3,5-4$
1186	Благовещенская церковь	Чернигов	$31 \times 27 \times 4,5$ $28 \times 24 \times 4-4,5$ $27 \times 19 \times 4,5-5$

Рассматривая княжеские метки, имеющиеся на кирпичах черниговских сооружений (рис. 9), устанавливаем, что и здесь место Успенского собора среди них остается тем же. Однако эти знаки не дают возможности отнести собор ни ко времени Давида (1197—1213), ни ко времени Святослава (умер в 1074 г.). Следовательно,

²¹ Н. В. Холостенко. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях Борисоглебского собора в 1955—1956 и 1957—1958 гг. — Архив главной инспекции охраны памятников Госстроя; см. также ИСРЭ, т. II, стр. 90; т. VII, стр. 55.

Спасский собор (по Б. А. Рыбакову)	Ψ
Однокамерный терем	Ψ Ψ
Двухкамерный терем	Ψ Ψ Ψ
Успенский собор Елецкого монастыря	Ψ Ψ Ψ Ψ Ψ Ψ Ψ Ψ Ψ
Борисоглебский собор	Ш Ш Ψ Ш Ш Ш Ψ
Терем с проездом	Ш Ш Ш
Неизвестная церковь кремля	Ш Ш
Михайловская церковь	Ш Ψ Ш
Развал кладки на территории «третяк» (раскопки В. А. Богусевича)	Ψ Ψ
Благовещенский собор (Раскопки Б. А. Рыбакова)	Ш Ш Ш Ψ Ψ Ш
Ремонтные кладки XII в. галерей Борисоглебского собора	Ш Ψ Ψ Ψ Ψ Ψ Ψ
Пятницкая церковь	Ψ Ш Ш Ш Ш Ш Ψ Ш Ψ Ш Ψ Ш Ш Ш Ш Ψ

Рис. 9. Таблица княжеских знаков древнерусских памятников Чернигова

время сооружения храма может быть между этими датами. В данный период происходила упорная борьба за Черниговское княжество, определившееся как самостоятельный удел, который проводил свою собственную экономическую и политическую линии. Особенно настойчиво за Чернигов боролся Олег Святославович, которому постоянно оказывали поддержку феодальная верхушка и горожане Чернигова и северских городов.

В связи со всеми указанными фактами истории черниговского зодчества и истории Чернигова мы думаем, что если говорить о князе, имевшем отношение к постройке Успенского собора Елецкого монастыря (а об этом свидетельствуют княжеские метки на его кирпичях), то следует считать им Олега. При этом время начала строительства собора определится выходом Олега из Тмутаракани, решением Любечского съезда князей и передачей Чернигова Давиду, т. е. 1094—1097 гг. К этому времени Елецкий монастырь, основанный в 80-х годах XI в., мог быть уже достаточно экономически мощным, чтобы при помощи князя поднять такое строительство. Это тем более вероятно, ибо монастырь мог пострадать во время осады Чернигова в 1094 г.

В. В. КОСТОЧКИН, С. Н. ОРЛОВ и П. А. РАЙПОПОРТ

НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ УКРЕПЛЕНИЯХ НОВГОРОДСКОГО ОСТРОГА

Вал Новгородского острога — одно из наиболее крупных сооружений древнерусского крепостного зодчества. Имея в длину около 6,5 км, он окружал в древности весь Новгород, свидетельствуя о его военной мощи. Наличие столь огромной оборонительной системы вокруг всей городской территории безусловно было связано со своеобразием социальных отношений в самом Новгороде — с тем большим значением, которое в нем занимало посадское торгово-ремесленное население.

Укрепления Новгородского острога уже привлекали внимание исследователей. Последняя и наиболее полная работа, посвященная им, была опубликована в 1952 г. А. Л. Монгайтом¹. Однако за прошедшие после этого годы накопились новые материалы, несколько уточняющие представления об устройстве этих укреплений. В частности, удалось более детально изучить конструкцию насыпи вала, устройство одной из каменных башен, а также несколько уточнить датировку валов.

* * *

Вал острога был изучен на участке, примыкающем к Ленинградской улице (Софийская сторона). Во время земляных работ здесь был срыт участок вала несколько западнее уличного проезда; при этом были вскрыты остатки башни, сложенной из блоков красноватого известняка. В 1959 г. приблизительно в 5—6 м западнее этой башни была произведена прорезка вала (с научными целями) траншеей шириной 1,5 м, доведенной по всему поперечнику вала до материкового грунта (рис. 1 и 2). Сохранившаяся высота вала над современным уровнем земли на участке прорезки была около 2 м; высота же от древней его подошвы оказалась равной 4 м.

Прорезка показала, что основное ядро вала, имеющее в ширину 15 м, целиком состоит из чистой пластичной красно-коричневой глины. В насыпи встречаются лишь незначительные пятна и прослойки гумусированной глины. В некоторых прослойках найдены фрагменты керамики XI—XII вв. По тыльной части ядра вала прохо-

---

¹ А. Л. Монгайт. Оборонительные сооружения Новгорода Великого. — МИА СССР, № 31. М., 1952, стр. 14—35 и 95—113.

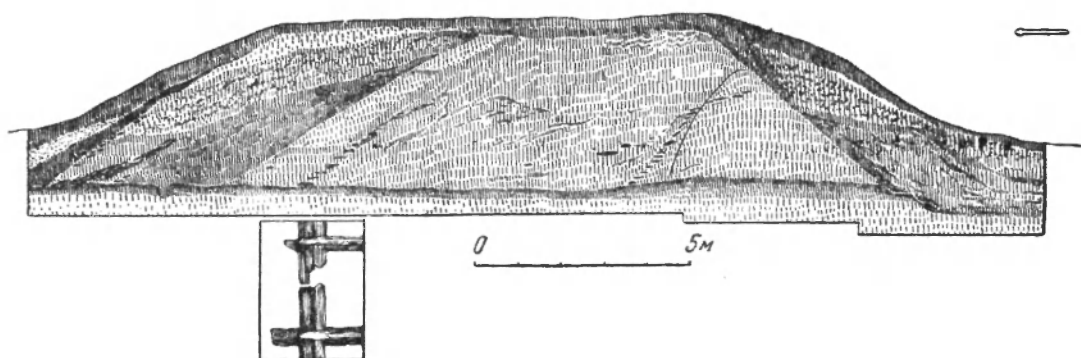

Рис. 1. Разрез вала Новгородского острога

дит слой светлого суглинка, хорошо отмечающий первоначальную поверхность его тыльного склона. Крутизна лицевого склона центрального ядра вала — 40 градусов, а тыльного — несколько более 30.

Исследование показало, что первоначально была, по-видимому, сделана лицевая часть вала из чистой глины, а затем к ней примкнула вся остальная насыпь. Граница между этими частями прослеживается в виде щели в глине. Щель эта почти незаметна на глаз; она обнаруживается лишь при срезании глины ножом (ибо ее куски отваливаются как раз на границе слоев) и хорошо выявляется на разрезе вала после высыхания глины. По обеим сторонам щели заметны слабые вертикальные бороздки, получившиеся, по-видимому, либо от неравномерного оседания глиняной насыпи, либо от ее искусственного заглаживания.

Насыпь вала имеет деревянный каркас. Сохранность бревен плохая, и поэтому выяснить характер их врубки удалось лишь в общих чертах. Ясно, однако, что это был либо сплошной сруб, либо (что более вероятно) сруб, рубленный «в режь», т. е. с промежутками между бревнами. Рубка исполнена «в обло» с выпуском длинных (до 1 м) остатков. Бревна сосновые. От пребывания в глине они превратились в почти плоские прослойки трухи. Часть бревен была предварительно обожжена; эти бревна сохранились значительно лучше. На разрезе вала видны две стенки сруба, параллельные оси вала — передняя и задняя стенки. Путем расширения раскопочной траншеи у ее пересечения с задней стенкой сруба удалось выяснить, что конструкцию составляли отдельные срубы, вплотную приставленные один к другому. Благодаря большой длине выпущенных остатков расстояние между основными стенками соседних срубов равнялось, примерно, 1,7 м. Длина срубов поперек вала — 7,5 м.

Характерная особенность стенок срубов — их положение по отношению к поверхности земли. Передняя из них наклонена приблизительно под углом 50°, а задняя, еще более пологая, почти соответствует уклону заднего склона вала. Уклон этот можно объяснить только сознательным расчетом строителей, а никак не деформацией вала. Срубные стенки начинаются снизу от самого основания вала и доходят до высоты около 2 м. Выше они не прослеживаются и, видимо, сюда они не заходили.

Примерно на середине расстояния между передней и задней стенками сохранилось одно бревно, вероятно, связанное с этой конструкцией. Кроме того, ближе к передней стенке сруба обнаружены еще два больших бревна, направление которых несколько не совпадает с направлением стенок срубов. Связь этих двух бревен с основной конструкцией осталась невыясненной. Рядом с бревнами срубов в насыпи кое-где обнаружены прослойки щепы.

Под основанием вала залегает уровень древней поверхности — черный слой, постепенно светлеющий книзу и переходящий в материковую красную глину. Толщина слоя от 20 до 50 см. В верхней его части в незначительном количестве обнаружена керамика XI—XII вв. Наблюдения, сделанные во время земляных работ, показали, что слой материковой красной глины имеет толщину около 1 м; ниже залегают пестрые ленточные глины.

В основании лицевой части ядра вала имеется небольшая берма, шириной около 50 см. Перед бермой расположен уступ вниз (высотой около 30 см) и далее лежит более или менее горизонтальная поверхность, по-видимому, первоначальное дно пойменной долины реки Гзень. Пространство перед лицевым склоном ядра вала заполнено слоями глины, перемежающимися с прослойками гумуса. В этом слое встречаются фрагменты керамики и другие находки XVI—XVII и даже XVIII вв.

С тыльной стороны к основному ядру вала примыкает слой, состоящий из почти чистой глины, но все же с несколько большим, чем в основном ядре, количеством гумусных включений. Слой этот имеет в основании ширину около 3 м и, несомненно, предназначался для усиления вала. В этом же слое найдены единичные фрагменты керамики XI—XIII вв.

В свою очередь, к тыльной стороне этого слоя примыкает второй слой усиления вала, состоящий из перемешанной пятнистой глины с довольно значительными пятнами гумуса и зеленой глины. Находок в этом слое нет. В нижней части он почти однороден со слоем, к которому примыкает, т. е. с первым слоем усиления.

Слой древней поверхности вала имеет более или менее одинаковый характер как под его ядром, так и под его обоими тыльными слоями. В одном месте данного слоя обнаружена небольшая яма, по-видимому, никак не связанная с конструкцией вала.

В основании второго примыкающего слоя усиления обнаружен завал кирпичей, все кирпичи битые, не бывшие в употреблении, без следов раствора. В тыльной стороне, за кучкой кирпичей, на поверхности почвы встречаются отдельные комки извести. Кирпичи имеют толщину от 4,5 до 5,5 см, а ширину от 13 до 15 см. Обжиг хороший, красный, хотя есть кирпичи и плохого обжига. Форма кирпичей не всегда четкая, а поверхность их большей частью шероховатая. На некоторых из них прослеживается как бы несколько утолщенное ребро вдоль одной из постелей. Кирпичи подобного типа были в употреблении в Новгороде в XV—XVI вв. Завал их залегает не горизонтально, а наклонно, вдоль тыльной стороны первого слоя усиления. Это говорит, несомненно, о том, что кирпичи попали в вал во время второго его усиления. Вместе с кирпичами обнаружены фрагменты керамики, относящейся в основном к XIV—XV вв., хотя отдельные экземпляры более древние — XIII в.

В обоих слоях усиления вала обнаружены следы деревянной конструкции. В первом слое она имеется лишь в самом основании вала, а во втором — поднимается до высоты около 2 м. Конструкция состоит из тонких бревен, вернее жердей, расположенных вдоль оси вала почти по самому тыльному склону данного слоя. В первом слое усиления вала таких бревен обнаружено всего два; а во втором — одиннадцать. Перпендикулярно к ним, т. е. поперек вала, стояли стенки, каждая из которых состояла из трех таких же бревен, лежавших одно над другим. Стенки эти находятся на разной высоте (разница между двумя обнаруженными соседними степками — 1,2 м) и на различном расстоянии друг от друга (найлены три стенки — на расстоянии 2,4 и 1,6 м одна от другой). Сохранность их настолько плохая, что невозможно определить ни тип соединения бревен, ни их диаметр, ни даже породу дерева.

Поверх тыльного склона второго слоя лежит черная земля. В основании вала ее слой местами имеет толщину до 70—80 см; кверху она утоняется и на высоте 3—3,5 м обрывается. Снаружи к земле примыкает небольшая прослойка песка и перемешанный гумусированный слой под современным дерном. Керамика, найденная в черном слое, относится ко времени от XIII до XVI вв.

На основании материалов настоящей прорезки вала можно прийти к следующим выводам: основное его ядро, имеющее размеры — 15 м в основании и первоначаль-

Рис. 2. Прорезка вала Новгородского острога

ную высоту, по-видимому, около 5 м, было сооружено в XII в. (рис. 3). Вал этот имел внутри деревянную конструкцию. В XIV в. вал был усилен прикладкой с тыльной стороны. Ширина вала в основании при этом увеличилась до 18 м. Возможно, что тогда же была несколько увеличена и высота вала. Еще позже, видимо во второй половине XV в. или даже в XVI в., вал был еще раз усилен прикладкой с тыльной стороны². При этом для лучшей связи с валом в прикладку была заложена деревянная конструкция из тонких бревен или жердей, а верхняя часть первого слоя усиления, по-видимому, частично срезана для создания в основании более пологой поверхности. Основная задача строителей этого периода заключалась, вероятно, не в увеличении высоты вала, а в создании на его вершине более широкой площадки для расположения здесь толстых деревянных стен, забитых внутри землей (тарасов). При этом общая ширина вала в основании достигла 20 м.

Наблюдения, сделанные при земляных работах на других участках Софийской стороны, где срезалась насыпь острога, позволяют дополнить картину, полученную при прорезке вала у Ленинградской улицы, и дают основание судить о том, насколько единообразной была конструкция вала на всем его протяжении. Так, культурный слой под основанием вала был изучен на нескольких участках. В районе Комсомольской улицы (ранее Лучинская улица) он имел толщину от 0,2 до 0,4 м и содержал обломки амфор и бытовой керамики XI в. В районе Советской улицы его толщина под валом была гораздо большей и доходила до 1,25 м. Слой состоял из плотного темно-коричневого гумуса, насыщенного щепой, обрезками кожи, шерстью. Прослойки золы и навоза свидетельствуют о том, что культурный слой здесь не был нарушен, а отложился на месте. Наряду с органическими остатками в слое встречается

² Возможно, что это усиление было сделано в 1534 г., когда рубился деревянный город на Софийской стороне (ПСРЛ, т. VIII. СПб., 1859, стр. 287).

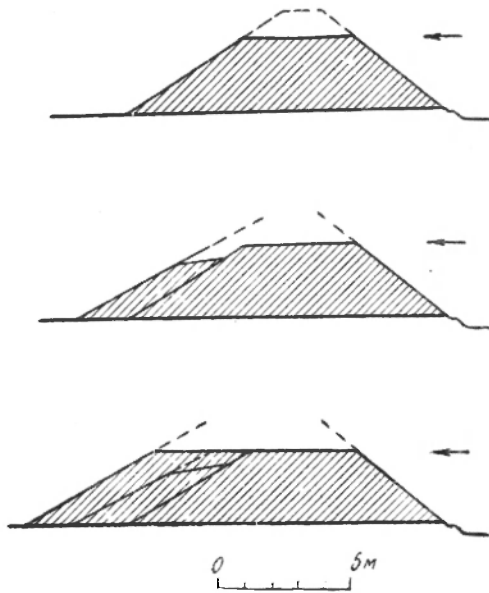

Рис. 3. Схема этапов усиления вала Новгородского острога

струкция. Наиболее полно эта конструкция выявлена к югу от каменного пилона воротной башни на Легощей (совр. Советской) улице. Конструкция представляла собой клетки, рубленные в обло и имевшие размер — поперек вала 7,5 м, вдоль вала от 3,15 до 3,35 м. Кроме передней и задней стенок, клетки имели вдоль вала промежуточные бревна, расположенные примерно в 2,5 м от их задних стенок. Диаметр бревен — около 20 см; сохранность дерева очень плохая. Конструкция начиналась внизу, у основания вала, и поднималась вверх, почти до самого верха его сохранившейся части. По-видимому, эта конструкция была полностью идентична той, которая изучена нами у Ленинградской улицы. Следы такой же конструкции в основном ядре вала были отмечены также в районе Комсомольской улицы. На всех обследованных участках — у Ленинградской, Комсомольской и Советской улиц — отмечено, что стенки клеток не вертикальны, а наклонны; их вершины были заметно наклонены к лицевой части вала. Это свидетельствует о единообразии устройства древнейшей части вала острога Софийской стороны на всем его протяжении.

По-видимому, более или менее одинаковый характер носило также и усиление вала, хотя в этом отношении материалы обследования дают несколько менее определенные сведения. Во всяком случае несомненно, что это усиление всюду производилось подсыпкой вала с тыльной стороны, причем на большинстве участков отмечено не менее двух этапов усиления.

На участке у Комсомольской улицы в тыльной части вала найдены бревна; они лежали вдоль вала, соответственно уклону его тыльного склона. По-видимому, это свидетельствует о наличии конструкции, совпадающей с конструкцией второго слоя усиления вала, изученной на участке у Ленинградской улицы.

Значительно меньше данных имеется об устройстве вала острога на Торговой стороне. Севернее Федоровского ручья при снятии участка его насыпи было отмечено, что вал состоял из красной глины с небольшими пятнами гумуса. В нем были видны следы деревянной конструкции — срубы, имевшие три продольных стенки вдоль направления вала. Поперечные стенки срубов были расположены друг от друга примерно в 3 м. Их бревна выходили почти на поверхность сохранившейся части вала. Очень

керамика, относящаяся в основном к XI в., а также обломки синих стеклянных браслетов. Между Советской улицей и улицей Льва Толстого (древние Чудинцева и Легощая улицы) культурный слой под валом достигал толщины 0,7 м и состоял из перегноя, щепы и органических остатков. Здесь также найдены обломки стеклянных браслетов.

Судя по характеру керамики, стеклянным браслетам и другим находкам в культурном слое, время сооружения первоначального ядра вала острога на всем протяжении Софийской стороны — XII в., вероятнее, первая его половина.

На всех обследованных участках внутри первоначального вала XII в. выявляется его основное ядро, лежащее в лицевой части вала. Ядро это иногда несколько отличается цветом глины, а в некоторых случаях отделяется от остальной части вала и наклонной прослойкой гумусоватой глины.

На нескольких участках была вскрыта также впутивальная деревянная кон-

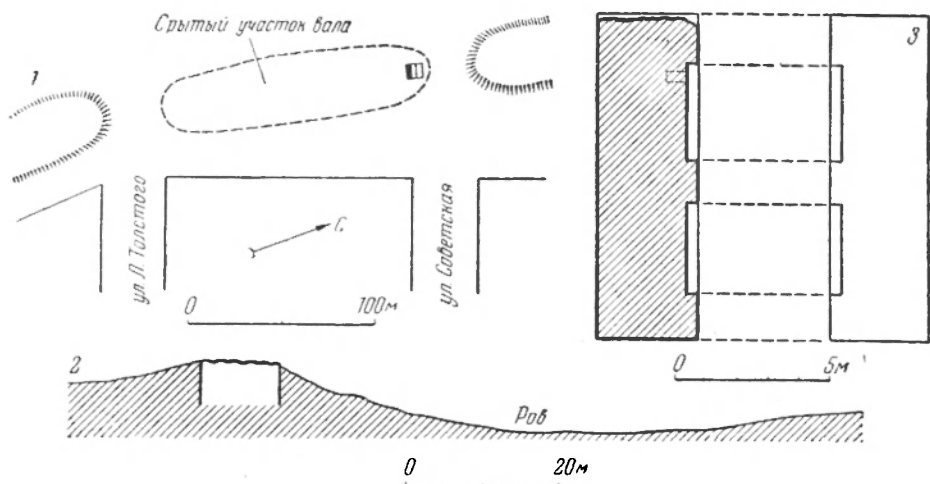

Рис. 4. Каменные ворота вала Новгородского острога

1 — вал с местом расположения ворот; 2 — профиль вала и рва перед ним с местом расположения воротного пилона; 3 — реконструкция плана ворот по вскрытому пилону

вероятно, что на этом участке вал острога имел конструкцию, подобную валу Софийской стороны.

Очень интересные материалы были получены при срытии остатков плохо сохранившегося вала у Боровичской улицы (древняя Нутная) на Торговой стороне. Здесь удалось выяснить, что под древнейшей частью вала лежит слой погребенной почвы без культурных остатков. Ширина основания этой древней части вала — около 25 м. По высоте он сохранился на 2—2,5 м. В валу найдены остатки деревянной конструкции из дубовых бревен, толщиной до 30 см. Срубные стенки конструкции всюду начинались от основания вала и сохранились на высоту до семи венцов. Бревенчатые стенки расположены довольно часто; удалось отметить четыре стенки, идущие вдоль вала примерно в 1 м одна от другой. Две перпендикулярные к ним стенки срубов оказались расположенными на расстоянии несколько более 2 м. В отличие от конструкции валов Софийской стороны, срубные стенки были здесь не наклонными, а вертикальными. Тыльный слой древней части вала был прикрыт наклонной прослойкой гумуса и щепы толщиной 8—10 см.

С задней стороны к первоначальному валу примыкает насыпь усиления, под которой, в отличие от ядра, лежит культурный слой толщиной около 1—1,2 м. В культурном слое встречаются бытовые остатки — керамика, кожаные и деревянные изделия. В насыпи усиления также обнаружены следы деревянной конструкции.

Таким образом, на этом участке вал острога имел несколько иную конструкцию, чем на других участках: и материал деревянных клетей (дуб), и их размеры не совпадают с конструкцией вала Софийской стороны. Не исключена возможность, что это отличие связано с иными природными условиями данного юго-восточного участка новгородских оборонительных сооружений, поскольку здесь нижняя часть вала постоянно подмывалась водой.

* * *

Каменные ворота Новгородского острога были изучены при разборке проезжей башни на линии Советской улицы (бывшая Ростинская башня), на Софийской стороне³ (рис. 4). Ко времени разборки ворот в 1954 г. от северного пилона сохранился

³ Изучение производилось по поручению Научно-методического совета по охране памятников культуры АН СССР.

Рис. 5. Торец пилон ворот вала Новгородского острога

лишь фундамент, а на нем — отдельные куски кладки. Южный пилон уцелел значительно лучше; высота его кладки достигала 3 м от уровня фундамента. Облицовка этого пилонa целиком сохранилась на трех сторонах и лишь с западного торца она была сбита (рис. 5).

Сохранившийся пилон ворот — это прямоугольник в плане, шириной 2,85—2,88 м и длиной 10,2 м. Однако, учитывая, что облицовочный слой камней его западного торца был обломан, следует считать, что первоначально пилон был несколько длиннее. Судя по вскрытому обрезу фундамента, его продольный размер был несколько меньше 10,5 м. Южная стена пилонa (примыкавшая к валу), а также обе торцовых стенки (западная предположительно, поскольку ее облицовка не сохранилась) были гладкими, не имеющими ни выступов, ни ниш. Северный фасад, выходящий в сторону проезда, имел три лопатки (остатки арочных перемычек) шириной 1,37—1,47 м и толщиной 0,35—0,4 м. Лопатки не доходили до фундамента; на высоте 0,8 м от его обреза они были объединены горизонтальной полкой, выложенной заподлицо с их наружными плоскостями.

Пилон был сложен из красновато-бурого пльменского известняка. В незначительном количестве встречались также известняковые плиты слоистой структуры, как красно-бурого, так и серого цвета. Кладка нерегулярная, и камни большей частью имели неправильную форму. Толщина швов — до 7 см; раствор кладки — известковый, кремового цвета.

Наружный, облицовочный слой кладки был выложен из отесанного известняка, имевшего вид блоков размером от 0,3 до 0,6 м в длину. В облицовочном слое преобладали более темные камни красно-бурого цвета, отличавшиеся от самой кладки. По-видимому, наружная поверхность пилонa была первоначально тщательно отесана,

как как даже ко времени разборки она оставалась достаточно гладкой. Швы облицовочной кладки тонкие, не более 1 см.

В нижней части пилона, на 20 см выше обреза фундамента и на расстоянии 1,2 м друг от друга, были уложены две толстые бревенчатые связи, диаметром несколько менее 40 см. Они проходили горизонтально вдоль пилона. К моменту исследования эти связи сгнили, но в кладке от них сохранились пустоты. Снаружи торцы связей закрывались облицовочными камнями. В восточной лопатке было обнаружено отверстие от такой же связи, лежавшей поперек пилона. Возможно, что под облицовкой были скрыты и другие отверстия от поперечных связей, не замеченные при обследовании.

Пилон имел мощный фундамент из крупных валунов. Верхний ряд его камней был пролит известковым раствором, а все остальные сложены на глине. Фундамент выступал наружу от стен приблизительно на 0,4 м. На глубине около 2 м он расширялся еще, примерно на 0,4 м. Нижняя часть фундамента осталась неисследованной, так как на глубине 2,3 м от его обреза в раскопе появилась грунтовая вода.

Судя по сохранившимся остаткам фундамента второго северного пилона, ворота были симметричными. Их проезд имел ширину (между лопатками) около 4 м. Воротные полотнища были навешены на железных петлях с тыльной стороны наружной, т. е. западной, лопатки. Остаток отломанной пяты для петель створ сохранился в кладке южного пилона на высоте 1,25 м от верхнего обреза фундамента и в 0,17 м от наружной лопатки к тыльной стороне. Остаток пяты представлял собой железный стержень, сечением 5,5 × 4 см, плотно заделанный в кладку. Выше пяты (на высоте 2,15 м от обреза фундамента) и на 8 см ближе к тыльной стороне пилона в кладке была расположена ниша для заведения бруса запора ворот (рис. 6). Высота и ширина этой ниши были по 0,28 м, глубина ее — 0,76 м. Никаких следов расположения других створных полотнищ или опускающих решеток в пилонах ворот не обнаружено.

Об уровне древнего проезда можно судить лишь приблизительно, так как следов настила не найдено. Однако этот уровень должен был находиться выше уровня обреза фундамента, но ниже полки, соединявшей основания лопаток. В целом проездная башня была в плане приблизительно квадратной, со сторонами около 10,5 м.

Вопрос о датировке этой башни решается вполне определенно. Она является, несомненно, одним из тех «костров», которые в 1391 г. были построены «по обе стороны острога, у всякой улицы»⁴. С такой датировкой хорошо согласуется как

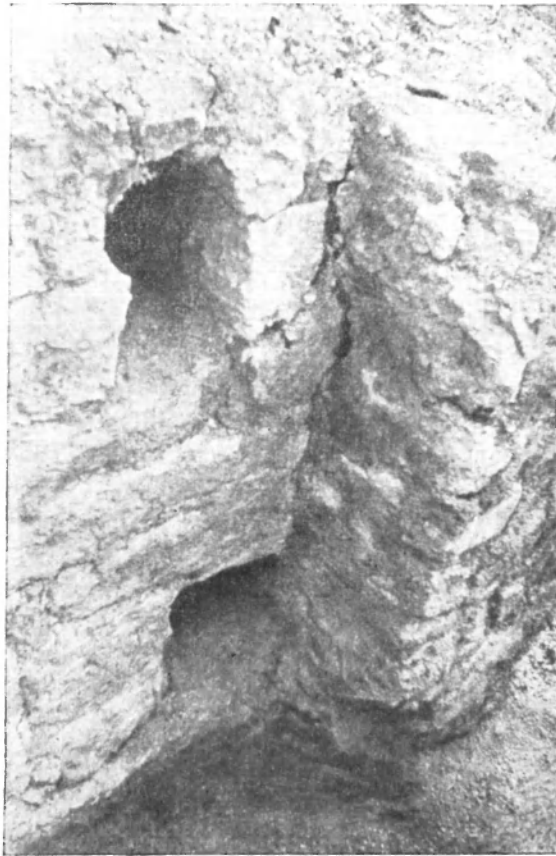

Рис. 6. Деталь пилона ворот зала Новгородского острога с отверстиями от запорного бруса (внизу отверстие, образовавшееся при выломке железной пяты воротных створ)

⁴ ПСРЛ, т. IV, СПб., 1848, стр. 98.

техника кладки из красного известняка, применявшегося в XIV в. и вышедшего из употребления в XV в., так и расположение башни в конце древней Легощей улицы. В кладке ворот был обнаружен обломок кирпича, шириной 14 см и толщиной 6,5 см. Точно такой же кирпич, размером 28 × 14 × 6,5 см, красно-оранжевого цвета, с неровной морщинистой поверхностью найден и в завале воротного проезда. Кирпич такого типа также характерен именно для XIV—XV вв. Следует отметить, что техника кладки ворот почти совершенно идентична технике кладки Ильинских ворот и участка стены, раскопанных А. М. Монгайтом в 1947—1948 гг.⁵

Время разборки интересующих нас ворот также определяется весьма точно. В приложении к Никоновской летописи отмечено, что в 1502 г. по приказу Ивана III «Поставлен бысть деревянный Великий Новгород по старому спу, и стрельницы деревянные, а старые каменные разбили»⁶.

Это сообщение, оставшееся вне поля зрения исследователей, указывает, что период существования каменных воротных башен Новгородского острога был сравнительно невелик, — лишь немногим более ста лет. Однако перестройка 1502 г., по-видимому, коснулась только верхних частей башен; нижние их части, очевидно, продолжали функционировать и значительно позже. Лишь после того, как ворота вообще потеряли военное значение, проезд их был засыпан. Засыпка проезда ворот состояла из глины, в которой встречались прослойки сгнившего дерева. На каких материалах, позволяющих определить время засыпки проезда, не было обнаружено. Можно, однако, с уверенностью сказать, что это произошло в начале Северной войны, ибо в это время в Пскове и Новгороде по приказу Петра I не только копали рвы, ломали церкви и делали палисады, а и «башни насыпали землей», ломая при этом их деревянные «верхи» и снимая одновременно деревянные кровли крепостных стен⁷.

---

⁵ А. Л. Монгайт. Указ. соч., стр. 23.

⁶ ПСРЛ. т. XII, СПб., 1901, стр. 266.

⁷ Записки русских людей. Записки Желябунского с 1682 по 1710 г. СПб., 1841, стр. 81.

Ю. П. СПЕГАЛЬСКИЙ

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЦЕРКВИ НИКОЛЫ НА УСОХЕ В ПСКОВЕ

Церковь Николая на Усохе — бывший кончанский храм древнего Опочского копца в Пскове. По свидетельству летописей, этот храм впервые был построен в 1371 г.¹ Место, где он находился, в XV в. не раз выгорало — в 1406 г., когда «весь Псков погорел»², в 1451 г., когда «ногоре весь град Псков»³, и в 1466 г., когда пожар начался на Усохе⁴. Надо полагать, что во время пожаров церковь получала повреждения. Рядом с храмом в древности было расположено кладбище («буй»). Под 1473 г. летопись сообщает: «Тоя же весне около буйа святого Николе, у Вопочском конци, камением оделав п врата каменныя пзрядив, и садом яблонями насадили»⁵. Под 1536 г. в летописи вновь говорится, что «свершена бысть церковь святой Никола на Усохи» и «освещаю месяца декабря в 6 день»⁶. Новая церковь, вероятно, пострадала от пожара в 1550 г.⁷ Большой пожар в 1562 г. миновал ее, что видно из описания пожара⁸, но в 1609 г., когда сгорел весь Псков⁹, она, видимо, вновь была повреждена.

Церковь приходила в ветхость и неоднократно подвергалась перестройкам в XVII—XIX вв. Результаты этих перестроек были отчетливо видны на здании до

¹ Вторая Псковская летопись под 1371 г. сообщает: «Поставлена бысть церковь камена святого Никола на Восо» (ПЛ, вып. II, М., 1955, стр. 28). В Псковской третьей летописи под этим же годом сказано: «Свершена бысть церковь святого Никола у Вопоки, камена» (там же, стр. 105). Усоха и Вопока (или Опока) — это, вероятнее всего, название одного и того же места. Может быть, однако, это не одно и то же место, но в таком случае Опока находилась рядом с Усохой, в непосредственной близости от церкви Николая.

² ПЛ, вып. I, М. — Л., 1941, стр. 28; вып. II, стр. 32, 112.

³ Там же, вып. II, стр. 48, 139.

⁴ Там же, вып. I, стр. 72; вып. II, стр. 54.

⁵ Там же, вып. II, стр. 193.

⁶ Там же, вып. II, стр. 223; вып. I, стр. 107.

⁷ Вот как описывает этот пожар третья Псковская летопись: «Лето 7058, месяца марта 23, нашего ради съгрешения, загореся к тому дни пощю у Песках у монастыре, и погоре от большой стене и до Старого Застенья, от реки Пскове и до Великой реки и Старое Застенье, и ничто же не оста, но токмо у Трупеховых у полевых ворот оста 5 дворов, да пушечней сарай на Коневой площади, а каменных церквей погорело 31...» (ПЛ, вып. I, стр. 231).

⁸ ПЛ, вып. II, стр. 242.

⁹ Там же, вып. II, стр. 271.

начала работ по его частичной реставрации в 1946 г. Несомненно, что в конце XVII в. первоначальные восьмискатные покрытия основного объема храма и его придела были переделаны на четырехскатные, подобно тому, как были в это время изменены крыши всех церквей Пскова.

Тогда же были перекрыты сводами боковые притворы, а с запада пристроено новое каменное крыльцо и переделаны окна. Судя по состоянию каменной кладки, находившейся под надкладками, сделанными в конце XVII в. (сняты в 1946 г.), церковь перед этой перестройкой сильно обветшала. Крыши на ней не было. На Сретенском приделе росла трава, а верхние части стен (как придела, так и основной части храма) были сильно размыты и разрушены.

Не менее заметными были и следы перестройки, относившейся к концу XVIII в. Тогда рядом с церковью была выстроена колокольня, у южной абсиды построена новая часовня, вновь подверглись переделке окна храма, а над его барабаном была сделана новая глава с перехватом, сохраняющаяся и поныне. Клейма на полосовом железе, из которого сделан каркас главы, свидетельствуют, что оно было изготовлено в конце XVIII в.

Перестройки продолжались и в XIX в. В 1865 и 1873 гг. производились работы по южному приделу Иоанна Богослова, в ходе которых до уровня земли были сняты все выступавшие к югу от четверика храма части (может быть, измененные уже в XVII в.), а на их месте, на новых фундаментах построена южная пристройка¹⁰. Капитальной переделке церковь подвергалась также в 1878—1879 гг., когда были расширены ее окна, надстроен деревянный верх колокольни, подняты полы и произведены другие работы¹¹.

В XX в. церковь Николы на Усохе не реставрировалась, но потеряла иконостас и все внутреннее убранство. В 1941 г. здание было повреждено пожаром, а в 1946 г. реставрировалось (за исключением притворов). Эта реставрация ставила целью возвратить памятнику его первоначальные формы и сопровождалась его изучением. Последнее облегчалось, в частности, ясно различимой разницей между кладками отдельных строительных периодов.

В процессе изучения было установлено, что первоначальная постройка сложена из подтесанной, постелистой, серой плиты¹² на растворе из желтоватой извести с крупным, а в некоторых местах и мелким, речным песком.

Кладка XVII в. сделана из крупной тесанной плиты на растворе из известки с очень мелким горным желтым песком. Цвет плиты в кладке XVII в. — голубоватый и зеленоватый, в то время как для плиты первоначальной кладки характерны теплые оттенки.

Более поздние кладки отличаются иными составами растворов и применением кирпича, а также употреблением плиты только в рваном или грубо околотом виде. Все это позволило отличить первоначальную основу от частей XVII, XVIII, XIX и XX вв. (рис. 1).

Из публикуемых здесь обмерных чертежей четырех фасадов церкви Николы на Усохе (рис. 2, 3, 4 и 5), характеризующих ее общее состояние через четыре года после пожара 1941 г., а также из обмера ее плана, хорошо видно, что главный объем памятника, его северный придел и два крыльца (западное и северное) сохранились сравнительно хорошо. Были переделаны только их покрытия, чего не избежала ни одна из церквей, построенных в Пскове до XVII в. Как обычно, были изменены также окна и двери, пробиты новые оконные и дверные проемы, и, кроме того, в стенах четверика устроены ниши. Окна барабана храма были расширены, а над барабаном

¹⁰ См.: Н. Ф. О к у л и ч - К а з а р и н. Спутник по древнему Пскову. Псков, 1911, стр. 119.

¹¹ Там же, стр. 119. — Указание на стр. 121, относительно отески столбов в 1878 г., является результатом какой-то ошибки, так как столбы были сложены круглыми первоначально, что ясно видно в натуре.

¹² В кладке барабана употреблены горшки, а в верхних частях стен — голосники.

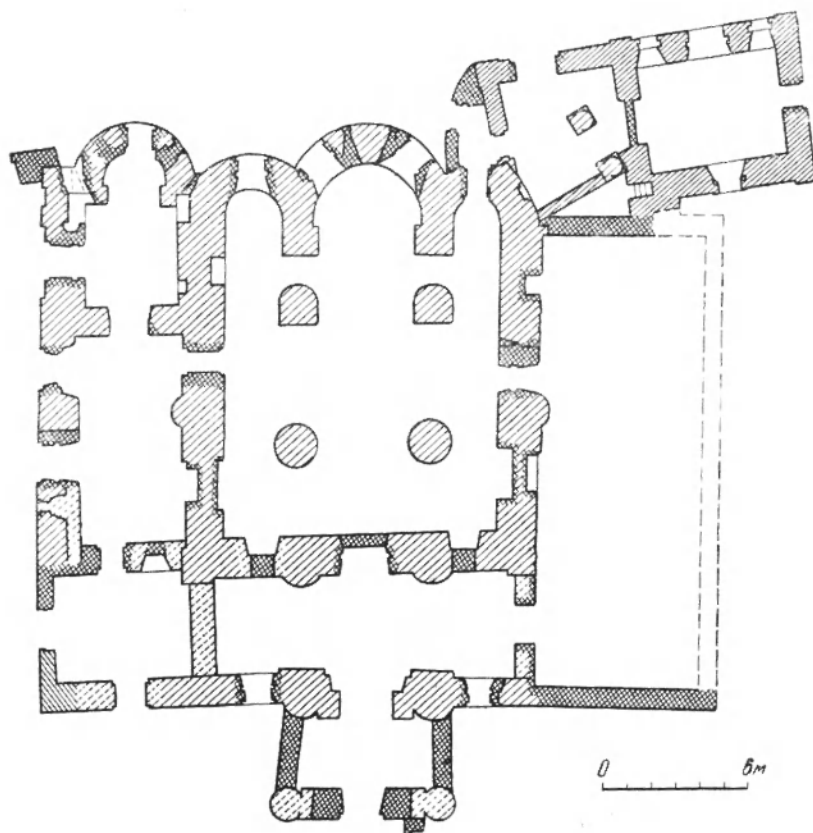

Рис. 1. План церкви Николая на Усохе. Обмер 1945—1946 гг.
 штриховка — кладка XVI в.; частая штриховка — кладка XVIII в.;
 штриховка в клетку — кладка XIX—XX вв.

в конце XVIII в. сделан каменный карниз. Часовня у южной абсиды, хотя и пострадала при перестройках церкви, но все же сохранила свой основной объем.

Все части, располагавшиеся с южной стороны основного объема церкви, не сохранились. Они были сломаны в XIX в. при постройке южного придела. Однако фактически подверглось уничтожению лишь то, что возвышалось над уровнем земли. Находившиеся в толще культурного слоя древние стены сохранились на высоту около 1,5 м.

Стены северной половины притворов были повреждены при перестройке XVII в. Сохранились два участка их — примыкающий к западному крыльцу и расположенный к западу от крыльца придела. В последнем участке осталось нетронутое первоначальное окно (см. рис. 1).

От звонницы, которая стояла на северной стене основного объема церкви, осталось лишь основание. Столбы ее были сломаны, очевидно, в связи с постройкой новой колокольни в конце XVIII в. После переделки восьмискатного покрытия церкви на четырехскатное, в конце XVII в., звонница еще существовала. Свидетельством этого было то, что до 1946 г. обломки разрушенной звонницы заполняли пазухи над северными сводами вровень с верхами надкладок, сделанных в XVII в. под четырехскатную крышу.

К сожалению, реставрация памятника и его исследование были прерваны в [1947 г. и остались далеко не законченными. Однако данные, полученные в ходе работ и

Рис. 2. Западный фасад церкви Николы на Усохе. Обмер 1945—1946 гг.

обмеров, позволяют сделать выводы о времени его сооружения и дать представление о его первоначальном виде.

* * *

Несмотря на перестройки, от всех первоначальных частей церкви Николы на Усохе сохранились остатки и следы (за исключением, конечно, покрытий и завершений глав и внутреннего убранства). Пока что не все из них изучены. Остатки уничтоженных в XIX в. частей церкви, сохраняющиеся, как уже говорилось, выше современного уровня почвы, при исследовании 1946 г. не раскапывались. Однако по следам, сохранившимся на южной стене четверика, об этих частях можно судить с точностью, вполне достаточной для их графической реконструкции.

По этим следам видно, что у входа в церковь с юга было крыльцо. Нижняя часть его полустолба была раскопана при реставрации дверного проема в 1946 г. (см. рис. 1). Этот полустолб и следы примыкания свода крыльца к стене храма показывают, что южное крыльцо было таким же, как и целиком сохранившееся северное крыльцо, с той лишь разницей, что если к последнему с востока примыкал высокий придел, то к южному — палатка, имевшая небольшую высоту и являвшаяся как бы продолжением притвора. На угловой (восточной) лопатке южного фасада четверика,

Рис. 3. Северный фасад церкви Николая на Усохе. Обмер 1945—1946 гг.

срубленной внизу при постройке в конце XIX в. южного придела, осталась у самого угла несрубленная полоса. На этой полосе сохранилась штраба, свидетельствующая, что палатка была сложена вместе с основным объемом памятника. По этой штрабе точно устанавливается высота палатки.

Изучение церкви Николая на Усохе и обследование других древних памятников Пскова показало, что сложившиеся представления о псковских церковных крыльцах XV—XVI вв., как о трехпролетных навесах, покоящихся на круглых столбах, не отвечают действительности. Этот тип крылец появился только в XVII в.

Крыльца XV—XVI вв. при наличии боковых арок, опирающихся у стен четверика на закругленные полустолбы, с лицевой стороны всегда ограничивались стеной с высоким дверным проемом, затворявшимся двухстворной железной дверью. Такие крыльца устраивались только при наличии боковых притворов; иногда их называют галереями. Широкие арки крылец связывали их с притворами. Если притворов у храма не было, то тогда в крыльце не делалось и боковых проемов¹³. Снаружи крыльца обычно обрабатывались как бы вставленными в их углы круглыми столбами. Это и создавало ложное впечатление широких заложённых проемов.

¹³ До 1944 г. такое крыльцо можно было видеть у церкви Никиты с Поля в Пскове (1470).

Рис. 4. Южный фасад церкви Николая на Усохе. Обмер 1945—1946 гг.

Как правило, щипцы крылец украшались выступающими пятилопастными дугами и нишами (обычно тремя) для образцов, исполнявшихся фреской. Таким было первоначальное западное крыльцо церкви Николая на Усохе. Сохранившееся целиком, без каких-либо утрат, оно лишь заслонено другим крыльцом, пристроенным к нему уже в XVII в. (рис. 6 и 7).

По сохранившимся участкам стен первоначальных притворов видно, что они перекрывались деревянными настилами. Так же была перекрыта и палатка за южным крыльцом. Подобного рода настилы были, вероятно, наклонными, а их уклон соответствовал уклону крыш. Детали устройства таких деревянных перекрытий пока не установлены. Притворы церковей Успения в Святогорском монастыре (построена после 1568 г.) и Ильи в Выбутах (XVI в.), как показывают их остатки, тоже имели деревянные перекрытия. В XVI в. и, вероятно, в XV в. такие перекрытия в Пскове, по-видимому, не были исключением.

В сохранившейся части стены северного притвора существует совершенно целое первоначальное окно. В стене притвора, к югу от западного крыльца церкви, осталась притолока, подоконник и часть перемычки другого такого же окна. Положение этих окон позволяет догадываться о расположении остальных (ср. рис. 1 и 6).

В ходе работ 1946 г. была обнаружена, а затем и расчищена от обстройки XVIII в. древняя часовня, особенность которой состоит в том, что ее верхняя часть была открытой и представляла навес, державшийся на двух столбах. При реставрации часов-

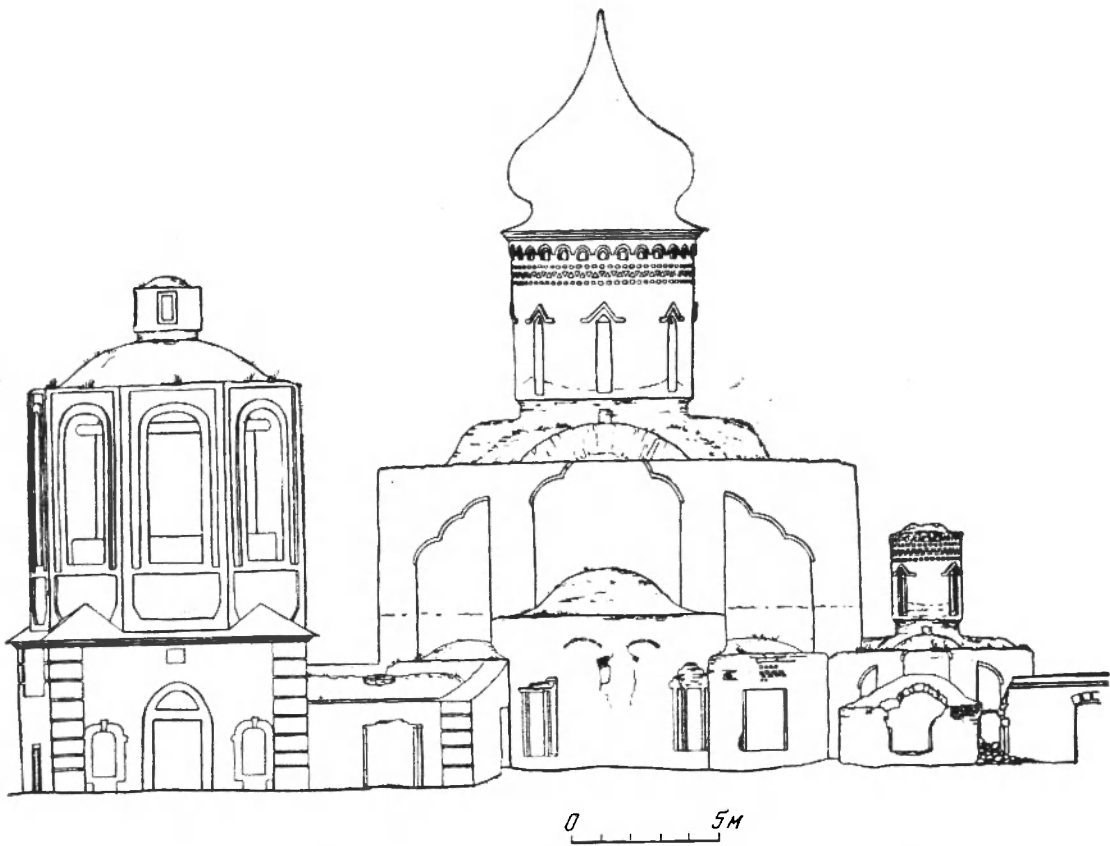

Рис. 5. Восточный фасад церкви Николы на Уссе. Смер 1945—1946 гг.

ни было установлено, что она на 2 м закрыта позднейшими напластованиями, целиком скрывшими ее нижний этаж — помещение с одним дверным проемом. Под остатками обрушившегося ползучего свода, перекрывавшего помещение, найдены человеческие кости и черепа — свидетельство того, что здесь был склеп. В настоящее время вход в склеп скрыт под поверхностью земли. Над склепом расположена собственно часовня, сохранившая до нашего времени основные части — столбы, арки, сводчатое перекрытие и нишу в абсиде с остатками изображения Николы, написанного на штукатурке. Пол часовни был первоначально на столь значительной высоте от земли, что вход в нее мог быть только по ступеням какой-то лестницы. Обследование часовни на Мироносицком кладбище — единственного псковского памятника, приближающегося по типу к часовне у церкви Николы на Уссе, — показало, что перед ее входом также была лестница. Вероятно, подобная же лестница существовала и у часовни церкви Николы на Уссе. Остатки ее, надо полагать, существуют в земле, хотя они, наверное, пострадали при постройке колокольни в конце XVIII в. На реконструкции (рис. 8 и 9) лестница часовни церкви Николы на Уссе показана условно, на основании предварительных соображений, а не точных данных, которые можно получить только путем раскопок.

Сохранившийся над торцом часовни щипец свидетельствует о том, что ее покрытие было двухскатным. Этот щипец позволяет установить уклон скатов кровли часовни.

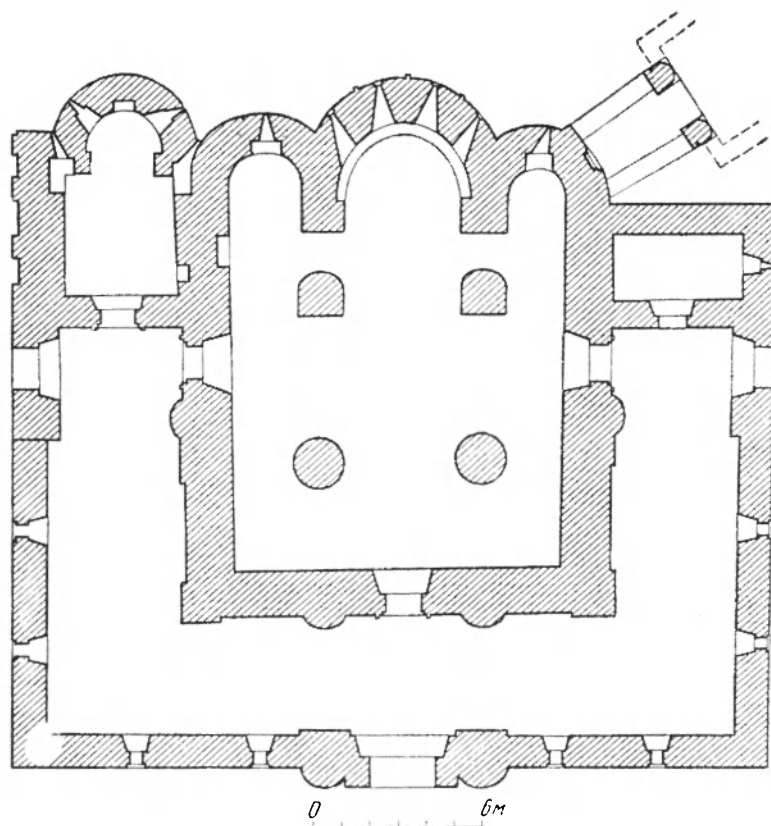

Рис. 6. План церкви Николая на Усохе. Реконструкция Ю. П. Спегальского

Что касается главки часовни, изображенной на реконструкции, необходимо отметить, что если косвенные данные и говорят за то, что она здесь существовала, то непосредственных следов ее не сохранилось. К косвенным данным можно отнести упоминание И. Ф. Годовикова о древнем кресте, находившемся над часовней¹⁴. Он был типичен для крестов, венчавших главы, и не мог быть установлен просто на крыше. В натуре на своде часовни до 1946 г. сохранялись остатки барабана главки, сделанного, как можно было видеть по его кладке, в XVIII в. Есть основание предполагать, что эта главка была построена на месте старой, так как положение ее по отношению к часовне XVIII в. оказалось случайным. В XIX в. эта главка была сломана и заменена глухой деревянной главкой, поставленной на месте, более соответствующем композиции новой часовни. Барабан главки XVIII в. имел световое отверстие, открытое внутрь часовни, но первоначальная главка могла быть только глухой, потому что отверстие в своде под барабаном XVIII в. было пробито при его постройке. Такой главка показана на реконструкции.

Часовня сложена не вместе с абсидой, к которой она примыкает, а сделана уже после того, как основная часть храма была возведена. При постройке часовни для ее

¹⁴ См.: И. Ф. Годовиков. Описание и изображение древностей Псковской губернии. Вып. 2. Псков, 1881, стр. 43. — Часовня Николая-чудотворца у церкви Николая на Усохе носила указываемое И. Ф. Годовиковым название «Неугасимой свечи».

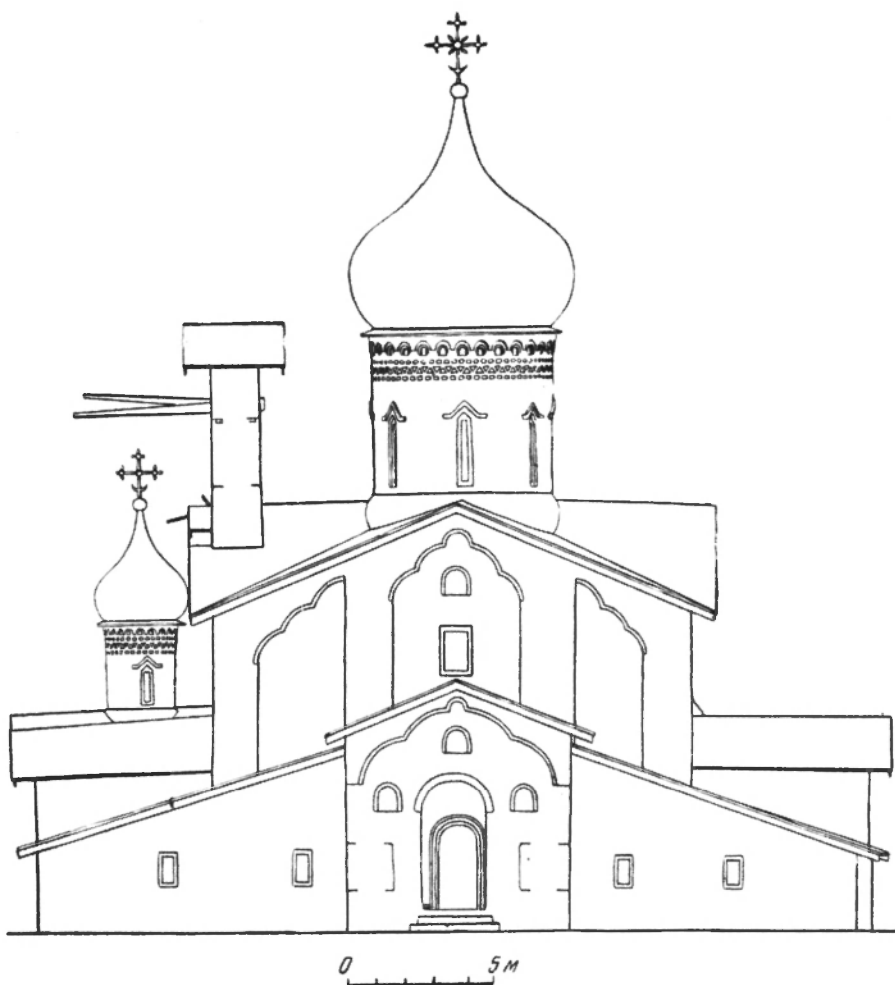

Рис. 7. Западный фасад церкви Николая на Усохе.
Реконструкция Ю. П. Спегальского

западной арки в кладке абсиды была выломана пята и сделана штраба для присоединения восточной стенки часовни. Но ниша, в которой находится изображение Николая, была выложена уже при кладке абсиды. Очевидно, часовня входила в первоначальный замысел постройки, но во избежание большой разницы в осадке тяжелого основного объема храма и легкой часовенки кладка последней была пачата позднее.

Как уже упоминалось, окна и двери церкви Николая на Усохе не раз переделывались. Однако от первоначальных проемов остались следы, по которым можно восстановить их величину и форму с полнейшей точностью. Из всех древних окоп только одно в жертвеннике было расширено во все четыре стороны, т. е. таким образом, что остатков его прежнего проема не сохранилось. Это окно было восстановлено по аналогии с симметричным ему древним окном диаконника. Все же остальные окна и двери реконструированы по сохранившимся следам.

Реконструкция окоп барабана никаких затруднений не представляет, так как они были расширены только в наружных частях, что же касается их устройства.

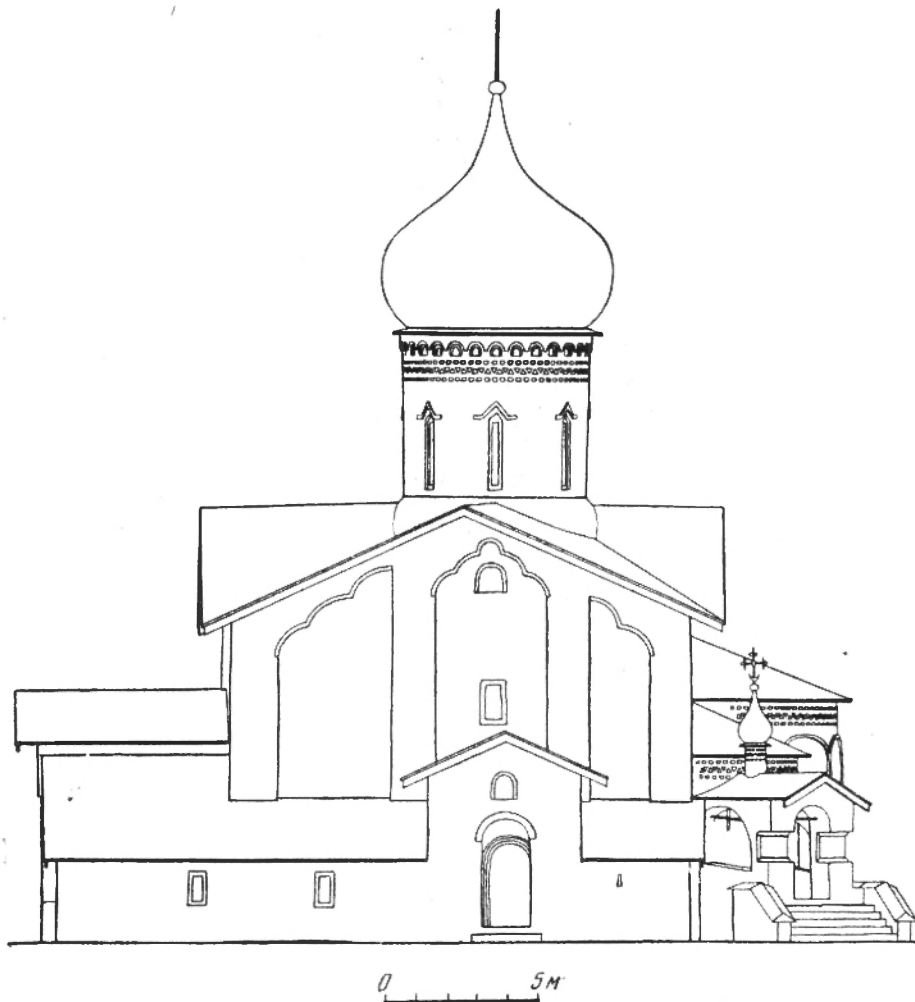

Рис. 8. Южный фасад церкви Николая на Усохе. Реконструкция Ю. П. Спегальского

то оно аналогично другим одновременным псковским церквям, в которых окна барабанов сохранились нетронутыми.

Как уже упоминалось выше, первоначальное покрытие основного объема церкви было восьмискатным. Скаты первоначальных щипцов, после снятия их вершин и надкладки нижних частей в конце XVII в., еще на значительном протяжении сохранились, хотя и были местами размыты и нарушены. Надкладки были много тоньше старых стенок щипцов, и это при работах 1946 г. дало возможность точно воспроизвести линии скатов первоначальной крыши.

Необходимость восстановить крышу в натуре привела к тому, что были установлены не только уклоны щипцов и соответственно им наружные очертания скатов крыши, но и определены некоторые, неизвестные ранее типичные особенности восьмискатных (с прямыми скатами) покрытий, характерные для псковской архитектуры. Если легко можно было бы нарисовать на фасадах церкви Николая на Усохе восьмискатное покрытие по образцу новгородских, со скатами крыши, непосред-

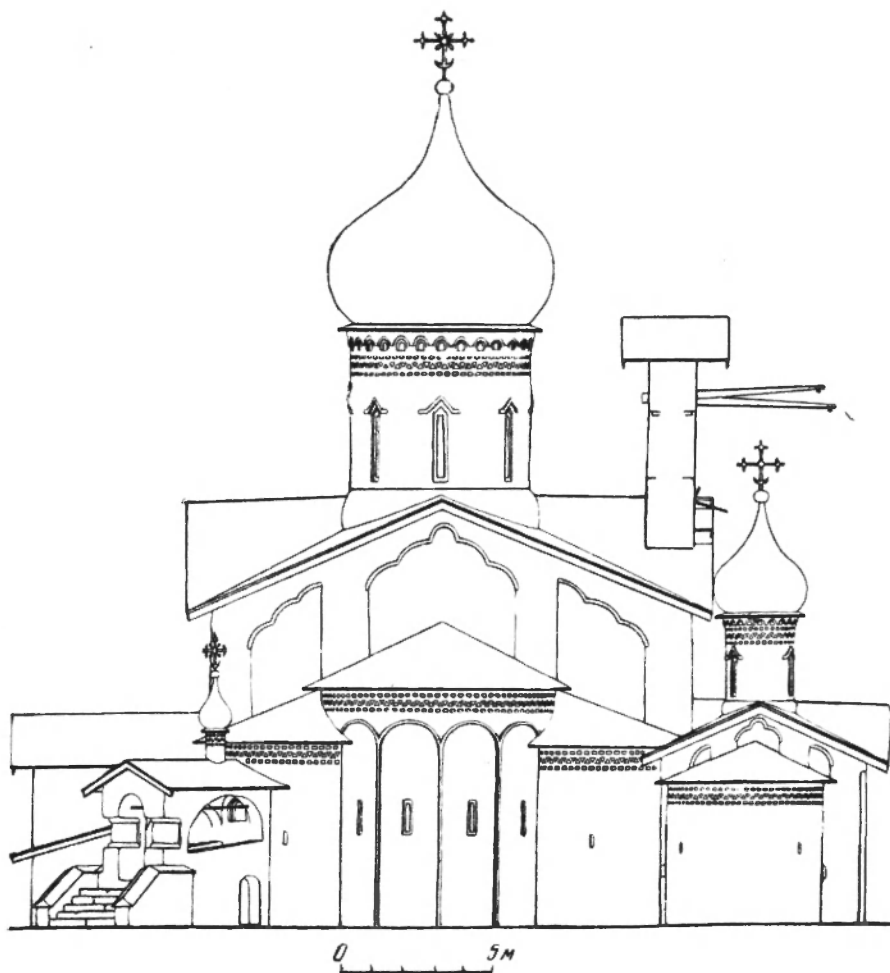

Рис. 9. Восточный фасад церкви Николы на Усозе. Реконструкция Ю. П. Спегальского

ственно пересекающимися с барабаном, то оказалось бы, что выполнить такое покрытие в натуре без сломки древней кладки невозможно. Кладка пандативов и забутка пазух ступенчато повышенных подпружных арок выступает выше уровня плоскостей скатов восьмискатной крыши. Это говорит о том, что под барабаном была поднимавшаяся над основной крышей часть покрытия. Об этом же свидетельствует сохранившийся на барабане след примыкания первоначального покрытия. Он представляет собою кольцевую выдру, проходящую вокруг барабана (см. рис. 2, 3, 4 и 5).

Изучение следов восьмискатных крыш на церквях Богоявления с Запсковья (1496), Козьмы и Дамиана с Примостья (подпружные арки, глава и покрытие — после 1507 г.), Николы на Снятой горе (1519), Успенской у Паромени (1521), Николы в Острове (1543), Успения в Святогорском монастыре (после 1568 г.), Николы в Устье (кон. XV — нач. XVI в.), Ильи в Выбутах (XVI в.) и Иоакима и Анны на Полонище (XVI в.) — показало, что покрытия всегда пересекались с барабанами в горизонтальной плоскости на один ряд кладки ниже окон.

Во всех осмотренных памятниках в этом месте оказалась горизонтальная кольцевая выдра, сделанная во время кладки барабана. Осмотр церкви Михаила архангела (1462) в селе Кобылье Городище — единственного памятника древней псковской архитектуры, сохранившего восьмискатное покрытие, — показал, что у основания барабана устраивалось окрытие конической формы, — возвышавшееся над скатами восьмискатной крыши. В XV—XVI вв. такая особенность восьмискатного покрытия в Пскове неизменно повторялась и в тех случаях, когда подпругные арки и их забутка не возвышались над сводами и не препятствовали пересечению скатов восьмискатной крыши непосредственно с поверхностью барабанов. Например, церкви Михаила архангела в Кобыльем Городище, Козьмы и Дамиана с Прнмостья в Пскове, а также приделы церковей Николы на Усохе в Пскове и Николы в Острове. Объясняется это тем, что конические окрытия препятствовали скоплению снега у основания барабанов и хорошо предохраняли их от разрушения влагой. Именно поэтому подобное окрытие и имело в псковской архитектуре только коническую (а не сферическую) форму.

Для уточнения вида восьмискатного покрытия памятника пришлось также выяснить положение коньков первоначальной крыши и ее разжелобков. Во всех перечисленных выше церквях, как и в церкви Николы на Усохе, гнезда от концов коньковых брусьев, оставшиеся в кладке барабана, всегда находятся на оси, проходящей через центр последнего. Это говорит о том, что коньки подходили к середине барабана. В то же время вершины щипцов (и, следовательно, коньки крыш над ними) помещались на середине протяжения каждого из фасадов, в том числе и боковых¹⁵. Так как барабаны обычно ставились ближе к восточной стене четверика, коньки, направлявшиеся от вершин северного и южного щипцов к барабану, не были параллельны; их концы, примыкавшие к барабану, сдвигались к востоку. С этим связана особенность в обработке боковых (северного и южного) щипцов псковских восьмискатных церковей, которая отличает их от новгородских.

В церквях Пскова и Новгорода восточные членения боковых фасадов меньше западных, что наиболее резко выражено на больших церквях; центры же средних делений боковых стен не совпадают с их геометрической серединой. В Новгороде вершины щипцов совпадают с серединой центральных делений фасадов и соответствуют положению барабана. В Пскове их вершины всегда находятся примерно в геометрической середине фасадов и потому большей частью (особенно в крупных церквях) на боковых фасадах не совпадают ни с центрами средних делений, ни с центрами барабанов. Поэтому боковые фасады псковских церковей имеют весьма характерный вид: завершающие лопасти их западных членений подняты выше восточных, а над лопастями среднего членения с западной стороны образуются большие гладкие поля (рис. 8 и 10).

Первоначальное покрытие придела церкви Николы на Усохе было образовано на основе обычного восьмискатного покрытия, но так как с западной стороны к приделу примыкало одинаковое по высоте крыльцо, покрытое, как обычно, на два ската, то с этой стороны над стеной придела щипец отсутствовал и место четырех скатов занял один. Он сопрягался по разжелобку с соседним скатом крыши крыльца. Об этом свидетельствуют гнезда, оставшиеся от опорных брусьев покрытия.

Остатки сильно разрушенных щипцов северной стены придела и северного крыльца во время перестройки конца XVII в. были уничтожены. Однако о том, что они существовали, говорят гнезда, оставшиеся от опорных брусьев в стене основного объема храма и в барабане придела. Покрытие придела и северного крыльца нами восстановлено в соответствии с расположением этих гнезд (см. рис. 3 и 10).

Скаты первоначального западного крыльца и примыкающих к нему частей при-

¹⁵ Исключение — церковь Козьмы и Дамиана с Прнмостья. Это объясняется тем, что ее первоначальное покрытие было не восьмискатным, а лишь позднее было изменено на восьмискатное.

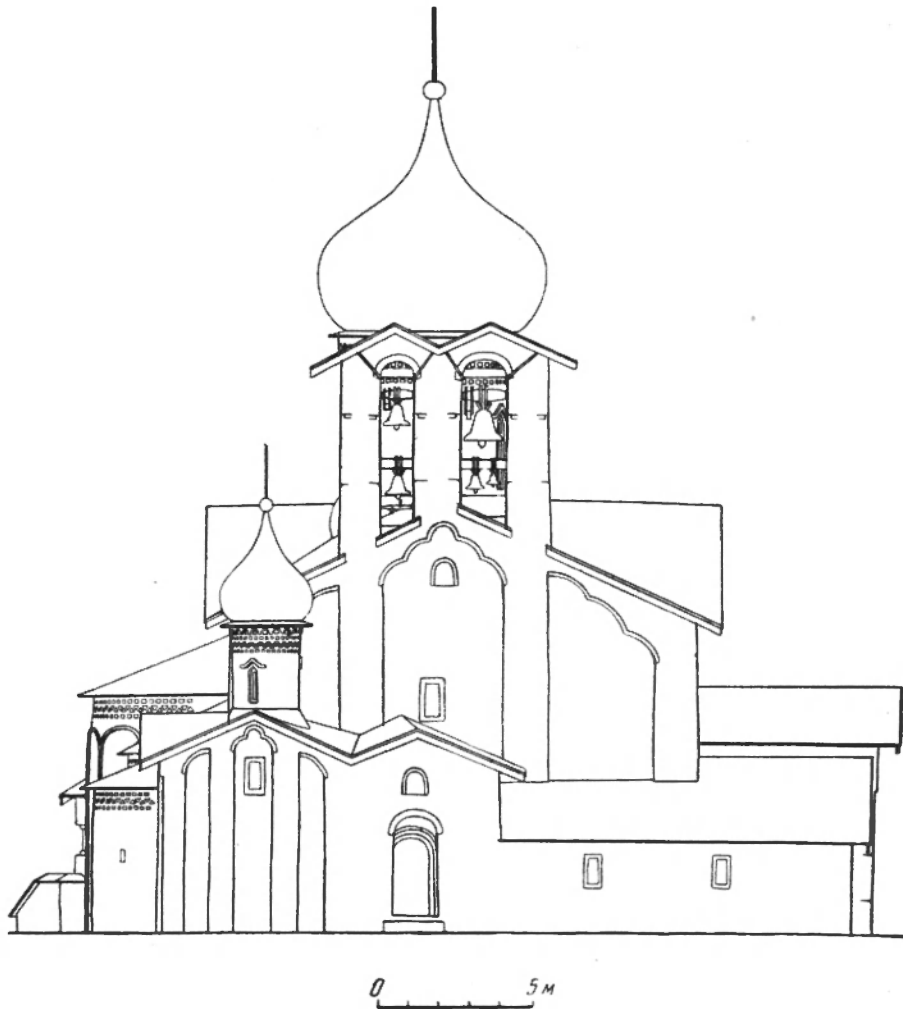

Рис. 10. Северный фасад церкви Николая на Усохе. Реконструкция Ю. П. Спегальского

творов остались нетронутыми. До 1946 г. над ними местами возвышались остатки надкладки конца XVII в., резко отличавшейся от первоначальных стен по толщине, цвету камня, его обработке и составу раствора.

Покрытие южного крыльца и палатки возле него реконструируется в соответствии с остатками гнезд от опорных брусьев крыши крыльца (см. рис. 8). Для того чтобы судить о формах первоначальных покрытий глав, необходимо предварительно ответить на вопрос о датировке здания. Из приведенного материала видно, что его крыльца и притворы типичны для псковской архитектуры конца XV и XVI вв. К этому следует добавить, что такое устройство крыши, как в церкви Николая на Усохе (с щипцовыми стенками, высоко поднятыми над сводами), впервые появилось в Пскове в самом конце XV в. и характерно для XVI в.¹⁶ Кладка первоначальных

¹⁶ Об этом см. нашу статью «Происхождение пониженных подпружных арок церкви Козьмы и Дамиана с Примостья». («Памятники культуры. Исследование и реставрация», вып. 2. М., 1960, стр. 38—39).

частей здания однородна. Перевязка между ними свидетельствует об их одновременности. Здание не включает никаких частей или остатков более раннего времени.

‡ До раскопок нельзя даже сказать, стояла ли церковь Николы на Усохе 1371 г. на том же месте, что и существующая. «Свершение» церкви, о котором говорят летописи под 1536 г., являлось возведением совершенно нового здания. Как отмечено летописью, оно было закончено к декабрю 1536 г., т. е. по современному счету еще в 1535 г.¹⁷

Для Пскова XVI в. наиболее вероятной и даже несомненной является луковичная форма глав. Об этом достаточно убедительно говорят изображения церковных верхов на псковской керамике и резьбе царских врат, относящихся к XVI в. На иконе «из часовни Владычного креста», исполненной, вероятно, в XVII в., но получившей, вследствие позднейших переписок, значительные изменения¹⁸, покрытие большой главы церкви Николы на Усохе изображено коническим. Это либо фантазия иконописца, либо временное покрытие, которое могло иметь место при перестройке церкви.

На иконе «из Железного ряда», которая хотя и относится к более позднему времени, чем предыдущая, но менее переписана, главы церкви Николы на Усохе и ее придела имеют луковичную форму. До пожара 1941 г. над приделом была луковичная глава, каркас которой, видимо, принадлежал XVII в. Во всяком случае, ничего, свойственного XVIII в., не было в ее форме.

В 1945 г. при снятии надкладок с щипцов церкви в их кладке были найдены куски черепицы с главы. Керамическая масса и темно-зеленая полива, покрывающая наружную сторону этой черепицы, характерны для псковских керамических изделий XVI в.¹⁹ Эта черепица гораздо толще черепицы XVII в., остатки которой еще встречаются в Пскове. Толщина ее около 2,5 см, в то время как толщина черепицы XVII в. колеблется от 1 до 1,5 см. Все это позволяет предполагать, что обломки черепицы, найденные в надкладках, являются остатками первоначального покрытия главы.

От звонницы сохранилось не только основание, но и нижний ряд кладки двух столбов. Это позволило точно восстановить ее план. Фасад звонницы реконструирован в соответствии с обычными пропорциями столбов псковских звонниц того времени. Упомянутые выше изображения церкви Николы на Усохе на старинных иконах показывают, что звонница была покрыта по двум щипцам, т. е. двухскатной крышей над каждым пролетом. Сомневаться в правильности такого изображения нет оснований, ибо так до XVII в. покрывались многие другие псковские звонницы.

Очень большие свесы крыши над звонницами были характерны для старинной псковской архитектуры. Для предохранения этих крыш от срыва ветром их нижние опорные брусья крепились длинными скобами из полосового железа к аркам звона. Эти скобы показаны на северном фасаде памятника. В большие колокола звонили, раскачивая не язык, а весь колокол. Для этого он наглухо прикреплялся к деревянному валу, вращающемуся на оси и к тому же валу крепился длинный деревянный рычаг, к концу которого прикреплялась веревка²⁰. Эти рычаги показаны на чертежах фасадов.

¹⁷ Это следует из того, что до XVIII в. в России новый год начинался с 1 сентября.

¹⁸ Изображение Троицкого собора, например, на этой иконе изменено полностью и не соответствует реальности.

¹⁹ Памятные плиты («керамиды»), датированные разными годами XVI в., значительное количество которых находится в Псково-Печерском монастыре; изразцы XVI в., украшающие барабан церкви Николы в Острове; печные изразцы XVI в., найденные в Пскове; «керамиды», которые до 1944 г. сохранялись в Псковском музее, в стене притвора церкви Козьмы и Дамиана с Примостья. Сколько-нибудь подробного описания этих памятников в литературе не существует.

²⁰ Такое устройство сохранилось на звоннице Псково-Печерского монастыря.

Из изложенного выше видно, что не все первоначальные части церкви Николая на Усохе реконструированы нами с желательной точностью. Объясняется это полным исчезновением некоторых из них (например, покрытий и завершений глав), а также тем, что не все остатки первоначальных частей были раскрыты и изучены (лестница часовни, например). Однако эта реконструкция, сделанная с разной достоверностью деталей, все же целиком показывает здание в его первоначальном виде и дает ясное представление о его общей композиции. Эта реконструкция знакомит нас также с рядом черт, которые вообще типичны для псковской церковной архитектуры в последние годы XV в. и XVI в. В заключение остается добавить, что для полного представления о характерных чертах и общей архитектурной композиции церкви Николая на Усохе (как и других древних псковских зданий) необходимо изобразить ее в цвете, так как он играл существенную роль в ее облике.

Б. В. ГНЕДОВСКИЙ

**КЛЕТСКАЯ
СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ
СЕЛА СПАС**

К северо-западу от Костромы расположена огромная заболоченная низменность с реками: Сотью, Идоломшей, Костромой, и озерами: Великим, Святым, Идоломским. В самом центре ее, на высоком холме, раскинулось старинное село Спас, в недавнем прошлом — «Спас что в Вежах» (Спас-Вежи).

Большой погост «Вежи» вплоть до XVI столетия числился за приказом Большого Дворца. Позднее он был жалован Иваном Грозным московскому Чудову монастырю¹. Погост — административный центр древней Руси. Сохранившееся от него название села Спас «что в Вежах» (т. е. в башнях) указывает, возможно, на укрепленность погоста.

Низменность, на которой расположено село, была в свое время излюбленным местом охоты Н. А. Некрасова, воспевшего этот край в ряде произведений. Наиболее красочное описание села² и окружающей его природы дано им в поэме «Дед Мазай и зайцы»:

«Летом ее убирая красиво,
Истари хмель в ней родится на диво,
Вся она тонет в зеленых садах;
Домики в ней на высоких столбах
(Всю эту местность вода поднимает
Так, что деревня весною всплывает, словно Венеция)...»³.

¹ Важно отметить, что «домики... на высоких столбах», упоминаемые Н. А. Некрасовым и, видимо, имевшие в недавнем прошлом широкое распространение, частично сохранились до наших дней в виде свайных хозяйственных построек, сконцентрированных теперь лишь в районе села Спас. Жилых домов подобного типа нигде не сохранилось. Можно предположить значительную устойчивость типологической схемы свайных сооружений, уходящей корнями в далекое прошлое.

---

¹ См. С. Забелло, В. Иванов, П. Максимов. Русское деревянное зодчество. М., 1942, стр. 74.

² Н. А. Некрасов называет в этой поэме село Спас «Малыми Вежами».

³ Н. А. Некрасов. Избранные сочинения. М., 1945, стр. 160.

Рис. 1. Свайная хозяйственная постройка села Спас

Не случайно, что до наших дней дошли в основном именно хозяйственные постройки (рис. 1). Исчезли леса. Обмелели реки. Изменился водный режим. Появилась возможность строить избы на сравнительно сухих участках и отпала необходимость в сваях. Но сухие островки не отличались большой протяженностью, и на окраинах сел трудно было найти незатопляемые весной клочки земли, пригодные для возведения амбаров и бань. Поэтому для хозяйственных сооружений древняя традиция осталась незыблемой. Изменялась лишь высота свай, так как уровень воды во время паводков с течением времени резко понизился. Поэтому вместо свай постройки чаще стали ставить на клети.

Примерно в тех же условиях находилось единственное сохранившееся до наших дней свайное культовое сооружение — Спасо-Преображенская церковь села Спас.

Расположение Спасо-Преображенской церкви в заболоченной низине северной окраины села, на поросшем высокими деревьями кладбище, очень загадочно, ибо строители имели полную возможность поставить ее рядом, на высоком сухом косогоре. Тем не менее церковь была воздвигнута на чрезвычайно неудобном для эксплуатации участке, выбор которого определялся, по-видимому, какими-то немаловажными для того времени причинами. Одной из них могла быть непосредственная близость реки Соть (рис. 2).

Судя по отчетливо прослеживающемуся профилю старого русла, эта мелководная река была в древности широкой и судоходной. Перерезая безлесную низменность, она ближе всего подходит к селу Спас у Преображенской церкви, которая была, несомненно, церковью у пристани, соединявшей погост с рекой и, таким образом, с внешним миром. Возведение подобных церквей часто связывалось в старину с какой-либо религиозной легендой. Так именно обстояло дело и с этим памятником ⁴.

⁴ Существует местное предание о том, что вначале церковь собирались строить в 3 км от села Спас, но лес, «чудесно уплывший», остановился против села Спас, где и основали Спасо-Преображенскую церковь.

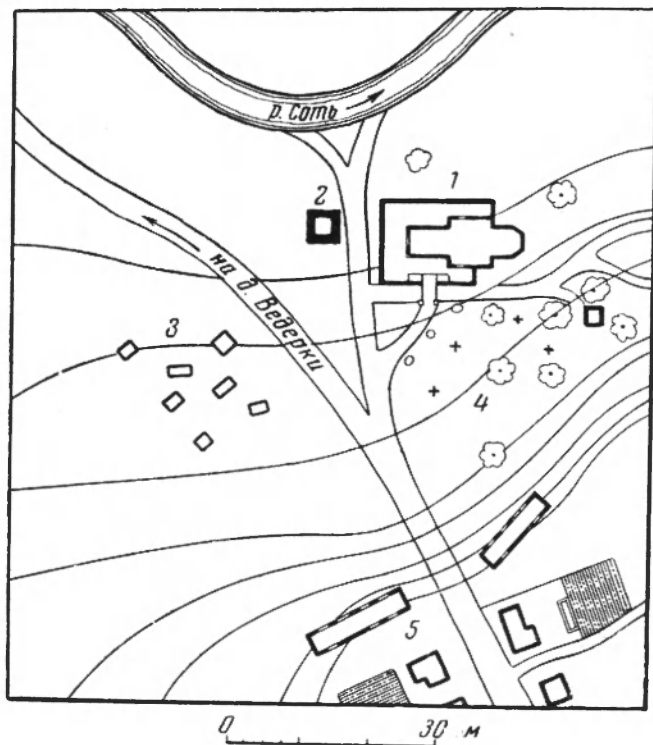

Рис. 2. Генеральный план Спасо-Преображенской церкви
 1 — церковь; 2 — каменная колокольня; 3 — бани на сваях;
 4 — кладбище; 5 — село Спас

колокольня, критикуется позиция церковных властей, допуская в угоду благотворителям снос древних памятников и т. д. Однако анализ архитектурных особенностей храма заменен в этой статье эмоциональными впечатлениями автора: «Это нечто не только оригинальное, но внушительное, изящное, древнее, священное, чрезвычайное»⁷.

В 1910—1911 гг. архитектор Д. В. Милеев, руководивший реставрационными работами в Костроме, произвел обмер Спасо-Преображенской церкви. Его чертежи выполнены на высоком для того времени уровне, но со всеми недостатками, характерными для исследователей прошлого поколения. Так, глазомерны высотные отметки, а в связи с отсутствием нолевых линий условия и проекции; не обмерены конструкции перекрытий, занимающие до 70% общего объема здания, и т. д. Однако чертежи эти долгие годы были единственными графическими материалами по памятнику, которыми, в частности, были вынуждены пользоваться в качестве основного иллюстративного материала авторы книги «Русское деревянное зодчество», давшие наиболее подробный обзор сооружения⁸. Ими была уточнена его датировка (1628), определено место

К сожалению, дореволюционные исследователи уделяли очень мало внимания Спасо-Преображенской церкви, и ее значение в истории русского зодчества долго оставалось невыясненным. Археологическая комиссия, например, интересовалась памятником только с точки зрения целесообразности устройства железной или тесовой кровли⁵. В «Истории русского искусства» сказано, что сооружение является наиболее развитым типом клетской церкви с клинчатой кровлей, но не дается какого-либо разбора художественных и конструктивных особенностей памятника, который к тому же ошибочно датируется началом XVIII в.⁶ Костромские краеведы — члены местной архивной комиссии — высоко ценили Спасо-Преображенскую церковь. Член этой комиссии В. И. Соколов посвятил работу этому памятнику. В ней много места отведено гидрологическим особенностям края, подробно описывается исчезающая ныне деревянная ко-

⁵ ПАК, вып. 52. СПб., 1914, стр. 73, 74.

⁶ См.: И. Грабарь. История русского искусства, т. I. Изд. Кнебель, стр. 353—356.

⁷ В. И. Соколов. О церкви в селе Спас-Вежи. — «Костромская старина», вып. VI. Кострома, изд. Костромской ученой архивной комиссии, 1905, стр. 136—143.

⁸ В настоящее время чертежи хранятся в музее Академии художеств СССР (Ленинград); опубликованы в кн.: С. Забелло, В. Иванов и П. Максимов. Указ. соч., стр. 75.

Рис. 3. Общий вид Спасо-Преображенской церкви до разборки

среди других аналогичных и единовременных построек и вскрыты общие принципы объемно-композиционного построения памятника. Однако авторы этой работы не ставили перед собой задачи подробного архитектурно-художественного анализа сооружения. Они ограничились в основном его описанием, ибо чертежи Д. В. Милеева в совокупности с немногочисленными фотографиями не давали возможности составить о памятнике исчерпывающее представление⁹.

Краткое упоминание о Спасо-Преображенской церкви И. В. Маковецким не дало пауке новых сведений об архитектуре памятника; его описание не уточнило

---

⁹ См.: С. Забелло, В. Иванов, П. Максимов. Указ. соч., стр. 74—75.

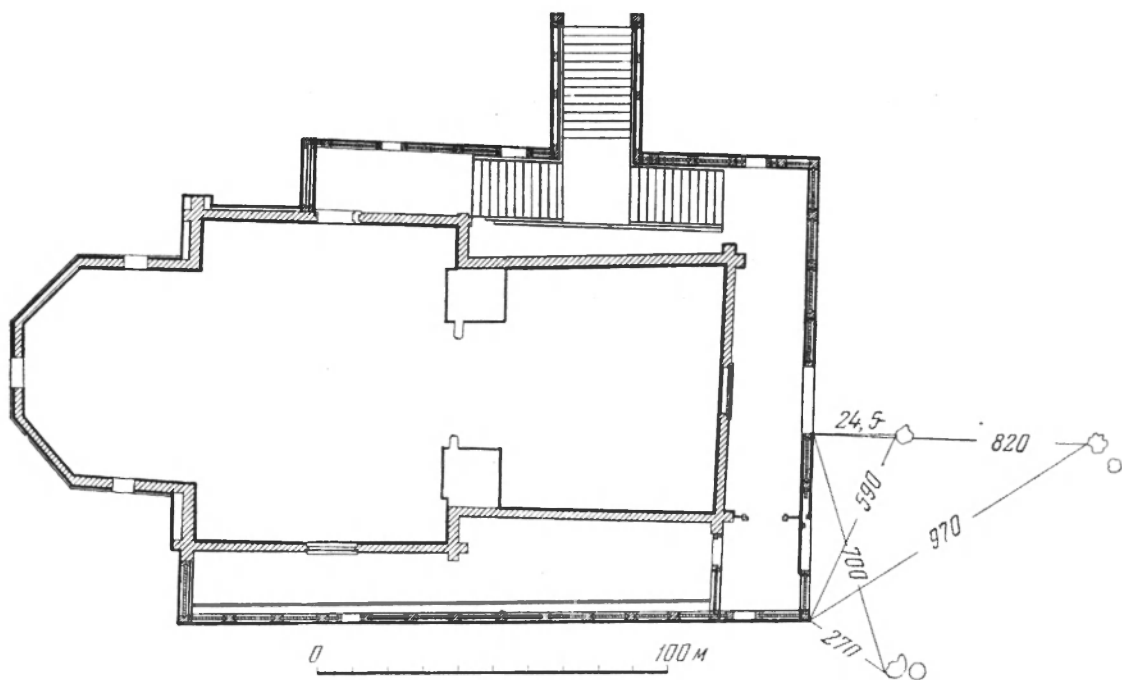

Рис. 4. План Спасо-Преображенской церкви до разборки. Обмер Б. В. Гнедовского

особенностей композиции и конструкции церкви¹⁰. Последние сводные труды по истории русского искусства и архитектуры вообще о Спасо-Преображенской церкви не упоминают¹¹, что чрезвычайно обедняет наши представления о формировании деревянных культовых сооружений клетского типа. Между тем, этот оригинальный памятник — одна из вершин русского деревянного зодчества, заслуживающая самого пристального изучения.

Красоту и редкую пропорциональность храма не засломили ни значительные перестройки, ни неуместное соседство построенной в XIX в. безвкусной кирпичной колокольни. Поднятая на высоких трехметровых столбах, опоясанная с трех сторон галереей, Спасо-Преображенская церковь поражает совершенством своего художественного и инженерного замысла. Все три ее сруба смело перекрыты высокими и крутыми клинчатыми кровлями. Коньковый брус средней из них поднят над землей почти на двадцатичетырехметровую высоту, несколько ниже кровли прирубов, играющих в композиции памятника подчиненную роль. Небольшая главка на квадратном постаменте хорошо подчеркивает крупные размеры сооружения (рис. 3).

Величина сруба памятника стоит на грани возможностей строительного материала. Длина лучших отборных бревен редко может превысить 9 м, благодаря чему габариты срубов-клетей самых больших деревянных сооружений имеют обычно 8,5—9 м в осях. Габариты трапезной Спасо-Преображенской церкви составляют в осях 8 × 8 м. Еще больше ее центральный сруб, имеющий размеры 8 × 10 м. Это самая крупная среди сохранившихся клетских церквей.

¹⁰ И. В. Маковецкий. Памятники народного зодчества Верхнего Поволжья. М., 1952, стр. 28—83.

¹¹ «История русского искусства». Под редакцией И. Э. Грабаря, В. С. Кеменова, В. С. Лазарева, т. IV. М., 1959, стр. 100—101; «История русской архитектуры». Изд. 2. М., 1956, стр. 113.

Церковные описи 1807—1908 гг. содержат наиболее полные сведения по истории памятника. «Построена она церковь из древля и значится в писцовых книгах 137 и 138 годов (1629 и 1630 гг.— *Б. Г.*), а в каком году именно и кем, за давностью времени отыскать не можно»¹².

Здесь же сообщается о крупных ремонтных работах, проводившихся в 1770 г., в результате которых церковь изменила свой облик настолько, что потребовалось новое ее освящение. К сожалению, перечень этих работ до нас не дошел. Поэтому их характер можно восстановить лишь приблизительно, путем сопоставления данных натурного исследования с текстом позднейших описей. Последние упоминают, например, о наличии в 1807 г. ветхой досчатой обшивки, обычный срок существования которой 30—35 лет, что совпадает, примерно, со временем ремонта памятника. По-видимому, устройство обшивки входило в перечень работ 1770 г. Описи 1807 г. сообщают, что «на паперть ведет глухое тесовое крыльцо, а в нем три лестницы». Современное крыльцо на южном фасаде памятника, упомянутое в описях 1807 г. как «ветхое», также имеет три марша, что в сочетании с характером обработки его внешних форм¹³ позволяет датировать его 1770 г. (*рис. 4*).

В течение последующих 100 лет церковь ремонтировалась неоднократно. Однако описи этого времени показывают, что работы не носили капитального характера вплоть до 1875 г. В это время в целях «благолепного поновления храма» был сильно переделан интерьер памятника, расширены оконные проемы, оштукатурены стены, уничтожена стена между молельней и трапезной, поверх старого настлан новый пол, установлены кафельные печи, уничтожен древний тьябловый иконостас.

В 1898 г. дубовые свай-опоры памятника были заменены кирпичными столбами. Сведений же о переделке перекрытий и чердаков не сохранилось.

В 1950 г. церковь обмерялась группой студентов Харьковского архитектурного института¹⁴. Этот обмер представляет собой сравнительно подробную фиксацию здания¹⁵, однако его древняя основа, так же как отдельные конструктивные и декоративные детали, остались в основном не выявленными¹⁶.

В 1953 г. в связи с предполагаемым затоплением всего района вокруг села Спас встал вопрос о перевозке Спасо-Преображенской церкви и ряда старинных свайных хозяйственных построек на территорию бывшего Ипатьевского монастыря в Костроме. При этом оказалось, что имеющиеся в распоряжении Костромской реставрационной мастерской скудные данные по Спасо-Преображенской церкви явно недостаточны для составления даже эскизного проекта реставрации. Поэтому осенью 1954 г. было проведено дополнительное исследование церкви и сделаны необходимые домеры. В процессе новых исследований основное внимание уделялось специфическим древним особенностям памятника¹⁷.

В связи с тем, что в расположении слег, образующих кровли, смутно угадывались неопределенные криволинейные очертания, работы начались с уточнения форм

¹² Комплект церковных описей с 1807 по 1908 г. находится в архиве Костромской специальной научно-реставрационной производственной мастерской. Упоминаемые в них писцовые книги 1629—1630 гг. нам неизвестны.

¹³ Крыльцо выполнено в подражательных «классических» формах «под камень».

¹⁴ Обмер 1950 г. производился по заданию Отдела по делам строительства и архитектуры при Исполкоме Костромского облсовета. Чертежи хранятся в архиве Костромской реставрационной мастерской.

¹⁵ Были обмерены конструктивные элементы перекрытия и отдельные детали фасада, выявлены незначительные деформации сруба, провисание галерей, перекося крыльца и т. д.

¹⁶ С одинаковой точностью воспроизведены в обмерах псевдоклассические формы крыльца и остатки старинных створных оконных ставен в галерее, тщательно зафиксированы филенки, но под ними осталась нераскрытой старинная косячатая дверь, и, что особенно досадно, были приняты за прямые линии расположения слег, образующих клинчатые кровли памятника.

¹⁷ Материалы исследования, произведенного автором статьи, хранятся в архиве Костромской реставрационной мастерской.

Рис. 5. Кровля молельни Спасо-Преображенской церкви в процессе разборки

клинчатых покрытий, точные обмеры которых дали неожиданный результат. Когда были зафиксированы места расположения бревенчатых слег и их диаметр, то прямолинейное расположение последних было обнаружено только в перекрытии над трапезной. Оба же ската кровли центрального куба оказались симметрично вогнутыми, т. е. имели плавные криволинейные очертания, слегка прогнутые в нижней трети (рис. 5). Основания этих кривых начинаются в верхней точке разворота повала. Рубка слег оказалась сплошной с разрывами за счет разницы между диаметрами бревен слег и самцов. Это обстоятельство затруднило сопоставление обнаруженной конструкции перекрытия с традиционными «избяными» образцами, где врубка слег идет обычно через два бревна на третье или через три бревна на четвертое. Кроме того, была отмечена известная закономерность в подборе диаметров слег (толстое бревно чередовалось с тонким)¹⁸.

¹⁸ Местами эта закономерность нарушена поздними ремонтами.

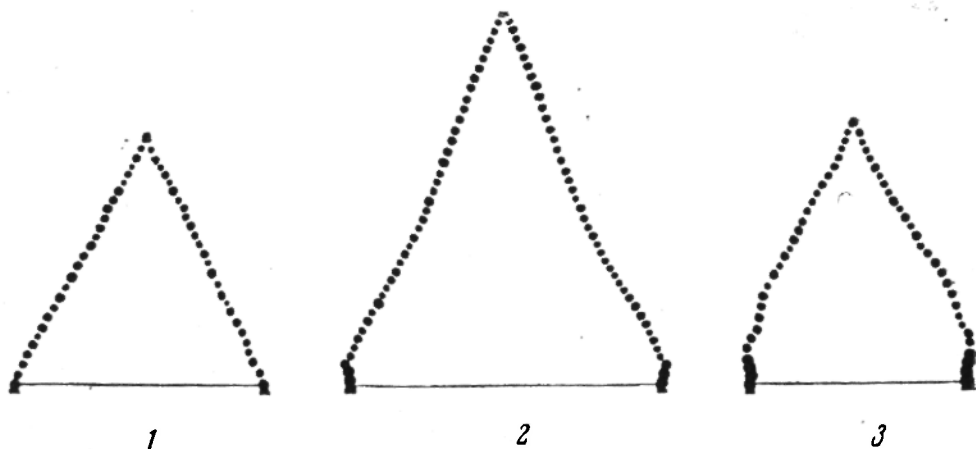

Рис. 6. Силуэты кровель Спасо-Преображенской церкви
1 — над трапезной; 2 — над молельной; 3 — над алтарем

Все это приближало типологическую конструктивную схему перекрытия центрального куба к форме бочечного покрытия, как бы видоизмененного в зеркальном изображении (рис. 6). Отклонения от прямой линии расположения слег в целях образования выпуклых силуэтов кровли встречаются и в северных избах¹⁹, но вогнутых кровель среди известных нам покрытий нет. Не упоминает о них и А. Сумбадзе, классифицирующий продольно-венчатые конструкции по сложности их геометрического очертания²⁰. Между тем, они имеются на многочисленных изображениях. Особенно часто встречаются такие вогнутые кровли на миниатюрах летописного лицевого свода XVI в.²¹ Архитектурный фон этих миниатюр несколько условен и дает основание предположить частичную стилизацию художником форм кровель. Но и в более реалистических изображениях указанный специфический силуэт покрытий прослеживается также отчетливо. Таков, например, двухэтажный рубленый жилой дом на высоком подклете, изображенный на гравюре XVII в. в книге А. Олеария²². Этот дом имеет волоковые и косячатые окна, дымовую трубу, зашитый досками фронтон и ту же слегка провисающую в нижней трети кровлю. Еще более примечательны хоромы на гравюре начала XVII в., запечатлевшей осаду Смоленска²³. Здесь огромные плоскости кровель, так же как и у Спасо-Преображенской церкви, имеют вогнутые скаты; они особенно заметны в сопоставлении с окружающими постройками, имеющими прямые скаты крыш. Много подобных изображений имеется также в миниатюрах жития Сергия Радонежского²⁴, на плане Тихвинского монастыря

¹⁹ Этот тип кровель встречается на русском севере, где чрезвычайно велик снеговой покров. Выпуклая кровля лучше воспринимает снеговую нагрузку: см. снимок с изображением улицы, состоящей из домов такого типа, у С. Забелло, В. Иванова, П. Максимова (Указ. соч., стр. 12).

²⁰ А. С у м б а д з е. Венчатые покрытия в русском деревянном зодчестве. — «Архитектурное наследство», вып. 10. М., 1958, стр. 58—72.

²¹ См.: «Очерки истории СССР. Период феодализма (кон. XV — нач. XVII в.)». М., 1955, стр. 57, 83, 343 и др.

²² См.: С. З а б е л л о, В. И в а н о в, П. М а к с и м о в. Указ. соч., стр. 60.

²³ См.: «Очерки истории СССР. Период феодализма (кон. XV — нач. XVII в.)», стр. 451.

²⁴ Там же, стр. 223.

И. Зеленина (1679)²⁵, на иконе «Рождество Богоматери» XVI в.²⁶, а также на многочисленных миниатюрах XVI—XVIII вв.²⁷ Отзвуком этих мотивов является, по-видимому, и своеобразная вогнутая форма шатров, венчающих древние звонницы Суздаля.

Еще более неожиданной оказалась форма покрытия алтарной части церкви, где под поздней двухскатной кровлей отчетливо обрисовалось нечто вроде вытянутой по вертикали бочки с перехватом. В отличие от покрытия центральной части, низ ее плавно переходит в повал. Очертания бочки несколько вялы, но слегки бочечного покрытия не всегда полностью отвечают их наружному контуру. Древние строители часто пользовались слегами так же, как скульптор проволочным каркасом, лишь в самых общих чертах намечающим будущую форму произведения. Система кружал и сплошная тесовая опалубка были дополнительным средством достижения максимальной пластической выразительности криволинейного покрытия. В этом отношении вытянутая бочка над алтарем Спасо-Преображенской церкви не уникальна, хотя подобных деталей русского деревянного зодчества сохранилось в общем не много. Сходные бочки венчают срубы многих северных церквей, в том числе церкви Юромско-Великодворского погоста и Владимирской церкви в Подпорожьи Архангельской области, которые ближе всего стоят к описываемому нами образцу.

Исчезновение этого вида покрытий из строительного арсенала русских плотников находится в тесной связи с забвением лемеха как одного из основных кровельных материалов, искусство изготовления которого было утеряно в центральных областях Русского государства примерно 100—150 лет назад. Большинство бочечных покрытий получило новую «одежду» из кровельного железа. Местами круглую бочку пытались спрямить, устраивая над ней ровную двухскатную крышу «под тес»; именно так перекрыты бочки трапезной и алтаря Иоанно-Богословской церкви на реке Ишне под Ростовом²⁸. Однако в силу технических трудностей такое выпрямление поверхностей удавалось далеко не всегда. Гораздо проще обстояло дело с тесовым покрытием бочки с перехватом. Для этого было достаточно поставить невысокие кружала, покрыть их водоизолирующим материалом (берестой) и двухслойной тесовой кровлей. Именно подобный случай и был обнаружен при разборке Спасо-Преображенской церкви, перед ее перевозкой.

Деревянные клетские церкви по своему плану, конструктивному устройству и характеру внешних форм ближе всего стоят к гражданским постройкам (избам). По мнению Ф. Горностаева, такие церкви не занимали ведущего положения в культовом строительстве, так как они «удовлетворяли своему назначению лишь со стороны литургической, но слишком мало отличались своей внешностью от обыкновенного жилья»²⁹.

Следовательно, развитие форм клетских церквей сводится по существу к попыткам преодоления в них утилитарных «избяных» элементов. При этом наиболее сильным изменениям подвергались покрытия. У них все выше поднимался коньковый брус, отчего силуэты кровель постепенно приобретали характерные клинчатые очертания. Опасность нарушения монолитности самцов и невозможность бесконечного увеличения размеров сруба приостановили этот процесс³⁰. В борьбе за

²⁵ См.: С. Забелло, В. Иванов, П. Максимов. Указ. соч., стр. 61—63.]

²⁶ См.: «История русского искусства», т. III, стр. 581.

²⁷ См.: Г. Сидорова. Реалистические черты в архитектурных изображениях древнерусских миниатюр. — «Архитектурное наследство», вып. 10. М., 1958, стр. 73—100.

²⁸ См.: Б. В. Гнедовский и А. В. Ополовников. Деревянная церковь на реке Ишне. — «Памятники культуры (исследование и реставрация)», вып. 1. М., 1959, стр. 95—108.

²⁹ И. Грабарь. Указ. соч., т. I, стр. 351—352.

³⁰ Напряженность конструкций покрытия Спасо-Преображенской церкви нашла свое выражение в системе вертикальных шпонок, врезанных с внутренней стороны клинчатых самцов, установленных строителями храма для придания им большей прочности.

целостность сооружения плотники при помощи повалов и полиц объединяют конструкцию покрытий в единую пространственную систему.

Конструктивным трудностям сопутствовали трудности эстетического порядка. Огромные плоскости кровель стали зрительной доминантой сооружений, поэтому древние строители изобретали все новые и новые виды продольно-венчатых покрытий. Так, кровли Георгиевской церкви Юксовского погоста Архангельской области получили несколько «переломов». Введенская церковь села Осиново Виноградского района Ленинградской области была перекрыта двумя двухскатными кровлями, а Троицкий храм Елгомского погоста Архангельской области получил вполне отчетливое бочечное покрытие.

Творческие поиски в этом направлении велись в разных концах Русского государства. Их пути нередко скрещивались, рождая новые, ранее не виданные варианты. Одной из наиболее богатых и интересных вариаций этих творческих поисков были своеобразные клинчатые покрытия рассматриваемой нами Спасо-Преображенской церкви. Строители этой церкви, стремясь смягчить однообразие огромных кровельных скатов, вынуждены были решать примерно те же (и, пожалуй, даже более сложные) художественные и оптические задачи, которые стояли перед строителями всех шатровых храмов, плоскости покрытий которых органически включались в их общую композицию. Примером наиболее удачного решения такой задачи может служить огромный шатер с подчеркнuto криволинейными скатами церкви села Большая Шалга Каргопольского района Архангельской области.

Второй по важности вопрос в исследовании Спасо-Преображенской церкви— это восстановление галерей и наружного крыльца, реконструкция первоначальных форм и местоположения которых осложнялись наличием очень неясных данных о существовавшей здесь раньше и разобранный в 1908 г. деревянной колокольне. О ее расположении и внешнем облике можно судить ныне лишь по описанию В. И. Соколова, обмерам Д. В. Милеева и нескольким фотографиям конца XIX в.³¹

Колокольня стояла перед западным фасадом памятника с незначительным смещением к северу, и вход в нее находился в северо-западной части галереи. В процессе исследования 1954 г. удалось установить, что колокольня отстояла от храма к западу на расстоянии 2,2 м и от продольной оси симметрии—на 0,7 м (эта ось является одновременно и осью симметрии старинной входной двери, полностью сохранившейся под обшивкой). Если учесть при этом, что ширина двери в свету равна 1,6 м, то становится очевидным, что устройство как двери, так и лестницы, ведущей к ней, одновременно с существованием колокольни практически невозможно (рис. 7). Следовательно, старая колокольня не может рассматриваться как первоначальная и неотъемлемая часть ансамбля Спасо-Преображенской церкви. Она не была объединена с ней композиционно и являлась самостоятельной постройкой, возведение которой одновременно с храмом полностью исключено.

Мы не располагаем документами, определяющими дату возведения старой деревянной колокольни. Она безусловно может быть отнесена к числу первоклассных памятников. Однако 16 столбов, на которых покоился шатер колокольни, имели ярко выраженную ордерность, нехарактерную для древнейших памятников деревянного зодчества, каким является сама Спасо-Преображенская церковь. Это различие стилиевой характеристики становится особенно заметным при сравнении столбов колокольни Спасо-Преображенской церкви с резными столбами такого древнего памятника, как колокольня в селе Кулига-Дракованово, увенчанными характерными консольными выносами и мощным повалом, выполняющим функции парапета. Местоположение колокольни по отношению к Спасо-Преображенской церкви, противоречащее расположению древнего западного входа, так же как и ордерная трактовка

---

³¹ Наиболее ценные фотографии опубликованы в изданиях: И. Г р а б а р ь. Указ. соч., т. I, стр. 353; С. З а б е л л о, В. И в а н о в, П. М а к с и м о в. Указ. соч., стр. 74, 75.

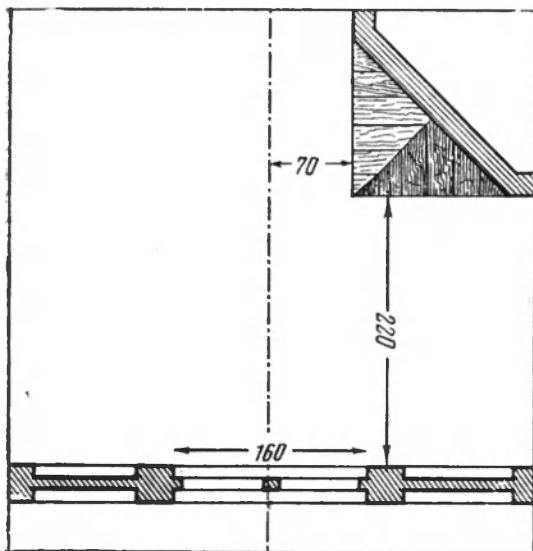

Рис. 7. Схема расположения старой деревянной колокольни по отношению к западному фасаду Спасо-Преображенской церкви (по чертежам Д. В. Милеева и данным натурного обследования)

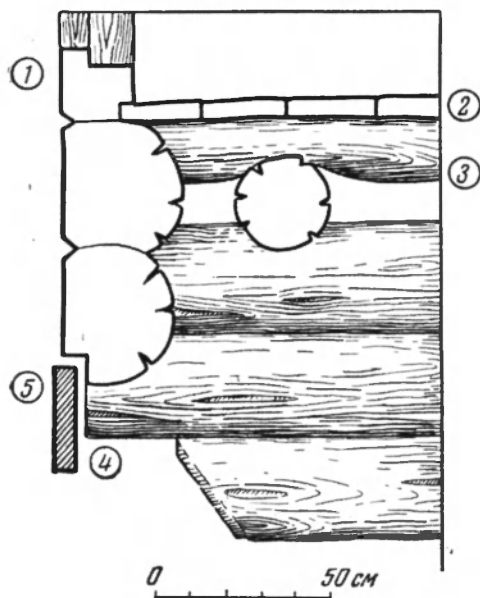
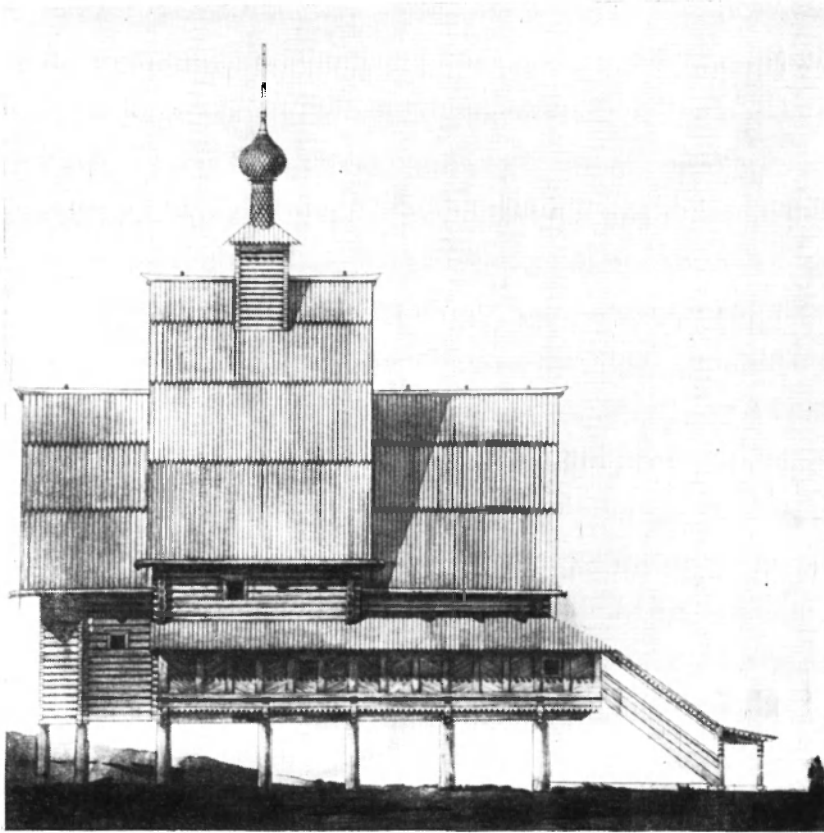

Рис. 8. Размещение декоративных элементов в нижних венцах Спасо-Преображенской церкви
1 — брус порога; 2 — новый пол; 3 — древний пол из однорядника; 4 — паз, выбранный в нижних венцах; 5 — подзор

опор шатра, не позволяют безоговорочно считать ее, как это делает В. И. Соколов³², ровесницей храма. Дату сооружения колокольни следует отнести к гораздо более позднему времени; по-видимому, к 1770 г., когда церковь капитально перестраивалась и была заново освящена. В это же время в силу гидрологических особенностей участка³³ был ликвидирован и западный вход в церковь. Новое южное крыльцо располагалось гораздо выше старого, и подход к нему со стороны села мог осуществляться по сухому участку в любое время года. Совершенно очевидно, что строительство колокольни, частично загоравшей древний западный вход, может быть отнесено или ко времени передвижки последнего на южный фасад или после нее. В связи с этим 1770 год — наиболее достоверная дата возведения колокольни. В настоящее время ее восстановление не представляется возможным как из-за отсутствия необходимых данных, так и в связи с местоположением старой колокольни, исключающей возможность восстановления первоначального западного крыльца. Основные габариты последнего оказались вполне определимы, так как на западной стене галереи, под обшивкой, на уровне древнего пола сохранился брус с двумя скошенными врубками на расстоянии 1,85 м одна от другой. Это — следы примыкания к галерее древнего крыльца, которое, судя по размерам и направлению скосов врубки, было одномаршевым, без горизонтальной площадки перед входной дверью.

³² В. С о к о л о в. Указ. соч., стр. 138, 140. — На основании ошибочного заключения о местонахождении древней колокольни «прямо против дверей в церковь» он выдвигает тезис о единовременном построении церкви и колокольни; исследование 1954 г. этого предположения не подтвердило.

³³ По крайней мере два месяца в году подход к западному крыльцу церкви мог быть осуществлен лишь по специальным мосткам. В период паводков к крыльцу подъезжали на лодке.

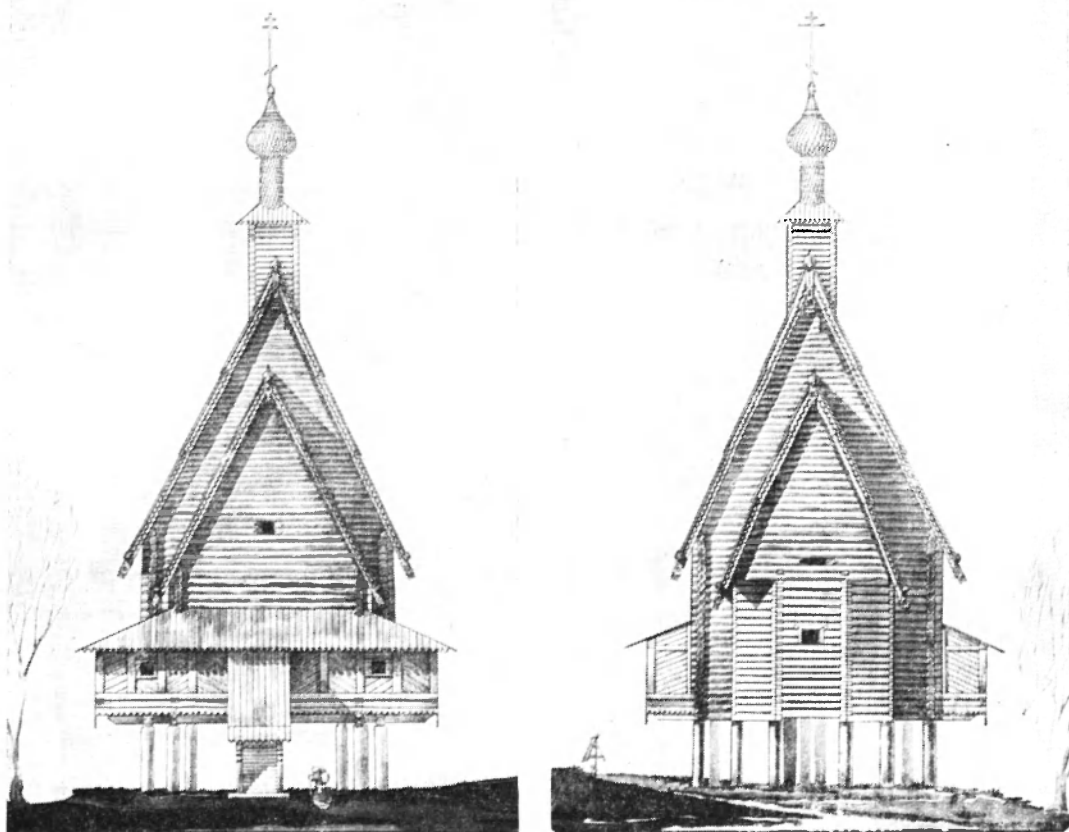

*Рис. 9. Северный фасад Спасо-Преображенской церкви.
Реконструкция Б. В. Гнедовского*

Последовательное зондирование южного фасада Спасо-Преображенской церкви ³⁴ внесло много нового в привычное представление об этом памятнике. Так, окно в южной части молельной оказалось растесанным из косячатого. Обнаружилось, что восточное окончание галереи на этом фасаде было разобрано, так как под обшивкой основного сруба открылись пазы, в которые некогда входили стропильные брусья не существующей теперь части галереи. Продольные широкие пазы, бывшие основой деревянного пола галереи, обнаружили на одной отметке с уровнем старого пола. Нижний венец памятника сохранил широкий паз, проходящий по всему периметру сооружения. Этот паз свидетельствует о находившемся здесь некогда подзоре. Следы легких вертикальных стесов, изменение цвета и присутствие остатков гвоздей в торцах бревен поперечных перерубов — все это позволяет предположительно реконструировать небольшие резные полотенца, маскировавшие торцы бревен — консолей галереи (рис. 8).

Таким образом, в процессе исследования удалось уточнить почти всю совокупность переделок и перестроек, которые памятник претерпел в течение веков. Внешний облик здания был чрезвычайно искажен. Но еще большие изменения были внесены в его интерьер.

³⁴ См. отчет 1954 г. в архиве Костромской научно-реставрационной производственной мастерской (стр. 10—11, черт. 1, 2, 3).

*Рис. 10. Западный и восточный фасады Спасо-Преображенской церкви.
Реконструкция В. В. Гнедовского*

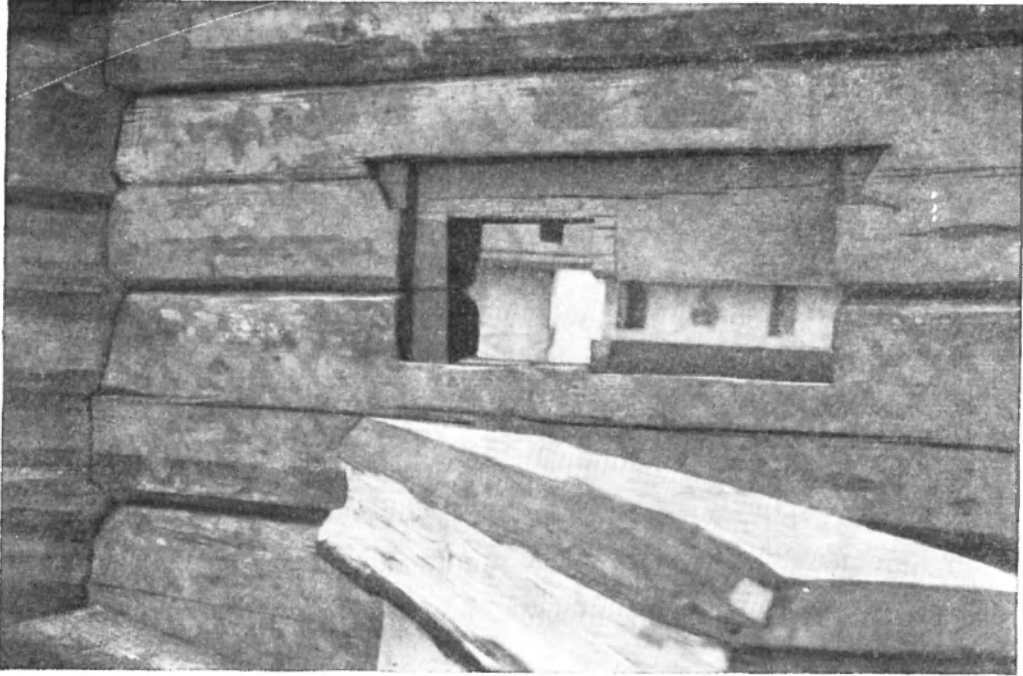
В галерее подшивка потолка дороженным тесом с нащельниками скрыла не только первоначальную односкатную кровлю, но и верхние части растесанных косячатых дверей. Из трех древних дверных проемов больше всего пострадал западный. Его мощные косяки после растески были превращены в деревянную коробку, заполненную остекленными дверями столярной работы с наплавными филенками. Скрытыми под обшивкой оказались и уцелевшие древние фрагменты внешних стен галереи с изысканной порезкой окон. Новый пол из шпунтовых досок лег поверх старого из широкого однорезника.

Еще более неутешительная картина была обнаружена внутри самого здания, все стены которого оказались обитыми драпью, оштукатурены и окрашены вместе с потолком серо-голубой масляной краской. Поверх стен появились псевдоклассические карнизы. Старый тябловый иконостас был заменен новым, грубо позолоченным, с малохудожественной резьбой. Иконы в иконостасе, вопреки утверждениям некоторых авторов³⁵, оказались преимущественно новыми. Лишь в трапезной было обнаружено несколько прибитых к стене необычной трапезиевидной формы икон XVII в., неизвестного происхождения³⁶. В самом центре церкви, на границе между

³⁵ С. Забелло, В. Иванов, П. Максимов. Указ. соч., стр. 74.

³⁶ Размеры и форма этих икон заставляют вспомнить, что В. И. Соколов в указанной выше работе глухо упоминает о якобы существовавшем в молельной потолке «небе». Однако автор не со-

Рис. 11. Волоковое окно, обнаруженное в алтаре при разборке Спасо-Преображенской церкви

трапезной и моельной, возвышались две огромные печи, облицованные белым изразцом, между которыми была перекинута плоская арка. Эти «исправления» и дополнения интерьера носили характер безвкусного поповско-купецского «благолепного поновления» древнего памятника.

Столь капитально переделанный интерьер наглухо маскировал древние формы сооружения, затрудняя и осложняя их поиски и исследование. В процессе выборочного зондирования удалось выявить ряд деталей, характерных для интерьера Спасо-Преображенской церкви. Ими оказались потолок, набранный «в елку» из толстых плах, лежащих на мощных потолочных балках, отпечатки скамей, некогда стоявших по всему обводу трапезной, и гнезда на северной и южной стенах, оставшиеся от тяблового иконостаса.

Особняком стоит вопрос о преграде между трапезной и моельней. О существовании такой преграды свидетельствовали прежде всего сохранность ее верхней части, превращенной в XVIII в. в криволинейную арку, впоследствии оштукатуренную, и отчетливые следы в средней и нижней частях сруба обрубленных торцов бревен, являющихся остатками той же преграды.

Формы трапезных на всем многовековом пути развития русского деревянного культового зодчества прошли большую эволюцию. Трапезная вначале была местом

общает ни источников, на основании которых он высказывает это предположение, ни даты предполагаемого существования такого потолка. Потолок из толстых плах, набранных «в елку» между мощными балками (матицами), освобожденный из-под слоя штукатурки, является одной из самых древних частей памятника. Он существовал и в 1905 г., когда В. Соколов писал свою работу. Остается предположить, что последний пользовался какими-то мало достоверными устными сведениями, которые никак не подтвердились при внимательном осмотре памятника в 1954 г.

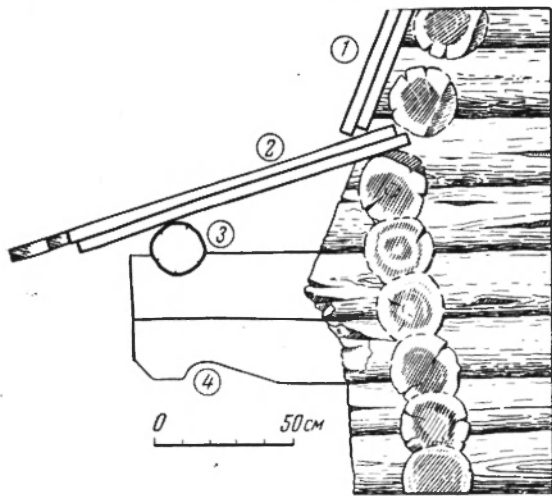

Рис. 12. Предполагаемое устройство полиц Спасо-Преображенской церкви

1 — кровля; 2 — полица; 3 — лежень; 4 — консольный вынос

делена от главного храма рубленой стеной»³⁹. В этой стене, по продольной оси церкви, прорезывалась обычно красивая «косячатая» дверь, по бокам которой устраивались узкие «молельные» окна или даже щели⁴⁰.

Ликвидация трапезной как отдельного автономного компонента православного храма связана с волной «благочестивых поновлений», которая обрушилась на древние памятники уже во второй половине XVIII в. и была своего рода выражением отношения правящей верхушки к демократическим «земским» элементам народного зодчества. Яркий пример этого — растеска преграды между трапезной и молельной в Спасо-Преображенской церкви.

В результате сопоставления данных предыдущих исследований с детальным обследованием Спасо-Преображенской церкви в 1954 г. появилась возможность графического оформления обобщенного материала (рис. 9 и 10)⁴¹. Последний подвергся уточнению и корректировке в процессе разборки, когда были выявлены волоковые окна алтаря (рис. 11), отпечатки клиросов на стенах молельной, молельные щели, выходящие в галерею, и многие другие детали интерьера, скрытые раньше под густой штукатуркой.

После сборки церкви на территории бывшего Ипатьевского монастыря в Костроме ее облик сильно изменился. Сейчас она поднята над землей на трехметровую высоту и стоит на 18-ти мощных дубовых столбах-сваях. На всем протяжении восстановлена

собраний, традиции [которых восходят ко времени язычества. «В старину дальние богомольцы, — писал Ф. Горностаев, — размещались в обыкновенные и воскресные дни после заутрени в трапезе и здесь же трапезовали в дни поминания усопших». Он же, описывая традиционную братчину, считает, что «обычай братчины был распространен в России с незапамятных времен и в той или иной форме несомненно существовал и во времена языческие»³⁷. В дальнейшем, в XVII в., трапезная становится общественным центром русского села³⁸.

И в первом и во втором случае функции ее существенно разнятся от функций литургических. В течение веков под одной кровлей существовали фактически разнородные по назначению помещения. Поэтому нельзя не считаться с мнением И. Э. Грабаря, утверждавшего, что «трапеза при таких условиях должна быть от-

³⁷ И. Грабарь. Указ. соч., стр. 461—463.

³⁸ Указание на общественное значение трапезной имеется в ряде источников, первым на него указал М. Богословский: «Трапеза северной церкви каждый день и помимо схода полна народа, являвшегося туда по общественным и частным делам» (М. Богословский. Земское самоуправление на русском севере в XVII в., 1909, стр. 204).

³⁹ И. Грабарь. Указ. соч., стр. 463.

⁴⁰ Трапезные такого типа имеются в ряде древних построек или в поздних сооружениях, выстроенных с учетом древних традиций. Такова, например, трапезная Петропавловской церкви села Пучуга Архангельской области.

⁴¹ Проект реставрации Спасо-Преображенской церкви хранится в архиве Костромской реставрационной мастерской.

Рис. 13. Общий вид Спасо-Преображенской церкви в процессе сборки

ее южная галерея, ликвидирована уродующая фасады плотная досчатая обшивка, восстановлено простое одномаршевое крыльцо. Однако конкретная реконструкция криволинейных клинчатых покрытий встретила немало трудностей. Основная из них — неясность местонахождения сливных досок (полиц), без которых существование бочки, покрытой лемехом, невозможно.

Кровельным материалом, способным выявить тонкую пластику криволинейных покрытий Спасо-Преображенской церкви, могли быть только лемех, гонт или короткие доски, которыми крыли зачастую шатры. При разборке алтарных покрытий церкви была обнаружена полунстлевшая пластина лемеха. Это заставляет предположить, что изначально кровли центрального и восточного объемов памятника были покрыты лемехом, а прямолинейные кровли трапезной — тесом. Основание для такой реконструкции дает также обнаруженный в процессе последовательного обнажения памятника неправильной формы клинчатый стес на верхних бревнах повала. Его наличие можно объяснить лишь существованием консольного выноса, ликвидированного при устройстве тесовой обшивки. На такой вынос мог опираться горизонтальный «лежень» — опора внешнего края «полицы» (рис. 12).

К сожалению, данный конструктивный узел нельзя наблюдать в чистом виде среди сохранившихся деревянных построек. Однако косвенных аналогий более чем достаточно. Это прежде всего «помочи» большинства северных старинных изб, консоли алтаря шатровой церкви в селе Пучуга Верхне-Тотемского района Архангельской области и, наконец, мощные консоли в северном и южном углах алтарной части самой Спасо-Преображенской церкви. Совершенно очевидно, что при подобном конструктивном устройстве внутренний край полицной доски не нуждался в прочном зажиме между слегами. Конструкция получила здесь дополнительную жесткость за счет опалубки. Однако при реставрации памятника этот узел практического воплощения не получил, ибо отсутствие прямых аналогов и конструктивная сложность покрытия заставили отказаться от его воспроизведения. Поэтому сделано тесовое покрытие по потокам, некогда существовавшее на памятнике как промежуточная стадия.

К моменту окончания реставрационных работ сильно изменился и интерьер памятника. Живописная поверхность его бревенчатых стен была полностью освобождена от штукатурки, что придало внутренним помещениям исключительную выразительность. Реставрированы массивные колоды «косячатых» дверей. Растесанные окна и кафедры-клиросы получили прежние габариты. Восстановлена перестроенная солея. Несмотря на значительные технические трудности, начато восстановление преграды между молельной и трапезной. После подбора дополнительных данных появится возможность частично реконструировать и иконостас⁴². Таков в общих чертах объем реставрационных работ по Спасо-Преображенской церкви.

В результате подробного исследования и реставрации этой церкви возникает ряд соображений о методике исследования и фиксации деревянных памятников русского зодчества с клинчатыми кровлями. В силу скромности фасадов и интерьеров эти памятники в XVIII—XIX вв. не удовлетворяли требованиям литургической помпезности и поэтому подвергались, по сравнению с другими типами деревянных церквей, наибольшим искажениям и перестройкам.

В связи с этим архитектурный, а тем более схематический обмер не дает возможности судить о первоначальном конструктивном устройстве, художественных особенностях обмеряемого памятника и приводит в ряде случаев к ошибочным представлениям. Поэтому именно клетские церкви нуждаются в особенно тщательном исследовании с обязательным фиксированием чердаков и конструкций] покрытия

---

⁴² В настоящее время мы имеем ясное представление лишь о схеме расположения тябел древнего иконостаса (известны расстояния между тяблами и их высота), профиль тябел, мотивы их росписи могут восстанавливаться лишь после подбора близких аналогий. Эта работа сейчас и проводится.

в стадии археологического обмера. Возможно, что полученные при этом результаты расширят наши представления о формах покрытия клетских церквей.

Своеобразные клинчатые кровли Спасо-Преображенской церкви села Спас не имеют прямых аналогий в истории русского зодчества и поэтому заслуживают самого внимательного изучения, в процессе которого появляется реальная возможность проникновения в малоисследованную область образования форм древнерусского зодчества. Пока же эти кровли мы можем рассматривать как новый вариант оптических поправок, которыми широко и умело оперировали в древности русские мастера-зодчие.

* * * 111

Зимой 1955 г. на пустовавшей ранее южной части территории древнего Ипатьевского монастыря в Костроме начато формирование музея русского деревянного зодчества под открытым небом. Сюда свозятся пока что лишь свайные хозяйственные постройки из затопляемых районов. Но в ближайшее время появятся и жилые дома. Центром этого своеобразного комплекса стала Спасо-Преображенская церковь, освобожденная от позднейших уродующих ее наслоений (рис. 13). Даже сейчас, когда реставрационные работы еще не завершены, она привлекает внимание многочисленных туристов как подлинный материальный памятник седой старины, в котором воплощены художественные вкусы и технические навыки русских зодчих, создавших на заре XVII в. прекрасное произведение. Оно является как бы кульминационным пунктом многовековых творческих поисков наибольшей выразительности форм клетской церкви.

Г. И. ВЗДОРНОВ

К АРХИТЕКТУРНОЙ ИСТОРИИ САВВИНА-СТОРОЖЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ

К числу важных источников, дающих материал для характеристики крупных архитектурных ансамблей и отдельных сооружений Древней Руси, уже давно отнесено описание путешествия антиохийского патриарха Макария, сделанное его сыном Павлом Алеппским¹. Подробное перечисление виденных ими зданий уже само по себе представляет большую ценность, так как многие из упомянутых П. Алеппским построек в последующее время были переделаны или снесены. Помимо фактических сведений в описании содержится целый ряд отвлеченных в сторону эстетической оценки того или иного памятника, часто сопровождаемой сравнением его с другими постройками, прошедшими перед глазами Макария и Павла. Многие сравнительные характеристики П. Алеппского представляют интереснейшие и весьма точные наблюдения. К ним принадлежат, в частности, и те главы описания, в которых говорится о посещении Макарием и его спутниками Троице-Сергиева и Саввина-Сторожевского монастырей².

Еще до того как гости появились в Саввинском монастыре, они уже много слышали о нем, и Алеппский записал в своем дневнике, что «царь всюдушу положил на... построение» Саввина-Сторожевского монастыря, «дабы сделать его подобным монастырю Троицкому»³.

Как известно, осмотр Саввинского монастыря привел Алеппского к твердому убеждению, что он построен по образцу Троицкого, хотя и меньше последнего по размерам⁴. «По своей красоте, высоте, плану постройки, архитектуре и множеству амбразур и пушек» Саввин-Сторожевский монастырь так сильно напомнил ему Троицкий, что восхищенный Павел называет обе обители «женихом» и «невестой».

На чем основано это сближение двух памятников? Только ли внешнее величие, обилие ярких и разнообразных построек в монастырях послужило осно-

---

¹ Павел Алеппский. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в. Перевод с арабского Г. Муркоса, вып. 1—5. М., 1896—1900.

² В Троицком монастыре они были в начале июня 1654 г., а в Саввинском — во второй половине января 1655 г. (П. Алеппский. Указ. соч., вып. 4. М., 1898, стр. 23—38, 120—135).

³ Павел Алеппский. Указ. соч., вып. 4, стр. 120.

⁴ Там же, стр. 130.

ванием для утверждения об их сходстве как полагает, например, В. В. Косточкин⁵, или существуют более глубокие причины, лежащие в основе заключения П. Алеппского? Решение этого вопроса может быть получено только путем внимательного изучения главных особенностей в планировке монастырей, их центральных сооружений, а также других современных описанию П. Алеппского источников, проливающих свет на указанную проблему.

Своим возникновением Саввин-Сторожевский монастырь⁶ в немалой степени был обязан звенигородскому князю Юрию, пригласившему для основания новой обители игумена Троицкого монастыря Савву. Последний в течение семи или восьми лет был первым игуменом вновь основанного монастыря. Уже около 1405 г. при ближайшем участии князя Юрия Савва построил у себя в обители белокаменный Рождественский собор, архитектура которого в сильнейшей степени повлияла на зодчих, соорудивших в 1423—1424 гг. Троицкий собор лавры⁷. Таким образом, начало связей между двумя монастырями падает еще на первые десятилетия их существования. Впоследствии исторические условия сложились так, что обитель в Звенигороде не приобрела такого крупного государственного значения, какое получил Троицкий монастырь, имевший возможность сооружать монументальные каменные храмы, трапезные и кельи. Подобно другим второстепенным монастырям, Саввин-Сторожевский вплоть до середины XVII в. оставался деревянной, плохо укрепленной крепостью с единственным каменным сооружением на его территории — древним Рождественским собором⁸. Однако в 1650 г. в его истории произошел поворот,

⁵ В. В. Косточкин. Саввино-Сторожевский монастырь в XVII—XVIII вв. (по запискам современников и неопубликованным архивным материалам). — «Сообщения Института истории искусств АН СССР», № 12. М., 1958, стр. 120.

⁶ О нем см.: «Археологические известия и заметки». М., 1898, стр. 304—305; А. Успенский. Саввин-Сторожевский монастырь — «Художественные сокровища России», 1904, № 5, стр. 61—106; С. А. Уваров. Саввин-Сторожевский монастырь близ Звенигорода. — «Древности. Труды комиссии по сохранению древних памятников», т. III. М., 1909, стр. VII—XIII, табл. А—И; А. И. Некрасов. Города Московской губернии. М., 1928, стр. 144—151; Н. Воронин и Ильин. Древнее Подмосковье. М., 1947, стр. 18—23; Н. Тихомиров. Звенигород. М., 1948, стр. 14—33.

⁷ Дата постройки этого собора до сих пор устанавливалась исключительно на основании свидетельств Пахомия Логофета, приведенных им в добавлениях к житию Сергия Радонежского. Закладку собора Пахомий связывает с открытием мощей основателя Троицкого монастыря спустя 30 лет после смерти Сергия; монастырская традиция сохранила и день праздника — 5 июля 1422 г. Этот год исследователи и принимали за дату сооружения Троицкого собора. Между тем, еще Е. Голубинский сомневался в безупречности такой датировки, указывая, что подготовительные работы могли отодвинуть закладку храма до весны 1423 г. (Е. Голубинский. Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра. М., 1909, стр. 178). На том месте, где стоит теперь Троицкий собор, прежде стояла деревянная Троицкая церковь, освященная Никоном в 1412 г. Перед закладкой Троицкого собора требовалось перенести ее на новое место, чтобы поставить там раку с мощами Сергия и продолжать службу. Надо было также заготовить строительные материалы. Подготовительные работы не могли начаться до священного собора, принявшего решение об открытии мощей Сергия и его канонизации (Н. Тихомиров. Древние жития преподобного Сергия Радонежского. М., 1892, стр. 50), ибо трудно допустить, что священный собор только закреплял своим постановлением то, что уже проводилось в жизнь монастырскими властями. Поэтому остается предполагать, что белый камень на строительную площадку подвозили зимой 1422—1423 гг. Начало сооружения Троицкого собора падает, таким образом, на весну 1423 г. Не располагая подробными сведениями о постройке какого-либо из раннемосковских храмов, нельзя сделать решительных выводов о продолжительности постройки. Но учитывая тяжелую экономическую ситуацию в эти годы в Москве (голод) и большое количество трудоемких работ по сооружению храма (тщательная теска камня, резьба орнаментального пояса, сложное устройство верха), можно принять, что собор строился не менее двух лет, т. е. был закончен в 1424 г. Эту дату подтверждает древнейший лицевой покров Сергия, хранящийся ныне в ризнице Троице-Сергиевой лавры и по традиции относимый к 1424 г. Он, вероятно, был заказан Василием I для раки Сергия в только что отстроенном Троицком соборе. Вот почему за дату постройки собора правильнее всего принять 1423—1424 гг.

⁸ Есть, правда, основания считать, что части трапезной монастыря, описанной Павлом Алеппским (Указ. соч., вып. 4, стр. 131), относились еще к 1521 г., когда монастырь собирался ставить «трапезу камени» (см.: П. Н. Воронин. Очерки по истории русского зодчества XVI—XVII вв. М. — Л., 1934, стр. 81).

которому мы обязаны возникновением одного из самых ценных древнерусских архитектурных ансамблей.

Существо этой перемены изложено в жалованной монастырю царем Алексеем Михайловичем грамоте от 1686 г., в которой особо указано, что «тот монастырь по... государскому обещанию построен, и вотчины к тому монастырю многие куплены... великих государей казною и в тот монастырь... великих государей пришествие бывает почасту и... при иных монастырях тот монастырь... великих государей милостию отменен, а иным монастырем то в образец не ставить»⁹. Другими словами, Саввинский монастырь был превращен в царскую подмосковную обитель, подобно тому, как это имело место в истории Троице-Сергиевой лавры в начале XV в. Внешнее выражение указанный акт получил в обстройке монастыря каменной крепостной стеной и другими монументальными зданиями; причина же особого внимания царя к скромной до того обители, конечно, кроется в конфликте, который в середине XVII в. на некоторое время разъединил светскую и духовную власти. Возвышение древнего Саввинского монастыря как бы в противовес Троицкому, вероятно, было вызвано тем оппозиционным положением, которое Троицкий монастырь в качестве крупнейшего феодала занял по отношению к царской власти. Только этим можно объяснить настойчивое желание Алексея Михайловича создать под Звенигородом монастырь, который был бы во всем подобен Троицкой лавре и единственным хозяином и покровителем которого являлся бы сам царь.

Однако уже топографические условия местности препятствовали осуществлению цели. Саввинский монастырь занимает узкий и длинный вытянутый с севера на юг мыс между Москва-рекой и речкой Разводней. Его полезная площадь была вдвое меньше площади, занимаемой Троицким монастырем, отчего даже при наличии больших средств и квалифицированных мастеров сооружение таких крупных зданий, как Успенский собор лавры, и таких мощных и длинных крепостных стен, как ее стены, уже в начале всего предприятия было исключено. Что же касается остальных построек Саввинского монастыря, то их архитектура и взаимное расположение невольно наводят на мысль о том, что руководители его обстройки ориентировались в этом отношении на Троице-Сергиеву лавру.

Сопоставление двух архитектурных комплексов нагляднее всего проделать, используя старинные изображения и планы, снятые с монастырей в XVIII в., когда еще сохранялись многие здания, исчезнувшие впоследствии. Изображение Троицкой лавры, подробно передающее все каменные и деревянные строения, распластавшиеся на ее территории в середине XVII в., имеется на иконе, написанной в промежуток между 1643 и 1650 гг. (рис. 1)¹⁰. Перенеся те стройки, которые видны на этой иконе и которые уже давно не существуют в натуре, на план, снятый с монастыря И. Мичуриным в 1738 г.¹¹, мы получим картину, отражающую композицию ансамбля в XVII—XVIII вв. (рис. 2).

План Саввинского монастыря, составленный во второй половине XVIII в. (рис. 3), найден и опубликован В. В. Косточкиным¹². Значение этого плана состоит в том, что он (подобно иконе с перспективой Троице-Сергиевой лавры) передает все постройки, сооруженные царем Алексеем Михайловичем, в их еще не тронутым тогда виде.

---

⁹ С. Смирнов. Историческое описание Саввина-Сторожевского монастыря. Изд. 3. М., 1877, стр. 37.

¹⁰ Е. Голубинский. Указ. соч., стр. 404, табл. I а и б. — В настоящее время икона хранится в Загорском историко-художественном музее. Ее вариант имеется в собрании икон Рогожского старообрядческого кладбища.

¹¹ См.: А. Михайлов. Архитектор Д. В. Ухтомский и его школа. М., 1954, стр. 129. — При составлении предлагаемого здесь плана использован его черновой вариант; оба чертежа хранятся в ЦГАДА.

¹² В. В. Косточкин. Указ. соч., стр. 122, рис. 10.

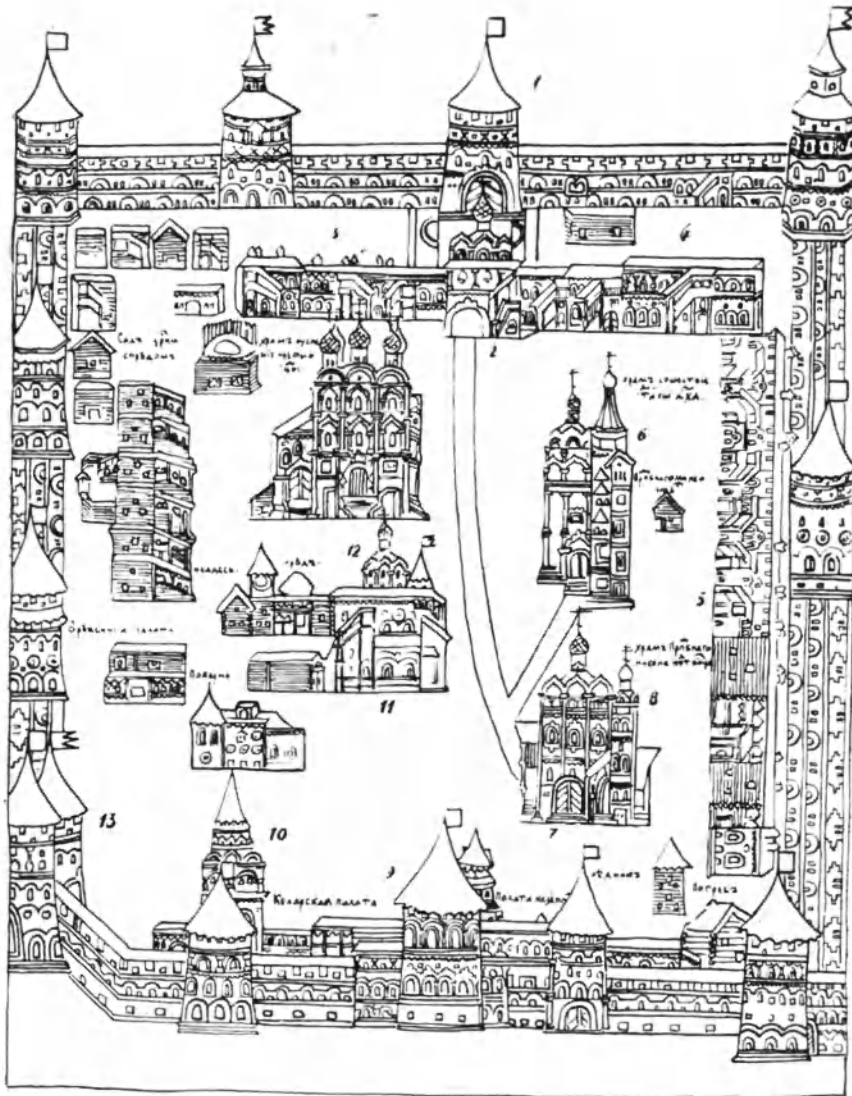

Рис. 1. Изображение Троице-Сергиева монастыря на иконе середины XVII в. (прорись)

1 — Святые ворота и Красная башня над ними (1540—1550, 1640 гг.); 2 — надвратная Сергиевская церковь (1512—1513 гг.); 3 — корпус келий (1640 г.); 4 — корпус келий (1640 г.); 5 — братские, гостиные, паницины и архимандричьи кельи (XVI—XVII вв.); 6 — звонница (конец XVI в.); 7 — Троицкий собор (1423—1424 гг.); 8 — Никоновский придел (1548, 1623—1624 гг.); 9 — палаты монастырской администрации, служебные кельи и ризница (XVI—XVII вв.); 10 — больничные палаты с церковью Зосимы и Савватия (1635—1637 гг.); 11 — трапезная (1469 г.); 12 — церковь Михаила Маленна, пристроенная к трапезной в 1621 г.; 13 — конюшенные (Каличи) ворота (1540—1550 гг.)

Центральное место в том и другом ансамбле принадлежит соборным площадям и стоящим на них древним белокаменным соборам. Троицкий собор лавры (1423—1424) был тем ядром, вокруг которого в исторической последовательности образовалась главная группа монастырских зданий: трапезная, колокольня, Никоновский придел, келарская, казначейская и ризничная палаты, кельи и ряд подсобных построек. Успенский собор (1559—1585), самый грандиозный из соборов монастыря,

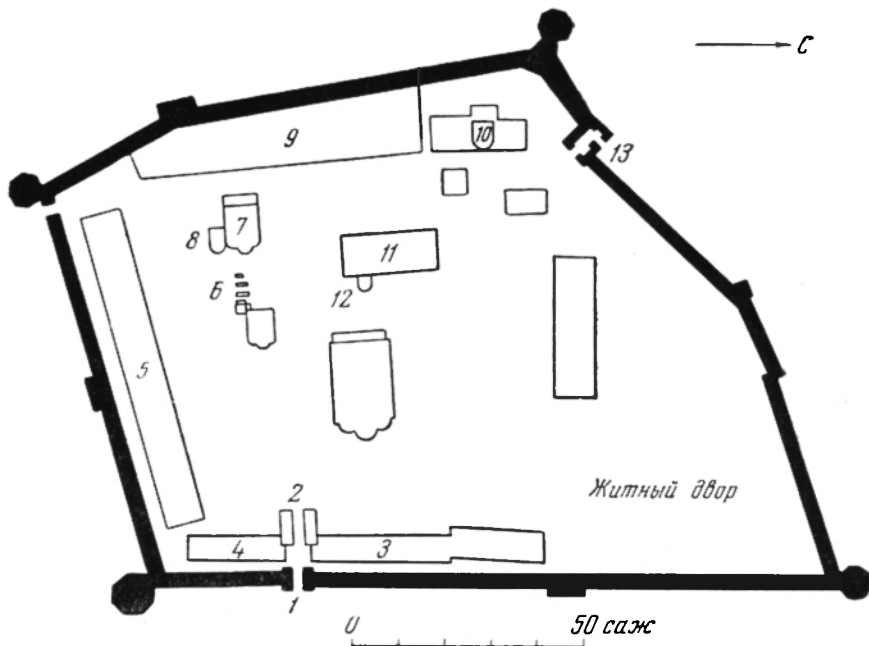

Рис. 2. План Троице-Сергиевой лавры, составленный на основе иконы середины XVII в. и плана 1738 г. (цифры соответствуют нумерации на рис. 1)

до разборки старой трапезной и расширения за ее счет площади в северном направлении находился вне этой тесной группы первоначальных построек. Вот почему составители плана, по которому строился Саввин-Сторожевский монастырь¹³, даже при всех прочих условиях, затруднявших точное воспроизведение Троице-Сергиевой лавры, могли сознательно оставить Успенский собор вне поля зрения. Ими решено было взять за основу только древнейшую часть ансамбля лавры и как бы исключить из состава планируемых зданий весь северо-восточный угол Троице-Сергиева монастыря с его Успенским собором, Государевым дворцом, садом, прудами и деревянными амбарами Житного двора.

Подобно Троицкому Саввин-Сторожевский монастырь имел двое больших ворот: одни из них, предназначенные для обслуживания повседневных монастырских нужд, находились в западном прясле северной крепостной стены; в Троицкой лавре им соответствовали Каличьи (Конюшенные) ворота, сквозь которые вплоть до второй половины XVIII в. шел основной транспортный поток¹⁴. Другие ворота Саввинского монастыря — Святые. Они расположены посередине восточной стены, в основании самой большой и сложной по архитектуре Красной башни. Открывались они, как и Святые ворота лавры, исключительно для входа царя, патриарха и знатных богомольцев. Если принять Красную башню Саввина-Сторожевского монастыря за исходную точку и, пройдя сквозь арку ворот и арку надвратной церкви, двигаться вдоль сте-

¹³ Указом Алексея Михайловича было велено «сделать каменный город около всего строения, мерою по чертежу 357 сажень, а в том городе семь башен» (С. Смирнов. Указ. соч., стр. 145, прим. 102). С другой стороны, здания внутри «каменного города» в этом плане могли и не найти отражения.

¹⁴ Е. Голубинский. Указ. соч., стр. 173.

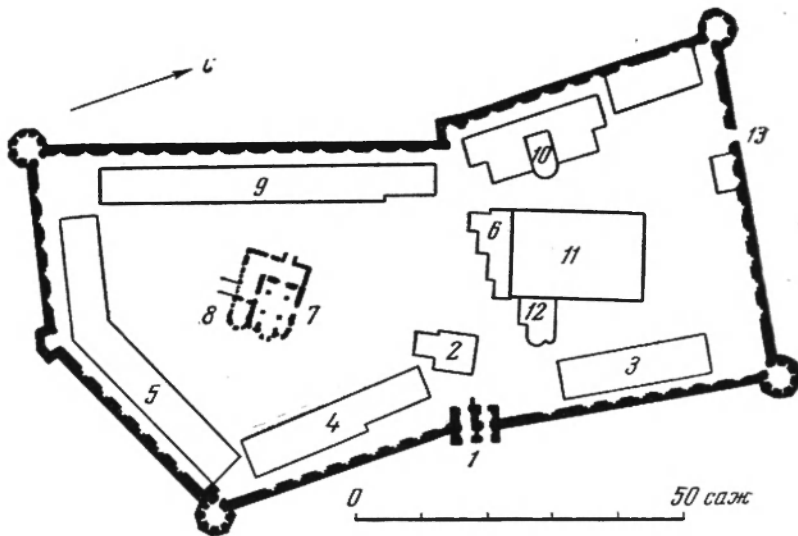

Рис. 3. Схема плана Саввина-Сворожевского монастыря по чертежу архитектора Н. Леграна

1 — Святые ворота п Красная башня (1650—1654 гг.); 2 — надвратная Сергиевская церковь (1652 г.); 3 — казначейский корпус (середина XVII в.); 4 — Царицыны палаты (1652—1654 гг.); 5 — южный корпус келий (XVII в.); 6 — колокольня (50-е годы XVII в.); 7 — Рождественский собор (около 1405 г.); 8 — Саввинский придел (2-я половина XVI в.); 9 — дворец Алексея Михайловича (1652—1654 гг.); 10 — больничные палаты с Иоанновской церковью (50-е годы XVII в.); 11 — трапезная (1652—1654 гг.); 12 — Владимирская церковь (2-я половина XVII в.); 13 — северные проездные ворота

ны по часовой стрелке, то картина следующих одна за другой построек и даже архитектурный тип ряда зданий будет повторять планировку и здания Троице-Сергиевой лавры, какой она была в середине XVII в.

Эти сходные особенности двух ансамблей безусловны. Красной башне над Святыми воротами лавры (1540—1550, 1640-е гг.) соответствуют Красная башня и Святые ворота Саввинского монастыря (1650—1654); надвратной Сергиевской церкви (1512—1513)¹⁵ — также Сергиевская надвратная церковь (1652); двум корпусам келий, построенным в лавре в 1640 г. по сторонам от Святых ворот—Казначейский корпус (середина XVII в.)¹⁶ и Царицыны палаты (1652—1654); южный корпус келий (XVII в.) и дворец Алексея Михайловича (1652—1654) в Саввинском монастыре занимают те же места, на которых в Троицком стояли братские, гостинные, царицыны и архимандричьи кельи (XVI—XVII вв.)¹⁷ и палаты монастырской администрации (XVI—XVII вв.); Троицкому собору лавры (1423—1424), с его западной папертью (XVI в.) и южным Никоновским приделом (1548, 1623—1624)¹⁸, соответствуют Рождественский собор и пристроенные к нему во второй половине XVII в. южный Саввинский придел и паперть; зданию старой Трапезной лавры (1469) п пристроенной к ней с восточной стороны церкви Михаила Малеина (1621)¹⁹

¹⁵ См.: ПСРЛ, т. XXIV, стр. 217. — Она разобрана в конце XVII в., уступив место новой церкви, освященной во имя Иоанна Предтечи.

¹⁶ В. В. Косточкин. Указ. соч., стр. 126.

¹⁷ Е. Голубинский. Указ. соч., стр. 230—232.

¹⁸ Краткий летописец Свято-Троицкой Сергиевой лавры. — «Летопись занятий Археографической комиссии», вып. 3. СПб., 1865, стр. 21 и 25.

¹⁹ Там же, стр. 24—25.

соответствовали трапезная²⁰ с Владимирской церковью, занимавшей по отношению к самой палате то же самое место, что и церковь Михаила Малеина в Троицком монастыре.

В северо-западной части Саввина-Сторожевского монастыря, между средней башней западной крепостной стены и угловой северо-западной башней (Плотничьей) находились больничные палаты с Иоанновской церковью между ними. В. В. Косточкин полагает, что здание это, разобранный в 1782 г., состояло из двух разновременных частей — Иоанновской церкви и учебных палат, пристроенных к ней в XVIII в. при учреждении семинарии²¹. Однако принципиальная схема устройства этого здания (две палаты по сторонам и церковь между ними), а также идентичная планировка больничных палат лавры²² дают основание рассматривать его в рамках XVII в. и отнести к обычному типу монастырского госпитального здания. По данным П. Алеппского, в этой части Саввинского ансамбля находился особый «монастырь» для больных и увечных, который в 1655 г. еще не был достроен и который смело можно отождествлять с обнаруженной В. В. Косточкиным на планах монастыря XVIII в. постройкой. Возможно даже, что Иоанновская церковь была шатровой, как и церковь Зосимы и Савватия при больничных палатах Троицкого монастыря.

Наконец, в том и другом ансамбле важное место занимали звонницы. В Троице-Сергиевой лавре старая колокольня стояла против апсид Троицкого собора, вплотную примыкая восточным своим торцом к церкви св. Духа. Она представляла монументальное пятистолпное сооружение, вытянутое по линии восток — запад и обращенное своим северным широким фасадом прямо на соборную площадь²³. Колокольня Саввина-Сторожевского монастыря помещена в центре ансамбля и до сих пор в силуэте его зданий играет главную роль. В XVII в. она имела несколько ярусов звона, отдельное помещение для часов, а с площади на колокольню вела широкая лестница, которая, по словам Алеппского, имела «около ста ступеней»²⁴. Важно подчеркнуть, что звонница имела такую же самую ориентацию, как и колокольня Троицкого монастыря, и что она тоже служила украшением Соборной площади.

Перечисленные постройки Троице-Сергиева и Саввина-Сторожевского монастырей имеют, таким образом, много общих черт как в архитектуре, так и по местоположению их в ансамбле. В древности эти общие признаки имели более выпуклый, рельефный характер, и только позднейшие перестройки, искажения и даже разборка отдельных зданий внесли в оба ансамбля тот отпечаток несхожести одного с другим, который менее всего был замечен современникам.

Реконструируемые в настоящей работе родственные черты ансамблей не вышли бы, однако, за пределы гипотетических построений, если бы не сохранились убедительные документальные данные, проливающие свет на этот вопрос. Речь идет об источнике, хотя и не привлекавшемся в новейших исследованиях по архитектурным памятникам Звенигорода и Троицкой лавры, но имеющем большое значение для выяснения их истории. Этот источник — книга келаря Троице-Сергиева монастыря Симона Азарьина о новых чудесах Сергия Радонежского, составленная им в лавре

²⁰ Она сооружена в 1652—1654 гг. Ее «стройкой, архитектурой, величиной, простором и обширностью... свода» восхищался П. Алеппский (Павел А л е п п с к и й. Указ. соч., вып. 4, стр. 131).

²¹ В. В. К о с т о ч к и н. Указ. соч., стр. 123.

²² Больничные палаты Троицкой лавры с церковью Зосимы и Савватия построены в 1635—1637 гг. («Краткий летописец», стр. 26).

²³ Материалы к изучению старой звонницы лавры см. Е. Г о л у б и н с к и й. Указ. соч., табл. I а и б (изображение звонницы на иконе); опись Троице-Сергиева монастыря 1641—1642 гг. — Музей лавры. Рукопись, л. 269 об. — 170 и «Книги росписные Троицкого Сергиева монастыря церквям божим и ризной казне», 1735. Музей лавры, рукопись, л. 275 (описание звонницы); ЦГАДА, ДПС, кн. 1146, л. 672, № 3 (схематический план).

²⁴ Павел А л е п п с к и й. Указ. соч., вып. 4, стр. 133.

в промежутки между 1646 и 1654 гг.²⁵ Самая яркая особенность сочинения С. Азарьина — точная и хронологически последовательная запись различных событий и случайных ситуаций из жизни Троицкого монастыря первой половины XVII в., но преподнесенная автором в атмосфере чудес. Ссылки на даты, на источники, из которых С. Азарьин получал сведения, на свидетелей того или иного «чуда» и даже выдержки из частной переписки придают тем главам его труда, в которых говорится об архитектуре, характер вполне надежных и бесспорных сообщений. В главе 61-й, повествующей «об исцелении болезни человека, трясовицею (лихорадкой. — Г. В.) одержима», Азарьин рассказывает: в 1653 г. «поведа мне о чуде преподобного Сергия Андрей, зовомый Шахов, чином бысть у самодержца подъячей. Строение же быше вручено ему от самодержца монастырь святого Савы Сторожевского строити. И в прошлом де во 159-м [1651] году после Светлого Воскресения Христова впаде в болезнь люту, трясовицу имянуема, и толико болев, яко и живота отчаялся ему... Врученныя же службы минуть ему невозможно, аще и немощен. Повеле себя строения ради вести в Савинский монастырь, призывая на помощь преподобного Сергия чудотворца, яко же и преже измлада навьк имя его во устех присно поминати. Под стенами обители его и з женою своею вскормлени быша хлебом его чудотворцовым, и сего ради имя его беспрестанно во устех поминаху, понеже и строения монастыря святого Савы вменияше за едино, занеже преподобный Сергий учитель бе преподобному Саве. Преже убо у Сергия во обители поработав, ныне же у преподобного Савы ученика его»²⁶.

Из рассказа Азарьина следует, что руководил строительством Саввина-Сторожевского монастыря подъячий Андрей Шахов, приступивший к исполнению своих обязанностей весной 1651 г. Работы по сооружению крепостных стен и башен начались еще в 1650 г. и первоначально велись под наблюдением Никиты Михайловича Боборыкина и того же Андрея Шахова, бывшего при Боборыкине помощником²⁷. Однако несколько времени спустя, в том же 1650 г. Боборыкин был отозван в Москву, а «монастырское каменное дело приказал ... ведать подъячему Андрею Шахову»²⁸. Последний, таким образом, из административного персонала был наиболее близким к практической работе и, следовательно, мог повлиять на зодчих и направить их деятельность в плане ориентации на тот или иной «образец» в определенное русло. Как раз на этот счет в рассказе С. Азарьина о Шахове есть косвенные указания. Сам Шахов происходил из Сергиева посада («под стенами обители» Сергия «з женою своею вскормлени быша») и, что особенно важно для решения разбираемой темы, до назначения своего к постройке Саввина-Сторожевского монастыря «у Сергия во обители поработав», т. е. находился на строительстве новых башен и келий (?) Троице-Сергиевой лавры. Об их сооружении неоднократно упоминает тот же С. Азарьин в своем сочинении под 1650 и 1652 гг.²⁹

Понятно, что архитектура Троицкой лавры, соотношение ее зданий и их удобное (сложившееся историческим путем) размещение не могли остаться незамеченными человеком, находившимся на службе в Приказе каменных дел³⁰ и, следовательно,

²⁵ «Книга о чудесах пр. Сергия. Творение Симона Азарьина. Сообщил С. Ф. Платонов». — «Памятники древней письменности». СПб., 1888, т. LXX, стр. 5. «Книга о чудесах» издана по рукописи, хранящейся в отделе рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ф. 173, № 203). Второй, беловой экземпляр этого сочинения находится в Ярославском областном архиве (№ 144).

²⁶ «Книга о чудесах», стр. 105—106.

²⁷ С. Смирнов. Указ. соч., стр. 145, прим. 102; В. В. Косточкин. Указ. соч., стр. 112.

²⁸ С. Смирнов. Указ. соч., стр. 146—147, прим. 105.

²⁹ «Книга о чудесах», стр. 70—71, 88.

³⁰ Стены и башни Саввина-Сторожевского монастыря строились при участии Приказа (А. Н. Сперанский. Очерки по истории Приказа каменных дел Московского государства. М., 1930, стр. 51—52; Н. Н. Ворониин. Очерки по истории русского зодчества XVI—XVII вв. М.—Л., 1934, стр. 89).

обладавшим острой памятью на те вещи, которые могли пригодиться в работе. С. Азарьин прямо указывает, что А. Шахов «строения монастыря святого Савы вменяше за едино» с Троицкой лаврой, «занеже преподобный Сергей учитель бе преподобному Саве».

Сила традиции, память о созданном, привычка опираться на виденное, а тем более своими руками построенное, и стремление к новому, основанное на постоянном изучении наследства, — все это профессиональные признаки, присущие древнерусским зодчим. Поэтому есть все основания полагать, что архитектурный ансамбль Троице-Сергиевой лавры середины XVII в. был взят (именно в качестве ансамбля) за основу при постройке Саввина-Сторожевского монастыря. В середине XVII в. архитектура стен и башен Троицкого монастыря была настолько широко известной, что изучать их зодчие приезжали даже с далекого Белого озера. Они подробно знакомились с оборонительными сооружениями лавры, чтобы и в «Кирилловом монастыре новый каменный город впредь строить таким образом, как у Троицы в Сергиевском монастыре город строен»³¹.

Если Н. М. Боборькин и А. Шахов были при постройке монастыря официальными лицами, представителями царя и Каменного приказа, то, несомненно, существовал и зодчий, которому было поручено вести непосредственный надзор за каменными работами. Этот фактический руководитель и автор крепостных сооружений Саввина-Сторожевского монастыря оставался неизвестным исследователям, писавшим о монастырских укреплениях. Между тем, сведения о нем содержатся в том же сочинении С. Азарьина, в главе 63, которая называется — «О посещении преподобного Сергия по своим обителям, идеже ученицы его началствоваша». С. Азарьин в ней рассказывает: в 1653 г. «апреля в 24 день писал ко мне из Звенигорода от обители святого Савы Сторожевскаго чудотворца той же вышереченный Андрей Шахов сице: сказывал ему каменного дела подмастерье именем Иван Шарутин: В нынешнем де во 161-м [1653] году апреля в 20 день оскорбляющимся (т. е. был огорчен, опечален. — В. Г.), рече, зело, понеже мать у меня умерла в то время, а я де у государева дела у такова великого заводу един. И сетоваше зело о натерне смерти, паче же и о единачестве, помышляше себе дело не в силу: на на мала время переменитися некем, везде надобе доступить, и печаль в велику впаде. И тоя в нощи видит во сне, кабы по прежнему в Савине монастыре у каменных дел ходящу ему, а напреди себя видит у тово же дела ходит и указывает юноша млад, однорядка на нем вишнева. И слышит к себе об нем глас глаголющ: се подмастерье прислан к тебе на помощь из Троицкого Сергиева монастыря. Он же сему дивися, яко млад зело, яко бе таковии во ученицех бывают. И возбнув от видения размыслив во уме своем и благодарив Бога и преподобнаго Сергия о посещении, дивися, яко спомогает ему и во всем строении и во житии купно со учеником своим с преподобным Савою, обители его снабдевает и способствует»³².

Отвлекаясь пока от первой половины рассказа, заметим, что передаваемая С. Азарьиним легенда о посещении Саввина-Сторожевского монастыря Сергием («юноша млад, однорядка на нем вишнева») и о помощи его в деле постройки монастырских зданий основана, во-первых, на идее первенства Троицкого монастыря среди всех других обителей и, во-вторых, на той конкретной ситуации, при которой Троицкий

³¹ См.: А. Н. Кирпичников и И. Н. Хлопин. Крепость Кирилло-Белозерского монастыря и ее вооружение в XVI—XVIII вв. — МИА СССР, № 77. М., 1958, стр. 160—161. Ансамбль Троицкого монастыря оказал также влияние на строившийся в 1652—1659 гг. патриархом Никоном Валдайский Иверский монастырь. Об этом см.: М. А. Ильин. К истории архитектурной композиции русских монастырей XVII в. (Валдайский Иверский монастырь). — «Ежегодник Института истории искусств АН СССР за 1954 г.». М., 1954, стр. 279—297.

³² «Книга о чудесах...», стр. 107—108. — В этом отрывке, помимо основной мысли, интересующей нас, содержатся драгоценные сведения о том, как работал крупный зодчий, а также с каких лет он начал учиться своему ремеслу.

монастырь стал как бы прообразом и образцом вновь создаваемого под Звенигородом ансамбля. По этой причине в сочинении С. Азарьина так упорно проводится мысль об ученическом положении Саввы по отношению к своему учителю Сергию и постоянно упоминается об их совместном пребывании (Сергий в Саввином-Сторожевском монастыре находится «купно со учеником своим, с преподобным Савою»). По-видимому, современники отдавали себе ясный отчет в том, что возрождение Саввинского монастыря в виде великолепного «каменного града» в художественном плане действительно опиралось на один из лучших древнерусских архитектурных ансамблей, каким уже в середине XVII в. был Троице-Сергиев монастырь.

Приведенный отрывок содержит и ценнейшее сообщение об Иване Шарутине, зодчем крепостных стен и башен Саввина-Сторожевского монастыря. В отличие от вопроса о принадлежности Ивану Шарутину других построек монастыря (см. ниже) вопрос об авторстве оборонительных сооружений последнего решается просто и определенно. Иван Шарутин — представитель среднего поколения известной семьи зодчих Шарутиных³³. Впервые он упоминается вместе со своим отцом в надписи на Святых воротах Троицкого Калязинского монастыря³⁴, стены и башни которого они строили в течение 1644—1648 гг.³⁵ Поскольку И. Шарутин в своем рассказе говорит о том, что он в Саввинском монастыре «у такова великого заводу един», то надо полагать, отец его умер или был к этому времени настолько стар, что более уже ничего не строил.

Даже беглое сравнение стен и башен Калязинского и Саввина-Сторожевского монастырей (рис. 4 и 5) указывает на их необычайное сходство. В настоящее время Саввинский монастырь имеет шесть башен: четыре угловые восьмигранной формы одну прямоугольную (Красная башня) и одну пятигранную (в середине южной стены)³⁶. Они расположены, как и башни Калязинского монастыря, на довольно значительном расстоянии друг от друга и соединены между собою невысокими стенами, имеющими три яруса боя: подошвенный, средний (варовой) и верхний (зубцы). Кроме того, башни снабжены еще одним, дополнительным ярусом (между подошвенным и варовым боем), бойницы которого устроены, примерно, на высоте махикулей стен. С внутренней стороны бойницы подошвенного боя оформлены в виде ритмично расположенных арок с двойными нишами в их глубине. Выше арок идет боевой ход с деревянной кровлей, опирающейся на каменные, четырехгранные в сечении столбы. Таким же образом устроены и стены Калязинского монастыря.

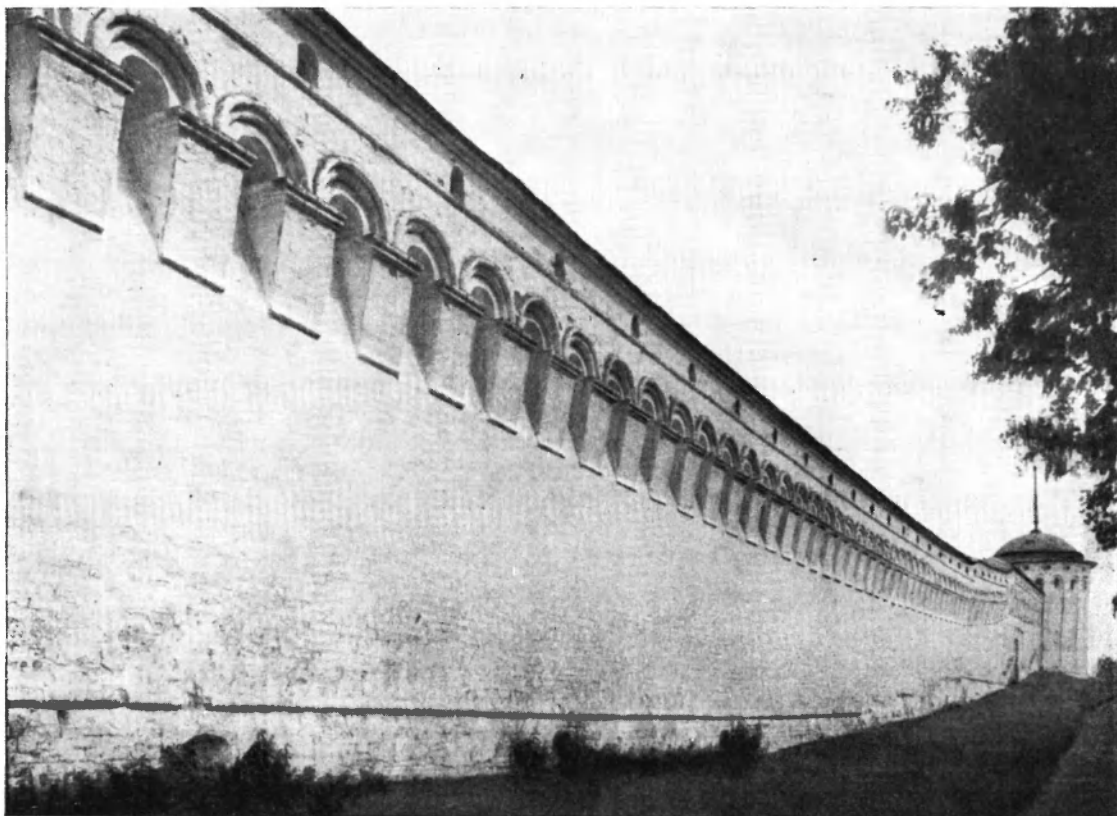
Архитектурные достоинства стен и башен Саввина-Сторожевского монастыря очень высоки. В качестве их главного украшения избрана сама обработка различных частей постройки. Углы башен подчеркнуты широкими лопатками, как бы перелом-

³³ См.: А. Н. С п е р а н с к и й. Указ. соч., стр. 129 и 218; Н. Н. В о р о н и н. Указ. соч., стр. 34, 41 и 128.

³⁴ О Калязинском монастыре см.: Н. Т ю м е н е в. От Ржева до Углича (путевые наброски). — «Исторический вестник», т. XIV. СПб. 1896, стр. 202—214; Материалы научной фиксации архитектурных памятников Калязинского монастыря. Музей архитектуры Академии Строительства и Архитектуры СССР, 1940 (рукопись и обмерные чертежи); М. Ц а п е н к о. Архитектура и фрески б. Макарьевского монастыря в Калязине. — «Архитектурное наследство», вып. 2, 1952, стр. 164—172.

³⁵ Надпись эта была вырезана на двух белокаменных досках, укрепленных по сторонам от проездной арки Красной башни. Правая доска гласила: «По повелению Великого государя, царя и Великого князя Михаила Федоровича всея России самодержца начат бысть делать в 1644 году, совершен же бысть град сей при благоверном царе и Великом князе Алексие Михайловиче всея России в 1648 году»; на левой значилось: «Строил град сей келарь старец Авраамий Семенов, сын Бедов, при игумене Иоанне, а подмастерья делали по государеву указу Марко Иванов, сын Шарутин, да сын его Иван Марков» (Павел К р ы л о в. Троицкий Калязин первоклассный мужской монастырь. Калязин, 1897, стр. 63, прим. 2). — В настоящее время доски хранятся в краеведческом музее г. Калязина.

³⁶ Седьмая башня, находившаяся с западной стороны, была сломана в начале XIX в. (В. В. К о с т о ч к и н. Указ. соч., стр. 123); она была прямоугольной в плане.

*Рис. 4. Крепостная стена Троицкого-Калязинского монастыря.
Зодчие М. И. Шарутин и И. М. Шарутин*

ленными посередине и охватывающими сразу две соседние грани башни. Из всех ярусов боя только машикули выделены особо. Они завершены арочками, состоящими из трех перспективно сокращающихся уступов — нишек, которые в свою очередь опираются на мощные клинчатые консоли-выступы. Количество самостоятельных, не имеющих прямого, функционального отношения к системе обороны деталей сведено к минимуму. И хотя стены и башни Саввинского монастыря лишены той необычайной чистоты форм, какая свойственна более ранним крепостным сооружениям Древней Руси, и хотя в них есть легкий оттенок нарочитой сложности, отличающей почти всю архитектуру XVII в., в которой внушительность здания часто достигалась не только увеличением масштабов постройки, но и ее декоративной обработкой, — все же среди дневнерусских крепостных ансамблей Саввин-Сторожевский монастырь занимает одно из первых мест. Это, возможно, объясняется тем, что Иван Шарутин развил в ансамбле художественные приемы своего отца, закончившего за два года до начала постройки Саввинского монастыря стены и башни Троицкого монастыря в Калязине. В постройке И. Шарутина более заметны строгость и даже некоторая суровость. В калязинских же сооружениях значительное место отведено декоративным деталям (вертикальные тяги лопаток в виде полуколонок, ромбовидные и круглые украшения башен и пр.).

К сожалению, у нас нет данных, которые помогли бы выяснить имена зодчих, построивших другие здания монастыря. Но так как ни в словах самого И. Шарутина, ни в рассказе С. Азарьина об А. Шахове не указано конкретно, что именно они

*Рис. 5. Крепостная стена и башня Саввина-Сторожевского монастыря.
Зодчий И. М. Шарутин*

должны были строить, то есть некоторые основания считать И. Шарутину также строителем и других построек монастыря, начатых вместе со стенами в 1650 г., — в частности Сергиевской (Троицкой) церкви (1652), лестницы под этой церковью, трапезной (1652—1654) и колокольни (1656). Царская грамота, данная в 1650 г. Н. М. Боборыкину и А. Шахову, в которой было предписано «сделать каменный город... и в том городе семь башен», могла фиксировать только наиболее ответственную часть всей постройки — сооружение крепости, имевшей характер общегосударственного мероприятия, и как бы предполагать что вслед за стенами будут сооружаться дворцы и другие монастырские здания.

В пользу того, что строительство последних могло осуществляться одновременно с сооружением крепости, красноречиво свидетельствует челобитная келаря Калязинского монастыря Авраамия, поданная им царю, в которой Авраамий просил о пожаловании его за то, что он в течение четырех лет сделал у себя в монастыре «и город... и ледники каменные, и палаты, и церковное строение»³⁷.

Из построек Саввина-Сторожевского монастыря наибольшую близость к архитектуре стен и башен обнаруживает Сергиевская (Троицкая) надвратная церковь. Уже одно то, что она, подобно надвратной церкви Калязинского монастыря, как бы

³⁷ А. Н. С п е р а н с к и й. Указ. соч., стр. 182—183.

включена в систему крепостной обороны, заставляет предполагать единовременность ее появления с самой крепостью, а следовательно, видеть в ней также постройку И. Шарутина. Узкие вертикальные филенки по сторонам арки в подклете Сергиевской церкви совершенно одинаковые с филенками Святых ворот, искусно вырезанный из белого камня киот над аркой, который совпадает по форме с очертанием каменных досок с именами Шарутиных на Святых воротах Калязинского монастыря, украшение апсид Сергиевской церкви массивными арочками на консолях напоминающими аналогичный мотив в обработке крепостных стен, одни и те же сноповидные украшения примененные в архитектуре Красной башни и двух арок подклета надвратной церкви и, наконец, крупные и сочные детали подклета, словно вылепленные гигантом-скульптором, сделанные, несомненно, человеком, привыкшим работать в крупных формах — все это подкрепляет предположение об авторстве И. Шарутина.

Итак, архитектурный ансамбль Саввина-Сторожевского монастыря был создан на основе крепких и развитых традиций. Одни из них восходили к замечательному ансамблю Троице-Сергиева монастыря, уже в XVII в. привлекавшему внимание зодчих, другие — к Троицкому Калязинскому монастырю, стены и башни которого современники считали выполненными на высоком профессиональном уровне. Вот почему Саввин-Сторожевский монастырь, несмотря на то, что он строился всего лишь около шести лет (1650—1656), приобрел черты яркого, разнообразного по своим зданиям и их расположению ансамбля, словно сложившегося в течение длительного времени путем постепенного присоединения одних памятников к другим.

Г. К. ВАГНЕР

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЦЕНТРИЧЕСКИХ КОМПОЗИЦИЙ В РУССКОМ ЗОДЧЕСТВЕ КОНЦА XVII ВЕКА

Среди памятников русского зодчества конца XVII в. особое место занимают центрические высотные композиции типа церкви Петра Митрополита в московском Высокопетровском монастыре. В них очень смело, талантливо, с подлинным духом новаторства был переосмыслен образ центрического храма, по сравнению с которым «нарышкинское» строительство имело более компромиссное выражение. Многими чертами эти памятники предвосхищают русскую архитектуру XVIII в. Памятников указанного типа очень немного. В настоящее время изучены и опубликованы: упомянутая церковь Петра Митрополита в Москве (1689—1690)¹, церковь Знамения в Перове, под Москвой (1690—1705)², Никольская церковь в селе Медведево, близ Рязани (около 1700 г.)³. Частично опубликована (только план) церковь Спаса в селе Волинском под Москвой (1699—1703)⁴.

Остаются совершенно еще не изученными Воскресенская церковь села Воскресенки⁵ и Покровская церковь села Полуэктово (Волинщина)⁶. Необходимо кратко остановиться на последних трех памятниках, чтобы перейти к характеристике всей группы в целом.

Воскресенскую церковь села Воскресенки (рис. 1) А. И. Некрасов датировал в одном случае серединой XVIII в.⁷, а в другом — второй половиной этого столетия⁸.

¹ См.: А. И. Некрасов. О начале барокко в русской архитектуре XVIII в. — Сб. «Барокко в России». М., 1926, стр. 68—71, рис. на стр. 69 и 70.

² См.: там же, стр. 62—68, рис. на стр. 63 и 65; А. И. Некрасов. Архитектура Истры и ее значение в общем развитии русского зодчества. — «Ежегодник музея архитектуры». № 1, М., 1937, стр. 34, рис. 36, 37, 38.

³ См.: Г. К. Вагнер. Черты традиций и новаторства в рязанской архитектуре конца XVII — начала XVIII вв. — «Архитектурное наследие», вып. 12. М., 1960, стр. 113—116, рис. 5, 6.

⁴ См.: «Памятники усадебного искусства», вып. 1 (Московский уезд). М., 1928, стр. 19.

⁵ Подольского района Московской области на р. Малой Пахре (Десне), в 13—14 км от ст. Апрелевка Киевской ж. д.

⁶ В 6 км к северу от г. Рузы Московской области.

⁷ См.: А. И. Некрасов. Архитектура Истры и ее значение в общем развитии русского зодчества, стр. 21.

⁸ См.: А. И. Некрасов. Очерки по истории древнерусского зодчества. М., 1936, стр. 388.

Однако памятник имеет значительно более раннюю дату. Воскресенская церковь была построена М. П. Бестужевым⁹, который в 1701 г. получил от благоволившего к нему Петра I дозволение именоваться Бестужевым-Рюминым¹⁰. Благословенная грамота на ее сооружение была дана в 1696 г. В 1698 г. храм был заложен, а в 1701 г.—закончен¹¹. Таким образом, перед нами церковное сооружение, современное храмам Знамения в Дубровицах и в Перове, а также Никольской церкви в селе Медведево.

Воскресенская церковь имеет в основании довольно высокий «восьмиапсидный» (октаконховый) объем с более узкими диагональными выступами. Круглящиеся выступы расчленены колонками и имеют двухъярусный профилированный карниз, раскрепованный над колонками. Полуциркульные выступы, однако, не имеют декоративных щитов (как в церкви в Перове) и объединены общей круговой кровлей, над которой возвышается высокий стройный равногранный восьмерик. Последний равен по высоте собственно октаконху, но поскольку октаконх имеет вертикально подчеркнутые пропорции, то и весь памятник приобрел более вытянутый силуэт. Вследствие этого, очевидно, был снижен до минимума купол и уменьшена венчающая главка, стоящая на небольшой цилиндрической шейке.

В силуэтном решении памятника нельзя не усмотреть воздействия церкви Знамения в Дубровицах, находящейся в том же районе. Однако композиция и сдержанный декор Воскресенской церкви одновременно сближают ее и с перечисленными выше памятниками. От их стиля отличаются лишь квадратные филенки с кольцами в середине, помещенные над окнами восьмерика и придающие Воскресенской церкви нарядность.

Дата построения трапезной и колокольни неизвестна. Возможно, что приведенная А. И. Некрасовым дата сооружения храма (середина XVIII в.) относится именно к этим частям.

В 1703 г. построена церковь Спаса в подмосковном селе Волынском (рис. 2)¹². А. И. Некрасов писал, что неизвестно, когда она начата¹³. Между тем, в источнике, сообщающем об окончании церкви, говорится и о ее закладке в 1699 г.¹⁴ Таким образом, церковь Спаса в хронологическом ряду следует непосредственно за церковью села Воскресенки. Если создатели последней в какой-то степени ориентировались на силуэтное построение церкви Знамения в Дубровицах, то церковь села Волынского по пропорциям более приземистая. Она превосходит в этом отношении даже храм Петра Митрополита, с которым ее сближает скромность внешней обработки¹⁵.

В основе пропорционального строя церкви Спаса лежат очень простые расчеты (рис. 3). Высота храма до основания купола равна диаметру основания. Расстояние от основания купола до конца креста равно этой же величине. Октаконх и восьмерик храма равны друг другу, т. е. каждый из них равен по высоте радиусу основания. Храм возведен зодчим, склонным к кратным величинам в построении пропорций.

⁹ См.: В. и Г. Холмогоровы. Исторические материалы о церквях и селах XVI—XVIII ст., вып. 3: Загородная десятина. М., 1886, стр. 48.

¹⁰ См.: П. Долгоруков. Русская родословная книга, ч. III. СПб., 1856, стр. 287.

¹¹ См.: В. и Г. Холмогоровы. Указ. соч., вып. 3, стр. 50—51. — Существует также указание, что храм построен в 1703 г. («Среди коллекционеров», 1924, № 9—12, стр. 45). Если эта разница незначительна, то ошибка А. И. Некрасова требует объяснения. Она вызвана, вероятно, тем, что в Подольском районе известно несколько сел с названием Воскресенки. Возможно также, что А. И. Некрасов за дату построения храма принял дату сооружения трапезной и колокольни, о чем см. ниже.

¹² В. и Г. Холмогоровы. Указ. соч., вып. 3, стр. 270.

¹³ См.: А. И. Некрасов. Очерки по истории древнерусского зодчества, стр. 383.

¹⁴ См.: В. и Г. Холмогоровы. Указ. соч., вып. 3, стр. 270. — Трапезная и колокольня построены позднее.

¹⁵ Памятник не сохранился, но в Музее архитектуры АС и А имеется негатив с чертежа 1838 г. (колл. V, инв. № 10180), который и воспроизводится в данной статье.

Рис. 1. Воскресенская церковь в селе Воскресенки Подольского района Московской области (1698—1701). Вид с юго-запада. Фото А. И. Некрасова

Вместе с тем памятник обладает и другими особенностями, выделяющими его из группы родственных сооружений. Все восемь конх его нижнего яруса имеют одинаковый радиус, благодаря чему план храма представляет собой абсолютно правильную восьмилепестковую розетку. Далее, храм имел внутри круговую галерею, проходящую над конхами, т. е. в основании восьмерика¹⁶. Заказчиком этого оригинального памятника была Ф. Салтыкова¹⁷, сестра жены царя Ивана Алексеевича, следовательно, близкая родственница Петра I.

¹⁶ См.: А. И. Некрасов. Очерки по истории древнерусского зодчества, стр. 388.

¹⁷ См.: В. и Г. Холмогоровы. Указ. соч., вып. 3, стр. 270. — Салтыкова была женой последнего касимовского царевича Василия Ивановича, которому в конце XVII в. принадлежало село Вольтинское (И. Е. Забелин. Куцево и древний селунский стан. М., 1873, стр. 128).

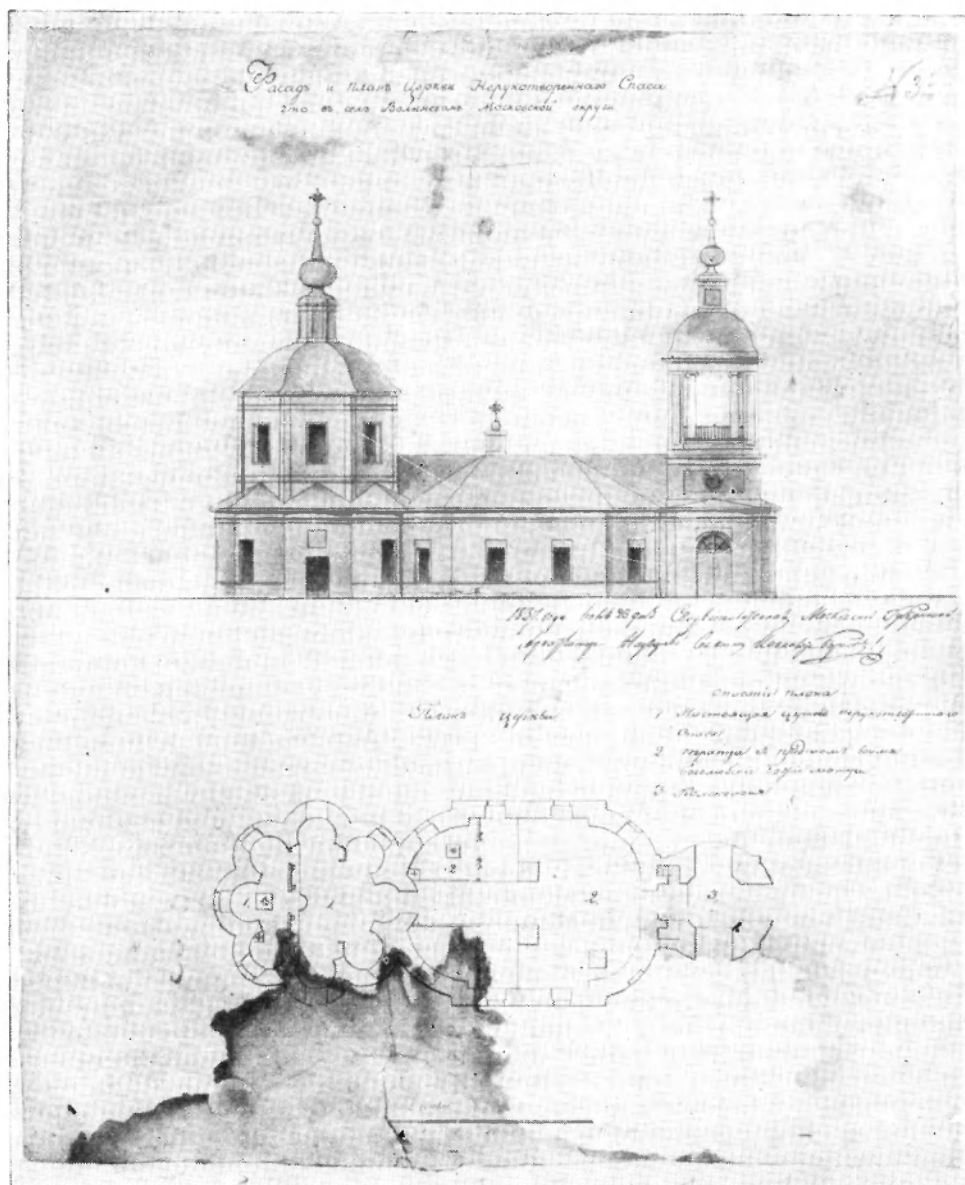

Рис. 2. Церковь Спаса в селе Волыньское Кунцевского района Московской области (1699—1703). По чертежу 1838 г.

Покровская церковь села Полуэктово (Волинщина) датирована А. И. Некрасовым второй половиной XVIII в.¹⁸ и даже 1780 г.¹⁹ Имеются также сведения, что памятник построен в 1747 г.²⁰ В его облике, действительно, есть элементы архи-

¹⁸ См.: А. И. Некрасов. Очерки по истории древнерусского зодчества, стр. 388.

¹⁹ См.: А. И. Некрасов. Архитектура Истры и ее значение в общем развитии русского зодчества, стр. 21.

²⁰ Паспорт Покровской церкви в архиве Инспекции по охране памятников архитектуры Московской области.

тектуры середины XVIII в., но основная композиция сооружения не выходит из круга однотипных храмов рубежа XVII и XVIII вв. В. и Г. Холмогоровы определенно сообщают, что храмозданная грамота была дана владельцу села Полуэктово в 1704 г., а в 1707 г. храм был уже закончен²¹. Заказчик его тоже известен. Им была Е. С. Волинская, жена боярина И. Ф. Волинского²², роду которого издавна принадлежало село.

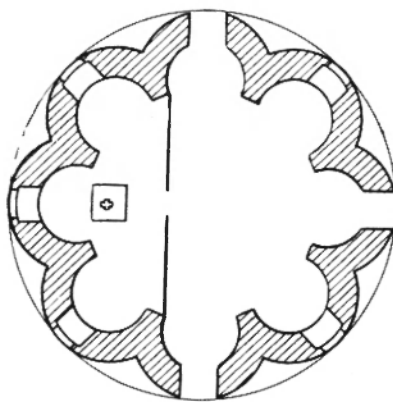
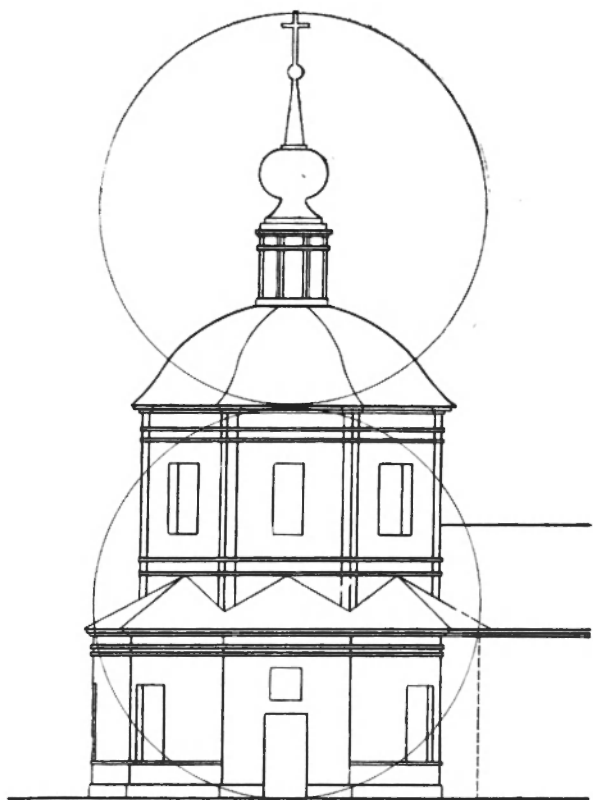
Покровская церковь дошла до нас в несколько поврежденном виде. Отсутствует венчающая главка вместе с барабаном-фонарем. Внешний вид храма хорошо восстанавливается по чертежу 1843 г. (рис. 4), на котором изображен его план, фасад и даже разрез²³. На основании этого чертежа можно заключить, что колокольня храма с элементами ампира была построена вскоре после 1843 г.; трапезная, может быть, более ранняя, но тоже моложе храма. Вероятно, с построением этих частей связана упомянутая выше дата 1747 г.

Октаконх и восьмерик Покровской церкви еще более грузны, нежели в церкви Спаса села Волинского. Приземистость этих частей как бы компенсировалась более вытянутым вверх яйцевидным куполом, на который поставлен небольшой восьмигранный барабан, увенчанный маленькой главкой. Полукружия первого яруса завершены декоративными щитами, аналогичными щитам

²¹ См.: В. и Г. Холмогоровы. Указ. соч., вып. 1: Рузская десятина. М., 1881, стр. 108—109. — Ошибка А. И. Некрасова произошла, очевидно, вследствие того, что село Полуэктово больше известно под названием Волинщина. Второе село Полуэктово находится близ старой Рузы.

²² Отец И. Ф. Волинского был женат на И. П. Ляпуновой — тетке Ф. Г. Ляпунова, строителя октаконховой церкви села Медведево.

²³ Музей архитектуры АС и А. Отдел фондов, раздел 1, № 2749.

0 5м

Рис. 3. Церковь Спаса в селе Волинское. Анализ пропорций

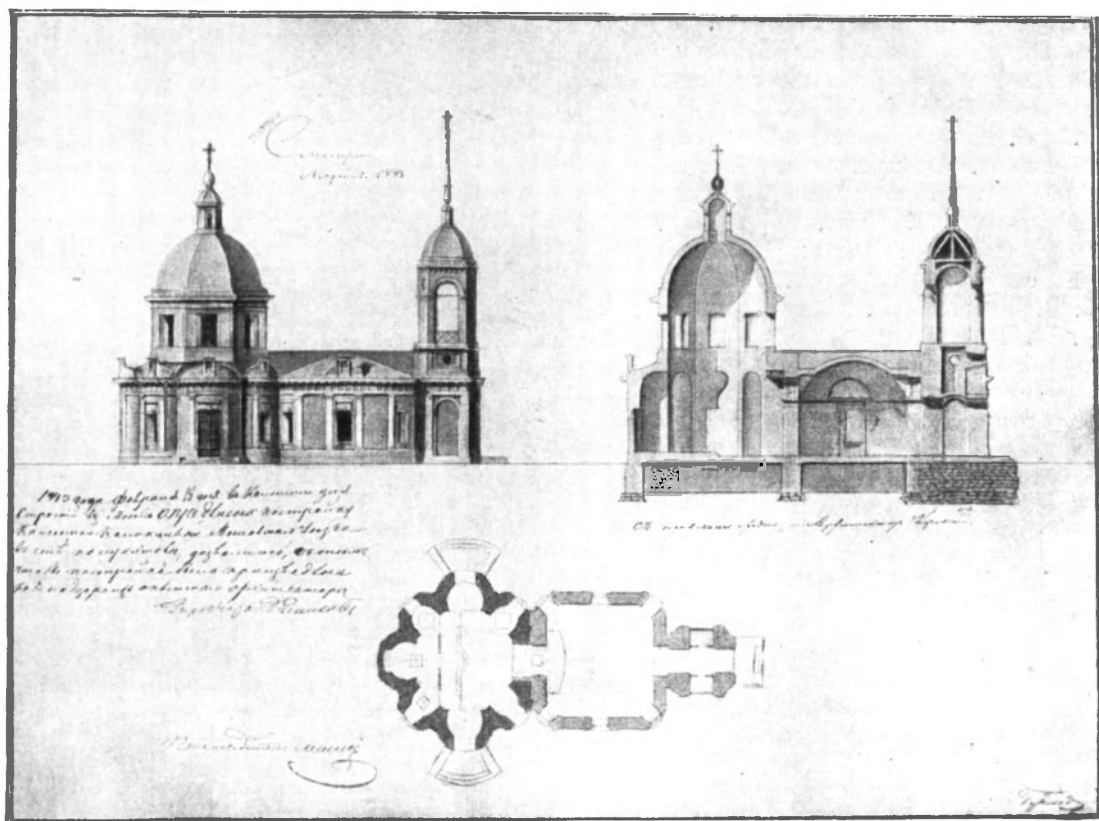

Рис. 4. Покровская церковь в селе Полуэктово (Волынщина) Рузского района Московской области (1704—1707) по чертежу 1843 г.

церкви Знамения в Перове. Классический декор первого яруса (пилястры, фриз с триглифами, карниз и пр.), очевидно, возник позже, при поновлении храма или при пристройке трапезной.

Своеобразным вариантом рассмотренных композиций является так называемая «Черниговская» часовня на северной окраине Переславля Залесского (1702) (рис. 5). Часовня построена в связи с преданием о чудесном исцелении черниговского князя²⁴. Это сооружение имеет еще более интимный облик, по сравнению даже с небольшими памятниками, упомянутыми выше. Его нижний ярус представляет октаконх, но каждая из криволинейных лопастей так мало изогнута и отделена от соседних такими сочными колонками, что весь объем воспринимается как ротондальный. Подобно Воскресенской церкви села Воскресенки, октаконх «Черниговской» часовни имеет единую круговую кровлю, над которой возвышается второй ярус сооружения. У него такая же восьмилепестковая композиция, как и у первого, но по пропорциям он более легкий, чем восьмерики перечисленных выше сооружений. Лишь в третьем ярусе введен небольшой граненый барабан, увенчанный луковичной главой.

Таким образом, «Черниговская» часовня — ближайший прототип надвратной Тихвинской церкви Московского Донского монастыря (1713—1714), во втором ярусе которой также введен цилиндрический объем.

²⁴ См.: Н. Н. Воронин. Переславль-Залесский. М., 1948, стр. 27.

Теперь, когда [нам известны, по-видимому, почти все памятники рассматриваемого направления, целесообразно вернуться к вопросу об их типологическом происхождении. После исследования М. А. Ильина²⁵ не остается сомнений в том, что ни Дубровицкая церковь, ни церковь Петра Митрополита и т. д. — не имеют никакого отношения к архитектору Никодиму Тессину, как думал А. И. Некрасов²⁶. Обнаруживается такая же независимость сооружений типа церкви Петра Митрополита от памятников западноевропейского барокко, на которые указывал А. И. Некрасов. Ни церковь св. Ива в Риме (1660), ни, тем более, капелла Santa Sindone в Турине (1657) не являются октаконхами в точном смысле этого слова, каковыми являются церковь Петра Митрополита и родственные ей памятники. Церковь св. Ива имеет чрезвычайно сложный асимметричный план криволинейных очертаний²⁷, к которому, действительно, подходит любимый А. И. Некрасовым термин «иррациональный». Туринская капелла только внутри имеет шесть (а не восемь!) конх, расположенных на рас-

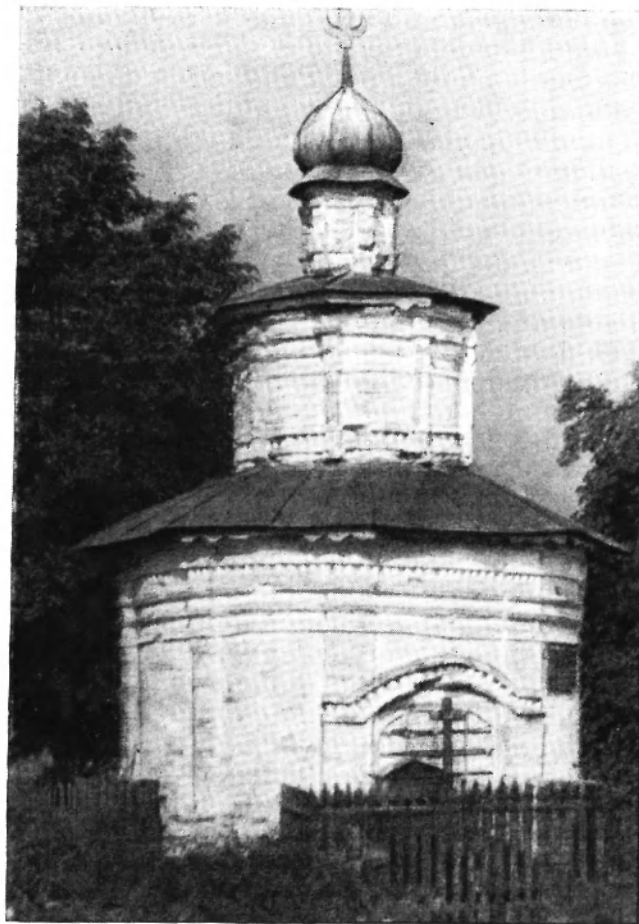

Рис. 5. «Черниговская» часовня в Переславле-Залесском 1702 г. Вид с севера-запада

стоянии друг от друга и никак не выраженных во вне. По объемной композиции капелла является типичной ротондой²⁸. Не найдя достаточно убедительных западноевропейских примеров, А. И. Некрасов приводил в качестве таковых фрагменты планов отдельных памятников. Так, например, в качестве мотива, близкого к плану церкви Знамения в Перове, он указывал на «пролет в нише, фланкируемый двумя меньшими нишами», встречающийся в плане дворца Тессина²⁹. Разумеется, таких ничего не говорящих «примеров» в западноевропейской архитектуре можно набрать бесчисленное количество.

²⁵ См.: М. А. Ильин. К истории русского каменного зодчества конца XVII в. — «Научные доклады высшей школы». Исторические науки, № 2, 1958, стр. 3—6.

²⁶ См.: А. И. Некрасов. О начале барокко в русской архитектуре XVIII в., стр. 67—68, 71, 78. — Это же мнение А. И. Некрасов высказал в ряде других своих работ, ссылки на которые см. ниже.

²⁷ См.: А. И. Некрасов. Архитектура Истры и ее значение в общем развитии русского зодчества, стр. 33, рис. 35.

²⁸ См.: В г и н к т а н. Plastik und Raum, als Grundformen künstlicher Gestaltung. München, 1922, табл. 20.

²⁹ См.: А. И. Некрасов. О начале барокко в русской архитектуре XVIII в., стр. 67, прим. 3.

Вопрос о национальных основах происхождения центральных каменных сооружений конца XVII в. вновь поставил М. А. Ильин, который справедливо указывает на развитие аналогичных композиций в русском деревянном зодчестве не только XVII в., но и предшествующего периода³⁰. Здесь начали формироваться важнейшие элементы памятников так называемого «нарышкинского» стиля: крестообразность основания, ярусность восьмериков и размещение глав по сторонам света. Справедливо также замечание М. А. Ильина о том, что стремление воплотить деревянные прототипы в камне должно было привести к замене прямоугольных боковых выступов основания криволинейными, по образцу алтарных апсид³¹.

Однако то, что справедливо для памятников «нарышкинского» стиля, трудно распространить на сооружения типа церкви Петра-Митрополита. Кроме восьмерика, в этих композициях невозможно обнаружить по существу ни одного из элементов деревянного зодчества. С последним связаны и сами принципы композиции.

Интересующие нас памятники можно было бы рассматривать как дальнейшее развитие «нарышкинского» стиля в сторону усложнения и «уплотнения» композиции³², но дело в том, что собственно нарышкинское строительство центральных храмов начинается не ранее 1692 г. (церковь Покрова в Филях — имении Л. К. Нарышкина) в то время как церковь Петра Митрополита была освящена уже 8 мая 1690 г.³³

Поскольку мы не знаем имен зодчих, создавших церковь Петра Митрополита и аналогичные ей храмы, то большое значение приобретает проблема исторических условий возникновения всех этих памятников. Заказчиком церкви Петра Митрополита считается мать Петра I — царица Наталья Кирилловна, но идейным вдохновителем этой новаторской постройки мог быть только молодой Петр³⁴, привлечший к ней неизвестного нам выдающегося зодчего. Не только Н. К. Нарышкина, но и другие старшие Нарышкины не могли в это время покровительствовать новым направлениям в архитектуре. Поклонница старины, Н. К. Нарышкина доживала последние годы своей жизни. Другие Нарышкины еще не укрепились после реакционного боярского заговора 1682 г.³⁵ Восьмидесятые годы XVII в. были «антинарышкинским» временем. Вполне естественно поэтому, что ранний памятник нового направления появился не в среде Нарышкиных.

Здесь нам следует рассмотреть Успенскую церковь Петровского-Дурнева (1684—1688), которая представляет самый ранний в московской архитектуре центральный храм многолепесткового плана³⁶. Успенская церковь в селе Петровское-

---

³⁰ См.: М. А. И л ь и н. Проблема «московского барокко» XVII века. — «Ежегодник» Института истории искусств АН СССР за 1956 г.» М., 1957, стр. 324—339.

³¹ Существовали, например, памятники, у которых троечастные алтари приделов ориентированы не только на восток, но и на юг или на север. Ср. Казанскую церковь в Старом Сузеве, заложённую в 1672 г., давно уже исчезнувшую, но известную по рисунку А. Мартынова (М. К р а с о в с к и й. Очерк московского периода древнерусского церковного зодчества. М., 1911, рис. на стр. 341). Памятник этот интересен еще и тем, что представляет, по-видимому, первый в Москве образец крестообразного размещения пятиглавия, предшествуя, таким образом, собору Донского монастыря.

³² Замена в памятниках типа церкви Петра Митрополита четырех боковых троечастных выступов четырьмя большими и четырьмя малыми «апсидами» была, конечно, не упрощением, а усложнением композиции. Замена ярусности восьмериков и пятиглавия одним восьмериком с большим куполом тоже выражает стремление к единству объема.

³³ Путеводитель по Москве. Под ред. И. Машкова. М., 1913, стр. 205. — А. И. Некрасов допускал, что храм был заложен в 1689 г. (А. И. Н е к р а с о в. О начале барокко в русской архитектуре XVIII в., стр. 68).

³⁴ См.: А. И. Н е к р а с о в. О начале барокко в русской архитектуре XVIII в., стр. 68.

³⁵ В стрелецких волнениях 80-х годов XVII в. были убиты Афанасий и Иван Нарышкины.

³⁶ Изображение церкви см.: М. А. И л ь и н. Зодчий Яков Бухвостов. М., 1959, стр. 139. — В 1681 г. предназначалась к постройке церковь на «государевом дворе» в подмосковном селе Воскресенском (ныне Красная Пресня); судя по документам, она должна была быть крещатого плана

Дурнево заложена через месяц после свадьбы дочери владельца села П. И. Прозоровского — Анастасии Петровны и князя И. А. Голицына³⁷. Мы не знаем, кто из них был фактическим заказчиком постройки. Во всяком случае замысел этого оригинального храма не мог принадлежать П. И. Прозоровскому, отличавшемуся приверженностью к старине³⁸. Вернее было бы связать постройку с именем молодых Голицыных, в ознаменование бракосочетания которых и была заложена церковь. Если это так, то в дурневской церкви можно видеть наиболее раннее из всех центрических сооружений во владениях Голицыных³⁹. Эта композиционная идея была развита далее в постройках, заказчиками которых являлись братья И. А. Голицына — Борис Алексеевич (церковь Знамения в Дубровицах, 1690—1704 гг.) и Петр Алексеевич (церковь Знамения в Перове, 1690—1705 гг.).

Однако, по-видимому, дело этим не ограничивалось. Обращает на себя внимание необычайно торжественная обстановка, в которой в 1688 г. состоялось освящение дурневской церкви. На него прибыли царь Иван Алексеевич, царица Прасковья Федоровна, царевна Софья, патриарх Иоаким и пять архимандритов крупнейшей монастырей⁴⁰. Конечно, немаловажную роль в этом играло особое положение П. И. Прозоровского при царском дворе, но, как мы видели выше, идея храма не могла быть связана с ним. Вероятнее считать, что к строительству храма была причастна царевна Софья, благоволившая молодой А. П. Прозоровской-Голицыной⁴¹. Не случайно на освящении храма собрался тесный круг близких царевны Софьи, которая в это время обладала всей полнотой власти.

Необычайная торжественность освящения нового храма указывает на особое его значение. Трудно поэтому допустить, что при его сооружении руководствовались только переложением деревянных образцов в камень. Дело, по-видимому, заключалось в своеобразном «утверждении» нового направления в архитектуре, в котором проявился интерес к украинским центрическим постройкам, хотя о прямом копировании их мы не можем здесь говорить.

Приверженность образованной Софьи и ее «канцлера» В. В. Голицына к новым идеям в архитектуре конца XVII в. хорошо известна по грандиозному строительству в подмосковном Измайлове⁴². Кроме других построек, здесь в 1688 г. была сооружена новая церковь Иоасафа, бывшая, по образному выражению А. Г. Чинякова, «придворной церковью» правительницы Софьи⁴³. Замысел этого замечательного памятника и, очевидно, его проект возникли еще в 1685—1686 гг.⁴⁴, т. е. почти одновременно с закладкой Успенской церкви Петровского-Дурнева. В дурневской церкви, таким образом, можно видеть памятник, почти так же тесно связанный с новаторскими

(В. П. Выголов. Творчество зодчего О. Д. Старцева. Автореферат диссертации. М., 1955, стр. 4). Мы не касаемся здесь этого памятника, так как нет уверенности, что он был построен; к тому же характер его крещатого плана не ясен. Все же показательно, что и этот заказ исходил не от Нарышкиных.

³⁷ См.: М. М. Голицына. Петровское. СПб., 1912, стр. 29.

³⁸ Иоанн Георг Корб (конец XVII в.) отмечал особую неприязнь П. И. Прозоровского ко всему иноземному. — И. Г. Корб. Дневник путешествия в Московию. СПб., 1906, стр. 263.

³⁹ Ср.: Г. К. Вагнер. Черты традиций и новаторства в рязанской архитектуре конца XVII — начала XVIII вв., стр. 116. — Следует отметить, что у А. И. Некрасова вопрос о строителях дурневской церкви очень запутан. В одном месте А. И. Некрасов писал, что храм сооружен Прозоровским, женатым на Голицыной (А. И. Некрасов. Архитектура Истры и ее значение в общем развитии русского зодчества, стр. 21), а в другом — утверждал, что Голицына была дочерью И. А. Голицына (А. И. Некрасов. Очерки по истории древнерусского зодчества, стр. 381).

⁴⁰ См.: М. М. Голицына. Указ. соч., стр. 25.

⁴¹ А. П. Прозоровская смолоду была в близких отношениях с царской семьей. Особенно интересна ее будущая дружба с Петром I, давшим ей титул «князь-игуменьи» и считавшим ее членом «Всеянейшего собора» (М. М. Голицына. Указ. соч., стр. 30—31).

⁴² Этот вопрос подробно освещен в работе А. Г. Чинякова «Архитектурные памятники Измайлова» («Архитектурное наследство», вып. 2. М., 1952, стр. 193—219).

⁴³ Взамен старой (1678—1679). См.: А. Г. Чиняков. Указ. соч., стр. 207 и след.

⁴⁴ См. там же, стр. 209.

сооружениями круга Софьи и В. В. Голицына, как и церковь Иоасафа. Может быть, на постройке храма в Петровском-Дурневе были заняты мастера, связанные потом с артелью, работавшей у В. В. Голицына в Измайлове ⁴⁵.

В обеих церквях заметно стремление к центричности композиции, их сближает скромность в пластической обработке, своеобразный акцент на художественной выразительности гладких стен и ясных объемов ⁴⁶. Это сходство измайловских построек с дурневской церковью будет большим, если сравнить последнюю не только с церковью Иоасафа (1688), но и с более ранними въездными воротами Измайлова (1682) ⁴⁷. В дурневском храме восьмерик так же плохо вяжется с основанием, в результате чего не создается впечатления легкого движения вверх. Очень похожи в обоих памятниках колонны «примитивно-классического» ордера; они поставлены на высокие постаменты, сужаются вверх и нагружены импостами. Мелко профилированные карнизы и отсутствие сочного декора, в частности кокошников, тоже роднят памятники, резко отличающиеся этим от собственно нарышкинских построек.

В 1689 г. с регентством Софьи было покончено, и вся власть перешла к молодому Петру I. Большую роль в этом, как известно, играли братья Б. А. и П. А. Голицыны, особенно первый из них. Церковь Петра Митрополита справедливо считается памятником победы Петра ⁴⁸. Но поражение Софьи вовсе не было поражением архитектурных идей, господствовавших при ее регентстве. Наоборот, с приходом к власти Петра и братьев Голицыных эти идеи получают все более широкое распространение. Будь у нас в руках больше материалов, можно было бы думать о желании молодого Петра превзойти дурневскую церковь строительством церкви Петра Митрополита. Ее оригинальная композиция, не имеющая ничего общего с традиционными кубическими храмами «соборного» или «посадского» типа, несомненно, должна была заинтересовать молодого Петра I. Кроме того, следует учесть, что с дурневской церковью у Петра I были связаны впечатления о победе 1689 г. Здесь в том же 1689 г. был торжественно отслужен молебен в связи с выдачей князем Прозоровским Петру I Шакловитого ⁴⁹.

После победы над Софьей и В. В. Голицыным ко двору могли быть приглашены мастера, работавшие у них в Измайлове. Но Петр и Б. А. Голицын с братьями должны были приглашать к себе и совсем иных зодчих. У них работали И. П. Зарудный, Д. В. Аксамитов, В. И. Белозеров — архитекторы широкого творческого диапазона и с большим чувством нового. Особенно интересные вопросы связаны с первыми шагами в Москве И. П. Зарудного. Ранние сведения о появлении его в Москве

⁴⁵ А. Г. Чиняковым выяснено, что в Измайлове работали не иностранцы, а русские мастера во главе с талантливым Терентием Макаровым (А. Г. Ч и н я к о в. Указ. соч., стр. 199—203).

⁴⁶ Мы опираемся здесь на анализ измайловских построек, данный А. Г. Чиняковым.

⁴⁷ А. Г. Ч и н я к о в. Указ. соч., стр. 204, рис. 8. — Интересный и важный вопрос о связи дурневского храма с измайловскими мастерами, принадлежавшими Софье и В. В. Голицыну, требует, конечно, специального исследования. Скажем только, что зодчим дурневской церкви не мог быть Я. Г. Бухвостов, как предполагает М. А. Ильин (М. А. И л ь и н. Бухвостов. М., 1957, стр. 35; М. А. И л ь и н. Зодчий Яков Бухвостов, стр. 137 и след.). 1683 годом датируется церковь Воскресения Сгонного в Рязани, построенная Я. Бухвостовым на усадьбе Нарышкиных. В этом памятнике Бухвостов применил «восьмерик на четверике», но нет никакого намека на центричность плана. То же самое видим и в Борисоглебской церкви Рязани (1686), а также в надвратной церкви Солотчинского монастыря близ Рязани (М. А. И л ь и н. Рязань. Историко-архитектурный очерк, ч. I. М., 1954, стр. 79—96). Интерес к центрическим композициям проявился у Бухвостова значительно позднее: церковь в Уборах (1694—1697), а также, может быть, Никольская церковь в селе Жолчино под Рязанью (90-е годы XVII в.). М. А. Ильин приписывает Бухвостову Борисоглебскую церковь села Зюзино под Москвой (1688) на основании ее сходства с дурневской (М. А. И л ь и н. Зодчий Яков Бухвостов, стр. 146—149). Но дурневская церковь как раз и отличается тем, что ее композиция решена «по-каменному», а остальные три центрических каменных же памятника решены «по-деревянному». — См. подробнее: Ф. Ф. Г о р н о с т а е в. Барокко Москвы. — «История русского искусства». Под редакцией И. Грабаря, т. II. М., изд. Кнебель, стр. 446, примеч. 5 и 6.

⁴⁸ М. А. И л ь и н. К истории русского каменного зодчества конца XVII в., стр. 4.

⁴⁹ М. М. Голицын. Указ. соч., стр. 26.

относятся к 1690 г.⁵⁰, но не исключено, что он бывал в Москве еще и раньше. И. П. Зарудный очень скоро привлек внимание молодого Петра I, Голицыных и близких к ним лиц. По-видимому, И. П. Зарудный достраивал и оформлял знаменитую церковь в Дубровицах⁵¹. С его творчеством можно косвенно связать и центрическую Никольскую церковь в селе Медведево под Рязанью⁵². Если начало новому решению композиции центрического храма положил не И. П. Зарудный, то это вполне мог сделать один из его товарищей по московскому строительству. Возможно, что такие октаконховые памятники, как Васильевская церковь во Владимире Волынском⁵³, сыграли здесь определенную роль. Следует, однако, подчеркнуть, что сущность новаторства в решении центрических композиций заключалась не в пересадке на московскую почву каких-либо иконографических образцов, а в новом, более смелом и талантливом подходе к компоновке объемов в духе их единства и нерасчлененности. При такой постановке вопроса центрические памятники «петровско-голицынского» круга представляются качественно новым этапом в русской архитектуре, в значительной степени превосходящим русскую архитектуру барокко XVIII в.

По сравнению с нарышкинскими постройками в памятниках «голицынского» круга заметно ослабление роли культовых элементов. В интимном облике голицынских построек сказывается рост светского начала⁵⁴. Правда, данное направление не получило развития в ранней архитектуре Петербурга, но несколько позднее как в Петербурге, так и в Москве и ее округе к нему снова возник интерес. В этом отношении интересна церковь в селе Псовец Торопецкого района Калининской области, построенная в 1779 г.⁵⁵ При октаконховом объеме памятник имеет небольшой восьмеричек, который поддерживают четыре внутренних столба⁵⁶. Этот памятник еще менее похож на церковь, нежели только что рассмотренные. По структуре своего объема он очень близок к царскосельской «Кавалерской мыльне» И. В. Неелова (1777—1779)⁵⁷ и к баженовскому «Эрмитажу» в Кускове (1775)⁵⁸. Приписываемая В. И. Баженову усыпальница Шереметевых в Новоспасском монастыре (1791)⁵⁹ тоже принципиально восходит к «голицынскому» стилю. Значение последнего для новой русской архитектуры далеко еще не оценено. Поэтому будут представлять особый интерес новые данные как о самих памятниках этого направления, так и о создавших его зодчих.

⁵⁰ См.: И. Э. Грабарь. И. П. Зарудный и московская архитектура первой четверти XVIII в. — Сб. «Русская архитектура первой половины XVIII в.», М., 1954, стр. 50—53.

⁵¹ Там же, стр. 89—90.

⁵² См.: Г. К. Вагнер. Черты традиции и новаторства в рязанской архитектуре конца XVII — начала XVIII вв., стр. 116.

⁵³ См.: Г. Логвин. Ротонда во Владимире Волынском. — «Архитектурное наследство», вып. 10. М., 1958, стр. 35, рис. 5.

⁵⁴ Чрезвычайно показательно, что в то время, как в нарышкинских храмах наверху устраивался «звон», превращающий храмы в звонницы, — в голицынских сооружениях иногда не устраивалась даже традиционная венчающая глава, заменяемая прорезной короной. См., например, церковь в Дубровицах и в селе Медведево под Рязанью. Не применялись в голицынских памятниках и боковые главы над конхами.

⁵⁵ В. В. Косточкин. Архитектурные памятники Торопца. — «Памятники культуры (исследование и реставрация)», вып. 1. М., 1959, стр. 63, рис. 47.

⁵⁶ Наличие в церкви села Псовец внутренних столбов позволяет снова поставить вопрос о значении собора Донского монастыря в сложении памятников «голицынского» стиля.

⁵⁷ Б. Васильев. Архитекторы Нееловы. — «Архитектурное наследство», вып. 4. Л., 1953, стр. 79, рис. 10 и 11 на стр. 80.

⁵⁸ Игорь Грабарь. В поисках неизвестных построек В. И. Баженова. — «Неизвестные и предполагаемые постройки В. И. Баженова». М., 1951, стр. 87—88, рис. на стр. 77.

⁵⁹ Там же, стр. 154—155, рис. на стр. 141—142.

А. А. ТИЦ

ПАЛАТЫ ПУШНИКОВЫХ В ГОРЬКОМ

В верхней части старой Языковой улицы (ныне ул. Гоголя), в бывшем Сергиевском приходе возвышаются старинные двухэтажные палаты (теперь дом № 52). Свидетели далекого прошлого «Нового города Низовские земли», эти палаты уже давно привлекали внимание специалистов и любителей старины. Еще в конце XIX в. на заседаниях Нижегородской губернской ученой архивной комиссии¹ слушались сообщения, посвященные выяснению истории палат и их владельцев. Имеются краткие упоминания о них и в работах по истории отечественной архитектуры². В советское время этот редкий образец древнерусского жилого зодчества взят под охрану государством как памятник архитектуры (*рис. 1*).

Принято считать, что палаты принадлежали бургомистру Нижнего Новгорода — Якову Пушникову, который в 1722 г. принимал у себя Петра I³. С. Л. Агафонов уточнил, что до него палатами владел Бирюков — тесть Я. Пушникова⁴. В обнаруженном им деле Нижегородского городского магистрата за 1787 г. указано, что Андрей Яковлевич Пушников выделил сыну, Я. Пушникову, каменный дом в Сергиевском приходе, бывший Бирюкова. Это подтверждается и документом магистрата от 18 марта 1790 г., где сказано, что у купца Якова Андреевича Пушникова был «в Сергиевском приходе в Языковой [теперь Телячей] улице» каменный дом⁵. Следовательно, во второй половине XVIII в. постройка принадлежала Пушникову, а до этого — Бирюкову. Кто же и когда выстроил дом — остается загадкой.

Однако нас будут интересовать не столько владельцы этого дома, сколько непосредственно древние палаты как драгоценный памятник мало сохранившейся древнерусской жилой архитектуры, способный сам «рассказать» о себе очень многое.

¹ См.: «Действия Нижегородской Губернской ученой Архивной Комиссии». Журнал заседаний за 1889 г. Н. Новгород, 1889.

² См.: А. П о т а п о в. Очерк древней русской гражданской архитектуры. М., 1903, стр. 178; В. С у с л о в. Очерки по истории древнерусского зодчества. — СПб, 1889.

³ См.: А. М е л ь н и к о в. К трехсотлетию Смутного времени. Нижний Новгород и Нижегородский край. М., 1911, стр. 101; С. А г а ф о н о в. Горький — Нижний Новгород. М., 1947, стр. 20.

⁴ Материалы Областного отдела по делам строительства и архитектуры г. Горького.

⁵ «Действия Нижегородской Губернской ученой Архивной Комиссии». Журнал заседаний за 1889 г., стр. 213.

Рис. 1. Палаты Пушкиновых. Вид с юго-востока

Специальных исследований, посвященных анализу архитектуры палат Пушкиновых, в литературе не имеется. Нет и точных обмеров здания. Схематичные наброски дома были выполнены в 1888 г. В. В. Сусловым⁶. После Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Отдел по делам архитектуры Исполкома горсовета города Горького произвел замеры планов палат, но они выполнены, к сожалению, очень упрощенно и неточно⁷. Произведенные нами в 1955 г. обследование и обмер позволили раскрыть ряд неизвестных ранее деталей древнего сооружения и уточнить датировку его отдельных частей.

В результате исследования выяснилось, что дом Пушкиновых состоит из двух одновременных сооружений. Более древнее из них несколько больше по площади, но по высоте ниже; создается впечатление, что оно вросло в землю. Пристроенная позднее часть — чуть компактнее и стройнее. Оба здания каменные, имеют аналогичные четырехчастные планы и состоят из двух этажей — нижних, хозяйственных и верхних, жилых⁸. Разновременность создания двух частей дома доказывается многими фактами.

Верхняя часть западной стены меньшего по площади здания выведена поверх уже существовавшей кладки и скреплена с остальными стенами специальной связью. На чердаке большего дома хорошо виден обрез стены в месте начала новой кладки. Ранее выведенный кронштейн сбит, и угловая лопатка пристроенного здания начинается только с уровня старой кладки. О пристройке меньшего здания к большему, уже существовавшему, говорит и конструкция его сводов над

⁶ В. С у с л о в. Указ. соч., рис. 14 и 15, табл. II.

⁷ Материалы Областного отдела по делам строительства и архитектуры г. Горького.

⁸ В большую часть нижнего этажа более древних палат попасть в настоящее время из-за завалов нельзя.

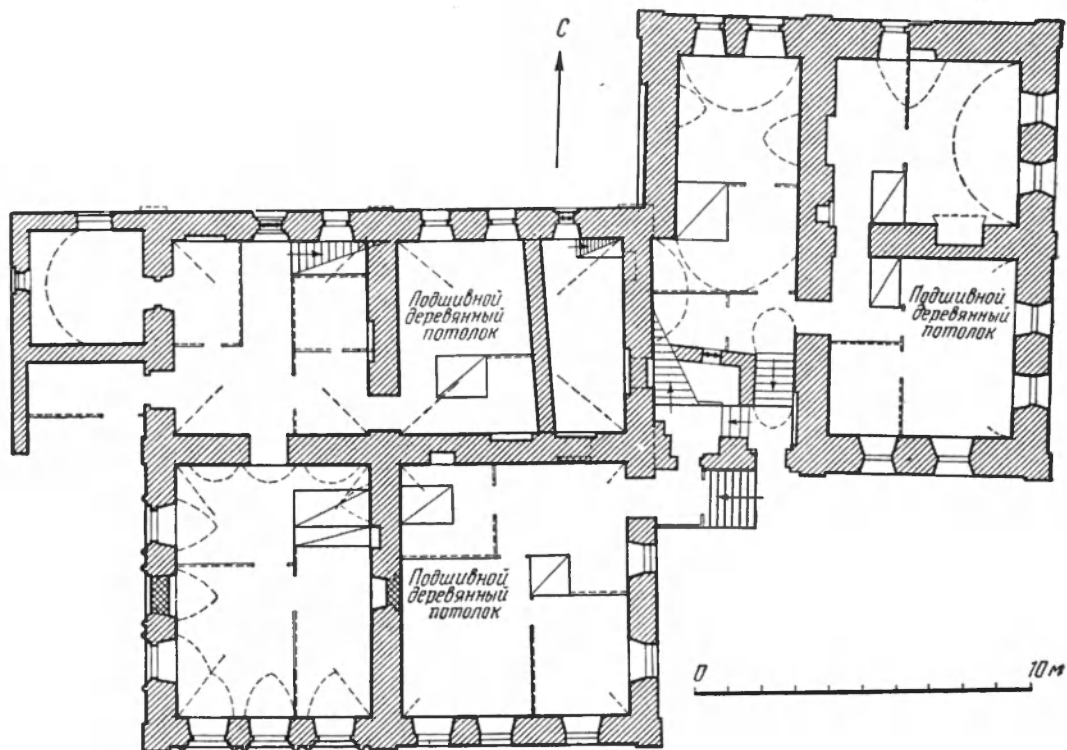

Рис. 2. Палаты Пушкиковых. План верхнего этажа старой части и нижнего новой.
Обмер А. А. Тица

нижним этажом в месте их примыкания. Здесь зодчий, не имея возможности опереть коробовый свод на существующую стену, изменил направление и расположил его перпендикулярно. Поэтому новая стена немного вдвинута внутрь и образует в сенях выступ (рис. 2). На него и опирается пята свода.

Построенные раньше палаты были расположены на более высоком и относительно ровном участке двора. Возведенное позднее здание оказалось в худших условиях — на довольно резко падающем в северо-восточном направлении рельефе. Однако из-за того, что нижний этаж старого дома значительно заглублен в землю, уровень полов новой части выше, и перепад поэтому в высотах полов верхних этажей достигает двух метров. Последнее, конечно, затрудняло связь между обеими частями дома, а в настоящее время эта связь совсем отсутствует.

Размеры кирпича и толщина стен пристроенного здания также немного отличаются. Кирпич в новой части несколько мельче; его размеры колеблются по длине от 280 до 295 мм, по ширине — от 140 до 150 мм и по высоте — от 70 до 77 мм. В старой части преобладает более крупный кирпич: 300—310 × 150—155 × 75—85 мм. Толщина стен, наоборот, в пристроенном здании немного больше. Для нижнего этажа она составляет 109—113 см, а для верхнего—95 см, в то время как толщина верхних стен старого дома равна 86—88 см. Имеются отличия и в форме сводчатых перекрытий.

Возможно, что больший дом принадлежал бургомистру Якову Пушкинову, а меньший был им пристроен для своего тестя Бирюкова. В дальнейшем Андрей Яковлевич Пушкинов по традиции «выделил» его своему сыну.

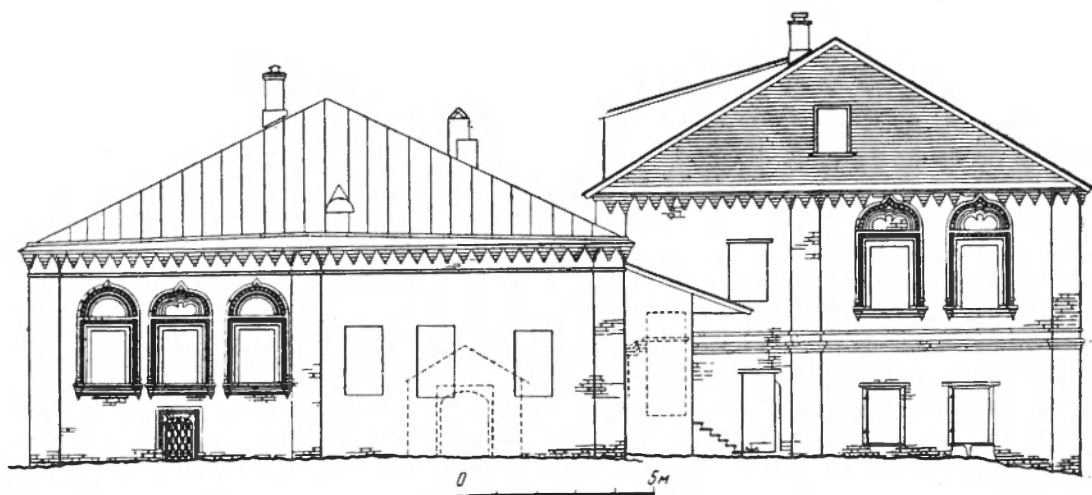

Рис. 3. Южный фасад палат Пушкиновых. Обмер А. А. Тица

Подобное расширение дома за счет пристроек для новых членов семьи можно наблюдать как в деревянном, так и в каменном древнерусском жилом зодчестве. Достаточно вспомнить комплекс старых и новых палат Меншиковых в Пскове⁹, более известный в литературе как дома Сутоцкого и Яковлева. Старые трехчастные палаты были построены богатейшими купцами Меншиковыми в середине XVII в. В дальнейшем к ним были пристроены, как предполагает Ю. П. Спегальский, одним из братьев близкие по плану палаты.

При обследовании дома Пушкиновых удалось обнаружить остатки Красного крыльца первоначальных палат. Его нижняя часть была включена в новое здание и использовалась как опора свода, а также, видимо, для устройства связи между одной и другой половинами дома. В нижнем этаже пристроенной части, в юго-западном углу, находится небольшая ($2,57 \times 2,1$ см) каморка, перекрытая ползучим сводом (см. рис. 2). Высокая часть свода опирается на стену более древнего дома, а низкая — на специальную стенку толщиной всего в полтора большемерных кирпича. Ползучий свод выводит на отметку пола верхнего этажа старого дома. В месте бывшей площадки крыльца имеется заложный дверной проем, хорошо видимый из кладовки под современной деревянной лестницей. Существование основания лестницы до сооружения нового дома подтверждается также наличием маленького окна с металлической решеткой в стенке крыльца, выходящего сейчас внутрь здания. Устройство окна на уровне пола темных сеней нижнего этажа вряд ли может быть чем-либо оправдано.

Расположение Красного крыльца со стороны улицы вполне логично. Оно приводило посетителя в передние сени, из которых попадали в приемные помещения: крестовую или столовую палату и «комнату» — кабинет хозяина¹⁰.

Нижегородские каменных дел мастера разместили жилые горницы «как водится» на южную сторону. Они их сделали больше и лучше осветили, чем все другие помещения. Юго-западная палата сохранила узорные наличники своих «красных»

⁹ См.: Ю. Спегальский. Псковская каменная жилая архитектура XVII в. Автореферат диссертации. Л., 1951, стр. 8.

¹⁰ См.: И. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., ч. I, М., 1895, стр. 237 и 292.

Рис. 4. Новая часть палат Пушниковых. Вид с северо-востока

окош. Среднее окошко по традиции имеет самое богатое обрамление. Оконные проемы меньших помещений (сеней) были, судя по двум уцелевшим древним окошкам, лишены наличников. Различие в бытовом назначении помещений — «степень их важности» — получило выражение и в форме сводчатых покрытий. В меньшей приемной палате по сей день существует сомкнутый свод с симметрично расположенными распалубками; сени же перекрыты простыми сомкнутыми сводами.

Принятая четырехчастная схема плана, характер архитектурных форм и конструктивное построение позволяют датировать юго-западную часть дома концом XVII в. Четырехчастный тип посадского дома получает распространение именно на рубеже XVIII в., как результат развития частновладельческого каменного жилого строительства и отхода от традиционной трехчастной схемы деревянного зодчества¹¹. Стилистический анализ архитектурных форм подтверждает эту дату, так как декоративные детали здания тоже характерны для второй половины и конца XVII в.

Оконные наличники с бочкообразным завершением и резными кирпичными элементами, подобные наличникам дома Пушниковых, сохранились на южном фасаде архиерейских палат Печерского монастыря (XVII в.)¹² под Горьким и в доме № 7 по Крутому переулку (кон. XVII в.) в Горьком. Близкую форму имели

¹¹ А. Т и ц. Русское каменное жилое зодчество XVII в. (Опыт изучения основных этапов развития и композиционных приемов). — «Сообщения Института истории искусств АН СССР», № 12. М., 1957, стр. 32 и сл.

¹² Снежницкий (см.: «Адрес-календарь Нижегородской епархии на 1888 г.». Н.-Новгород) считает, что корпус настоятельских келий построен в 1631 г. Однако позднее он перестраивался.

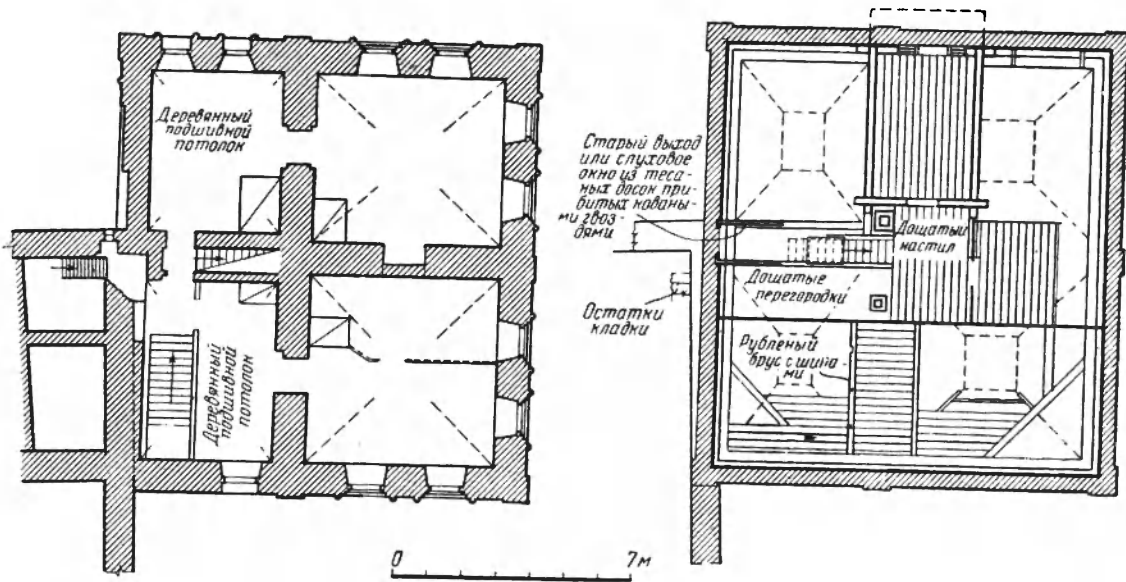

Рис. 5. Новая часть палат Пушниковых. План верхнего этажа и чердака. Обмеры А. А. Тица

наличники келий Успенского монастыря (1662—1671) в Александрове и дома XVII в. на Союзной улице в Чебоксарах ¹³.

Карнизы с развитыми уступчатыми кирпичными кронштейнами типичны для ряда приволжских городов. Подобные кронштейны украшают церковь Константина и Елены в Свияжске (XVI—XVII вв.), палаты купца Дряблова (кон. XVII — нач. XVIII в.) и дом Казанкина (кон. XVII — нач. XVIII в.) в Казани, а также упомянутые здания XVII в. в Чебоксарах,

Архитектурные детали фасадов пристройки дома Пушниковых почти точно повторяют форму его древних элементов. Однако если внимательно к ним присмотреться, то чувствуется различная степень мастерства в выполнении архитектурного убранства. Узорные детали пристройки грубее, а главное в композиции ее фасада чувствуется некоторая случайность и несогласованность. Наличники окон парадных комнат, выполненные по типу древних, не поместились на плоскости стены, и их бочкообразные завершения врезаются в карниз, нарушая строгий ритм кронштейнов. Полочка под кронштейнами не выполнена, но зато сделан развитой междуэтажный пояс, отсутствующий в древних палатах (рис. 3). Оконные проемы сеней получили скромные обрамления в виде тянутых колонок, остатки которых хорошо видны в северо-западной части здания (рис. 4).

Еще сильнее чувствуется другая рука и иные архитектурно-строительные приемы в интерьере. Четырехчастная планировка второго этажа, на первый взгляд, идентична старому дому (рис. 5). Внутренние стены расположены крестообразно, также выделены два приемных помещения, имеющие большие размеры. Однако впечатление от внутреннего пространства старых и новых приемных палат совершенно различное. Несмотря на меньшие размеры пристроенных палат, они кажутся просторнее, а их интерьер воспринимается как более целостный и композиционно

¹³ См. статью: П. А. Тельтевского. «Жилые дома XVII—XVIII веков в Чебоксарах» в настоящем сборнике.

законченный. Этому способствует конструкция корытообразных сомкнутых сводов без распалубок, усиливающая единство внутреннего объема палат. Оконные проемы и двери расположены по осям помещений. Особенно гармоничны соотношения юго-восточной квадратной палаты, очевидно, крестовой, высота которой почти точно равна половине диагонали плана.

Обращают на себя внимание и детали внутреннего убранства парадных комнат. Бросается в глаза «украинская» форма дверных проемов с верхними скошенными углами и лепная отделка сводов. Их орнаментальный декор достаточно скромнен и по своему характеру, как и вся пристройка, может быть отнесен к первой половине XVIII в. Однако без специального архитектурно-археологического исследования трудно, конечно, установить одновременность возведения сводов и выполнения их лепнины.

Датировка пристроенной части дома Пушкиновых началом XVIII в. подтверждается сравнением ее с другими постройками этого периода. Так, например, двери со скошенными углами имеются в доме Корытова в Ярославле, который следует датировать началом XVIII в.¹⁴ Но особенно показательны корытообразные своды, которые перекрывают палаты второго этажа дома Корытова. Они очень похожи на своды новой части дома Пушкиновых, особенно в одной из палат, сохранившей близкую по характеру лепную отделку. Много общего в плафонах дома Пушкиновых и дома Арефьевых в Калининe, построенном в первой половине XVIII в.¹⁵ Знаменательно, что богатый тверской хлеботорговец Арефьев тоже принимал в своем доме Петра I.

Весь внутренний облик палат новой части дома Пушкиновых хорошо связывается со сложной противоречивой эпохой петровских преобразований, с борьбой новых веяний в жилом строительстве с устойчивыми традициями древнего зодчества. Если под сводами старой части дома, расчлененными распалубками и как бы нависшими над палатой, оживают ее обитатели с окладистыми бородами, одетые в длиннополые шубы или опашни с рукавами до пят, то в светлых помещениях новой части воскресают образы уже других людей, не брезгующих более удобными иноземными камзолами и башмаками.

Новые художественные идеалы получили отражение и в рисунке печных изразцов. На фотографии И. Борщевского запечатлен фрагмент ныне несуществующей кафельной печи дома¹⁶. Строго симметричный геометрический орнамент, составленный из изразцов разных рисунков, напоминает плафоны петровского времени. О «фряжском духе» изразцового убранства говорит и прямоугольная форма самих кафелей, нехарактерная для древнерусской керамики¹⁷.

В пристроенном доме Пушкиновых есть еще одна интересная деталь: в утолщенной стене, разделяющей меньшие помещения верхнего этажа, устроена достаточно удобная, шириной 68 см, внутростенная лестница. Она вела в деревянные «горницы», размещавшиеся в пределах чердачного пространства. Остатки «чердака» (в древнерусском смысле этого слова) с настилом по кружальным доскам и даже светелкой уцелели по сей день (см. рис. 5). Несомненно, что деревянные элементы сохранили схему плана древнего чердака, а некоторые из них, возможно, немногим моложе самого здания. Стенки светелки сложены из бревен, диаметр которых колеблется от 22 до 29 см. Большинство торцов бревен обрублены топором. Они от-

¹⁴ И. Тихомиров относит дату строительства дома к концу XVII в. (см. «Ярославль в его прошлом и настоящем. Исторический очерк-путеводитель». Ярославль, 1913, стр. 107). Однако характер плана, конструкция сводов и архитектурные формы свидетельствуют о том, что здание выстроено в начале XVIII в.

¹⁵ Дата принята по материалам Областного отдела по делам строительства и архитектуры г. Калининa.

¹⁶ Собрание Музея русской архитектуры им. А. В. Щусева.

¹⁷ См.: А. Ф и л и п п о в. Древнерусские изразцы, вып. 1. М., 1838, стр. 50.

саны на три канта и с внутренней, выходящей в помещение, стороны хорошо выскоблены. Врубki сделаны в полдерева с остатком. Высота помещения всего 1,92 м.

На значительной части чердачного перекрытия имеется настил. В настоящее время чердак разделен дощатыми перегородками. Против светелки, в южной части чердака, сохранился рубленый брус с обломками шипов. Видимо, в свое время здесь также было помещение. Таким образом, планировка «чердака» имела традиционную схему: сени в центре и две клетки по бокам. От древней кровли, которая скорее всего, как и сейчас, была двухскатной, сохранилось каким-то чудом слуховое окно. Эта редкая деталь старого хоромного верха выполнена из тесаных топором досок, причем некоторые из них прибиты коваными гвоздями с огромными шляпками, более 25 мм в диаметре.

Кровля старой части дома Пушкиновых целиком более позднего происхождения. Можно предполагать, что раньше она имела пирамидальную форму и была достаточно высокой. Косвенно на это указывают сведения А. П. Мельникова: «По словам священника Сергиевской церкви, — писал он, — будто бы не очень давно находился при доме старинный чертеж, на котором он изображен с высокой шатровой крышей»¹⁸. Четырехскатная форма кровли над старой частью постройки оправдывает устройство достаточно сложного карниза в новой более высокой части и в месте соприкосновения зданий с западной стороны. Если бы карниз в этом месте закрывался кровлей, то древнерусский зодчий никогда бы не стал делать там кронштейнов.

Деревянные завершения древнерусских каменных палат до наших дней почти совершенно не дошли и их реставрация представляет огромные трудности. Часто неудачно выполненные деревянные элементы искажают облик старинных сооружений, тогда как в художественном образе древнерусских жилых построек деревянные теремки, вышки и кровли играли очень большую роль. Все это делает особенно ценным для историков те здания, в которых случайно уцелели элементы древних чердаков, завершавших вплоть до XVIII в. почти все каменные палаты.

Дом Пушкиновых — уникальный памятник древнерусского жилого зодчества, один из немногих свидетелей далекого прошлого, и наш долг его реставрировать.

---

¹⁸ «Действия Нижегородской Губернской ученой Архивной Комиссии». Журнал заседаний за 1889 г., стр. 213.

П. А. ТЕЛЬТЕВСКИЙ

ЖИЛЫЕ ДОМА XVII—XVIII ВЕКОВ В ЧЕБОКСАРАХ

Город Чебоксары — столица Чувашской АССР. Одновременно это крупнейший промышленный и культурный центр республики. История города относительно мало известна. Первое упоминание о нем относится к 1371 г.¹ В 1556 г. в Чебоксарах под руководством Ивана Григорьевича Выродкова была построена крепость, которая в плане имела форму неправильной трапеции². Деревянные стены крепости были двойными, с земляной засыпкой внутри. По углам стен располагались четыре рубленых башни. Кроме угловых, крепость имела еще три башни над входами. Она стояла на высоком берегу Волги, при впадении в нее реки Чебоксарки и Кайболки. С южной стороны крепость защищалась крутым склоном горы, с севера — высоким, обрывистым берегом Волги, а с запада — рвом и валом.

В крепости стояли приказная изба, здания для стрельцов, дом воеводы и склады. Здесь же располагался древнейший храм города — четырехстолпный, пятиглавый Введенский собор, выстроенный в 1651 г. В нем до сих пор сохранились замечательные фресковые росписи.

В 1659 г. в Чебоксарах произошел крупный пожар, уничтоживший все деревянные сооружения. После пожара город вновь восстанавливался. Вокруг крепости вырос посад, а к концу XVII в. на правом берегу Чебоксарки возникла и слобода³.

В первой половине XVIII в. в Чувашии наблюдается значительное развитие местной торговли, и Чебоксары, расположенные на удобном водном пути, приобретают большое значение. В это время в городе идет процесс расслоения посадского населения, из среды которого выделяется богатое купечество⁴. Купцы, русские

¹ «Россия». Под ред. Семенова, т. VI, СПб., 1901, стр. 302—303.

² Западная стена крепости имела длину 165 сажен, восточная — 100, северная — 105, южная — 82 сажени (В. Ф. К а х о в с к и й. Памятники материальной культуры Чувашской АССР. Чебоксары, 1957, стр. 100).

³ С. Д а н и л о в. Чебоксары. — В кн.: «Чебоксары — столица Советской Чувашии». Чебоксары, 1947.

⁴ В 1725 г. в Чебоксарах было 1037 купцов, при общем населении города около 4500 человек («Географическо-статистический словарь Российской империи», т. V, СПб., 1885, стр. 600).

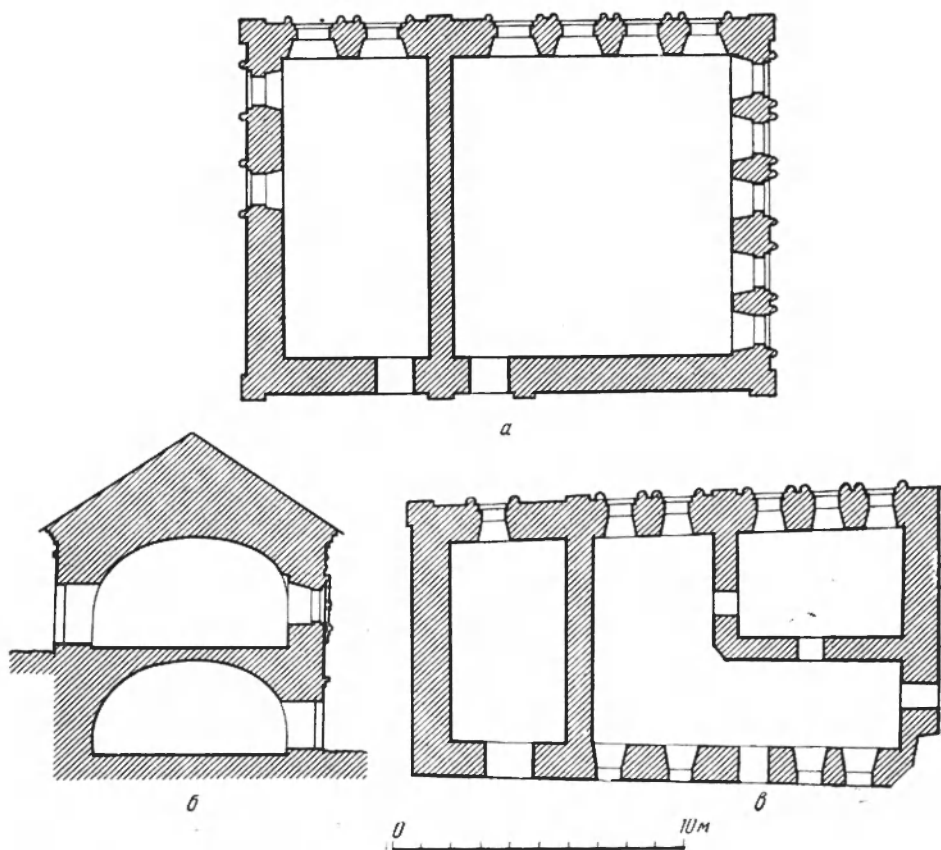

Рис. 1. Разрез и планы домов по Союзной улице. Обмеры П. А. Тельтевского

и чувашаи, начинают вкладывать деньги в различные промышленные предприятия, ведут крупную торговлю, строят каменные жилые дома.

От конца XVII в. и первой половины XVIII в. до нашего времени в Чебоксарах сохранилось несколько каменных жилых домов, представляющих значительный интерес для историков архитектуры.

Как известно, в практике строительства в России каменных жилых домов на протяжении XVII в. сложился устойчивый тип планировки, при которой два помещения «клетки» располагались симметрично справа и слева от центральных сеней.

Жилой этаж дома обычно находился над нижним, более низким подклетом, где размещались кладовые и служебные помещения. В сени вело наружное каменное или деревянное крыльцо. Подобную планировку жилого дома середины XVII в., соответствовавшую укладу жизни того времени, можно видеть, например, в домах Лапина и Сутоцкого в Пскове, Серина и Сапожникова в Гороховце и др.

Из каменных жилых домов XVII—XVIII вв. в Чебоксарах хорошо известен дом Зелейщикова, но, кроме него, в городе сохранилось еще несколько каменных домов, более скромных по размерам и отличающихся несколько иной, более упрощенной, внутренней планировкой. На Союзной улице, близ волжской набережной, недалеко от Троицкого монастыря, сохранилось два каменных жилых дома (оба под № 20).

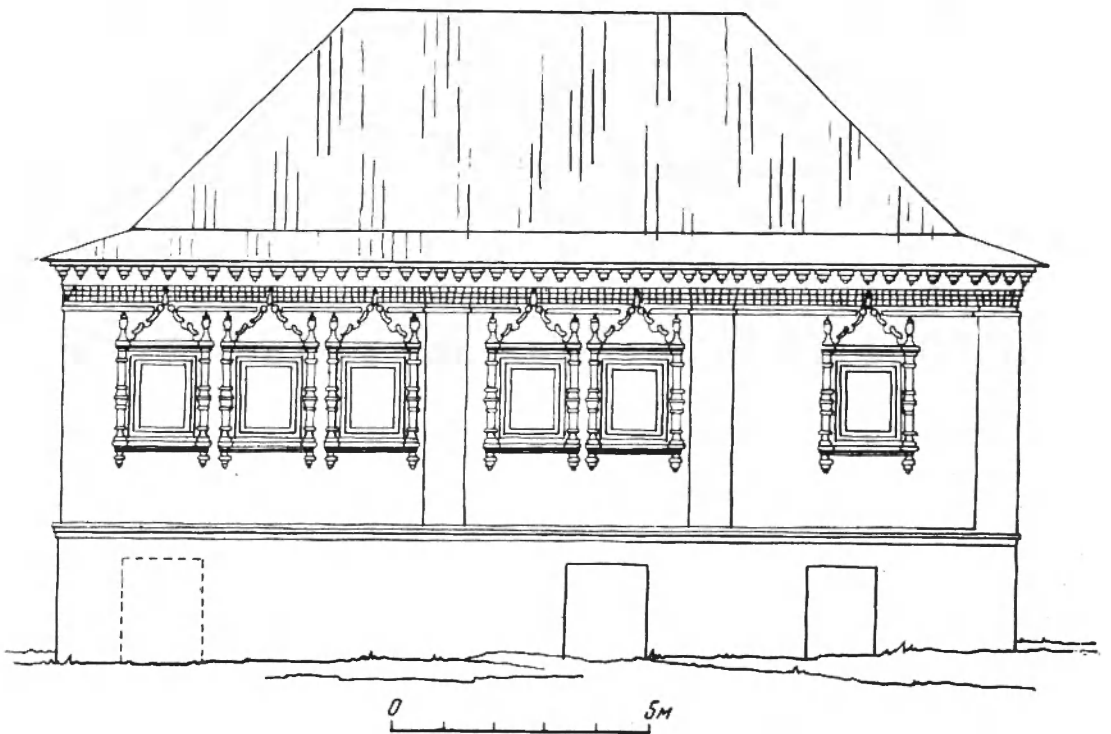
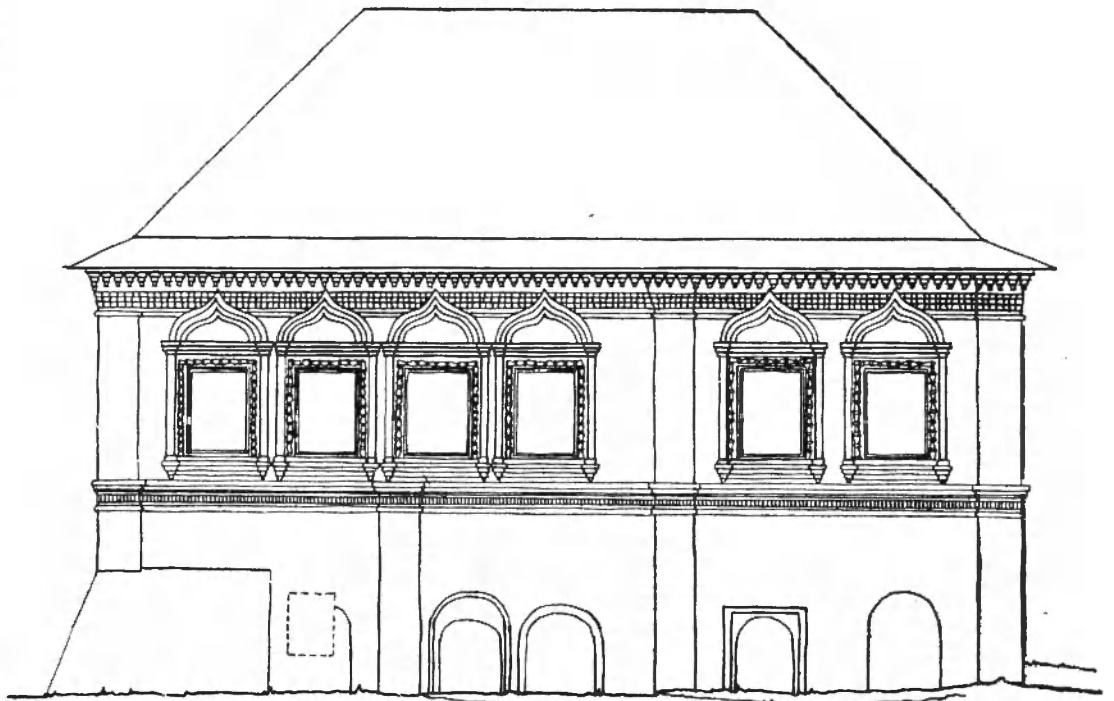

Рис. 2. Фасады домов по Союзной улице. Обмеры П. А. Тельтевского

Рис. 3. Дом на улице Калинина

которые можно отнести к концу XVII — началу XVIII вв.⁵ Они почти вплотную примыкают друг к другу; стены и своды выложены из хорошо обожженного кирпича размером $300 \times 145 \times 80$ мм на известковом растворе.

План дома «А» (рис. 1а) отличается от упомянутой выше широко распространенной схемы. Его верхний жилой этаж представляет прямоугольное помещение, разделенное поперечной стеной на две неравные комнаты. План жилого дома «Б» (см. рис. 1б) более сложен. К настоящему времени этот дом дошел, вероятно, уже в перестроенном виде. Первоначально он имел обычный тип планировки с центрально расположенными сенями.

Оба дома стоят на склоне набережной и обращены главными фасадами на восток. Благодаря крутому рельефу, здания с восточной стороны выглядят двухэтажными — здесь цокольный этаж имеет значительную высоту. С противоположной стороны уровень земли поднимается до уровня пола жилых комнат.

Подклетные помещения рассматриваемых домов предназначались для складов и окон не имеют; их сводчатые перекрытия сделаны из кирпича (см. рис. 1б). Декоративное убранство фасадов зданий (рис. 2) состоит из оконных наличников, поясков, карнизов и плоских пилястр, расположенных как по углам, так и в местах пересечения внутренних стен с наружными. В расположении окон наглядно прослеживается стремление к созданию более парадного интерьера; мастер сгруппировал

⁵ По соседству с этими домами сохранился фундамент недавно разобранный из-за ветхости каменного жилого дома, который также относился к XVIII в.

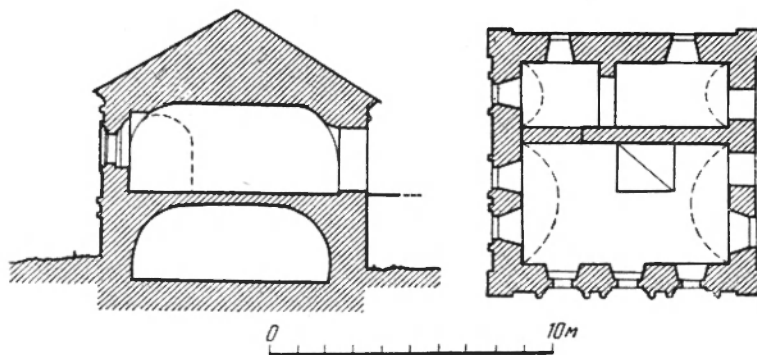

Рис. 4. План и разрез дома № 15 на улице Калинина. Обмер П. А. Тельтвеекого

окна в соответствии с расположением отдельных помещений, вследствие чего фасады зданий состоят из отдельных плоскостей, разделенных лопатками. Подобная композиция была широко распространена в конце XVII в. и хорошо выражает во внешнем облике зданий их внутреннюю планировку. Здания имеют горизонтальный пояс, отделяющий цокольный этаж от жилого.

Венчающие карнизы, как и все другие декоративные детали, выполнены из кирпича. В нижней части карнизов пропущен пояс из поребрика, а верхняя часть состоит из ряда маленьких кирпичных кронштейнов, поддерживающих венчающие ряды кирпичей. Подобные кирпичные карнизы получили в первой половине XVIII в. широкое распространение, особенно в каменных сооружениях городов Среднего Поволжья.

Наличники окон основного жилого этажа дома «А» (см. рис. 2) выполнены из тесаного кирпича и представляют собой декоративное обрамление из приставных, тречетвертных колонок (без обычных перехватов), соединенных между собой внизу и вверху профилированными поясками. Завершением обрамлений окон являются декоративные килевидные кокошники, несколько архаичная форма которых позволяет считать этот дом более ранним и отнести его строительство к концу XVII — началу XVIII вв.

Наличники окон дома «Б» (см. рис. 2) имеют более богатую разработку; их колонки на середине высоты снабжены дыньками-перехватами, а завершение представляют своеобразные разорванные фронтоны. Подобная форма наличников распространилась в провинции несколько позднее, поэтому строительство дома «Б» можно отнести ко второй четверти XVIII в.

Рядом с Воскресенской церковью, на улице Калинина, в глубине двора находится каменный жилой дом № 15, строительство которого также можно отнести к началу XVIII в. (рис. 3). Имеются сведения, что церковь и жилой дом при ней были построены в 1758 г.⁶ Однако архитектурные детали дома и церкви заставляют отнести к этой дате настороженно: может быть, что она относится к вероятной перестройке дома, во время которой появились более поздние по своим формам наличники окон его бокового фасада; в противном случае мы имеем пример чрезвычайного, даже для провинции, отставания в эволюции архитектурных форм и приемов каменного зодчества.

Размеры дома на улице Калинина очень незначительны (рис. 4). Квадратный в плане, он разделен внутренней капитальной стеной на две неравные части, из которых меньшая также разделена стеной с арочным проемом. Первоначальные

⁶ В. Ф. Каховский. Указ. соч., стр. 104.

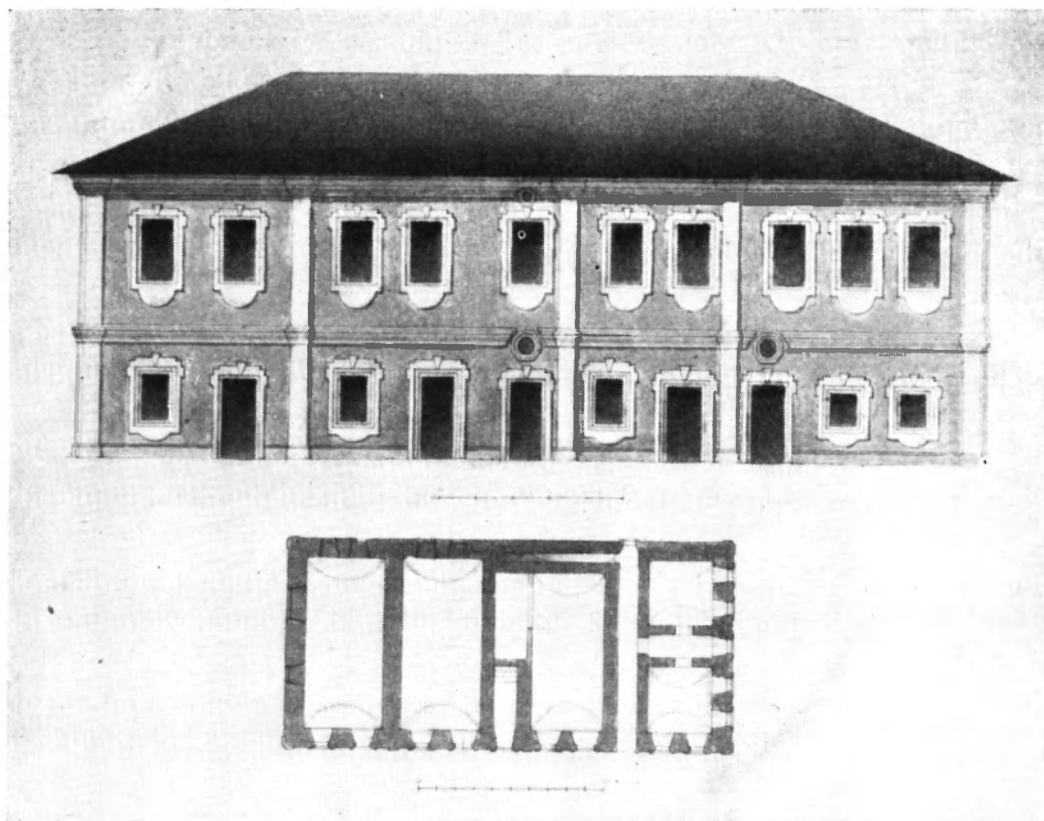

Рис. 5. План и фасад дома на Заводской улице. Обмер П. А. Тельтевского

небольшие окна из-за значительной толщины наружных стен размещены в специально устроенных нишах с откосами, что позволяло лучше осветить комнаты. Стены и своды, перекрывающие помещение цокольного и жилого этажей этого дома, выложены большемерным, хорошо обожженным кирпичом, размером $300 \times 145 \times 80$ мм.

Главный фасад дома (см. рис. 3) имеет симметричную композицию, свидетельствующую о том, что мастер уделил ему значительное внимание, стремясь к общей регулярности постройки.

На углу улиц Союзной и Театральной, вблизи церкви Успения⁷, сохранился каменный так называемый «дом Воеводы», возведенный в 1737—1742 гг.⁸ Его фасад носит следы позднейшей штукатурки, скрывавшей первоначальное декоративное убранство из тесаного кирпича. Здание значительных размеров и имеет детали фасадов (наличники окон, карнизы и т. п.), одинаковые с деталями фасада дома «Б» на Союзной улице.

На Заводской улице, вблизи рынка, сохранилось еще одно каменное здание второй половины XVIII в., дом № 10, представляющее значительный интерес своим весьма любопытным планом (рис. 5). В центре первого этажа этого дома двумя капитальными стенами выделено место для устройства довольно узкой лестницы,

⁷ Церковь Успения в Чебоксарах полностью повторяет композицию известной Петропавловской церкви в Казани, построенной в 1726 г., но имеет более скромное декоративное убранство.

⁸ В. Ф. К а х о в с к и й. Указ. соч., стр. 102.

ведущей на второй этаж, и освещенной восьмигранными окнами. Слева от лестницы расположено два одинаковых, вытянутых в длину помещения, каждое из которых имеет самостоятельный вход с улицы и по одному окну с главного фасада⁹. Справа от лестницы устроено еще одно подобное помещение, за которым идет узкий коридор и жилая часть первого этажа. Последняя представляет собой описанную выше планировку каменного жилого дома, типичную для конца XVII в. Она как бы приставлена к торцу здания перпендикулярно его главному фасаду.

Первоначальную планировку верхнего этажа дома из-за значительных позднейших перестроек установить не удалось, но можно предполагать, что она в основном повторяла расположение капитальных стен первого этажа. Наиболее вероятно будет считать, что одинаковые между собой, изолированные комнаты первого этажа служили торговыми помещениями. В жилой части первого этажа, состоящей из двух клеток, проживал, очевидно, приказчик, в то время как верхние, наиболее парадные помещения здания предназначались для самого хозяина.

Характерным для всех рассмотренных каменных жилых домов Чебоксар первой половины XVIII в. является наличие у них развитого цокольного этажа, помещения которого не имели окон и служили для хранения товаров. Подобное устройство каменного дома вполне удовлетворяло купцов и получило широкое распространение в провинциальном строительстве первой половины XVIII в. Планировка каменных жилых домов того времени в Чебоксарах разнообразна и свидетельствует о том, что мастера не всегда следовали сложившейся в практике строительства второй половины XVII в. планировке каменного жилого дома, а изменяли ее в зависимости от местных условий, требований заказчика и его материальных возможностей. Особенности каменных жилых домов первой половины XVIII в. говорят также о том, что в провинции приемы композиции фасадов и детали декоративного убранства зданий были близки столичным постройкам. Впрочем, новое проникало в провинцию всегда с опозданием.

В то же время весьма удачная композиция дома по ул. Калинина свидетельствует о том, что и в небольших городах имелись талантливые зодчие, которые шли своими путями творческих поисков и создавали оригинальные, высокохудожественные произведения, одновременно хорошо удовлетворяющие своему основному, утилитарному назначению.

---

⁹ Остальные существующие в настоящее время окна этих помещений позднего происхождения.

Г. К. ВАГНЕР

СОБОРНАЯ КОЛОКОЛЬНЯ В РЯЗАНИ

Широкий размах реставрационных работ, ведущихся в Рязанском кремле, выдвинул важную задачу изучения его памятников. Архитектурные судьбы этих памятников сложны и выяснены еще не до конца. Вокруг них возникли легенды, в большинстве случаев еще не проверенные. Легендами овеян даже такой сравнительно молодой памятник кремля, как соборная колокольня. Ее строителями называют архитекторов Л. Руску и даже А. Н. Воронихина. Уточнение этих вопросов совершенно необходимо для правильного понимания стиля памятника и его реставрации.

Грандиозная восьмидесятиметровая соборная колокольня в Рязани (*рис. 1*) построена в конце XVIII — начале XIX вв. на месте главной въездной (Глебовской) каменной башни кремля Переяславля Рязанского (прежнее название Рязани), к которой до перестройки города по «высочайше подтвержденному» плану (1780) подходила Большая Московская дорога, прорезавшая его «острог» и «верхний посад»¹.

После перепланировки Рязани в конце XVIII в. по линии Большой Московской дороги с необходимым ее выпрямлением была проложена большая магистраль, ориентированная на кафедральный Успенский собор (1693—1702) и на стоявшую перед ним старую Глебовскую башню (*рис. 2*). Последняя в условиях упадка прежнего значения кремля и перестройки города по новому плану оказалась своего рода анахронизмом и была разобрана. Вместе с тем старая небольшая соборная звонница никоим образом не соответствовала построенному Я. Г. Бухвостовым громадному Успенскому собору. Превращение Переяславля Рязанского в губернский город Рязань с соответствующей администрацией и церковной иерархией тоже требовало величественного монументального выражения. Наконец, нужно было создать связь между новым губерньским городом и старым кремлем Рязани, оказавшимся как бы в стороне². Так создались предпосылки для сооружения новой соборной колокольни.

Выбор места для колокольни по оси магистрали, ориентированной на Успенский собор, обязывал к чрезвычайно вдумчивому решению по крайней мере трех

---

¹ Подробный план Переяславля Рязанского XVII в. был составлен Д. Д. Солодовниковым на основе пунктирного обозначения планировки XVII в. на плане 1780 г. и на основе Писцовой книги 1696 г.

² См.: М. Ильин. Рязань. Историко-архитектурный очерк, ч. I (XI — начало XX вв.). М., 1954, стр. 160.

Рис. 1. Соборная колокольня в Рязани

проблем одновременно: увязки будущей колокольни с Успенским собором, с ансамблем кремля и со строящимся по новому плану городом. Каждая из этих проблем включала вопросы стиля, силуэта, пропорций, масштаба и даже цвета, т. е. требовала привлечения незаурядного зодчего.

Как ни странно, но ни о создателях соборной колокольни, ни о ее стиле до сих пор ничего не сказано в литературе. Совершенно несправедливо Г. К. Лукомский охарактеризовал ее как «ампирные нагромождения»³: элементы ампира выражены в ней довольно слабо, благодаря чему этот ордерный памятник органически вошел в безордерный архитектурный ансамбль Рязанского кремля. Высокие архитектурные качества рязанской колокольни были отмечены М. А. Ильиным, но, не коснувшись вопросов ее стиля, он указал только, что нижний ярус сооружения выполнен в тосканском ордере, а остальные — в коринфском⁴. Далее он сообщает, что в 1836 г. в Рязань был прислан проект достройки колокольни, составленный архитектором К. А. Тоном, но действительное участие последнего в достройке памятника остается неизвестным⁵.

Для того чтобы осветить все эти вопросы более подробно, обратимся к материалам по истории создания колокольни, опубликованным в свое время архимандритом Макарием, и пополним их имеющимися в нашем распоряжении документальными данными.

В 1786 г. вызван был из «Костромской губернии каменщик Нерехотского уезда, посаду Соли Большой, купец 3-й гильдии, Степан Андреев Воротиллов. Он сделал смету и план, по коим требовалось на построение четырехэтажной колокольни 21 194 руб.». 17 февраля того же года между Степаном Воротилловым, его братьями, сыном и Строительной комиссией был «написан контракт на построение колокольни»⁶.

В приведенном тексте слово «план» следует, конечно, понимать как проект, так как о смете говорится особо. Составленный С. А. Воротилловым проект хранился в свое время в рязанском Успенском кафедральном соборе, и его видел архимандрит Макарий, который далее пишет об изменениях в проекте и о сделанных на нем

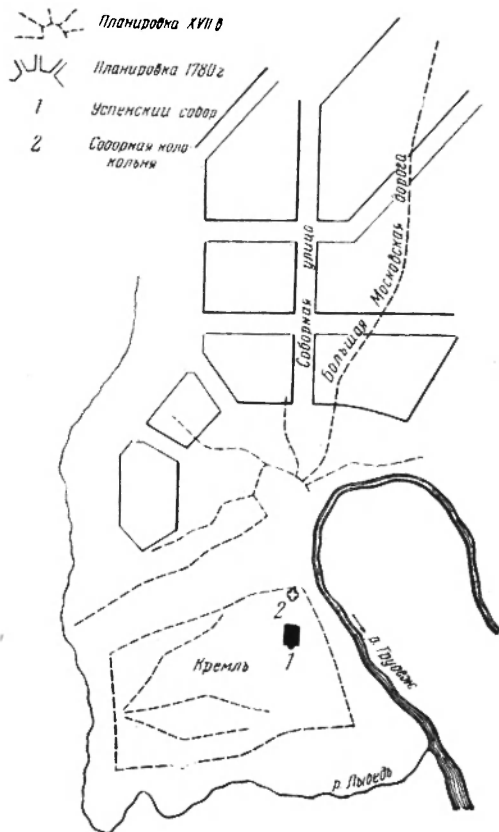

Рис. 2. Фрагмент плана Рязани 1780 г. с планировкой XVII в.

³ Г. К. Лукомский. Памятники старинной архитектуры России, ч. I: Архитектура провинции. Пг., 1916, стр. III.

⁴ См.: М. И. Ильин. Рязань (сокровища русского зодчества). М., 1945, стр. 24—26; М. И. Ильин. Рязань. Историко-архитектурный очерк, стр. 160—162.

⁵ См.: М. И. Ильин. Рязань. Историко-архитектурный очерк, ч. I, стр. 160. — Данные о наличии проекта К. А. Тона были разысканы в ленинградских архивах архитектором Е. В. Михайловским.

⁶ Макарий (архимандрит). Сборник церковно-исторических и статистических сведений о Рязанской епархии. М., 1863, стр. 206.

в связи с этим надписях ⁷. Следовательно, авторство С. А. Воротилова в составлении первоначального проекта рязанской соборной колокольни устанавливается совершенно точно.

Зодчий Степан Андреевич Воротилов был хорошо известен как автор замечательной соборной колокольни в Костроме (1776—1791) и еще нескольких крупных зданий в том же городе ⁸. Этого было вполне достаточно, чтобы пригласить его и в Рязань. Но выбор пал на С. А. Воротилова, вероятно, еще потому, что в 80-х годах XVIII в. рязанскую епархиальную кафедру возглавлял Симон Лагов, переведенный в 1778 г. из Костромы⁹. Симон Лагов, конечно, хорошо знал С. А. Воротилова и его проект для костромской колокольни. Таким образом, возможность авторства Воротилова в отношении рязанской колокольни подкрепляется и с этой стороны.

К сожалению, Макарий, видевший проект С. А. Воротилова, не дает его описания, и мы не можем составить исчерпывающего представления о том, в каком виде было задумано мастером его новое сооружение. Однако в перечислении очередности работ указывается, что одновременно с постройкой четвертого этажа Воротилов должен был закончить и «кумпол»¹⁰. Следовательно, колокольня проектировалась в духе костромской, не со шпилем, а с луковичной главой на небольшом куполе.

По проекту С. А. Воротилова в 1789—1797 гг. был построен только первый ярус рязанской колокольни. После этого работы приостановились из-за отсутствия средств¹¹. Первый ярус колокольни был сделан Воротиловым в виде проездных ворот. Это показывает, что им была учтена роль Глебовской башни кремля, на месте которой колокольня строилась. В композиционном отношении первый ярус — это восьмерик, прорезанный по странам света высокими арками. На диагональных гранях он имеет декоративные конхи с цилиндрическими выступами под ними. Северная и южная арки нижнего яруса колокольни оформлены парными тосканскими колоннами. Стоящие на «ризалитах», они несут плоские треугольные фронтоны. Западная и восточная арки имеют по сторонам по три колонны, одна из которых по отношению к двум другим выступает вперед¹². Во всем этом сказалась живучесть живописных форм барокко, в духе которого уже была построена костромская колокольня. План первого яруса рязанской колокольни напоминает некоторые композиции И. Жеребцова¹³ и даже В. И. Баженова¹⁴, относящиеся еще к рубежу 50—60-х годов XVIII в. Особенно характерно в этом отношении сохранение цилиндрических «вспухлостей» на диагональных сторонах восьмерика. Эти «вспухлости» не предназначались для постановки на них декоративных статуй, которых не было в первом ярусе колокольни. В соединении с конхами находящиеся под ними цилиндрические объемы создавали типичную для архитектуры XVIII в. «игру форм», а в плане придавали колокольне своеобразную обтекаемость в духе некоторых древнерусских композиций конца XVII в.

К строительству второго яруса рязанской колокольни приступили только в 1816 г.¹⁵ К этому времени С. А. Воротилова уже не было в Рязани. Россия пере-

⁷ См. Макарий. Указ. соч., стр. 207.

⁸ См.: Е. Белов. Казань — Кострома — Н.-Новгород. М., 1913, стр. 73—74; В. Н. Иванов и М. В. Фефнер. Кострома. (Сокровища русского зодчества). М., 1955, стр. 22 и след. — Высокие архитектурные качества костромской колокольни позволили Г. К. Лукомскому сравнивать ее даже с колокольней Троице-Сергиевой лавры, а в авторе предполагать самого Растрелли (Г. К. Лукомский. Барокко и классицизм в архитектуре Костромы. — «Старые годы», 1913, январь, стр. 24—25).

⁹ См.: Макарий. Указ. соч., стр. 107.

¹⁰ Там же, стр. 206.

¹¹ Там же, стр. 207.

¹² На рис. 1 третьи колонны не видны, так как они скрыты за вынесенными вперед колоннами.

¹³ Ср., например, первый ярус колокольни Новоспасского монастыря в Москве (1759—1762). — «История русского искусства». Под редакцией И. Грабаря, т. IV, М., (изд. Кнебель), стр. 83.

¹⁴ Ср., например, проект фонтана (Музей архитектуры АС и А СССР).

¹⁵ Макарий. Указ. соч., стр. 207.

жила Отечественную войну 1812 г. и вступила в новую фазу своего исторического развития. Большие перемены, конечно, произошли и в Рязани. Даже учитывая известную замедленность развития архитектуры в «провинции», все же трудно допустить, чтобы в 1816 г. проект Воротилова нашел своих защитников. Поэтому вполне естественным представляется сообщение о том, что в 1816 г. второй ярус рязанской колокольни был сооружен «с отступлением от первоначального Симоновского плана», о чем на последнем была сделана соответствующая надпись ¹⁶.

Мы не знаем точно, в чем состояло это «отступление». Оформление второго яруса соборной колокольни довольно близко к соответствующему ярусу колокольни в Костроме, где также имеются парные колонны с сочными раскреповками антаблемента. В отличие от костромской колокольни во втором ярусе рязанского памятника нет дополнительных колонн, маскирующих углы четверика ¹⁷. Обнажившиеся углы четверика, конечно, придали сооружению большую строгость, но отступление, по-видимому, состояло не только в этом. В костромской колокольне обращает на себя внимание приземистость пропорций второго яруса, который ниже первого на $\frac{1}{7}$ высоты. Второй ярус рязанской колокольни, наоборот, выше первого на $\frac{2}{5}$ его высоты ¹⁸. Следует думать поэтому, что в 1816 г. проект С. А. Воротилова перестал удовлетворять заказчиков не только в отношении отдельных архитектурных форм, но и по всей композиционной концепции. Что же касается стилистических качеств второго яруса рязанской колокольни, то, несмотря на уменьшение числа колонн в угловых пучках, его все же нельзя назвать ампирным. Это скорее ранний классицизм, доживший в провинции до второго десятилетия XIX в. Колокольня в этом отношении не представляла исключения. В сущности почти ни одна постройка Рязани начала XIX в. не может быть названа строго ампирной. Работавшие в Рязани в начале XIX в. зодчие заметно предпочитали архитектурные композиции, смягченные угловыми ротондами, с попарной группировкой колонн. В этом отношении архитектура Рязани разделяла судьбу Тулы, Коломны, Козлова, Серпухова, Клина и некоторых других городов; она составила определенное направление в русском зодчестве начала XIX в.

Автором второго яруса и всего измененного в 1816 г. проекта, очевидно, следует считать архитектора Ивана Францевича Русско. Впервые фамилия этого малоизвестного зодчего упоминается в рязанских письменных источниках в связи с ремонтом в 1802—1804 гг. круговой галереи Успенского собора. Работу по ремонту возглавлял московский архитектор Соколов, каменная же работа исполнялась «мастером каменных дел Иваном Францевичем Русско» ¹⁹.

Историк Рязани Т. Воздвиженский, работы которого отличаются крайней неточностью в интерпретации исторических документов, назвал Русско «архитектором-итальянцем» ²⁰. Несмотря на то, что архимандрит Макарий назвал позднее имя и фамилию исполнителя работ 1802—1804 гг. полностью, легенда о строившем в Рязани «архитекторе-итальянце» дожила до наших дней, причем Русско был превращен совершенно определенно в Луиджи Руска. Эту легенду привел в своей работе и М. А. Ильин.

Иван Францевич Русско известен как строитель большого Никольского собора (1816—1839) в Николо-Радовицком монастыре Егорьевского уезда б. Рязанской

¹⁶ См.: Макарий. Указ. соч., стр. 207. — Под Симоновским планом здесь подразумевается проект С. А. Воротилова, сделанный по заказу Симона Лагова (см. выше).

¹⁷ Дальнейшее отступление можно видеть в отказе от членения антаблемента на архитрав и фриз, а также от декоративных ваз над раскреповками.

¹⁸ Приводимые величины рязанской колокольни приблизительны, так как основаны на визуальном наблюдении. Специальные промеры, однако, смогут лишь уточнить, а не опровергнуть их.

¹⁹ Макарий. Указ. соч., стр. 153.

²⁰ См.: Т. Воздвиженский. Историческое обозрение Рязанской иерархии. М., 1820, стр. 207—208.

губернии ²¹. Сведения А. И. Некрасова о том, что этот собор является произведением Руска и Казакова ²², не соответствуют действительности. С архитектором Русско у А. И. Некрасова, очевидно, получилась такая же путаница, как и у Т. Воздвиженского. Строгий, классический Никольский собор строился Иваном Францевичем Русско под наблюдением О. И. Бове ²³. В одном из описаний Радовицкого монастыря И. Ф. Русско назван автором проекта соборной колокольни в Рязани ²⁴. Так как мы знаем, что И. Ф. Русско работал в Рязани с 1802—1804 гг., а в 1816 г. уже приступил к работам в Радовицком монастыре, то несомненно, что ему следует приписать и постройку в 1816 г. второго яруса рязанской колокольни. Естественно, что, изменяя проект С. А. Воротилова, И. Ф. Русско не ограничился одним вторым ярусом, почему и был назван автором всего проекта.

Никольский собор Николо-Радовицкого монастыря (рис. 3) характеризует И. Ф. Русско как зодчего строго классического вкуса. Собор представляет собой вытянутый крестообразный в плане объем, на средокрестии которого водружен громадный цилиндр, увенчанный куполом. Концы креста имеют портики со спаренными коринфскими колоннами, а ротонда — парные плоские пилястры. Однако антаблементы обоих ярусов собора нигде не раскрепованы. Архитектура собора нигде не обнаруживает стремления зодчего к какой-либо живописности. Возможно, поэтому современники и отмечали, что собор построен в «итальянском стиле».

Рассматривая работу И. Ф. Русско над вторым ярусом рязанской колокольни с этой точки зрения, следует признать, что мастер, вероятно, должен был принести свои архитектурно-художественные вкусы в жертву, чтобы сохранить целостность архитектурного образа. Это свидетельствует о весьма вдумчивом подходе И. Ф. Русско к своей задаче.

Биографических подробностей об Иване Францевиче Русско собрать пока не удалось. Возможно, что он имел какие-либо родственные связи с известными в литературе Эжидио Матвеевичем Русско ²⁵, Александром Русско ²⁶ и Ф. Русско ²⁷. Во всяком случае приведенные примеры говорят о самостоятельности фамилии Русско, которую следует отличать от фамилии Руска.

Из приведенных материалов по строительству второго яруса рязанской соборной колокольни видно, что И. Ф. Русско, работая в окружении древнерусского архитектурного ансамбля, невольно считался с его стилистической выразительностью и подчинял свои замыслы его общей «архитектурной тональности». С этим же явлением мы сталкиваемся и при ознакомлении с двумя верхними ярусами рязанской колокольни.

К строительству верхних ярусов колокольни приступили только в 1839 г., но подготовка к этому началась еще в 1832 г. ²⁸ Очень важно сообщение о том, что «предполагалось достроить колокольню по начатому проекту, но сумма потребовалась ог-

²¹ См.: «Историко-статистическое и археологическое описание Николо-Радовицкого монастыря». М., 1898, стр. 48.

²² См.: А. И. Некрасов. Краткий отчет о научной комплексной экспедиции Этнологического факультета I МГУ в июле 1928 года. — «Труды кабинета истории материальной культуры I МГУ». V. М., 1930, стр. 61.

²³ См.: «Рязанские епархиальные ведомости за 1870 г.» Николо-Радовицкий монастырь, стр. 17. — Бове наблюдал за конструктивной частью работ, в частности за сооружением сводов в подклетах.

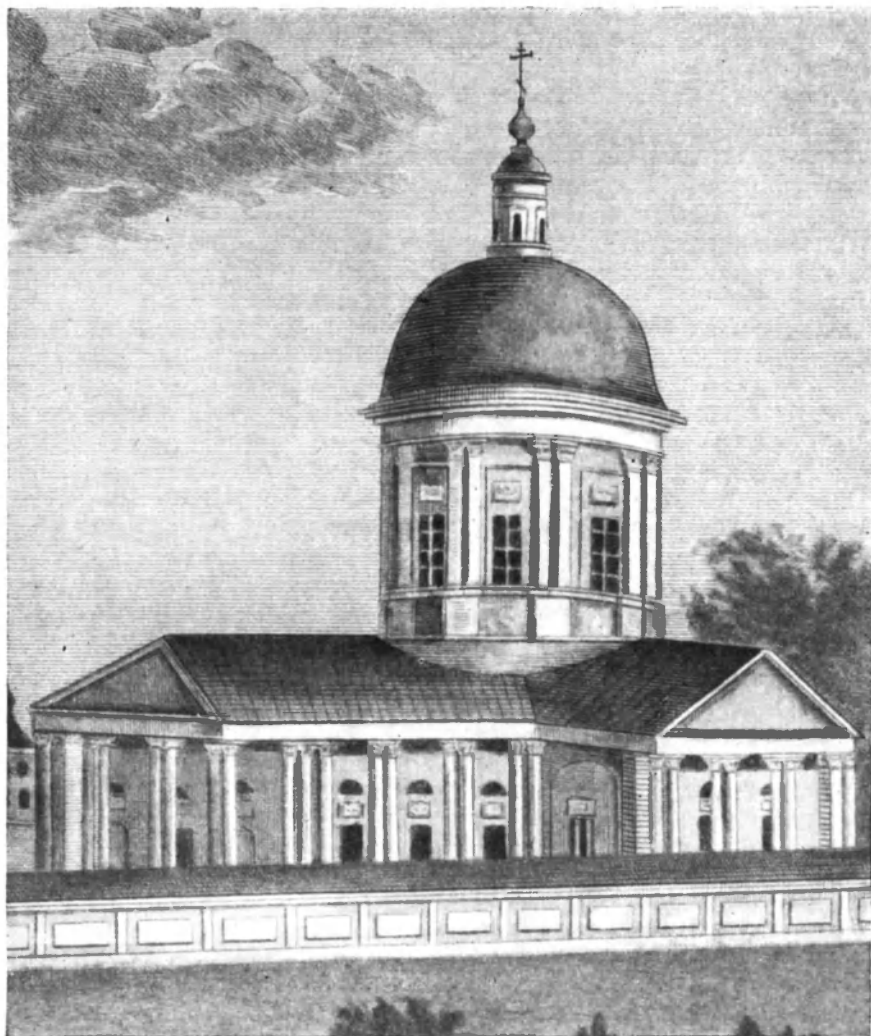
²⁴ См.: В л а д и м и р (архимандрит). Описание Николо-Радовицкого монастыря. Зарайск, 1882, стр. 36.

²⁵ См.: С. Н. Кондаков. Санкт-Петербургская Академия художеств. Юбилейный справочник, т. I. Список русских художников. СПб., стр. 382.

²⁶ См.: П. Петров. Сборник материалов для истории Академии художеств, ч. I. СПб., 1865, стр. 324, примеч. 333; ч. II. СПб., 1866, стр. 65.

²⁷ Подписи его можно видеть на проектах, проходивших в 40-х годах через Комиссию проектов и смет.

²⁸ См.: М а к а р и й. Указ. соч., стр. 207.

Рис. 3. Никольский собор Николо-Радвицкого монастыря. Фрагмент гравюры А. Грачева, сделанной по рисунку иеромонаха Ионы. Начало XIX в.

ромная»²⁹. Не связано ли это известие с работой К. А. Тона, относящейся, как мы видели, к 1836 г.? После отказа от рассмотренного варианта новый проект достройки колокольни было поручено составить рязанскому губернскому архитектору Воронихину. В 1838 г. Воронихиным были «вновь составлены план и смета и по каковому проекту следовало построить только один этаж третий»³⁰.

Из этого сообщения следует, что проект К. А. Тона, не удовлетворивший Строительную комиссию, предшествовал проекту губернского архитектора Воронихина и что последний принял участие в постройке рязанской колокольни. Это был не знаменитый Андрей Никифорович Воронихин — создатель Казанского собора, а его

²⁹ Там же, стр. 207—208.

³⁰ Там же, стр. 208, примеч. 275.

однофамилец — рязанский губернский архитектор Николай Ильич Воронихин. Таким образом, рязанская легенда формально была правдива, но понята и истолкована превратно.

Николай Ильич Воронихин (1812—1877) окончил Академию художеств в 1831 г.³¹ В 1835 г. он числился уже архитектором Рязанской казенной палаты³². В 1836 г. Н. И. Воронихин был назначен на должность рязанского губернского архитектора³³, в которой и проработал до выхода в отставку в 1860 г.³⁴ В 1838 г. он получил звание академика³⁵. О даровании архитектора можно судить по сооруженному им в 1850—1853 гг. новому корпусу рязанского Дворянского собрания³⁶. Проект на достройку соборной колокольни был одной из первых работ Н. И. Воронихина в Рязани. Как мы видели, Н. И. Воронихин не ограничивался составлением сметы и не разрабатывал чужой проект, а составил свой собственный новый план, т. е. проект и смету.

В отличие от двух нижних ярусов колокольни, построенных С. А. Воротиловым и И. Ф. Русско, Н. И. Воронихин ввел в третьем ярусе цилиндрический объем. Вряд ли в проекте И. Ф. Русско предусматривался этот цилиндр, так как соединение четверика И. Ф. Русско с ротондой Н. И. Воронихина — слабое место в композиции памятника. Массивные угловые раскреповки второго яруса вырываются из общего силуэта колокольни и кажутся какими-то самостоятельными завершениями, особенно с угловых точек зрения.

Соединение ротонды с четвериком было любимым приемом зодчих ампира. Во избежание конструктивного диссонанса между четвериком и цилиндром либо помещалась промежуточная ступень в виде постамента, либо углы четверика освобождались от всяких раскреповок. Не учитывать сочных раскреповок второго яруса Н. И. Воронихин не мог. Поэтому он объединил колонны, стоящие по бокам проемов третьего яруса, общими постаментами и массивными раскреповками антаблемента. Это создало декоративные акценты именно на тех частях ротонды, которые приходятся над угловыми пучками колонн второго яруса и их раскреповками. Акценты еще усилены постановкой между колоннами декоративных фигур трубящих ангелов.

В ротондах ампира колонны никогда не были средством акцентировки каких-либо отдельных сторон цилиндрической формы; антаблемент никогда не раскреповывался на избранных группах колонн. Прием этот, характерный для архитектуры XVIII в., воскрешается только в позднем ампире, примером чему служит Богоявленская церковь в Елохове (1845), выстроенная архитектором Е. Д. Тюриным³⁷. Таким образом, и в третьем ярусе рязанской колокольни, построенном в совершенно иных условиях чем первый и второй ярусы, Н. И. Воронихин сумел сохранить художественную связь с произведениями своих предшественников.

Остается неизвестным, кто построил громадный шпиль колокольни. Вряд ли К. А. Тон имел к этому какое-либо отношение, но если он все же и имел, то завершение колокольни было предопределено проектом Н. И. Воронихина. После соору-

³¹ См.: С. Н. К о н д а к о в. Список русских художников, стр. 310; П. Н. П е т р о в. Сборник материалов для истории Академии художеств, ч. II, стр. 162, 264, 338—339, 372, 429.

³² См.: ГАРО губернской строительной и дорожной комиссии, 1836 г. д. № 936.

³³ См. там же, 1859 г., д. № 12.

³⁴ См. там же, 1860 г., д. № 48.

³⁵ См. там же, д. № 61. — В 1842 г. Н. И. Воронихин добивался звания профессора, для чего ему была задана программа — «сочинить проект великокняжеского дворца». Судьба этой работы Воронихина осталась неизвестной.

³⁶ Постройка эта считается произведением неизвестного зодчего (М. А. И л ь и н. Рязань. Историко-архитектурный очерк, стр. 169). Однако, судя по тому, что П. И. Воронихин добивался внесения ее в свой послужной список, можно думать, что Воронихин был и автором проекта указанного здания. Архитектурные особенности здания не противоречат этому.

³⁷ См. В. В. З г у р а. К творчеству Е. Д. Тюрина. — «Архитектура». Ежемесячник Московского архитектурного общества, 1923, № 3—5, стр. 31—32.

жения ротонды третьего яруса оставалось только повторить ее в меньшем масштабе и завершить шпилем, так как о декоративном «кумполе» уже не могло быть и речи. Колокольня была закончена не в 1855 г., как писал Г. К. Лукомский³⁸, а в 1840 г.³⁹

На первый взгляд замена верхних четвериков и купола колокольни двумя ротондами и шпилем кажется уступкой той эклектике в русской архитектуре, которая наметилась в эпоху Николая I. Известно, с каким сарказмом писал об этих шпилях Г. К. Лукомский. Но такое мнение по отношению к рязанской колокольне было бы глубоко ошибочным. Весьма вероятно, что в проекте рязанской колокольни С. А. Воротилов придерживался примерно тех же пропорциональных отношений, что и в аналогичной колокольне Костромы. Но если бы мы построили, исходя из первого яруса рязанской колокольни С. А. Воротилова, предположительные пропорции остальных трех ее ярусов и «кумпола»⁴⁰, то получили бы сооружение, далеко не так хорошо увязанное с силуэтом Успенского собора, как существующая колокольня, построенная по дважды измененному проекту.

Если во всех этих изменениях действительно сказались великие градостроительные традиции Древней Руси⁴¹, то в постановке колокольни по оси новой магистрали города с расчетом ее перспективного замыкания на фоне силуэта собора, несомненно, проявились новые завоевания русской градостроительной мысли XVIII в.

Затронутыми здесь вопросами далеко не исчерпывается значение исследуемого памятника. Очень интересна, например проблема его масштабности, для анализа которой необходимы специальные обмеры и расчеты. Не менее интересен вопрос архитектурно-художественного языка колокольни, т. е. анализ того замечательного факта, что ордерный памятник конца XVIII — начала XIX вв. оказался родственным так называемому «нарышкинскому» стилю конца XVII в.

Учитывая это внутреннее родство колокольни архитектурным образам XVII в., следует особо выделить вопрос о ее окраске. Расчистка первоначального желтого цвета колокольни, конечно, является соблазнительным аргументом в пользу его восстановления. Но здесь, как нам кажется, далеко не все еще бесспорно. На истории сооружения колокольни мы убедились, что памятник этот сложный, разновременный и принадлежит различным зодчим. Если колокольня была окрашена в желтый цвет Н. И. Воронихиным в 1840 г., то почему мы должны связывать этот цвет с работой И. Ф. Русско? Еще менее он должен быть связан с С. А. Воротиловым. Очевидно, в этой области необходима еще дополнительная научно-исследовательская работа.

При окончательной реставрации колокольни должен быть учтен весь комплекс поставленных здесь вопросов, многие из которых нуждаются в специальной разработке.

³⁸ См.: Г. К. Лукомский. Памятники старинной архитектуры России, стр. 115.

³⁹ См.: Макарий. Указ. соч., стр. 208.

⁴⁰ Пропорции Костромской колокольни высчитаны по чертежу К. Я. Трубникова (1809), хранящемуся в музее Архитектуры АС и А (р-1-3087).

⁴¹ М. А. Ильин. Рязань Историко-архитектурный очерк, стр. 160.

С. О. ХАН-МАГОМЕДОВ

ХАНСКИЙ ДВОРЕЦ В ДЕРБЕНТЕ

1

Один из древнейших городов нашей страны, Дербент давно привлекает внимание исследователей. Расположенный на берегу Каспийского моря, там, где Кавказские горы ближе всего подходят к берегу, оставляя узкий трехкилометровый проход, Дербент на протяжении многих веков был важнейшим торговым и стратегическим пунктом на пути, связывавшем Переднюю Азию с Юго-восточной Европой. За Дербентский проход, сообщения о котором встречаются уже у Страбона и Птолемея, вели многовековую борьбу различные государства и народы Кавказа, Передней Азии и Юго-восточной Европы.

Среди памятников архитектуры Дербента наибольший интерес представляет грандиозная система оборонительных сооружений, строительство которой арабские авторы приписывают Хосрову I Ануширвану (531—579)¹. Имеющиеся на крепостной стене пехлевийские надписи также позволяют датировать эти укрепления VI в.²

Кроме крепости, в Дербенте сохранились и другие сооружения, представляющие интерес как с исторической, так и с архитектурной точек зрения. К их числу относят и полуразрушенные здания в цитадели Дербента (рис. 1), именуемой Нарын-Кала.

До присоединения Дербента к России цитадель была резиденцией правителя города или феодального владения, центром которого был Дербент. После присоединения города к России в 1806 г. в цитадели размещался гарнизон, во время пребывания которого почти все ее старые постройки были перестроены или разрушены. В эти же годы в цитадели было возведено и много новых зданий. После упразднения Дербентской крепости и вывода гарнизона в 1867 г. большая часть построек цитадели уже не использовалась.

¹ См.: Баладзори. Книга завоевания стран. Перевод и предисловие П. К. Жузе. — «Материалы по истории Азербайджана», вып. III. Баку, 1927, стр. 7; Ибн-ал-Факих. Из книги «О странах». Перевод и примечания Н. А. Караулова. — «Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа», т. XXXI. Тифлис, 1902, стр. 23; Масъуди. Из книги «Луга золота и рудники драгоценных камней». Перевод и примечание Н. А. Караулова. — Там же, т. XXXVIII. Тифлис, 1909, стр. 40—41; и др. авторы.¹

² См.: Е. А. Пахомов. Пехлевийские надписи Дербента. — «Известия об-ва обследования и изучения Азербайджана», вып. 5, № 8. Баку, 1929, стр. 19; Г. С. Ньюберг. Материалы по истолкованию пехлевийских надписей Дербента. — Там же, стр. 28—32.

Рис. 1. Общий вид цитадели Дербента со стороны города

Сохранились дела дербентского гарнизона, где имеются планы города XVIII—XIX вв. и чертежи, показывающие почти все перестройки и новое строительство в цитадели в XIX в. Эти материалы, а также описания путешественников и участников походов русских войск в Дагестан дают возможность восстановить первоначальный облик некоторых зданий цитадели.

В настоящей статье из всех построек цитадели рассматривается лишь комплекс ханского дворца. Приступая к изучению этого комплекса, необходимо отметить, что вторая половина XVIII в. в истории Восточного Кавказа характеризуется наличием множества относительно самостоятельных феодальных владений. Один из сильнейших феодалов Фет-Али-хан Кубинский (1758—1789) в 1759 г. овладел Дербентом, женился на Тути-бике, сестре одного из дагестанских феодалов, и сделал ее правительницей города. Фет-Али-хан покорил также Сальян и Ширван³. Е. И. Козубский сообщает, что Фет-Али-хан летом всегда жил в Кубе, а зимой в Дербенте, где выстроил дворец в цитадели⁴. К сожалению, этот дворец очень плохо сохранился, причем до последнего времени было не ясно даже, какие из оставшихся построек цитадели следует считать ханским дворцом. П. Спасский, например, обследовавший цитадель в 20-х годах XX в., совершенно не учел строительства XIX в. и принял за дворец русскую гауптвахту, построенную в 1828 г.⁵, а здания бывшего дворца, перестроенные в начале XIX в., определил как ханский гарем, управление ханства и ханскую мечеть⁶. Однако в основном он верно наметил расположение

³ См.: В. Н. Левитов. Очерки по истории Азербайджана в XVIII в. Баку, 1948; Искандер-Бек Гаджинский. Жизнь Фет-Али-хана Кубинского. — «Кавказ», 1847, № 48—49; А. Г. Сербров. Историко-этнографическое описание Дагестана, 1796 г. — «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.» (архивные материалы). М., 1958, стр. 184—188.

⁴ См.: Е. И. Козубский. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906, стр. 92.

⁵ Дату строительства этого здания и его назначение устанавливаем по материалам ЦГВИА (ф. 339, оп. 12, № 2058, 2064, 2069 и др.). Предварительное сообщение об этом см.: С. О. Хан-Магомедов. Новое об архитектурных памятниках Дербента. — «Дагестанская правда», № 141, 1956. — Однако путаница в атрибуировании данной постройки имеется и в работах последних лет (Д. Кажлаев. Историко-архитектурные памятники города Дербента. Махачкала, 1958, стр. 10 и 22; Д. Трунов. В горах Дагестана. М., 1958, стр. 230).

⁶ См.: П. Спасский. Дербентские укрепления. «Известия Азкомстариса», вып. 4, тетрадь 2. Баку, 1929, стр. 271—272.

дворцового комплекса, хотя и не точно определил назначение его отдельных частей. Е. Пахомов, критикуя П. Спасского, писал, что тот ошибочно принял развалины казарм за ханский гарем⁷. Оба автора правы лишь наполовину. П. Спасский, описывая принятую им за гарем часть ханского дворца, не учел, что тот вид, в каком это здание дошло до наших дней, оно получило в начале XIX в. в результате капитальной перестройки под казармы; Е. Пахомов же, называя эту постройку казармами, по-видимому, не знал, что она является хотя и перестроенной, но все же частью бывшего дворцового комплекса.

2

О том, что резиденция правителя Дербента всегда помещалась в цитадели, свидетельствуют многочисленные сообщения послов и путешественников, проезжавших через Дербент. Так, например, Шуперин, возивший в 1614 г. из Астрахани грамоту правителю Дербента, сообщает, что его дворец («палата») находился в цитадели. Это же отмечают и послы царя Михаила к шаху, которые были в Дербенте в том же 1614 г.⁸

В 1638 г. через Дербент проезжал Адам Олеарий. В своей книге он приводит вид Дербента — первое известное изображение города. Гравюры для этой книги делались по его рисункам. Первое издание книги вышло в 1647 г., но уже в 1656 г. А. Олеарий выпускает второе издание книги, причем многие рисунки были значительно изменены. Это относится и к изображению Дербента.

Хотя второй вариант гравюры более подробный и точный⁹, — первый дает схематичное изображение цитадели с выделением самого главного и отражает первое впечатление от ее застройки. На гравюре 1647 г. (рис. 2) видно, что цитадель плотно застроена небольшими строениями, среди которых выделяется лишь минарет. На гравюре 1656 г. можно различить уже некоторые подробности. Однако и здесь А. Олеарий не выделяет какого-либо крупного здания, как это сделано, например, по отношению к караван-сараяу и Джума-мечети в нижней части города. Значит цитадель того времени была застроена небольшими зданиями, среди которых жилище правителя города не выделялось.

А. Олеарий сообщает, что в цитадели города живет наместник и там же помещается гарнизон из 500 солдат¹⁰. И. Стройс, бывший в Дербенте в 1670 г., также пишет, что в цитадели «обыкновенно пребывает султан»¹¹.

В 1718 г. А. И. Лопухин, участник посольства А. П. Волынского в Персию, возвращаясь через Дагестан в Россию, посетил Дербент. Описывая город, он отмечает, что в цитадели «сделан дом салтанской, и вся артиллерия тут лежит, и магазины припасные»¹². А. И. Лопухин и его спутники несколько раз были приняты правителем города. Опираясь на описание этих приемов, можно установить, что дом правителя имел весьма обширный двор (в нем могли разместиться 500 человек), на который въезжали верхом. Значительный по размерам приемный зал находился в одном из окружающих двор корпусов, его окна выходили на этот двор. Приемных помещений в доме правителя было несколько¹³. Однако выяснить по описанию

⁷ См.: Е. А. Пахомов. Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье. — «Проблемы истории материальной культуры». ГАИМК, № 9—10, 1933, стр. 44.

⁸ См.: Е. И. Козубский. Указ. соч., стр. 60.

⁹ Подтверждается сравнением других частей Дербента с чертежами начала XVIII в. (ЦГВИА, ф. 349, оп. 12, № 1959).

¹⁰ См.: Адам Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906, стр. 486.

¹¹ Е. И. Козубский. Указ. соч., стр. 66.

¹² А. И. Лопухин. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. — «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.». М., 1958, стр. 29.

¹³ См. там же, стр. 10, 13 и 16—17.

Рис. 2. Цитадель Дербента в 1638 г. (Фрагмент гравюры с изображением Дербента из книги А. Оlearия издания 1647 г.)

А. И. Лопухина, где именно помещался в цитадели дом «салтана», не представляется возможным.

В 1722 г. русские войска под командованием Петра I без боя заняли Дербент. Петр I некоторое время жил в Дербенте. Выяснение вопроса о том, где он останавливался в это время, имеет значение для определения местонахождения старого ханского дворца.

П. Усов пишет, что «Петр Великий жил... в цитадели в бывшем Ханском дворце (что ныне комендантский дом) и, с нетерпением ожидая прибытия из Астрахани флотилии, собственными руками прорубил в одной из комнат окно, из которого открывается превосходный вид на Каспийское море, на самый город и на его окрестности»¹⁴. В статье имеется рисунок, изображающий вид из окна в сторону моря. Е. И. Козубский тоже считает эту версию достоверной¹⁵. Штукин писал, что в цитадели есть комендантский дом, в северной стене залы которого Петр Великий прорубил окно¹⁶.

Если сравнить все эти сведения (и рисунок в том числе), то можно установить, что речь идет об окне в северной стене второго этажа корпуса над воротами, ведущими в цитадель из города. Именно там имелась большая комната («зала»)¹⁷, откуда должен был открываться вид, изображенный на рисунке, и именно это здание XIX в. было комендантским домом. Однако еще до 1810 г., когда в этом доме разместился комендант, в северной стене комнат первого и второго этажей не было никакого окна¹⁸. Не было сделано это окно и в 1820 г., когда комендантский дом

¹⁴ П. Усов. Следы пребывания Петра Великого в Дербенте. — «Русский художественный листок», 1850, № 3.

¹⁵ См.: Е. И. Козубский. Указ. соч., стр. 79.

¹⁶ См.: Штукин. Дербент. — «Русский художественный листок», 1852, № 19.

¹⁷ ЦГВИА, ф. 349, он. 12, № 2031, 2035, 2042, 2093.

¹⁸ См. там же, № 1980, 1984.

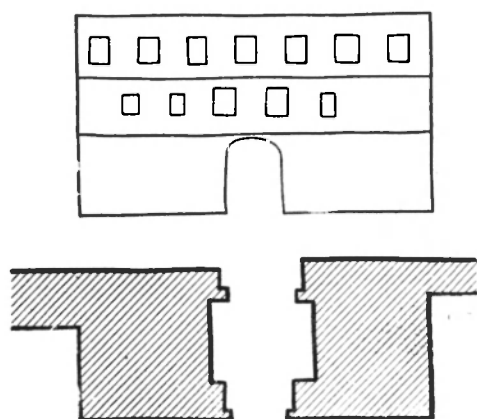

Рис. 3. Корпус над воротами
(по чертежу 20-х годов XVIII в.)

расположенного ниже, ближе к морю. Дорога, соединяющая ворота в крепостных стенах цитадели, делит ее на две части, северную и южную. К югу от дороги уровень почвы в направлении с запада на восток постепенно понижается, а в северной части — спускается террасами, наиболее высокая из которых находится в северо-западной части цитадели, где крепостные стены служат фактически подпорными стенками; их зубцы находятся на уровне почвы внутри цитадели.

Планы Дербента первой половины XVIII в.²⁴ показывают, что цитадель в то время была застроена самыми разнообразными зданиями (более 50). Вся эта застройка делилась на три больших комплекса, расположенных в северо-западной, наиболее высокой части цитадели, в юго-западном ее углу и у восточной крепостной стены. Последний комплекс делится, в свою очередь, на две части — слева и справа от входных ворот.

Е. И. Козубский сообщает, что русский гарнизон «сначала был расположен в приморской части города», а потом «занимал цитадель, очищенную от всех обывателей»²⁵. На одном из планов Дербента первой половины XVIII в.²⁶ в цитадели показаны новые здания казарм (рис. 5), однако из самого чертежа не ясно, были ли выстроены эти здания или же это только проект.

Мы не имеем сведений о том, в какой части цитадели помещался в первой половине XVIII в. дворцовый комплекс. Характер ее застройки свидетельствует, что в то время она была не только местом пребывания хана и его двора, как это было

капитально перестраивался¹⁹. На чертежах и планах цитадели первой половины XVIII в., т. е. времени пребывания в Дербенте русских войск (1722—1735), корпус над воротами показан почти таким же, каким он существовал в начале XIX в. (рис. 3)²⁰. На некоторых же планах цитадели того времени около ворот вообще нет никаких строений²¹, а на других имеются строения значительно меньшие, чем поздний корпус над воротами (рис. 4)²². Бесспорно одно, что корпус над воротами (комендантский дом), ставший позднее частью дворца Фет-Али-хана, существовал уже в первой половине XVIII в., хотя и спорно, что он был дворцом правителя города²³.

Цитадель Дербента расположена на холме с крутыми склонами на северной, западной и восточной сторонах. Рельеф внутри ее имеет уклон в сторону города,

¹⁹ См. ЦГВИА, ф. 349, оп. 12, № 2035.

²⁰ См. там же, № 1961, 1962.

²¹ См. там же, № 1968 и ф. 418, № 766.

²² См. ЦГВИА, ВУА, № 21776, 21888.

²³ Следует отметить, что сам факт проживания Петра I в цитадели не достоверен и является, видимо, легендарным преданием. Во всяком случае некоторые авторы, сопровождавшие Петра I в его походе, указывают, что он останавливался в другом месте («Беловы Путешествия через Россию в разные азиатские земли, а именно: в Пешагань, в Пекин, в Дербент и Константинополь». СПб., 1776, стр. 175; Журнал князя Д. Кантемира о персидском походе. — ЖМВ, СПб., 1839, ч. XXXI, № 1, стр. 19).

²⁴ См. ЦГВИА, ф. 349, оп. 12, № 1968; ВУА, № 21887 и 21888; ф. 418, № 766.

²⁵ См.: Е. И. Козубский. Указ. соч., стр. 78.

²⁶ ЦГВИА, ф. 349, оп. 12, № 1957.

позднее при Фет-Али-хане, а имела и рядовые жилые здания. Если не принимать во внимание предания об «окне» Петра I, то наиболее вероятным местом расположения жилища правителя города можно считать комплекс зданий в наиболее высокой северо-западной части цитадели. В пользу такого предположения говорит то, что этот комплекс был отделен от других частей цитадели подпорными стенками и оградами и включал в себя несколько крупных зданий, сгруппированных вокруг двух больших прямоугольных дворов. Здесь же были расположены большая подземная цистерна для воды, сводчатые бани²⁷ и мечеть с минаретом. После сооружения дворца Фет-Али-хана застройка северо-западного угла цитадели, как показывают чертежи 1796 г.²⁸, была сохранена. Некоторое представление о характере застройки этой части дает чертеж 1812 г.²⁹, на котором приведены план и разрез жилого здания из этой части цитадели (рис. 6).

Рис. 4. План цитадели Дербента по чертежу 20-х годов XVIII в.

Корнелий де Брунн, бывший в Дербенте в 1703 г., описывая город, отмечает, что он «достаточно снабжен пушками, расставленными перед дворцом ханским»³⁰.

А. И. Лопухин также сообщает: «...была палуба из пушек, которых лежит перед дворцом салтанским»³¹. Едва ли пушки были обращены в сторону города. Скорее всего они находились в наиболее высокой (северо-западной) части цитадели. О размещении пушек именно в этой части цитадели упоминает и Гмелин, бывший в Дербенте в 1770 г.³²

Интересно отметить, что на чертежах первой половины XVIII в.³³, кроме дороги, соединяющей основные восточные и западные ворота цитадели, показана еще и дорога, ведущая к южной стене цитадели, где, вероятно, были небольшие, заложённые позднее ворота (или пролом в стене). Это еще раз доказывает, что двор правителя города размещался не в этой части цитадели, так как едва ли он мог быть проходным.

²⁷ В настоящее время эта цистерна сохранилась: разрушен лишь купол ее центральной части. Бани были перестроены в начале XIX в. под пороховой погреб (ЦГВИА, ф. 349, оп. 12, № 1978, 2005, 2047, 2078) и находятся в полуразрушенном состоянии.

²⁸ ЦГВИА, ф. 349, оп. 12, № 1971, 1973.

²⁹ Там же, № 1992, 1996.

³⁰ «Путешествие Корнелия де Брунна через Московию». — ЧОИДР, 1872, кн. 3, стр. 208.

³¹ А. И. Л о п у х и н. Указ. соч., стр. 16.

³² См.: Е. И. К о з у б е к и й. Указ. соч., стр. 97.

³³ ЦГВИА, ВНА, № 21887, 21888.

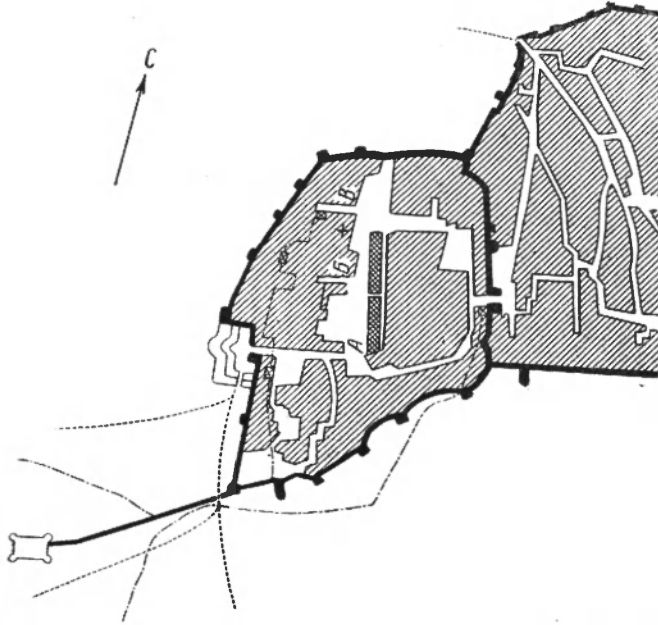

Рис. 5. План цитадели Дербента по чертежу первой половины XVIII в.

А — солдатские казармы; Б — гауптвахта; В — склады!

Во время второго похода в Дагестан в 1741—1743 гг.³⁴ Надир-шах неоднократно останавливался в Дербенте. Живя постоянно в лагере к северу от Дербента, — сообщает Е. И. Козубский, — Надир каждый четверг вечером уезжал в Дербент, где жила его любимая жена³⁵. Во время третьего похода в Дагестан в 1744 г., пишет он далее, Надир-шах приказал строить для себя здесь дворец, для которого были употреблены большие дербентские надгробные камни.

Англичанин Ганвай, бывший на службе у Надира, говорит, что в нижней части города Надир построил дворец³⁶. Лерх, сопровождавший в 1744—1748 гг. посольство М. М. Голицына в Персию, опубликовал

план Дербента, где показано место этого дворца, однако его строительство датируется на этом плане 1741—1742 гг.³⁷.

3

Фет-Али-хан Кубинский овладел Дербентом в 1759 г., а умер в 1789 г., следовательно, где-то между этими годами и следует искать дату сооружения дербентского дворца. Фет-Али-хан вел почти непрерывные войны с феодальными владетелями Азербайджана и Дагестана, стремясь объединить под своей властью Восточный Кавказ. Борьба эта шла с переменным успехом. В 1774 г. объединенные силы дагестанских владетелей разбили войска Фет-Али-хана³⁸, и он вынужден был просить русские войска помочь ему в борьбе против осадившего Дербент уцмья Кайтагского³⁹.

Фет-Али-хан продолжал укреплять свою власть и в 80-е годы достиг такого могущества, что предпринял поход с целью завоевания Южного Азербайджана⁴⁰.

³⁴ См. «Очерки истории Дагестана», т. I. Махачкала, 1957, стр. 164—170.

³⁵ Е. И. Козубский. Указ. соч., стр. 90.

³⁶ Ганвай служил в 1743 г. на Каспии в английской «Русско-персидской компании» и оставил описание своего путешествия в Персию: Jonas Hanway. An historical account of the British trade over Caspian Sea, etc. London, 1762.

³⁷ J. J. Leche. Lebens und Reisegeschichte, von ihm selbst beschrieben und mit Anmerkungen und Zusätzen hezaus gegeben. Halle, 1791, s. 33. — Чертеж из книги Лерха имеется также в ЦГВИА (ВУА, № 21885). На этом чертеже недалеко от ворот Джарчи-капы обозначено «жилище хана». Сейчас недалеко от этого места расположен фонтан Хан-булах. Существует предание, что здесь был когда-то ханский дом (вероятно, это был второй ханский дом, кроме дворца в цитадели).

³⁸ См.: А. К. Бакиханов. Гулистан-Ирам. — «Труды об-ва обследования и изучения Азербайджана», вып. 4. Баку, 1926, стр. 133. — «Очерки истории Дагестана», т. I. Махачкала, 1957, стр. 175.

³⁹ См.: Н. В. Левиатов. Указ. соч., стр. 129—139.

⁴⁰ Гасан Алкадари, Асари Дагестан. — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», 1926, т. 46, стр. 97—98.

К этому времени ему принадлежали земли дербентские, кубинские, шаберанские, шемахинские, бакинские, сальянские. В зависимости от него находились хан шекинский, шамхал тарковский и кадий табасаранский⁴¹.

Нам кажется, что 80-е годы XVIII столетия были наиболее благоприятным периодом для развертывания больших строительных работ по сооружению дворцового комплекса в Дербенте. В эти же годы в Дербенте был возведен большой мавзолей над могилой правительницы города Тути-бике, жены Фет-Али-хана. Этот мавзолей стилистически очень близок к сохранившимся частям ханского дворца в цитадели.

К сожалению, мы не располагаем более точными сведениями о времени строительства дворца Фет-Али-хана. Из описания русского академика Гмелина, который посетил Дербент в 1770 г. и был принят Фет-Али-ханом, также неясно, где располагался дворец хана и как он выглядел. Он пишет только, что в цитадель «ходят через большие железными листами крепко обитые ворота, против коих находится узкая по горе построенная улица, ведущая к ханским покоям, а по левую руку примечается вход в ханский двор, который весьма просторен, видом четвероуголен и обнесен крепкими каменными стенами. По обеим сторонам двора, который также передние ханские покои представляет, идут входы к другим ханским покоям, особенно же к тому, в котором хан дает аудиенцию. Они столь узки и извилисты». Описывая прием у Фет-Али-хана, Гмелин отмечает, что «овидиенц-зала не очень великолenna. В передней, которая от ханской отделялась только небольшою лестницею, находилось множество... народу... Хан сидел посреди покоя па земле»⁴². Из этого описания можно все же заключить, что Гмелин был, по-видимому, принят Фет-Али-ханом не в новом дворце, а в каком-то другом здании.

Первые достоверные сведения, чертежи и изображение ханского дворца относятся к 1796 г., когда русские войска овладели Дербентом, взяв в плен хана Ших-Али — сына Фет-Али-хана. Сохранилось три чертежа 1796 г. с изображением планов и разрезов цитадели (рис. 7)⁴³. Чертежи были составлены в июне 1796 г. вскоре после взятия города. На одном из них застройка цитадели показана более подробно и на нее наложен проект перепланировки всей территории с планами зданий, казарм и складов для гарнизона, причем существовавшие постройки совершенно не были учтены в этом проекте и, вероятно, подлежали сносу. Однако после смерти Екатерины II русские войска были отозваны с Восточного Кавказа⁴⁴, поэтому проект перестройки цитадели остался неосуществленным.

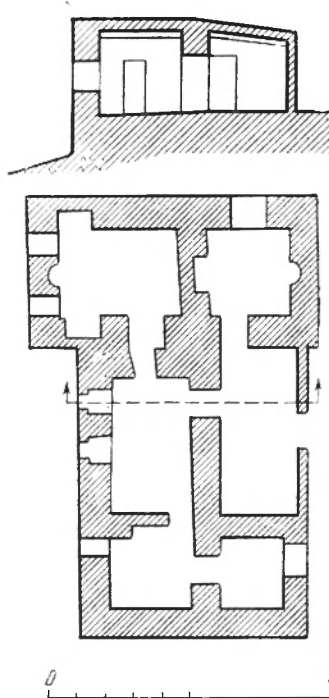

Рис. 6. План и разрез жилой постройки в цитадели (по чертежу 1812 г.).

⁴¹ П. Г. Бутков сообщает, что в расположенной в горах, южнее Дербента, крепости Чирах-Кала «к одному северному углу примкнут дворец, о трех этажах, построенный дербентским Фет-Али-ханом... Он в нем жил в то время, когда опасался нападений лезгинских и других горских народов» (П. Г. Б у т к о в. Записка персидского похода 1796 г., или все что я видел, слышал, узнал. Приложение ко II тому соч. Буткова. — «Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г.», СПб., 1869, стр. 589).

⁴² Цитируем по Е. И. Козубскому (Указ. соч., стр. 95—97).

⁴³ ЦГВИА, ф. 349, оп. 12, № 1971—1973.

⁴⁴ См.: Р. М а г о м е д о в. Присоединение Дагестана к России. — «Очерки истории Дагестана», вып. 1. Махачкала, 1950, стр. 145.

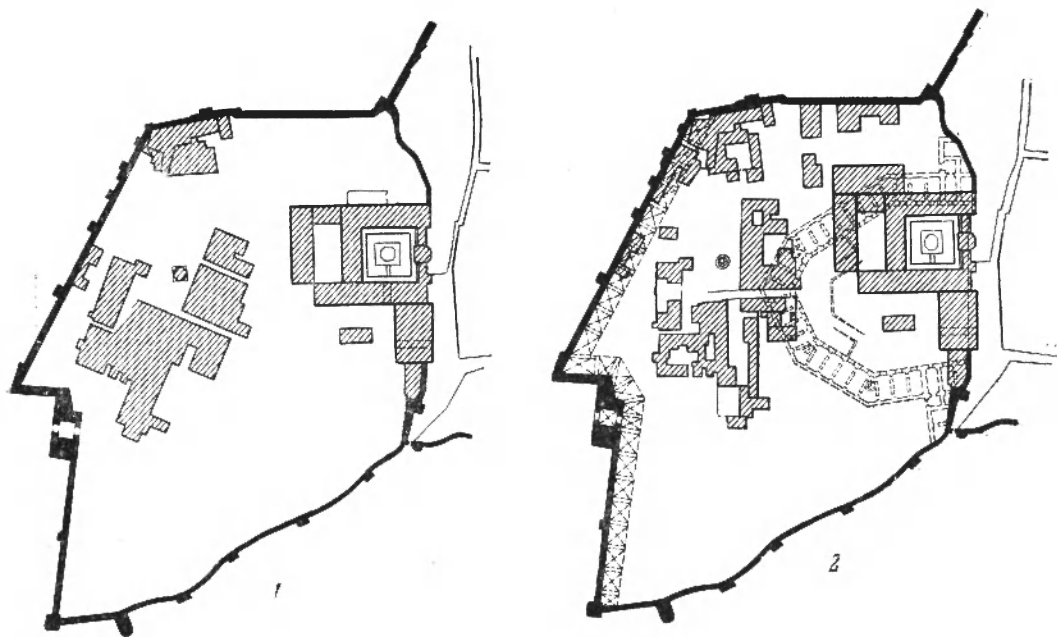

Рис. 7. Цитадель Дербента по чертежам 1796 г.

1) — план цитадели; 2) — план цитадели с проектом постройки зданий для гарнизона

На обоих планах к восточной стене цитадели примыкает большое здание с парадным квадратным двором в центре и прямоугольным служебным двором. Вплотную к нему расположен корпус над воротами, недалеко от которого, почти напротив входа в цитадель, находится небольшое отдельно стоящее здание. Все это вместе и составляло ханский дворец.

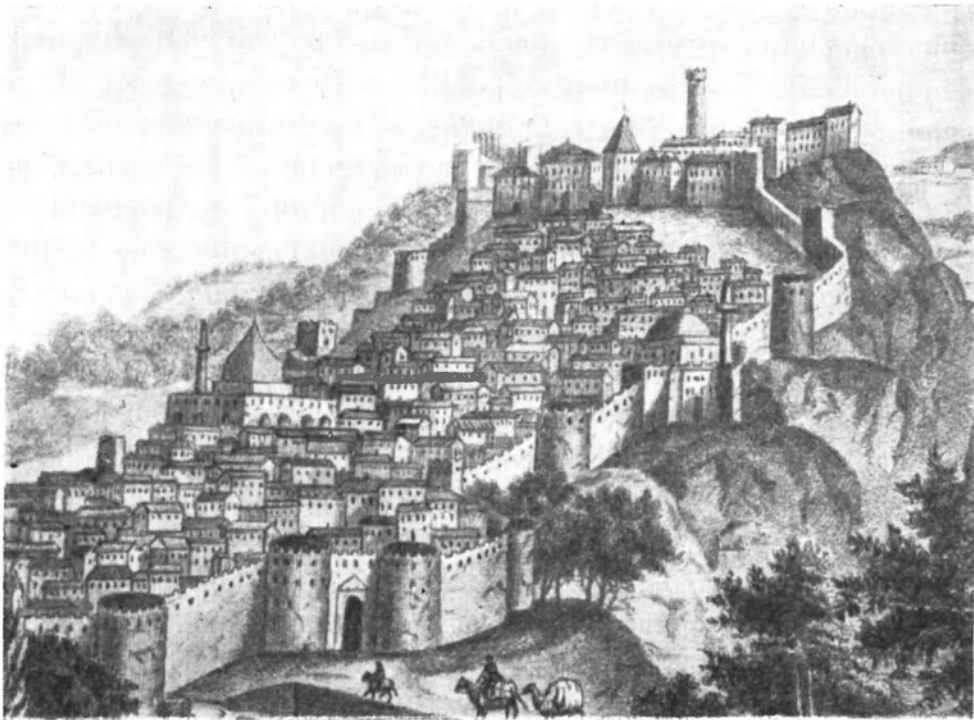
При Фет-Али-хане вся цитадель фактически превратилась в ханскую резиденцию. Из нее были выселены все жители⁴⁵.

О превращении цитадели в резиденцию хана говорит и то, что на планах 1796 г.⁴⁶ в южной городской стене (в месте примыкания ее к цитадели) появились новые ворота Кала-капы, т. е. эта дорога проходила через Дербент, уже минуя цитадель. Исчез и проход в южной стене цитадели, который в дальнейшем уже не встречается на ее планах.

Участники похода 1796 г. оставили интересные описания ханского дворца. П. Г. Бутков, посетивший цитадель 13 мая, т. е. через три дня после занятия Дербента русскими войсками, пишет: «Я был в ханском доме. Оный построен в Нарын-Кале, в два этажа, из дикого камня, на высоте, которая командует всем городом. Покои, где жил хан и его сестра, состоят в четверугольнике, так, как в Зимнем дворце. Посредине бассейн. В той части, которая лицом лежит к городу, сделана галерея, выше всего дома; вправо, влево и напротив галереи, состоят покои же наруж-

⁴⁵ В относящемся к 1804 г. «Описании Дагестана» (Сб.: «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.». М., 1958) А. Н. Ахвердов пишет, что в цитадели помещается «дом ханской со всею его прислугою и кроме никакие партикулярные люди не живут...» (стр. 217).

⁴⁶ ЦГВИА, ф. 349, оп. 12, № 1971, 1973.

Рис. 8. Цитадель Дербента с 1796 г. (фрагмент гравюры Осипова, сделанной по рисунку Г. Сергеева)

ным амфитеатром, где стены, так как и в комнатах, украшены живописью. Она не заслуживает внимания от искусства, ибо нет в ней ни размера, ни оттенка, и много очень похожа на работу суздальских мужиков. Впрочем, краски так живы, что, будучи положены на алебастр около ста лет (в датировке постройки дворца Бутков явно заблуждается. — С. X.), не потеряли ничего. Картины сии представляют: иная — сражение древних азиатцев, где председательствующий едет на слонах, иная — любовные свидания, а иная — всадников, догоняющих па лошадях и убивающих саблею оленей и проч.; потолки же украшены цветами. Из сего амфитеатра по сторонам двери в комнаты, где, псключая одной комнаты ханской сестры, стены живописью не украшены, но только чисто выштукатурены. В комнатах много было небольших зеркал и других украшений, но они уже вынесены в другой старий ханский дом, состоящий в середине города, куда сестра ханская и весь сераль 11 числа переехали. Окна в комнатах составлены из маленьких разноцветных стекол и кажут наипрелестный вид радуги, а особливо, когда солнце лучи свои в стекло бросает. Сии окна с стеклом только к городу, а внутренние без стекол и с занавесями, и затворами. Причина сему то, что здесь они не имеют большой стужи и сырого воздуха»⁴⁷.

В другой работе Н. Г. Бутков пишет: «В замке Нарын-Кале домов ханских с серальми два. Сие строение незанимательно, и что лучше, так живость красок, конми исписаны внутренние стены дома, изображая инде сражение, инде охоту, а инде любовь. Положение сего дома так возвышено, что весь город и окрестности

⁴⁷ Н. Г. Б у т к о в. Указ. соч., стр. 580—581.

из одного видны. В замке ж есть в столпе мечеть, воздвигнутая, как жители уверяют, Искандером. В части, собственно Дербент называемой, находятся построенные из дикого камня и по большей части в два этажа два дома ханских»⁴⁸.

Не имеет ли в виду П. Г. Бутков, говоря о двух ханских домах в цитадели, кроме нового дворца, построенного Фет-Али-ханом, также и старый дворцовый комплекс, т. е. существовавшую в 1796 г. застройку северо-западной части цитадели, где размещалась мечеть с минаретом («в столпе мечеть») ⁴⁹. Описание П. Г. Буткова полностью совпадает с планом цитадели 1796 г.

Об общем виде ханского дворца со стороны города можно судить по рисунку Г. Сергеева (рис. 8), сделанному с натуры в 1796 г.⁵⁰ Здесь хорошо виден двухэтажный корпус над воротами, павильон над башней крепостной стены и другие строения. За дворцом изображен большой минарет, имеющийся и на планах 1796 г.

Все корпуса ханского дворца изображены Г. Сергеевым с двух-или четырехскатными крышами, а павильон на крепостной башне даже с шатром, причем и на разрезе дворца на чертеже 1796 г.⁵¹ тоже показаны двухскатные крыши. И все же, несмотря на такие казалося бы документальные свидетельства, наличие в 1796 г. у корпусов ханского дворца двухскатных крыш вызывает сомнение, так как на детальных чертежах начала XIX в. все кровли дворца изображаются плоскими⁵².

Из изложенного выше можно сделать вывод, что в 1796 г., т. е. спустя 7 лет после смерти Фет-Али-хана, дворцовый комплекс дербентской цитадели находился в полной сохранности⁵³. Он состоял из двух частей — новых корпусов, примыкавших к восточной стене, среди которых выделялось здание с квадратным двором, и старого комплекса обслуживающих помещений в северо-западном углу, в месте вероятного нахождения существовавшего до Фет-Али-хана дворца правителя города.

После ухода русских войск из Дербента Ших-Али-хан вновь овладел городом. Когда в 1806 г. русские войска подошли к Дербенту, жители не поддержали хана, решившего оборонять города. Ших-Али-хан был вынужден бежать, захватив ценности и обобрав дворец, а население Дербента послало к русским войскам «депутатов с просьбой взять город под покровительство». В июне передовой русский отряд вошел в город, а «старшины города, знатнейшие беки и весь народ приведены к присяге. . . Впечатление от бескровной сдачи города, слывшего чуть-ли непобедимую твердыню, было глубокое».⁵⁴

Правление Ших-Али-хана привело в упадок некогда цветущий Дербент. При нем, свидетельствует участник похода 1806 г., «проломы в стенах заросли мохом, верхняя часть города и ханский дворец, краса Азии и редкость Персии, год от году умножали развалины, причиненные временем и войной, а хан расточал богатства на красивых невольниц и лучшие вина»⁵⁵. Далее этот же автор описывает ханский

⁴⁸ Н. Г. Б у т к о в. Выдержки из «Проекта отчета о персидской экспедиции в виде писем» 1796 г. — «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.» (архивные материалы). М., 1958, стр. 202.

⁴⁹ ЦГВИА, ф. 349, оп. 12, № 1971—1973.

⁵⁰ Гравюра с этого рисунка, выполненная Осниновым, помещена в кн.: «Жизнь Артемия Ара-ратского», ч. II. СПб., 1813, стр. 114.

⁵¹ ЦГВИА, ф. 349, оп. 12, № 1972.

⁵² См. там же, № 1990, 1996, 2004, 2007 и др.

⁵³ Писатель-декабрист А. А. Бестужев (Марлинский), служивший в Дербенте в 1830—1834 гг., сообщает, что, согласно преданию, в цитадели росли огромные померанцевые деревья. (Полное собрание сочинений в двух томах, т. II. СПб., стр. 249.)

⁵⁴ Е. И. К о з у б е к и й. Указ. соч., стр. 132.

⁵⁵ «Известие о взятии Дербента российско-императорскими войсками, впоследствии 21 июня 1806 г., с кратким топографическим и историческим описанием сего города. Присланное з лагеря при Дербенте от 1 августа 1806 г.». СПб., 1806, стр. 21.

дворец: «Любопытный путешественник, желая осмотреть древности города, потратит только время и силы, входя по крутизне косогора в верхнюю часть оногo; ничего не найдет он в ней, кроме жалких следов опустошения временем и рукою человеческого причиненного; всюду развалины, всюду груды камней — полуразвалившиеся башни и дикою травою обросшие руины бывших некогда огромных зданий».

При входе в ворота замка на правой руке остался еще однако ж внутренний двор или бывший гарем женский, в котором расположены квартира главнокомандующего и часть войск.

Узкие ворота с каменным сводом препровождают на небольшую площадь, цветами и некоторыми растениями усаженную; отсюда входят из сераля в ханские чертоги; а левее дверь, ведущая через несколько ступеней во внутренний двор гарема, расположенный ровным и правильным прямоугольником, имеющим 10 сажень в длину и почти столько же в ширину. Заднюю и левую сторону оногo составляют двухэтажные флигеля; длинный ряд комнат, отделенных пли имеющих между собой сообщения, делает правую и третью сторону квадрата, коегo фас состоит из Нарын-Калинской стены с высокою, посреди, двухэтажною башнею. Во втором ярусе задней и левой стороны находятся галереи, пересекаемые в конечностях комнатами. Ничего замечательного, ничего любопытного не встречается в сем жилище ханских красавиц; провалившиеся потолки, разломанные камни, остатки бедной живописи, видимые в одной галерее, не удовлетворяют любопытству искателя древностей; он обращается к правой стороне, входит в фасовые комнаты — и на несколько времени забывает о трудах своих; здесь находит он остатки азиатского комнатного украшения и с удовольствием рассматривает искусный подбор красок в живописи альфреско. Посреди двора находится осьмиугольный, широкий бассейн, в который напускалась вода посредством фонтанов»⁵⁶.

После присоединения Дербента к России, в течение первых пяти лет, в цитадели не велось больших строительных работ⁵⁷. Однако после 1811 г., когда высочайшим указом Дербентскую крепость было «велено содержать от инженерного департамента на равном с прочими крепостями основании»⁵⁸, в ней развернулось большое строительство. Сохранились чертежи этого периода⁵⁹, где наряду с проектными предложениями даются и обмеры существующих корпусов. На основании этих чертежей, изучения натуры и сведений литературных источников можно установить, что с 1796 по 1806 г. ханский дворец претерпел некоторые изменения, что видно при сравнении планов цитадели 1796 г.⁶⁰ и 1810 г.⁶¹ (рис. 9). Однако отсутствие подробных чертежей ханского дворца, относящихся к 1796 г., не дает возможности учесть эти изменения. Поэтому, давая графическую реконструкцию дворца, восстанавливаем его облик не в момент возведения, а в том виде, какой он приобрел к 1806 г.

Следует отметить, что, стремясь сделать реконструкцию более достоверной, мы оставили невосстановленными те места комплекса, о которых нет точных данных⁶². Все же остальные воспроизведенные части подтверждаются чертежами первой половины XIX в. (рис. 10 и 11)⁶³. Для удобства рассмотрения обозначим отдельные

⁵⁶ «Известие о взятии Дербента...», стр. 6—7.

⁵⁷ ЦГВИА, ф. 349, оп. 12, № 1980.

⁵⁸ Е. И. К о з у б с к и й. Указ. соч., стр. 151.

⁵⁹ Большая часть чертежей находится в ЦГВИА, ф. 349, (оп. 12), ВУА л 418.

⁶⁰ ЦГВИА, ф. 349, оп. 12, № 1971.

⁶¹ Там же, № 1976.

⁶² Это относится главным образом к тем небольшим перестройкам, которые были осуществлены в 1806—1810 гг., когда еще не составляли подробных чертежей.

⁶³ При реконструкции использованы чертежи 1796—1842 гг. (ЦГВИА, ф. 349, оп. 12, № 1971—1973, 1977, 1984, 1989, 1996, 2004, 2007, 2012, 2013, 2015, 2017, 2026, 2029, 2035, 2042, 2046, 2073, 2076, 2093).

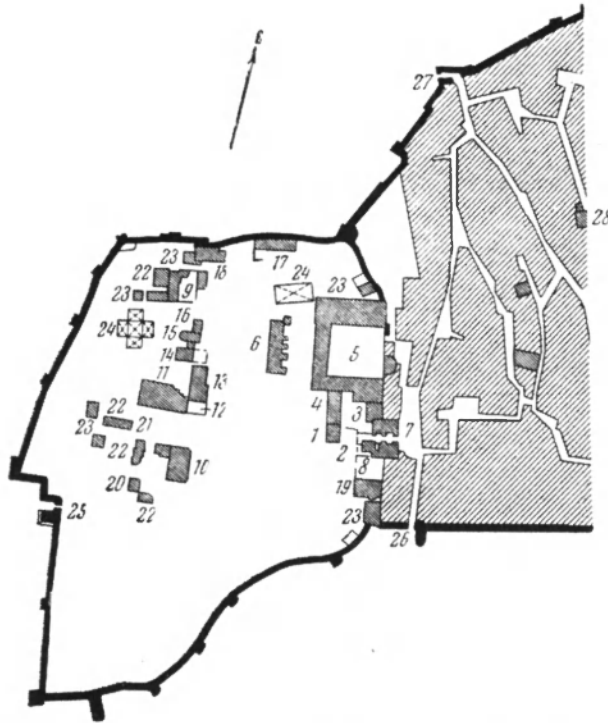

Рис. 9. План цитадели и верхней части Дербента по чертежу 1810 г.

1 — гауптвахта; 2 — источник воды; 3 — комендантский дом; 4 — кухни; 5 — солдатские казармы; 6 — солдатские кухни; 7 — восточные ворота цитадели, над которыми расположен офицерский корпус; 8 — аптека; 9 — дом артиллерийского офицера; 10 — артиллерийская казарма; 11 — пороховой погреб; 12 — двор с навесом для артиллерийских принадлежностей; 13 — лазарет; 14 — покои надзирателя; 15 — кухня лазарета; 16 — кузница; 17 — четыре сводчатых погреба; 18 — погреб со сводом; 19 — обвалившанси амунничная; 20 — караульная; 21 — артиллерийская караульная; 22 — солдатские жилища; 23 — конюшни; 24 — сводчатые каменные водохранилища, куда вода поступала по подземным трубам; 25 — горские ворота; 26 — первые ворота (Кала-капы); 27 — водные ворота (Джарчи-капы) 28 — мечеть.

ние считать, что этот приход и ведущая к нему лестница сделаны после 1806 г.⁶⁴ До этого во двор попадали через корпус «Е». В этом же корпусе могла помещаться личная охрана хана. В безоконном корпусе «Ж», примыкающем западной стеной к склону горы, могли помещаться кладовые и кухня.

В корпус «И» вели два входа: один из внутреннего двора, другой — извне. По-видимому, второй вход предназначался для посетителей хана. Корпус «К», примыкающий к этому входу, мог предназначаться для личной охраны хана, а в корпусе «Л», перед которым расположен двор III, размещались, вероятно, солдатские казармы (часть постоянного гарнизона цитадели).

Второй этаж корпуса «И» как по месту расположения, так и по планировке помещений должен быть признан приемной хана. Посетитель поднимался по наруж-

⁶⁴ На реконструкции этот проход и лестница нами показаны, но данных о времени их устройства у нас нет. Возможно, что они сделаны в 1806—1810 гг.

корпуса дворца буквами русского алфавита, а дворы, вокруг которых они сгруппированы, римскими цифрами (рис. 12).

При сравнении планировки представленных на реконструкции дворцовых зданий, примыкающих к восточной стене цитадели, с планом 1796 г. видно, что существенно изменилась лишь та часть, которая примыкала к двору I. Здесь вместо отдельно стоящего корпуса появились корпуса «Е» и «Ж».

В 1806 г. ханский дворец состоял из корпусов, группировавшихся вокруг четырех дворов. Попытаемся разобраться в назначении отдельных помещений дворца, учитывая, что обслуживавшие его постройки занимали фактически всю цитадель. Вход в цитадель со стороны города был устроен под корпусом «И». Здесь, в толще земли, слева от входа имелось небольшое помещение, где, вероятно, находилась охрана ворот. Двор I являлся, по-видимому, внутренним двором покоев хана, причем корпус «З» был жилым, а в двухэтажном корпусе над воротами «И» были расположены парадные помещения и приемная хана. Двор I отгорожен от дороги, ведущей к воротам, высокой каменной стеной, в которой сделан небольшой проход. Есть основа-

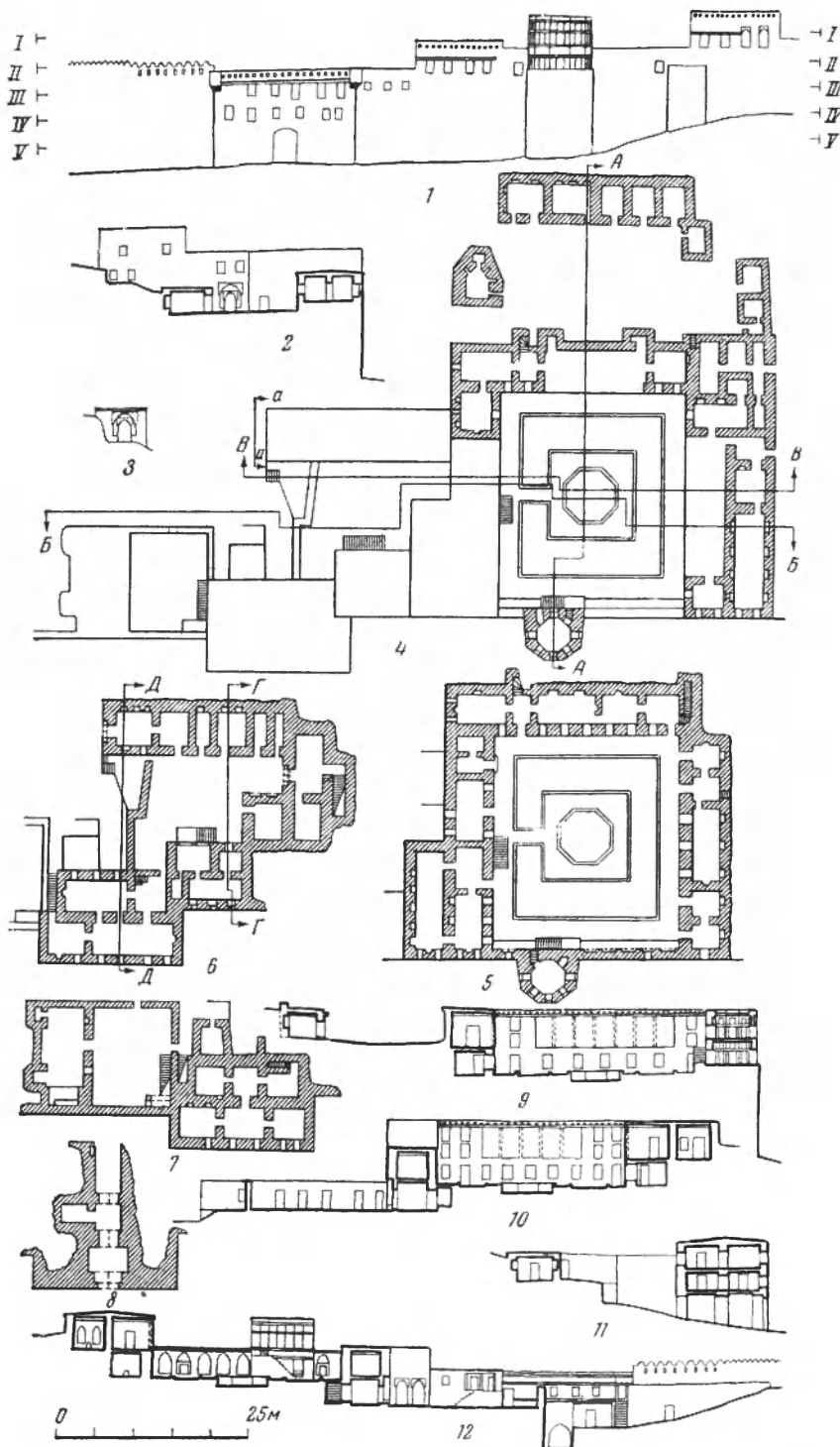

Рис. 10. Ханский дворец Дербента в начале XIX в. (реконструкция С. О. Хан-Магомедова по чертежам первой половины XIX в.)

- 1 — фасад со стороны города; 2 — разрез Г — Г; 3 — фасад по а — а; 4 — план на уровне I — I;
 5 — план на уровне II — II; 6 — план на уровне III — III; 7 — план на уровне IV — IV;
 8 — план на уровне V — V; 9 — разрез А — А; 10 — разрез В — В; 11 — разрез Д — Д;
 12 — разрез Б — Б

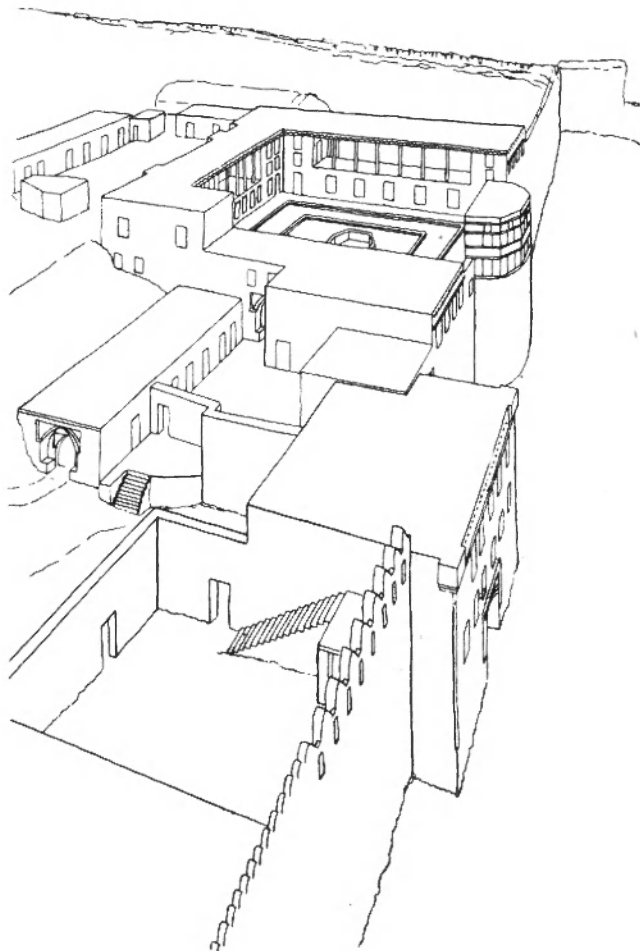

Рис. 11. Общий вид ханского дворца в Дербенте
(реконструкция С. О. Хан-Магомедова)

ной лестнице и через небольшую квадратную комнату проходил в большой зал (около 50 кв. м), освещавшийся четырьмя окнами, выходящими в сторону города. К этому залу примыкало еще одно парадное помещение (около 35 кв. м). Оба они соединялись с комнатой, в которую из внутренних покоев хана, находившихся в первом этаже, вела лестница.

Комплекс ханского дворца построен на крутом рельефе, поэтому все его дворы расположены на разном уровне и представляют искусственно выравненные террасы. Холм, где расположена цитадель, имеет в сторону города крутой склон, поэтому восточная стена цитадели является фактически подпорной стеной, причем разница отметок земли внутри и вне цитадели достигает более 10 м. Условия рельефа привели к тому, что и у большинства корпусов ханского дворца одна из стен первого этажа подпорная. Поэтому все корпуса, окружающие двор II, имеют с одной стороны двухэтажные, а с другой — одноэтажные фасады.

Группа корпусов, объединенная большим квадратным двором I, наиболее интересная из всего комплекса дворца. О ее назначении говорят Бутков и

анонимный участник похода в 1806 г. Однако если первый из них пишет, что в корпусах окружающих двор с бассейном, находятся покои хана и его сестры, то второй помещает здесь ханский гарем. Надо думать, что правы оба автора, так как за 10 лет назначение отдельных частей дворца могло измениться. В 1796 г., когда еще не было двора I, парадным входом во дворец был сохранившийся до настоящего времени стрельчатый арочный портал в корпусе «В», ведущий через лестницу во двор II. Возможно, что именно в этих корпусах находились покои хана и его сестры. Позднее, после сооружения корпусов «Е» и «Ж» и создания двора I, главным парадным входом в дворцовый комплекс стал вход в корпус «Е», а прежний входной портал оказался уже внутри дворцового комплекса. К этому времени корпуса, окружающие двор II, могли быть заняты гаремом.

В центре двора II располагался восьмиугольный бассейн. По словам С. Броневского, принимавшего участие в походе 1796 г., в этот бассейн из горы были «проведены родники». Из него вода поднималась «водометами» и возвращалась опять в бассейн, разливаясь затем по всему городу «в каменные водоемы, нарочно для этого

сделанные»⁶⁵. А. И. Ахвердов также свидетельствует, что «из самого высшего родника подведена вода среди Нарын-Калы и квадратно-расположенного ханского дому в бассейн, в котором сделанные 12 фонтанов, поднимая прозрачную воду саженю на полторы, обращают паки в оный же бассейн»⁶⁶.

Двор с бассейном, площадью $24,7 \times 28,4 \text{ м}$ ⁶⁷, был наиболее парадной частью дворца. Главные фасады окружающих его корпусов были обращены во двор (или же в сторону города, над крепостной стеной).

Первые этажи корпусов «А» и «Б» состояли из небольших соединенных между собою помещений. Вторые этажи имели большие открытые внутрь двора лоджии — галереи. Не совсем ясно, какие ограждения имели лоджии со стороны двора — простой ряд столбиков или же, например, подъемные окна (тина «шебеке»). Дворовые фасады этих корпусов по оформлению очень близки один другому: главную роль в их композиции, несомненно, играют лоджии. Поэтому можно предполагать, что ограждение лоджий имело богатую художественную обработку. Как свидетельствует П. Г. Бутков, окна, обращенные во двор, не имели остекления; с цветными стеклами были лишь окна, обращенные в сторону города.

Из описаний современников мы видели, что стены и потолки комнат дворца были покрыты росписями. До наших дней роспись не дошла, но некоторое представление о ней дают резные растительные орнаменты на надгробных камнях дербентских кладбищ, так как П. Г. Бутков, описывая их, замечает: «Украшены они живо красками, разными цветами и словами... Цветы, однако же, точно такого же искусства, как и в ханском дворце»⁶⁸.

Планировка корпуса «Г» (с отдельным входом) показывает, что он мог быть использован самостоятельно, вероятно, сестрой хана. Не совсем понятно назначение двухэтажного павильона над крепостной стеной. Стена, отделявшая двор от города, была обработана с внутренней стороны стрельчатыми арочными нишами, в двух из которых были сделаны окна.

Последний двор IV был несомненно служебным. В корпусах «Н» и «О» помещались, вероятно, кладовые и кухни.

Следует отметить, что в Дербенте основной строительный материал, из которого возведены почти все сооружения города (в том числе и знаменитая система дербентских оборонительных укреплений), — местный ракушечник, обладающий очень высокими строительными качествами. Он хорошо поддается обработке, что позволяет легко изготовлять из него любые, даже очень сложные, архитектурные детали, и в то же время прекрасно сохраняется многие годы, почти не изменяясь под влиянием атмосферных условий.

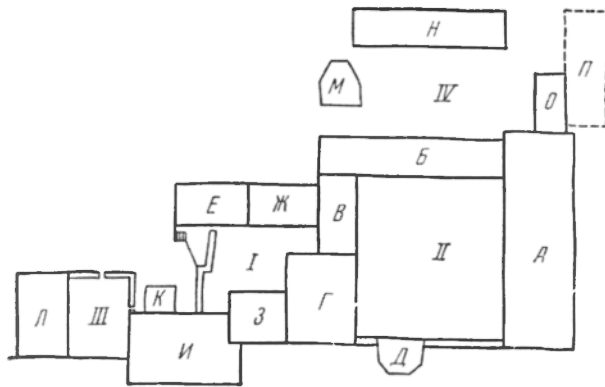

Рис. 12. Схематический план комплекса ханского дворца в Дербенте

⁶⁵ С. Броневский. Повейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. II. М., 1823, стр. 336.

⁶⁶ А. И. Ахвердов. Описание Дагестана. 1804 г. — «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.», стр. 219.

⁶⁷ По обмерам 1949 г.

⁶⁸ П. Г. Бутков. Указ. соч., стр. 582.

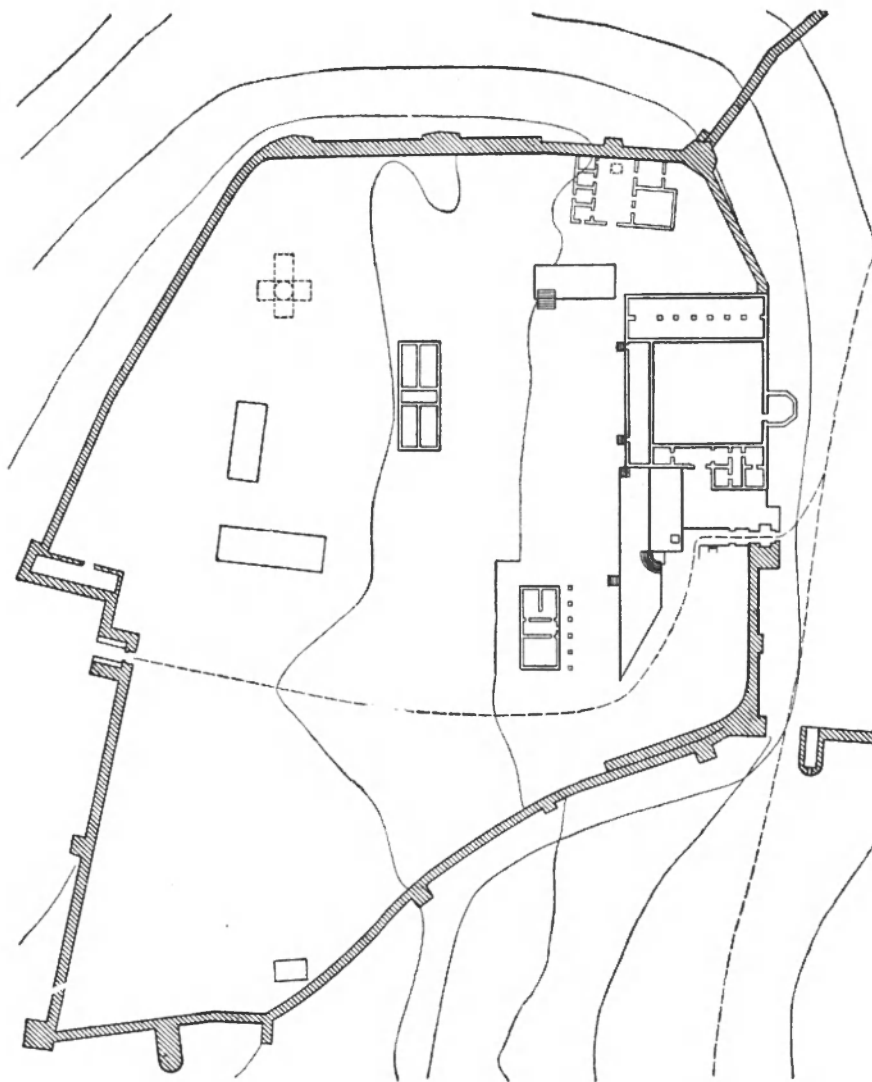

Рис. 13. План цитадели Дербента (по обмерам 1949 г.)

Как уже отмечалось выше, при перестройке ханского дворца под казармы в первой четверти XIX в. большая часть стен зданий дворца была выложена заново (рис. 13). От XVIII в. здесь сохранились лишь фундаменты и цокольные части наружных стен корпусов, окружавших квадратный двор. Стена со стрельчатыми нишами, отделявшая двор от города, также была перестроена. От старой стены остался лишь небольшой участок в северо-восточном углу двора. По этим остаткам можно составить лишь некоторое представление о строительном мастерстве дербентских зодчих XVIII в. (типе кладки, технике обработки камня и т. д.). Однако сохранилось три замечательных фрагмента ханского дворца, которые позволяют говорить и о его архитектурно-художественных и стилистических особенностях. Это проход под корпусом над воротами (корпус «И»), портал главного входа во дворец (в корпусе «В») и небольшое водохранилище или погреб (рядом с корпусом «Е»).

Проход под корпусом над воротами (позднее — комендантским домом) представляет собой коридор, шириной от 3 до 5 м, огороженный с двух сторон подпорными стенками с контрфорсами. На контрфорсы опираются пяты двух стрельчатых арок, поддерживавших несохранившиеся стены лежащих выше этажей (рис. 14). Арки сложены из небольших хорошо отесанных камней. Камни контрфорсов, на которые опираются пяты арок, консольно выпущены над лежащими ниже рядами камней. Пролет арок — 2,88 м, высота от земли до замкового камня восточной арки — 4 м, западной — 3 м. Толщина арок: восточной — 2,16, западной — 1,26 м. Этот проход с подпорными стенками, контрфорсами и арками производит большое впечатление своей простотой и мощностью конструкций. Так как корпус над воротами имеется на чертежах начала XVIII в., то поход под ним можно датировать XVII в., или более ранним временем.

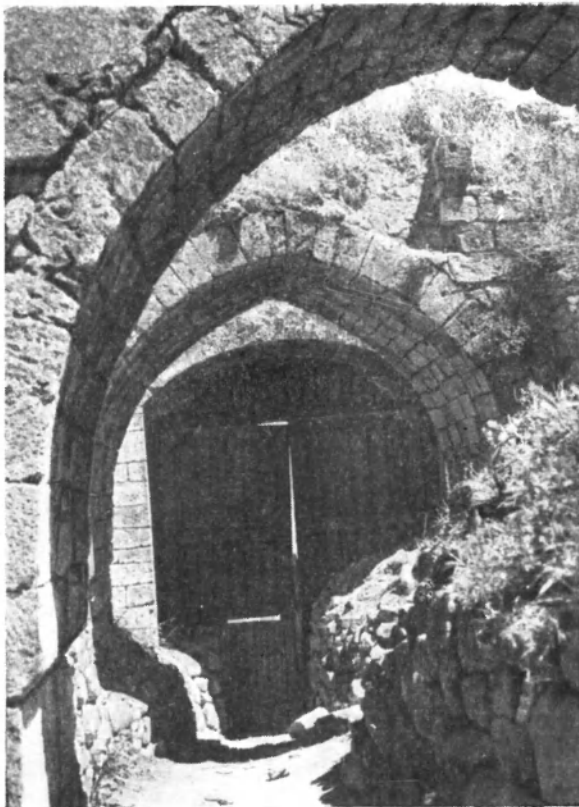

Рис. 14. Проход в цитадель от восточных ворот

Арочный портал корпуса «В» (рис. 15), несомненно, был главным парадным входом во дворец Фет-Али хапа (до появления двора II). Тщательной архитектурно-художественной обработке подвергся не только сам портал, но и фланкирующая его справа стена корпуса «Г». К XVIII в. относятся нижние части стен корпусов «Г» и «В» с порталом и пирами. Верхние же части переложены в начале XIX в. Поражает тщательность старой кладки с точной пригонкой камней и притертыми швами.

Сейчас портал завален землей и камнями. Поэтому точно определить его первоначальную высоту не удалось. Он представляет собой стрельчатую нишу (глубина — 58 см, ширина — 258 см), в которой помещен входной проем также стрельчатого очертания (ширина — 155 см). Верхняя часть фасадной стороны ниши заглублена, в свою очередь, в прямоугольную нишу (глубина — 4 см), боковые стороны которой касательны в пятах к наружной стороне кривой арки, а верхняя — к ее вершине. Камни кладки стены, на которые опираются пяты арок, несколько выступают внутрь ниши и фигурно обработаны в виде профиля, состоящего из полочки, полувала и выкружки, причем полувал с наружной стороны оформлен в виде полного круга. Такой профиль в обработке пят арок характерен для дербентской архитектуры XVIII в. и встречается в воротах, ведущих на двор Джума-мечети, в портале Кырхляр-мечети, в развалинах караван-сарая и др.

По аналогии с порталом корпуса «Е» можно предполагать, что описываемый портал имеет по бокам скамейки⁶⁹. Входной проем в отличие от ниши перекрыт не

⁶⁹ В свою очередь входной портал корпуса «Е» по аналогии с сохранившимся имел, по-видимому, прямоугольные арочные ниши (на реконструкции прямоугольные ниши показаны пунктиром).

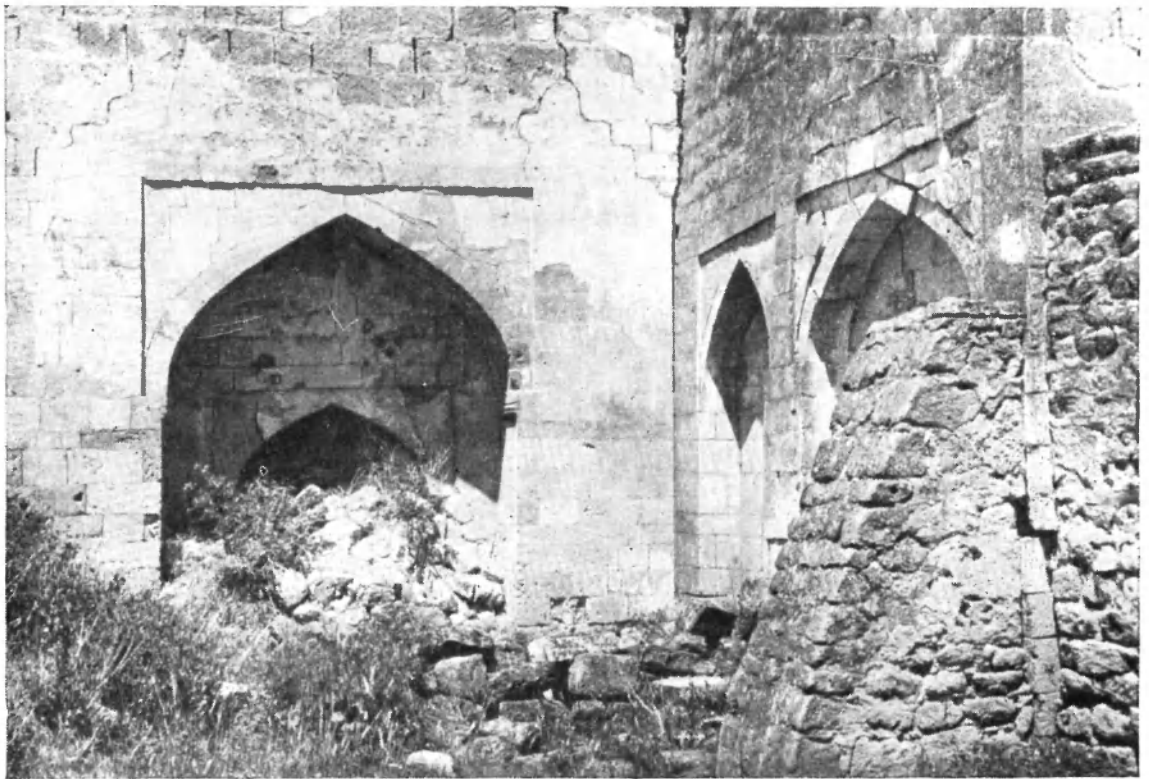

Рис. 15. Входной портал ханского дворца в Дербенте

клинчатой аркой, а двумя большими соприкасающимися в верхней части проема фигурными камнями, слегка заглубленными в стену. Такой прием также характерен для дербентской архитектуры XVIII в. и встречается в медресе, Кырхляр-мечети и Чертебе-мечети.

Стрельчатые арочные ниши в стене справа от портала имеют ширину 1,6 м и глубину 32 см. Неглубокие прямоугольные нишки над арками как бы объединяют их в единый ряд, который можно ритмически продолжать в обе стороны. Видимо, именно такой ряд ниш был и на внутренней стороне стены, отделявшей большой двор от города⁷⁰. Подобными же нишами обработаны фасады построенного во второй половине XVIII в. ханского мавзолея.

Таким образом, в стилистическом отношении архитектурные формы дворца Фет-Али-хана характерны для дербентской архитектуры XVIII в. Это говорит о том, что в его строительстве принимали участие местные мастера.

Можно назвать, наконец, еще один сохранившийся фрагмент дворца XVIII в. Это небольшое подземное сооружение, примыкавшее с востока к корпусу «Е» (рис. 16). На чертежах оно появляется лишь в 1832 г.⁷¹, когда после перенесения на несколько метров к северу подпорной стенки, отделявшей с юга двор I, его верхняя часть вышла наружу. Трудно сказать, каково было назначение этого сооружения,

⁷⁰ На реконструкции прямоугольные ниши не показаны.

⁷¹ ЦГВИЛ, ф. 349, оп. 12, № 2076.

Рис. 16. Малая цистерна ханского дворца в Дербенте

но скорее всего это был водоем, где скапливалась вода, вытекавшая из фонтана во дворе дворца.

Водоем — квадратный в плане, размером $2,65 \times 2,65$ м. Его глубину определить трудно, так как он засыпан камнями. Сейчас эта глубина более 3 м. Водоем перекрыт сферическим куполом, верхняя часть которого имеет более позднюю кладку. Основная кладка купола сохранилась местами высотой в семь рядов. Ее камни изнутри хорошо отесаны. Кладка стен обработана хуже; на ней с внутренней стороны местами сохранилась штукатурка. Наружная кладка отличается от внутренней, это говорит о том, что сооружение всегда было под землей. Переход от квадратного основания к куполу сделан путем перекрывания углов большими камнями, обработанными килевидными нишками⁷², что дает возможность датировать это сооружение самое позднее XVIII в. Не исключено, что водоем был построен и в более раннее время. Возможно, он был водохранилищем, входившим в систему древнего дербентского водопровода.

Слева за арочным проходом в цитадель сохранился небольшой источник — подпорная стенка с полуциркулярной арочной нишей, в глубине которой расположено каменное корыто для воды. Этот источник имеется уже на плане 1810 г., что указывает на его постройку в XVIII в. Однако полуциркулярная форма его арочной ниши заставляет сомневаться в такой датировке. Вероятнее, что в первой половине XIX в. источник был перестроен.

Выше мы рассмотрели комплекс сооружений собственно ханского дворца и тесно связанных с ним служебных помещений. Но во второй половине XVIII в. вся цитадель была резиденцией хана, следовательно, и все ее постройки в той или иной степени обслуживали ханский двор. Для реконструкции многих из этих построек

---

⁷² Эти нишки напоминают по своей форме фигурные филенки на цоколе ханского мавзолея конца XVIII в.

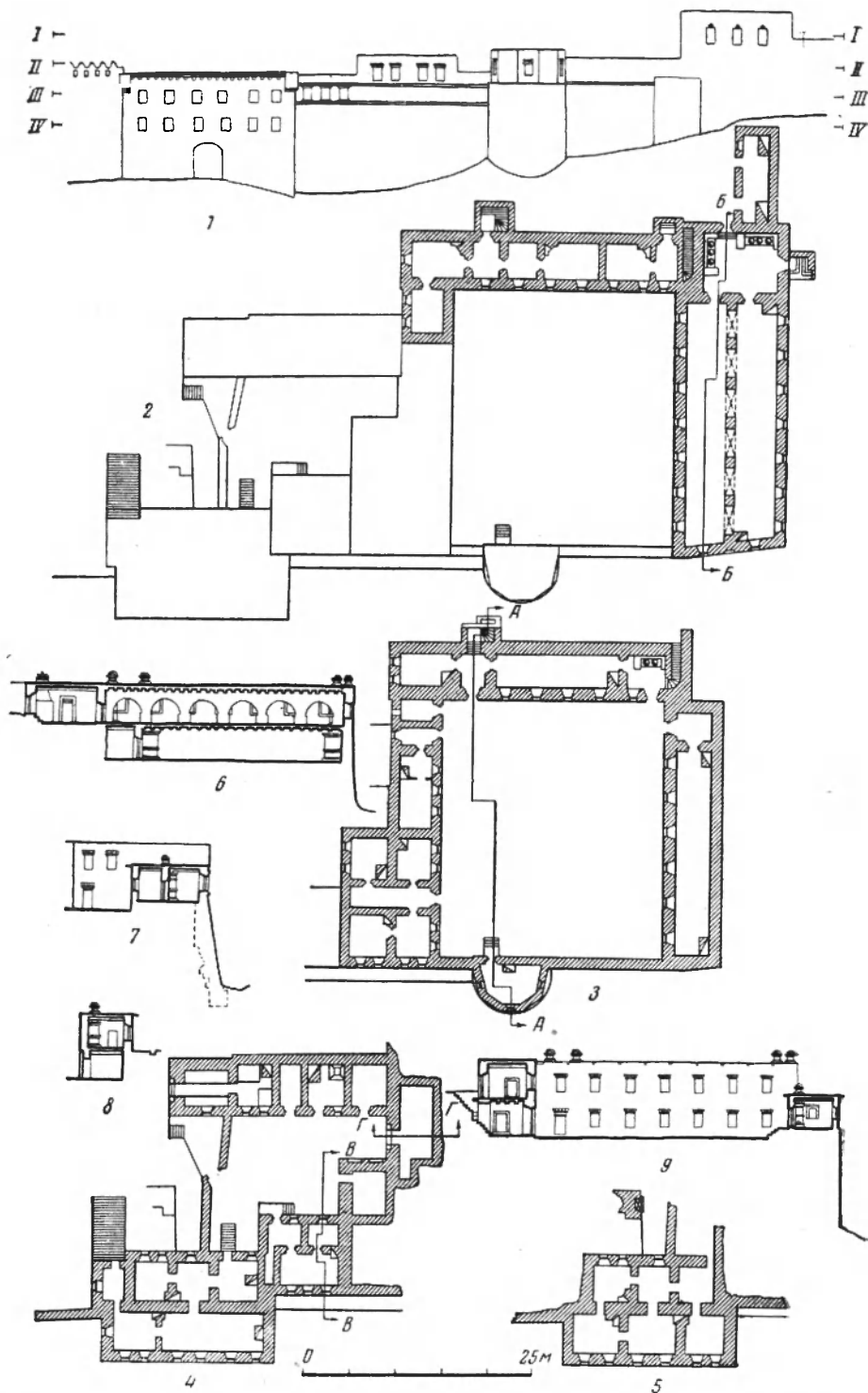

Рис.17. Комплекс ханского дворца в Дербенте, перестроенный под казармы во второй четверти XIX в. (реконструкция С. О. Хан-Магомедова по чертежам первой половины XIX в.).

1 — фасад со стороны города; 2 — план по уровню II — II; 3 — план по уровню III — III; 4 — план по уровню IV — IV; 5 — план по уровню IV — IV; 6 — разрез Б — Б; 7 — разрез В — В; 8 — разрез Г — Г; 9 — разрез А — А.

данных нет. Однако некоторые из них дошли до нас. Это два больших водохранилища ⁷³, одно из которых непосредственно примыкало к ханскому дворцу (*рис. 12п*), и развалины сводчатых бань.

Можно с уверенностью сказать также, что среди несохранившихся построек была и мечеть.

На чертежах первой половины XIX в. ⁷⁴ видно, что вдоль стен цитадели располагались сводчатые погреба. Одним из них, находившимся севернее дворца, может быть сооружение, которое называется «каменным мешком». В своде этого сооружения имеется квадратное отверстие (67×67 см), которое прикрывалось сверху каменной плитой с круглым отверстием (диаметр 23 см). Существует предание, что здесь содержались узники, которым через люк подавали пищу. Бесспорно, что в комплекс ханских построек должна была входить тюрьма, но было ли именно это сооружение тюрьмой, — трудно сказать. П. Спасский, например, обмеривший это подземелье (длина — 6,5 м, ширина — 4,25 м, глубина — 6,5 м), считает его водоемом ⁷⁵.

4

В 1811 г. под руководством военного инженера Карпова был составлен проект коренной перестройки ханского дворца ⁷⁶. Проект предусматривал также замену каминов печами, закладку стальных ниш, замену окон и дверей (с четвертями), переделку перекрытий и полов. Пришедшие в ветхость корпуса «Л», «М», «Н» предполагалось разобрать.

Проект Карпова претворялся в жизнь несколько лет. Его осуществление задержалось в связи с тем, что в том же 1811 г. обвалилась часть крепостной стены цитадели, примыкавшая к корпусу «Г» ⁷⁷. Эту часть ханского дворца пришлось срочно восстанавливать ⁷⁸ (работы были окончены в 1814 г.). ⁷⁹

Первая очередь перестройки дворца была начата и закончена в 1815 г. Перестройке подверглись корпуса «А» и «Б». Их стены были разобраны почти до фундамента, а на их месте возвели новые корпуса ⁸⁰, конфигурация которых полностью повторяла планы корпусов ханского дворца, но внутренняя планировка корпусов была совершенно другой (*рис. 17*). В этом же году была заново выложена часть крепостной стены, примыкавшая к корпусам «З» и «Г», и частично фундаменты этих корпусов.

Одновременно был капитально перестроен восточный фасад корпуса «Ж» (и частично корпуса «Е») и возобновлена каменная стена, отделявшая двор I от дороги, ведущей к воротам цитадели; причем вход в этой стене был сделан уже по центру.

Вторая очередь строительства закончилась в 1817 г. ⁸¹ К этому времени на старых фундаментах были выложены корпуса «В», «Г» и «З», причем особенно кардинально была изменена внутренняя планировка корпуса «Г». Старая кладка наружных стен была сохранена лишь в первых этажах южного фасада корпуса «В» и западного фасада корпуса «Г», т. е. как раз там, где находится стрельчатый портал прохода из двора I во двор II и арочные ниши в стене вправо от этого портала.

⁷³ См.: С. О. Хан-Магомедов. Дербент. М., 1958, стр. 76—81.

⁷⁴ ЦГВИА, ф. 349, оп. 12, № 1992.

⁷⁵ См.: П. Спасский. Указ. соч., стр. 272.

⁷⁶ ЦГВИА, ф. 339, оп. 12, № 1984.

⁷⁷ Там же, № 1989.

⁷⁸ ЦГВИА, ф. 339, оп. 12, № 2004.

⁷⁹ Там же, № 2015.

⁸⁰ Там же, № 2017, 2018.

⁸¹ Там же, № 2026.

В 1817 г. был снесен также двухэтажный павильон над выступом крепостной стены (корпус «Д»), а на его месте сооружен новый, одноэтажный. В этом же году частично перестроили восточный фасад корпуса «Е» и засыпали лестницу, которая вела из двора I во двор II. Таким образом, солдатские казармы были отделены от помещений высших офицеров.

Наконец, третья очередь перестройки ханского дворца закончилась в 1820 г., когда был перестроен корпус «И».

Итак, с 1815 по 1820 г. почти все здания ханского дворца были капитально перестроены, причем, как правило, везде заново возводились наружные стены. Существенно изменялась и внутренняя планировка помещений. Однако плановая конфигурация ханского дворца, а также этажность большинства его корпусов осталась прежней.

Некоторые корпуса во время этой перестройки были разобраны из-за ветхости и не возобновлены — это корпуса «К», «Л», «М». Корпус «Н» был разобран позднее — в 1830 г.⁸²

На реконструкции ханский дворец представлен нами таким, каким он был в 30-х годах XIX в. Основные работы по его перестройке были закончены к началу 20-х годов XX в. Однако частично перестройка отдельных помещений продолжалась и в последующие годы. Так, в 1824 г. в восточной стене второго этажа корпуса «А» были пробиты два окна⁸³. В 1841 г. восточная стена этого корпуса была заново перестроена, к двум упомянутым окнам со стороны города добавили нишу, имитирующую третье окно⁸⁴.

В 1831 г. в связи с планировочными работами в восточной части цитадели (после постройки в 1828 г. новой каменной гауптвахты), а также в связи с созданием террас, подпорных стенок и лестниц были несколько изменены подходы к корпусу «Е»⁸⁵. Одновременно были сделаны новые лестницы (одна из них с полукруглыми в плане ступенями) и спрямлена подпорная стена, отделяющая двор I от дороги, ведущей к восточным воротам.

После перестройки назначение отдельных корпусов ханского дворца изменилось. Оба этажа корпуса «А» и первый этаж корпуса «Б» были заняты солдатскими казармами⁸⁶; позднее корпус «А» был превращен в лазарет⁸⁷. Планировка этих помещений отвечала их назначению. Вдоль наружных стен тянулись деревянные нары (в первом этаже в один, а во втором в два яруса). Особенно интересен второй этаж корпуса, где был создан огромный зал, разделенный вдоль аркадой на квадратных столбах (пролет арок — 3,30 м)⁸⁸. Позднее зал был еще более расширен за счет мелких помещений в западной части, в связи с чем он занял весь второй этаж. Площадь зала превышала 360 кв. м⁸⁹ (рис. 18).

Второй этаж корпуса «Б» был занят «офицерскими светлицами». Здесь имелось три отдельных комнаты со своими входами и сенями. Корпуса «В» и «Г» были заняты «покоюми для артиллерийских штаб- и обер-офицеров». В корпусе «Д» помещалась батальонная канцелярия⁹⁰, а в корпусе «О» — солдатская кухня⁹¹. Все эти помещения были сгруппированы вокруг квадратного двора, куда выходили двери и окна большей части комнат. Такая планировка, унаследованная от бывшего ханского

⁸² ЦГВИА, ф. 349, оп. 12, № 2035.

⁸³ Там же, стр. 2113.

⁸⁴ Там же, №2108, 2113. — Эти переделки учтены при реконструкции, все же остальные части реконструированы на состояние не позднее 1840 г.

⁸⁵ Это изменение в планировке казарм не отражено в реконструкции.

⁸⁶ ЦГВИА, ф. 349, оп. 12, № 2037.

⁸⁷ Там же, № 2046.

⁸⁸ Этот зал П. Спасский и принял за ханский гарем (П. С п а с с к и й. Указ. соч., стр. 272).

⁸⁹ Это изменение в планировке казарм не отражено в реконструкции.

⁹⁰ ЦГВИА, ф. 349, оп. 12, № 2037.

⁹¹ Там же, № 2054.

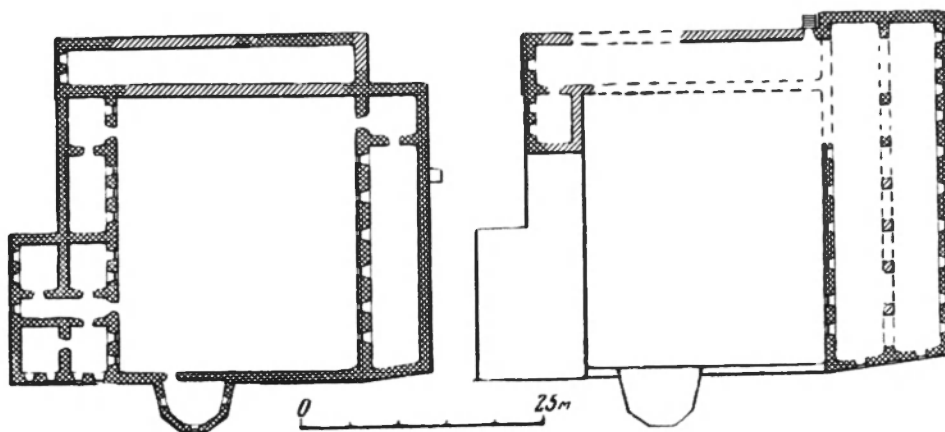

Рис. 18. Планы перестроенного ханского дворца в Дербенте (по обмерам 1949 г.)

дворца, была, конечно, удобна для наблюдения офицеров за жизнью солдат в целях поддержания военной дисциплины. Фонтан был разобран; двор выровняли и использовали как место для военных учений.

Двор II был совершенно отделен от двора I, вокруг которого были сгруппированы жилые помещения высшего офицерства — коменданта города (корпус «И») и плац-майора (корпус «З») — и их службы (корпус «Ж»). В комендантском доме помещалось жилье коменданта и канцелярия. Поэтому в нем были сохранены оба входа: со стороны двора и извне, чтобы посетители не ходили через двор, отделенный от остальной части цитадели высокой стеной.

В корпусе «Е» помещалась гауптвахта, которая, так же как и канцелярия коменданта, имела вход извне.

Для нужд гарнизона были использованы и постройки цитадели, сохранившиеся в северо-западной части. Сводчатые бани были превращены, например, в пороховой погреб⁹², жилая постройка — в лазарет⁹³ и т. д. Сводчатое водохранилище, примыкавшее в ханскому дворцу, использовалось как склад. Кроме того, в цитадели были выстроены новые здания (склады, конюшни)⁹⁴.

В 1867 г. Дербентская крепость была упразднена, были упразднены и некоторые команды, занимавшие цитадель⁹⁵. Описывая Дербент конца XIX в., В. С. Кривенко отмечает, что в цитадели — «полное разрушение». «Не так давно еще были приспособления для квартирования войск, но теперь — это жалкие руины»⁹⁶.

Е. И. Козубский сообщает, что «Дагестанская инженерная инстанция в 1903 г. дала следующие сведения о цитадели: 1) в цитадели имелось три отдельные строения (бывшая солдатская казарма, погреб со сводом и пороховой погреб)... строения эти ветхи. Кроме того, там есть еще остатки нескольких прежде бывших строений... переданных для разборки 286 Гунибскому батальону (после упразднения крепости в Дербенте цитадель была частью передана Гунибскому резервному батальону. — С. Х.) для извлечения из них годного материала, каковые строения разборкою начаты, но еще вполне не разобраны»⁹⁷.

⁹² ЦГВИА, ф. 349, оп. 12, № 2037.

⁹³ Там же, № 1992.

⁹⁴ Там же, № 2096.

⁹⁵ Е. И. Козубский. Указ. соч., стр. 273.

⁹⁶ В. С. Кривенко. По Дагестану. СПб., 1896, стр. 141.

⁹⁷ Е. И. Козубский. Указ. соч., стр. 299.

Рис. 19. Южный фасад корпуса «А» ханского дворца в Дербенте

Сейчас значительно лучше, по сравнению с фрагментами, относящимися к XVIII в. сохранились те части дворца, которые капитально перестраивались в XIX в., хотя и эти здания находятся в полуразрушенном состоянии. Лучше других сохранились корпуса «А» и «Г». В корпусе «А» в 1949 г. были целы почти все стены на высоту в два этажа (перекрытия не сохранились ни в одном корпусе). Однако за последующие несколько лет часть стен его южного фасада обрушилась (рис. 19). Из семи арок внутренней аркады второго этажа этого корпуса сохранились только две (рис. 20), а остальные рухнули. Окна первого этажа корпуса «А» перекрыты клинчатыми перемычками, а окна второго — лучковыми. Толщина его стен 1,10 см. Корпус «Б» сохранился лишь в докольной части. Обломки второго этажа этого корпуса завалили оставшиеся стены, что затрудняет изучение планировки первого этажа. Корпус «В» сохранился лучше: его южная стена уцелела на два этажа. Неплохо сохранился корпус «Г». Здесь хорошо видна планировка, детали окон и дверей. Стены корпуса «Д» (павильон над башней крепостной стены) сохранились лишь наполовину высоты. Полностью разрушены корпуса «Е», «Ж», «Л» и «И». Это все, что осталось от когда-то величественного комплекса дворца Фет-Али-хана.

5

Как было отмечено выше, стилистически архитектура дворца Фет-Али-хана характерна для дербентской архитектуры XVIII в. Сложнее обстоит дело с типом дворца, с его планировочной и объемно-пространственной композицией. В этом отношении ханский дворец — уникальная постройка Дербента. Бесспорно, что при его строительстве учитывался опыт создания подобных зданий в других ханствах Восточного Кавказа, а возможно, даже и в Персии. Однако под влиянием местных архитектурных традиций и сложившихся типов жилища такой общераспространен-

Рис. 20. Внутренняя аркада второго этажа корпуса «А» ханского дворца в Дербенте

ный на Востоке тип здания, как ханский дворец, приобретает в каждом отдельном случае свои особенности. Так было, например, с дворцом шекинских ханов в Нухе ⁹⁸.

К сожалению, до настоящего времени не сохранились в первоначальном виде жилые дома Дербента, построенные в XVIII в. Однако здесь нам также могут помочь архивные материалы и сведения путешественников, посещавших Дербент в XVIII в. и начале следующего столетия. Гмелин пишет: «Каждый дом сделан четверугольно и обнесен особливо каменною стеною, жилые покои приделаны к одной или другой стороне стены и идут вдоль оной. Место оконниц заступают деревянные решетки, и вместо шкафов в круг по стенам в избах сделаны четверугольные печурки (речь идет, вероятно, о стальных нишах.— С. Х.). Покои нагреваются от каминов, а погребов совсем не знают. Большая часть домов состоит... из одного жилья, есть также иные — о двух и более. Порядочных кухней не имеется» ⁹⁹.

По словам В. П. Бакуниной (жена русского офицера, участвовавшая вместе с мужем в походе 1796 г.), улицы Дербента «весьма узкие, дома высокие, с толстыми стенами, выстроены из тесаного камня, с крошечными окнами, в которых рамы заменяются решетками» ¹⁰⁰.

Бутков сообщает, что «каждый дом построен из дикого камня в 2 этажа, очень высоко; всякий дом есть почти особенный замок, который штурмовать надобно было бы» ¹⁰¹.

⁹⁸ См.: Л. С. Б р е т а н и ц к и й. Дворец шекинских ханов.— «Архитектура Азербайджана» (Очерки). Баку, 1952.

⁹⁹ А. А. К о з у б с к и й. Указ. соч., стр. 99—100.

¹⁰⁰ Персидский поход в 1796 г. (воспоминания Варвары Ивановны Бакуниной).— «Русская старина», 1887, стр. 358.

¹⁰¹ Е. И. К о з у б с к и й. Указ. соч., стр. 121.

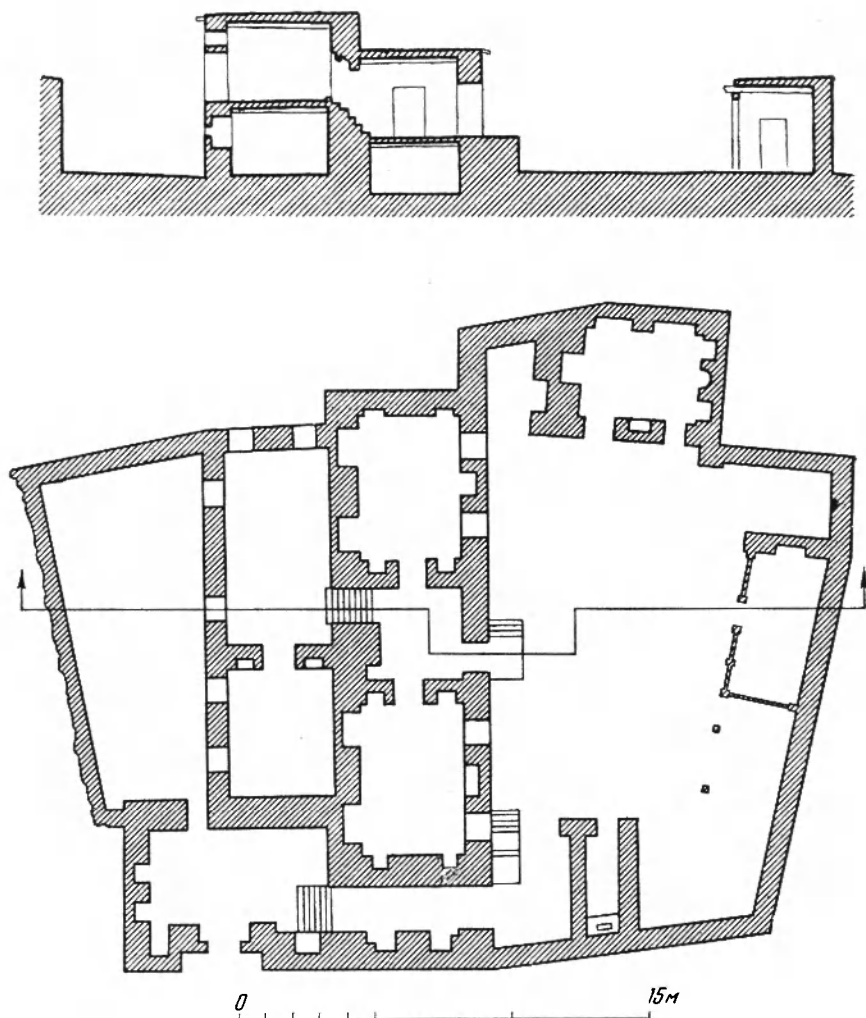

Рис. 21. Дом Ибрагим-бека (реконструкция С. О. Хан-Магомедова по чертежам первой половины XIX в.)

Один из участников похода 1806 г. сообщает, что «строение было в то время все из камня и состояло из зданий высоких с плоскими крышами. Все дома были на азиатский образец: окнами обращены на дворы и во внешних стенах редко имели отверстия, кроме дверей. Высота некоторых домов превышала крепостные стены»¹⁰².

По этим отрывочным сведениям можно составить некоторое представление о жилой застройке Дербента того времени: замкнутость дома, отсутствие окон на улице, вместо стекол в окнах деревянные решетки (по-видимому, типа «шебеке»), высота — два этажа. На планах цитадели первой половины XVIII в.¹⁰³ хорошо видны

¹⁰² Е. А. Козубский. Указ. соч., стр. 135.

¹⁰³ ЦГВИА, ф. 349, оп. 12, № 1968; ф. 418, № 766; ВУА, № 21887 и 21888.

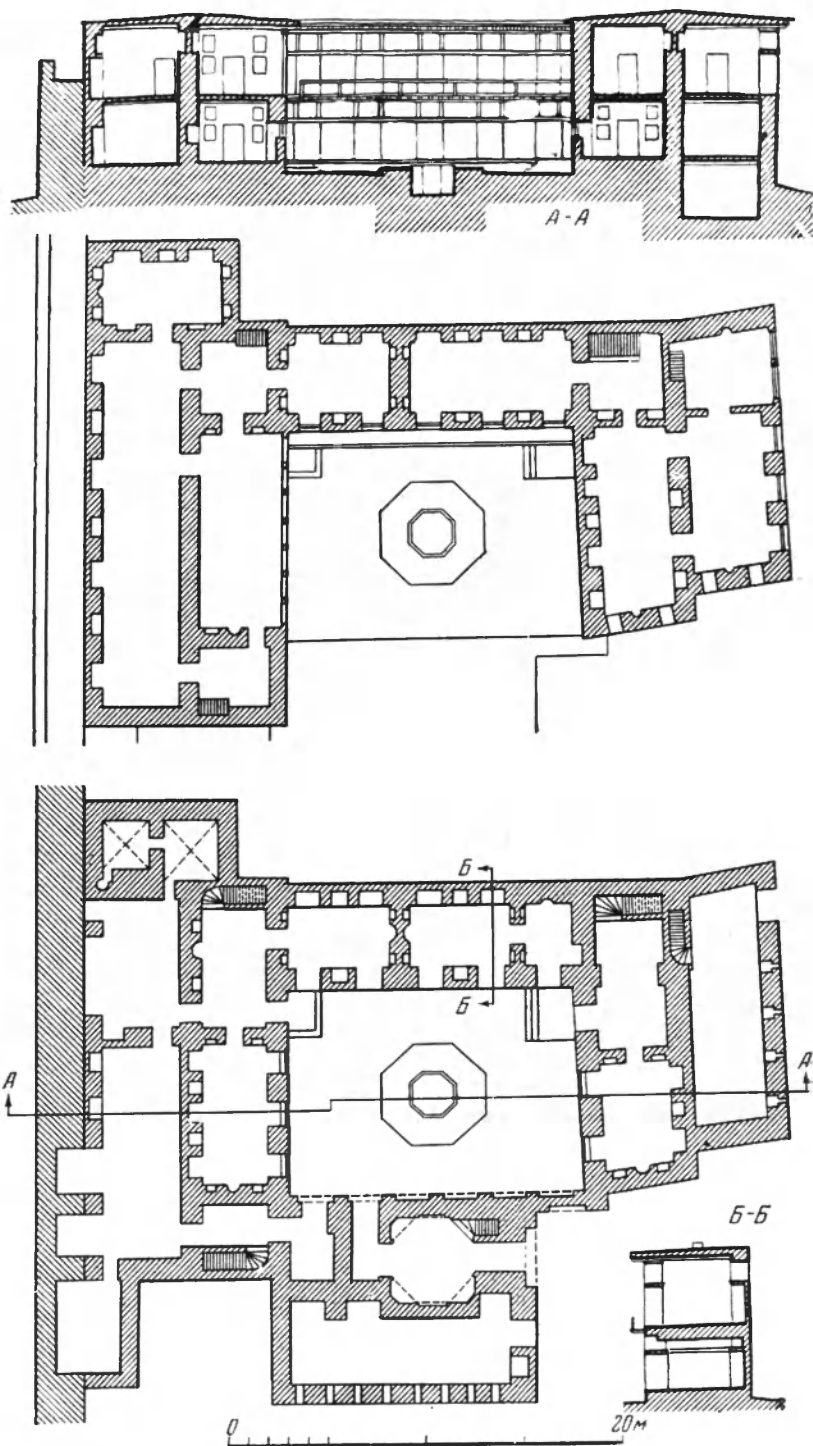

Рис. 22. Дом Имангул-бека (реконструкция С. О. Хан-Магомедова по чертежам первой половины XIX в.)

внутренние дворы отдельных жилых комплексов, обстроенные со всех сторон зданиями, а иногда и огороженные каменными заборами.

После присоединения Дербента к России для нужд русской администрации и гарнизона были конфискованы жилые дома тех жителей, которые бежали из города вместе с Ших-Али-ханом. Эти дома в последующие годы неоднократно перестраивались и ремонтировались. Поэтому сохранились различные строительные чертежи с их планами и разрезами.

На плане Дербента 1810 г. в верхней части города показаны некоторые из этих домов, среди них три бекских дома. Нельзя не заметить, что по своей планировке жилые дома того времени делились на две группы. Одни дома (Ибрагим-бека, Медет-бека и Игамурзаева-аби) имеют неправильную планировку с двором, частично обстроенным зданиями, а частично огороженным забором. Планировка этих домов напоминает планировку и окружающую застройку двора I ханского дворца. Другие дома (Имангул-бека и братьев Аджи-Тагар-оглы Салтана) имеют регулярную планировку с прямоугольным внутренним двором, в центре которого расположен бассейн. Их планировка во многом подобна планировке части ханского дворца с двором II в середине. На основе архивных материалов нами сделана реконструкция двух бекских домов, причем выбраны дома разных типов. Это дома Имангул-бека и Ибрагим-бека.

Дом Ибрагим-бека ¹⁰⁴ относится к типу домов с нерегулярной планировкой (рис. 21). Арочный портал с улицы ведет в небольшой крытый дворик — вестибюль, откуда три входа ведут в хозяйственный двор, в примыкающее к нему хозяйственное помещение первого этажа (на чертеже показан план второго этажа дома, см. разрез), и по лестнице через небольшой коридор попадают в парадный двор, на который выходят фасады главного здания и небольшого двухэтажного павильона. Здесь же помещается навес и источник воды. В центре главного здания устроен вход, к которому ведет невысокая лестница (в части здания, примыкающей к парадному двору, имеется полуподвальное помещение, соединенное лестницей с первым хозяйственным этажом, примыкающим к хозяйственному двору — см. разрез). Вход ведет в небольшой вестибюль, откуда две двери выходят в совершенно одинаковые расположенные по сторонам от вестибюля комнаты. Из этого же вестибюля по лестнице можно попасть в расположенные несколько выше два других помещения.

В 1827 г. дом Ибрагим-бека, перестроенный в 1816—1817 гг. под арестантскую, вместе со всем кварталом ¹⁰⁵ был снесен.

Дом Имангул-бека является примером жилого комплекса с регулярной планировкой ¹⁰⁶ (рис. 22). С улицы он имеет три входа, два из которых ведут в изолированные от жилых помещений комнаты первого этажа, по всей вероятности хозяйственного или торгового назначения. Главный парадный вход в виде большого арочного портала ведет в восьмигранный вестибюль, из которого через небольшой коридор попадали во двор. На этот двор выходили почти все оконные и дверные проемы окружавших его с трех сторон двухэтажных корпусов. С четвертой стороны (со стороны входа) двор замыкался стеной с арочными нишами, в двух из которых были дверные проемы. В центре двора находился восьмиугольный бассейн.

В первом и втором этажах дома имелось около 25 помещений различного размера и назначения, начиная от сводчатых кладовых, примыкающих к городской крепостной стене, и кончая лоджиями второго этажа.

¹⁰⁴ Реконструкция сделана на основании чертежей 1817 и 1818 гг. (ЦГВИА, ф. 349, оп. 12, № 2024 и 2027), на которых показаны работы по перестройке здания в 1816—1817 гг. с целью приспособления его «для помещения крепостных арестантов».

¹⁰⁵ ЦГВИА, ф. 349, оп. 12, № 2052.

¹⁰⁶ Реконструкция сделана на основании чертежей 1812—1834 гг. (ЦГВИА, ф. 349, оп. 12, № 1995, 2001, 2008, 2028, 2031, 2038, 2040, 2072, 2077, 2087).

В первой четверти XIX в. дом Имагул-бека был приспособлен для инженерной команды¹⁰⁷. В нем находились квартиры командира и офицеров, канцелярия и склады. Дом много раз перестраивался и к 1834 г., к которому относится его последний чертеж¹⁰⁸, уже значительно изменился, причем многие его части были снесены.

Так же, как и в доме Ибрагим-бека, о первоначальном назначении отдельных помещений дома Имагул-бека можно только догадываться. Однако бросается в глаза одна существенная деталь в его планировке: весь дом разделен на две изолированные друг от друга половины, имеющие каждая отдельный вход, и в то же время в каждой из этих частей все помещения связаны между собой дверьми, а этажи — лестницами. Если такая планировка отражает деление на мужскую и женскую половины, то нетрудно догадаться, что женской могла быть лишь та часть, которая примыкает к городской стене и помещения которой не имеют окон в наружных стенах.

При первом же взгляде на план дома Имагул-бека бросается в глаза сходство его общей композиции и отдельных деталей с планом дворца Фет-Али-хана (двор II). Несомненно, что оба эти здания строились в один период и, возможно, одними и теми же мастерами. По-видимому, до создания ханского дворца типичным богатым жилищем в Дербенте был дом, подобный дому Ибрагим-бека. Такие дома, многие из которых имели более правильную и законченную планировку, явились в какой-то степени прототипом ханского дворца. В планировке и объемно-пространственном построении последнего все типичные для такого дома элементы были организованы в законченную композицию с регулярным планом и строго симметричными фасадами, обращенными в сторону парадного двора. Дома, подобные дому Имагул-бека, — это, по всей вероятности, уже результат обратного влияния архитектуры дворца на жилые постройки Дербента.

Из всего сказанного становится очевидным, что дворец Фет-Али-хана имеет много общих черт с жилыми домами города, планировка и тип которых не могли не оказать влияния на выработку дербентского варианта дворца феодального владельца Восточного Кавказа. С другой стороны, архитектура дворца повлияла на последующее жилищное строительство, особенно на строительство жилых домов городской знати.

---

¹⁰⁷ ЦГВИА, ф. 349, оп. 12, № 1992, 2108.

¹⁰⁸ Там же, № 2087.

М. Ф. ФЕХНЕР

ДОМ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА В МОСКВЕ

Одноэтажный домик с мезонином, числящийся в настоящее время под № 2 по Малой Молчановке (рис. 1), не имеет архитектурно-художественной ценности, но это единственный сохранившийся в Москве дом, связанный с очень важным периодом в творчестве М. Ю. Лермонтова (1830—1832)¹. Поэтому нельзя не обратить внимание на его исключительное мемориальное значение. До сих пор дом оставался почти не исследованным. Только в последнее время в литературе появились более детальные его описания и упоминания о событиях в жизни и творчестве поэта, связанных с пребыванием юноши-Лермонтова в этом особнячке². Художник Б. С. Земенков на основании изучения архивных материалов изобразил общий вид дома, каким он был в 30-х годах прошлого века³. Однако детальная история существования дома и многочисленных его переделок оставалась до сих пор невыясненной.

В результате изучения архивных источников и обследования дома в натуре нами установлены год его постройки, первоначальный облик и характер переделок, которым он неоднократно подвергался с начала 40-х годов прошлого столетия. Полученные данные дали возможность составить документально обоснованное проектное предложение по реставрации дома, подлежащее уточнению в процессе работ.

* * *

В 1803 г. владение под № 30 в первом квартале Арбатской части, где позднее был выстроен интересующий нас дом, принадлежало надворной советнице А. Ф. Карповой⁴. Городская усадьба занимала площадь, превышающую участок современ-

---

¹ На месте дома: у Красных ворот, где родился Лермонтов, стоит высотный дом. Не существует ни дом В. М. Лопухиной, ни дом Е. Я. Костомаровой (участки домов № 24—26 по улице Воровского), где жила Е. А. Арсеньева с внуком: в первом — в 1828 г., а во втором — в 1829 г. (Университетский Благородный пансион был снесен в связи с постройкой здания Центрального телеграфа на углу улицы Горького и Огарева).

² Т. И. Иванова. Москва в жизни и творчестве М. Ю. Лермонтова. М., 1950: Б. С. Земенков. Памятные места Москвы. М., 1959, стр. 139—141.

³ Акварель хранится в Музее истории и реконструкции Москвы.

⁴ План 1803 г. МГИНТА, д. 82 Арбатской части.

Рис. 1. Современный вид дома на Малой Молчановке

ного дома № 2 по Малой Молчановке более чем в два раза. К 1806 г. владение перешло к бригадирше Д. Л. Чемодановой⁵, которая в том же году продала часть усадьбы купцу Н. М. Чернову. Последнему в 1817 г. принадлежала уже вся усадьба⁶. Деревянная застройка ее погибла при пожаре Москвы 1812 г. На чертеже «План Москвы, в котором означены сгоревшие и оставшиеся в целости части города»⁷ первый квартал Арбатской части показан как полностью выгоревший. В 1813 г. московским обер-полцимейстером Ивашкиным был составлен список домов, уцелевших после пожара. Имен Чернова и Чемоданова в нем не оказалось⁸.

К 1817 г. Чернов полностью отстроил свой двор заново. Изображение застройки этого двора имеется на плане 1817 г. (рис. 2)⁹. На плане же Москвы 1817 г.¹⁰, материал для составления которого собирался примерно в 1815—1816 гг., владение Чернова под № 30 в Арбатской части показано еще незастроенным. Это дает право датировать дом 1816—1817 гг.

Одноэтажный деревянный главный дом с мезонином над центральной его частью и двумя крыльцами на дворовом фасаде был поставлен по красной линии улицы, куда выходил и жилой флигель с мезонином. Меньший одноэтажный флигель стоял в глубине двора. К обоим флигелям вплотную примыкали деревянные службы.

При Черновых застройка двора не подвергалась каким-либо переделкам. Только в 1844 г., когда владение перешло к статскому советнику В. М. Тютчеву, к восточному торцу дома и к старым парадным сеним были пристроены новые сени со

⁵ Пометка на обороте плана 1803 г. — Там же. МГИНТА, д. 82 Арбатской части.

⁶ План 1817 г.

⁷ План приложен к книге: А. Я. Булгаков. Русские и Бонапарте. М., 1813.

⁸ См.: К. Кузьминский. Что осталось от Москвы после пожара 1812 года. М., 1910.

⁹ План от апреля 1817 г. МГИНТА, д. 82 Арбатской части.

¹⁰ План столичного города Москвы 1817 г. и экспликация к нему. ЦГВИА, ВУА № 22185 и 22186.

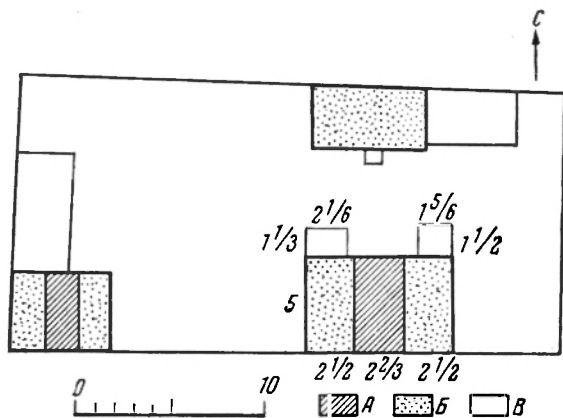

Рис. 2. План дома на Малой Молчановке по чертежу 1817 г.

А — двухэтажное деревянное жилое; Б — одноэтажное деревянное жилое; В — одноэтажное деревянное нежилое

на пристройкой к западному торцу. В результате симметричная композиция фасада, нарушенная в 1844 г., была восстановлена, но при большей протяженности его. Появился подвал под центральной частью дома с каменным сходом со стороны двора (рис. 3, III).

С 40-х годов XIX в. началась перестройка и всех остальных строений городской усадьбы¹³.

В 1865 г. Тютчевы продали половину своего двора с главным домом действительному статскому советнику Л. И. Горяинову¹⁴. В том же году новый владелец получил разрешение на возведение еще одной пристройки к западному торцу дома (также деревянной) вплотную к границе соседнего двора с брандмауэром, отделяющим участки (рис. 3—IV)¹⁵.

В связи с предполагаемой пристройкой был представлен проект новой отделки фасада (рис. 5)¹⁶. Пристройку возвели с незначительным отступлением от проекта, как это видно из плана 1876 г. (рис. 3—V), причем старое черное крыльцо тогда разобрали. Фасад был оштукатурен и отделан в соответствии с чертежом 1865 г., но, как это видно из материалов 1874 г., решетку, ограждавшую крышу, заменили глухим парапетом¹⁷.

Следы отделки фасада 1865 г. сохранились до настоящего времени, но позднее, в 1888, 1894 и 1903 гг., производились ремонты фасадов, повлекшие за собой изменения в его отделке. Так, в 1894 г. были разобраны парапеты, а в 1903 г. решено «вновь перештукатурить фасад».

входом непосредственно с улицы, а не со двора. Одновременно запроектированная постройка аналогичных сеней к западному торцу (рис. 3—I; и 4)¹¹ не была осуществлена, как это видно из плана 1858 г. (рис. 3—II). Также не была возведена и задуманная в 1858 г. нежилая пристройка, о чем свидетельствует план 1861 г. (рис. 3—III)¹².

В период 1859—1861 гг. дом подвергся наиболее значительным переделкам. Появились антресоли со стороны двора, для устройства которых была разобрана половина мезонина, туда выходившая. Антресоли были устроены также над старым парадным крыльцом и частью сеней — галереи 1844 г., для чего пришлось к бывшему крыльцу пристроить лестницу и новый тамбур. Кроме того, жилая площадь дома была увеличена

¹¹ План и фасад 1844 г. МГИНТА, д. 82 Арбатской части.

¹² Там же.

¹³ От существовавших во времена Лермонтова флигелей и служб к настоящему времени ничего не сохранилось. Каменные одноэтажные строения в глубине двора возведены в 1844 г. и в настоящее время приспособлены под жилье.

¹⁴ МГИНТА, д. 82 Арбатской части.

¹⁵ Там же, план 1865 г.

¹⁶ Фасад 1865 г. МГИНТА, д. 82 Арбатской части.

¹⁷ Фасад 1874 г., представленный по случаю ходатайства об устройстве второго входа с улицы вместо двойного окна в пристройке 1858—1861 гг. к западному торцу. «Фасад во всех частях верен». В 1882 г. снова по случаю переделки этой двери в окно представлен чертеж фасада МГИНТА, д. 82 Арбатской части.

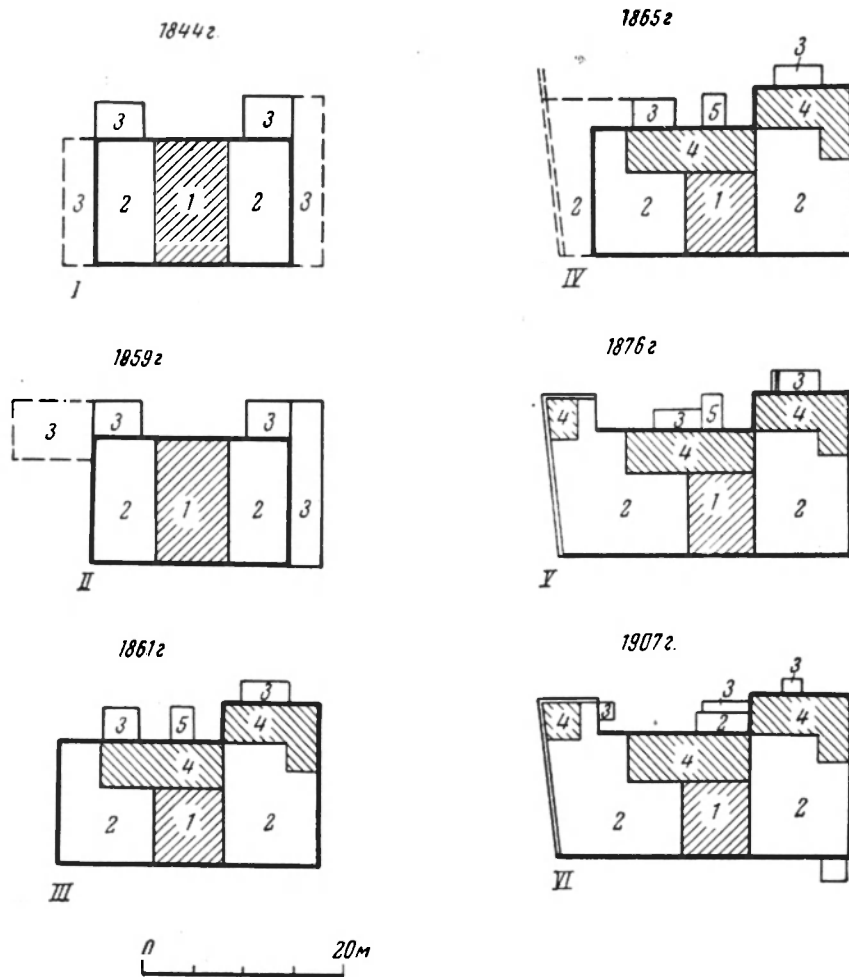

Рис. 3. Основные перестройки дома с 1844 по 1907 г.

1 — одноэтажное жилое с мезонином; 2 — одноэтажное жилое; 3 — одноэтажное нежилое;
4 — одноэтажное с антресолями; 5 — каменный сход в подвал
(пунктиром показаны проектируемые строения)

С 70-х годов прошлого века дом переходит из рук в руки¹⁸, но внутренняя его планировка (да и внешний вид, не считая упомянутых выше переделок) не претерпевает дальнейших искажений. Только в 1907 г. для увеличения площади центральной комнаты, обращенной во двор, к дворовому фасаду пристроили одноэтажное строение, объединив его (путем разборки в этой части старой стены) с комнатой (рис. 3—VI). При проведении водопровода и канализации в 1903 г. санитарные узлы были устроены только в пристройке 1865 г.¹⁹ Дополнительные санитарные устройства

¹⁸ В 1875 г. владелица дома — саксонская подданная Л. Е. Бергер, в 1876 г. — жена коллежского советника Н. Н. Белостоцкая; в 1882 г. дом переходит к купцу Н. В. Гольденштейну, вдова которого в 1888 г. продала его кандидату прав А. А. Котлярову, с 1897 г. до 1910 г. дом принадлежал коллежскому секретарю В. Н. Челищеву. Последним владельцем был А. М. Аристов.

¹⁹ Исполнительные чертежи по устройству водопровода и канализации в доме № 2 по Малой Молчановке 1903 г. Архив треста «Мосочиствод» д. — М — 7506 — 2.

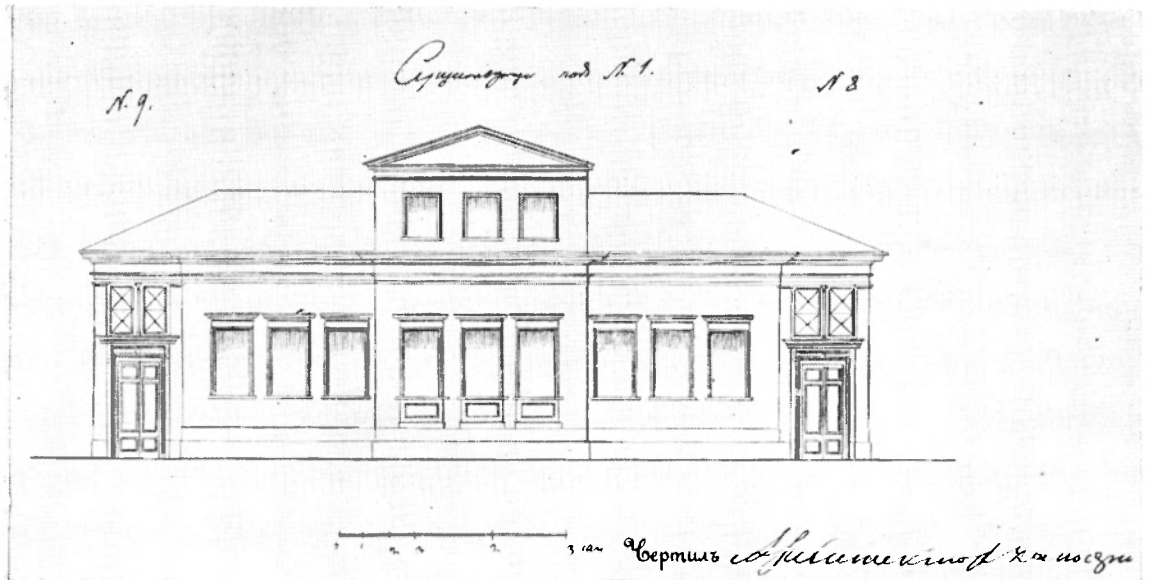

Рис. 4. Фасад дома на Малой Молчановке. Чертеж 1844 г.

1922 г. также не коснулись старой части дома. Предполагавшемуся в 1913 г. сносу особняка для постройки пятиэтажного многоквартирного дома помешала первая мировая война.

За последние три десятилетия, не считая установок новых перегородок и зашивки дверных проемов, дальнейших перепланировок в доме не производилось.

Сейчас дом находится на балансе Жилищно-эксплуатационной конторы Фрунзенского районного жилищного управления и используется под жилье. На его главном фасаде установлена мемориальная доска с надписью:

Здесь
в 1830—1832 гг. жил
великий русский поэт
МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ

* * *

Пометка от 1838 г. на чертеже 1817 г., что в доме жены купца Феклы Черновой «никаких перемен не оказалось»²⁰, документально подтверждает, что в 1830—1832 гг. дом имел тот же вид, как и в 1817 г. Это был типичный особнячок начала XIX в., в девять окон по главному фасаду, с мезонином в три окна, акцентирующим трехчастную композицию фасада. Очевидно, он построен по одному из «апробованных» проектов комиссии строений, которые выдавались домовладельцам, отстраивающим свои дворы после пожара Москвы 1812 г.

До нас не дошло более раннего изображения фасада, чем чертеж 1844 г. (см. рис. 4), составленный по случаю предполагавшейся пристройки сеней к боим торцам дома. Текст ходатайства В. М. Тютчева, в котором он просит разрешить ему,

²⁰ МГИНТА, д. 82 Арбатской части.

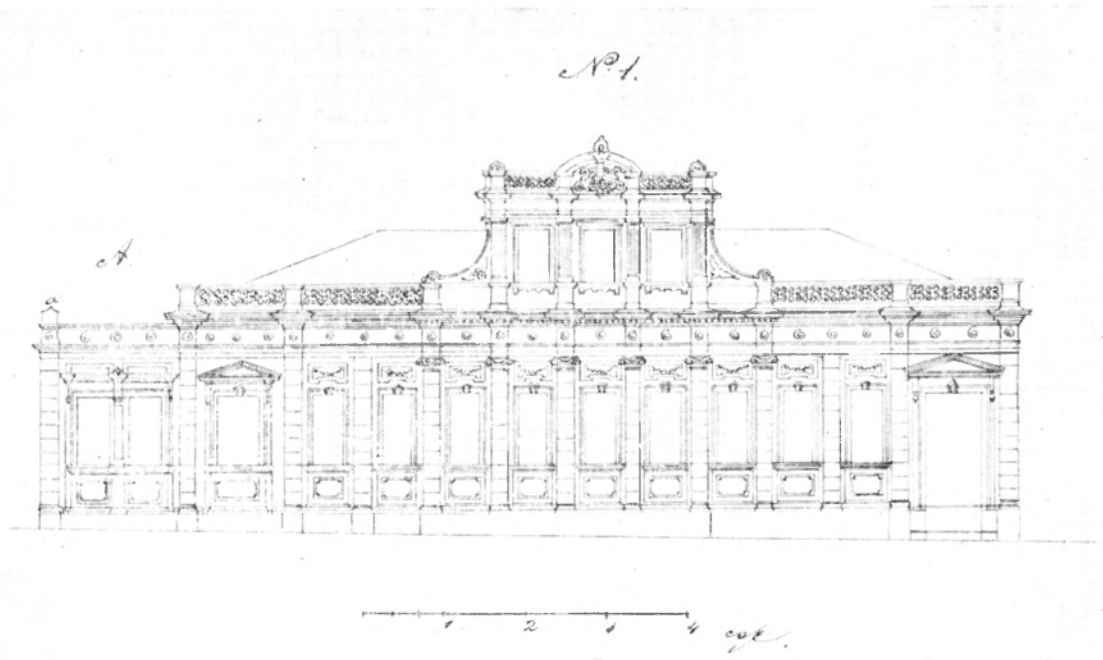

Рис. 5. Фасад дома на Малой Момановске. Чертеж 1865 г.

кроме пристройки сеней, главный дом «исправить починкой, вывесить и каменный фундамент тот исправить», а не «отделать по фасаде», служит доказательством, что архитектурный облик дома не должен был подвергаться изменениям. Надпись над изображением фасада «Существующее под № 1» также свидетельствует, что в связи с возведением пристроек фасад не отделялся заново²¹.

Акварель Б. С. Земенкова, составленная им по архивным материалам (использованным нами в настоящей работе) и опубликованная в его книге²², в основном хорошо передает облик дома в начале 30-х годов прошлого столетия. Но Земенковым допущены и некоторые неточности: он изображает дом оштукатуренным, хотя главный фасад был оштукатурен только в 1865 г., а дворовый фасад оставался без штукатурки до 1894 г.²³ Оконные переплеты, показанные на акварели Земенкова, судя по их рисунку, позднейшего происхождения, так как из-за размеров стекла, выпускаемого в то время заводами, переплеты окон основного этажа в маленьких особнячках первой половины XIX в. были всегда в шесть стекол²⁴. В низеньких антресолях и мезонинах переплеты чаще всего делались крестообразными, по четыре стекла.

Когда позднейшие пристройки и штукатурка будут удалены, то, вероятно, удастся обнаружить следы первоначальной обработки фасада, что позволит уточнить составленный нами проект реконструкции (рис. 6). После выяснения всех переде-

²¹ Просматривая архивный материал по многим московским домам, можно убедиться, что при запроектированной новой отделке существующего здания, на изображениях его фасада в XIX в. надписан только номер строения, как это видно хотя бы из рис. № 5.

²² Б. С. Земенков. Указ. соч., М., 1959, стр. 140.

²³ МГИИТА, д. 82 Арбатской части.

²⁴ Глухая фрамуга и каждая из оконных створок имели по два стекла. Переплеты в восемь стекол устанавливались в высоких парадных помещениях более монументальных домов.

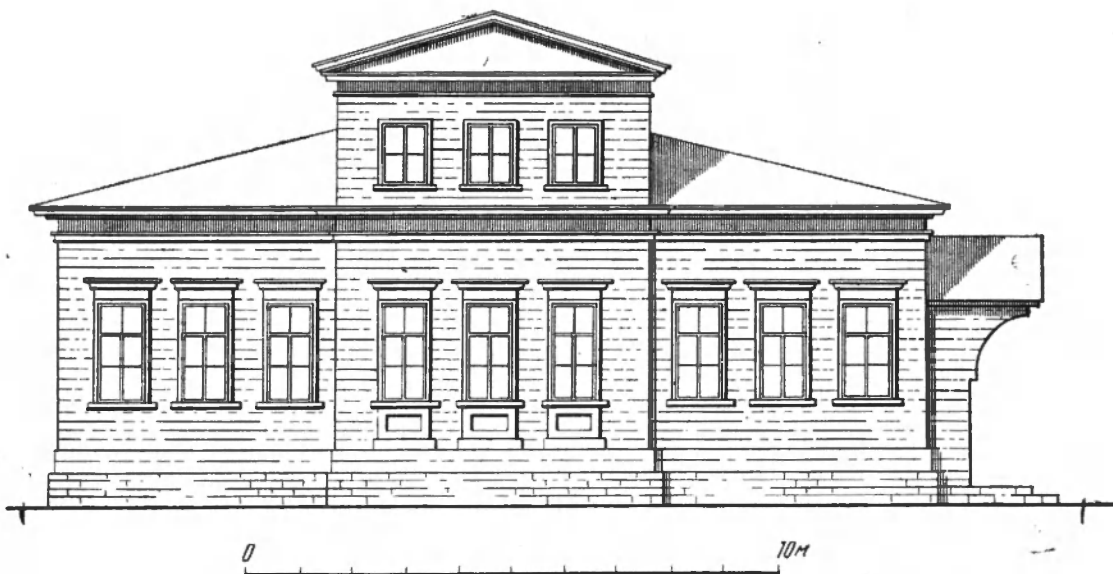

Рис. 6. Фасад дома на Малой Молчановке. Реконструкция М. В. Фехнер

лок, которые претерпел дом за свое полутора вековое существование, восстановление первоначальной планировки представляется также вполне возможным.

В результате сопоставления генерального плана 1817 г. (см. рис. 2) и планов 1901 и 1903 гг.²⁵ с современными поэтажными планами (рис. 7)²⁶, а также обследования всех помещений в натуре нами составлен эскиз восстановления внутренней планировки дома на период жизни в нем М. Ю. Лермонтова (рис. 8).

Хорошо известный принцип планировки московских деревянных особнячков первой половины XIX в.²⁷ и сравнительно удовлетворительная сохранность старой части дома значительно облегчили создание этого проекта.

В доме сохранились стены зала, центральной комнаты, обращенной окнами на улицу и служившей всегда гостиной, а также последней комнаты парадной анфилады, которая, как правило, была спальней-будуаром хозяйки дома. В гостиной уцелели и две традиционные для этой комнаты симметричные угловые печи с вогнутым зеркалом, облицованные белыми изразцами вытянутых пропорций²⁸. Дверные проемы, которые вели из гостиной в зал и комнату хозяйки, в настоящее время зашиты, но расположение их легко установить по натуре²⁹. На примерах многих московских деревянных домов первой половины XIX в. можно утверждать, что зал в этих особнячках по своей площади никогда настолько не превышал размеры гостиной, как это можно предположить по плану 1960 г. (см. рис. 7), что он всегда был отделен от

²⁵ Проект и исполнительный чертеж по проведению водопровода и канализации. Архив треста «Мосочиствод», д. М — 7506 — 2.

²⁶ Бюро технической инвентаризации Фрунзенского района, д. 203/10.

²⁷ См.: А. В. О х л М. В. Ф е х н е р. Новые исследования по деревянным жилым домам начала XIX в. в Москве. — «Архитектурное наследство», вып. 5. М., 1955; Л. Е. Ч е р н о з у б о в а. Из истории застройки Москвы в первой половине XIX века. — «Архитектурное наследство», вып. 9. М., 1959.

²⁸ Пропорции этих изразцов характерны для облицовки печей первой половины XIX в., позднее изразцы изготовлялись более широкими.

²⁹ На плане 1903 г. эти двери показаны. Архив треста «Мосочиствод», д. М — 7506 — 2.

парадных сеней еще одной комнатой, игравшей роль передней приемной³⁰. Поэтому совершенно очевидно, что перегородка, отделявшая зал от этой комнаты, была разобрана в 1844 г., когда пристройка сеней-галереи лишила приемную света. При определении местонахождения перегородки, которое должно быть впоследствии установлено зондажами, мы исходили из всегда симметричного расположения двух дверей на одной стене в шатрерах зданий того времени. После сноса пристройки, безусловно, можно будет обнаружить точное количество и расположение окон восточной стены зала, нанесенные нами на чертеж по аналогии с другими домиками того же времени.

Следы разобранных стен в двух комнатах, обращенных во двор (см. рис. 7), совершенно отчетливо видны в натуре. Также сохранилась нижняя часть поперечной стены (примерно на высоту 1,5 м), расположенной по одной прямой с западной стеной гостиной. Она была разобрана в связи со сносом дворовой части мезонина, устройством антресолей и новой лестницы.

Первоначально крутая лесенка вела, как и в других аналогичных домах, из темного коридора непосредственно на мезонин, в котором хорошо сохранилась комната М. Ю. Лермонтова. При натурном исследовании следы ее наверняка должны

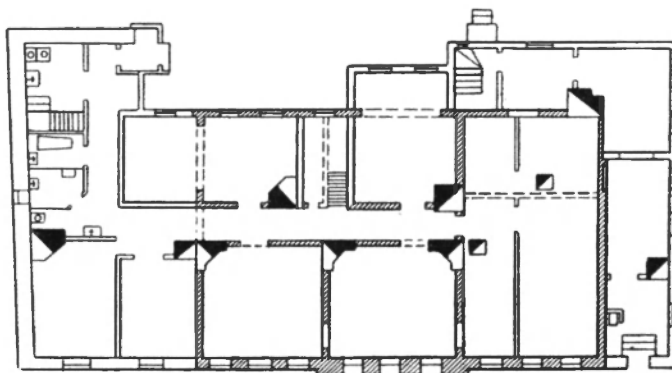
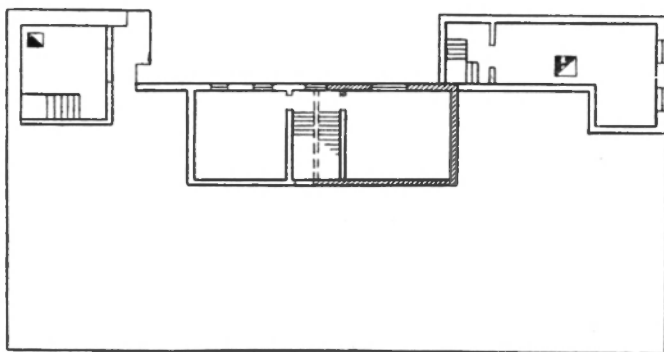
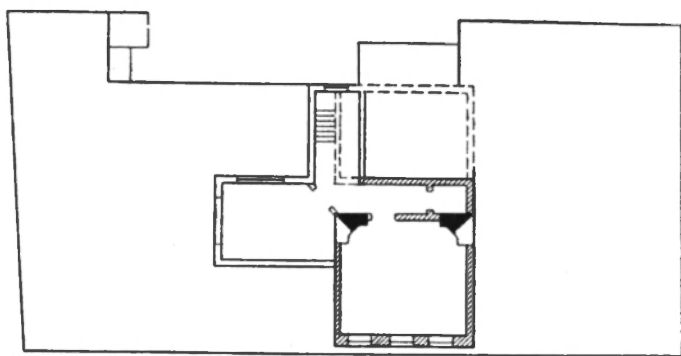

Рис. 7. Планы первого этажа, антресолей и мезонина дома на Малой Молчановке

А — стены и перегородки 1817 г.; Б — стены и перегородки позднейшего времени; В — разобранные стены и перегородки 1817 г.

³⁰ Планы домов начала XIX в. см.: А. В. Ох и М. В. Фехнер. Указ. соч., стр. 120, 127, 135; Л. Е. Чернозубова. Указ. соч., стр. 18.

обнаружиться на первоначально глухой стене гостиной, выходящей в коридор. Комната, расположенная рядом с приемной и обращенная окнами во двор, служила обычно кабинетом. С 40-х годов XIX в., когда в моду входят столовые, для них отводились комнаты рядом с приемными, но в начале 30-х годов специальных столовых в дворянских особнячках еще не было. Поэтому можно предположить, что здесь был кабинет Е. А. Арсеньевой, где она принимала управляющих и старост, привозивших оброк, собранный с крестьян ее имений, и занималась делами.

Девичья всегда располагалась рядом со спальней барыни и ближе к черному крыльцу.

Размеры и конфигурации крылец определены по плану 1817 г. (см. рис. 2), на котором они точно указаны. У парадного крыльца, как известно, было обычно не более двух наружных ступеней, а остальные, необходимые для входа в первый этаж дома, располагались в сенях³¹.

Для воссоздания облика деревянных крылец (при документально установленных размерах), очевидно, придется ограничиться привлечением аналогов (например, крыльцо в доме № 16 по Ульяновской улице). Предположение Т. И. Ивановой, что в доме помещалась кухня³², не обосновано. Кухня в то время почти всегда располагалась в отдельном строении или дворовой пристройке к жилому флигелю, где размещалась многочисленная дворня.

По-видимому, интерьер дома никогда не отличался богатой отделкой. Существующий в части бывшего зала лепной декор плафона относится к позднему времени. Тянутые карнизы, уцелевшие в некоторых комнатах, не имеют никаких следов лепных деталей, но профиль их очень характерен для обработки перехода от стен к потолку в особняках начала XIX в. Дверные полотна разновременны, и только в пристроенной в 1844 г. части дома нам удалось обнаружить двухпольную дверь, рисунок которой типичен для начала XIX в. Совершенно очевидно, что это дверь, используемая в настоящее время в тамбуре наружного входа, недавно перенесена из основного дома. По ее рисунку могут быть восстановлены и утраченные дверные полотна. В отдельных помещениях уцелел щитовой паркет самого простого рисунка, обычно применявшегося в обывательских домах после пожара Москвы. Возможно, что посредством зондажей удастся установить и характер отделки стен комнат в период пребывания М. Ю. Лермонтова в этом доме.

* * *

Еще недавно литературоведы относили переезд Е. А. Арсеньевой с внуком в дом Черновых ко времени поступления М. Ю. Лермонтова в Московский университетский благородный пансион (1828)³³. Таким образом повторялась ошибка А. П. Шан-Гирея, который в 1860 г. в своих воспоминаниях о поэте привел эту дату. Но в 1941 г. было опубликовано исследование Ф. Майского³⁴, установившего на основе дел духовной консистории Московского областного исторического архива, что бабушка Лермонтова весной 1830 г. сняла дом кучихи Ф. И. Черновой, в которой и переехала с Поварской улицы. С этого момента при упоминаниях о пребывании М. Ю. Лермонтова в доме на Малой Молчановке³⁵ использовался материал Ф. Майского.

³¹ Например, в сохранившихся до настоящего времени домах на Садово-Кудринской ул. (№ 15), Кропоткинской ул. (№ 11) и ул. Веснина (№ 9).

³² Т. И. И в а н о в а. Указ. соч., стр. 21.

³³ См.: Путеводитель по лермонтовским местам. Под ред. С. И. Аралова. № 1. М., 1940, стр. 58.

³⁴ См.: Ф. М а й с к и й. Лермонтовские места в Москве. — «Литературная газета», 13 апреля 1941 г.

³⁵ См.: Т. И. И в а н о в а. Указ. соч., стр. 25; В. М а н у й л о в. Вступительная статья. — Сочинения М. Ю. Лермонтова. Малая серия. Второе издание. Л., 1950, стр. XIX; Б. С. З е м е н к о в. Указ. соч., стр. 139.

К моменту переезда в дом Черновой М. Ю. Лермонтов в апреле 1830 г. оставил Благородный пансион. По указу Николая I в конце марта 1830 г. пансион был лишен своих привилегий и реорганизован в казенную гимназию, где в систему воспитания входило даже применение розог. Уход М. Ю. Лермонтова и его решение самостоятельно подготовиться за лето 1830 г. к поступлению в Университет является актом протеста против казарменного режима, который вводился в пансионе по приказу императора.

Годы жизни юноши-поэта в доме на Малой Молчановке, когда складывалось его мировоззрение, полны необычайно напряженной творческой работы. В сентябре 1830 г. М. Ю. Лермонтов был принят на нравственно-политическое отделение Московского университета. Студенческая среда, живо откликавшаяся на все общественные события России и Европы, оказала большое влияние на формирование взглядов будущего поэта. М. Ю. Лермонтов не вступил ни в один из студенческих кружков, но в его комнате, расположенной в мезонине, собирались его друзья, обсуждая волновавшие их вопросы. Низкая комната в три окна, выходящих на улицу, с двумя угловыми изразцовыми печами, была обставлена очень просто. По стенам — деревянная кровать; диван, над которым висели гравюры; перед окном — большой письменный стол, на котором стоял глобус. Много места занимал книжный шкаф. На его полках: «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы», семь глав «Евгения Онегина», вышедших отдельными книгами, «Полярная звезда» за 1825 г., изданная Рылевым и Бестужевым, журнал «Московский вестник». Много было здесь книг на иностранных языках: Байрон, Шекспир, Шиллер, Шеллинг и др.³⁶

В этой комнате М. Ю. Лермонтов пишет свои первые драмы — «Испанцы», «Станный человек», «Menschen und Leidenschalten» («Люди и страсти») — и более ста стихотворений. В эти же годы Лермонтов глубоко проникся богатством народного творчества. Он пишет: «Если захочу вдаваться в поэзию народную, то, верю, нигде больше не буду ее искать, как в русских песнях». Тяжело переживал молодой студент в 1831 г. смерть отца. Разногласия между бабушкой и отцом наложили тень на его детские и отроческие годы. Свои переживания Лермонтов выразил в стихах «Ужасная судьба отца и сына» и в «Стансах».

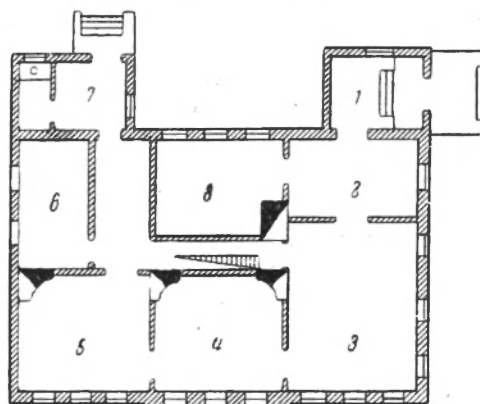
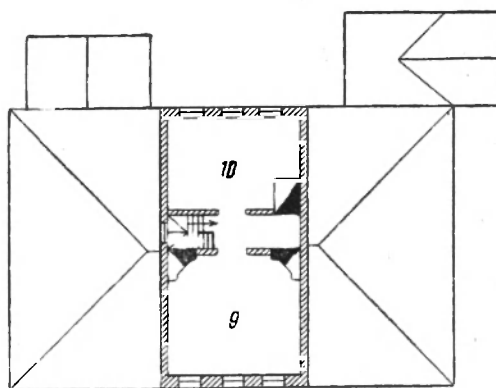

Рис. 8. Планы дома на Малой Молчановке. Реконструкция М. В. Фехнер

- 1 — парадное крыльцо; 2 — приемная; 3 — зал;
4 — гостиная; 5 — комната Е. А. Арсеньевой;
6 — девичья; 7 — черное крыльцо; 8 — кабинет
А. Е. Арсеньевой (столовая?); 9 — комната
М. Ю. Лермонтова; 10 — жилая комната

³⁶ Т. П. Иванова. Указ. соч., стр. 29.

Хотя юный Лермонтов в своей комнате часто предавался глубоким раздумьям о вопросах общественной жизни, он не чуждался светского общества. Е. А. Арсеньева поселилась в одном из уголков «грибоедовской Москвы». По соседству живут родственники и близкие знакомые: Столыпина, Верещагины, Бахметьевы, Поливановы, Лопухины. Многие из лучших лирических стихотворений, посвященные юным поэтом Н. Ф. Ивановой, В. А. Лопухиной, написаны им в доме на Малой Молчановке.

Острая наблюдательность заставляет Лермонтова очень рано критически отнестись к многим представителям фамусовского общества. Об этом свидетельствует его сатира «Болевар», написанная безусловно под непосредственным влиянием «Горя от ума», а также остроумные новогодние эпиграммы (1831), особенно на Н. Н. Арсеньева и П. И. Шаликова, издателя «Дамского журнала»³⁷. Очень интересна эпиграмма на поэта-разночинца Павлова, в которой Лермонтов метко рисует незавидную роль поэта в светском обществе.

В августе 1832 г. Лермонтов вместе с бабушкой покидает Москву и переезжает в Петербург. Вспоминая свою жизнь в старой столице и особенно, конечно, последние годы, прожитые в доме на Малой Молчановке, он пишет М. А. Лопухиной: «Москва — моя родина, и такой будет для меня всегда, там я родился, там много страдал и там же был слишком счастлив»³⁸. Любовь к Москве Лермонтов позднее выразил особенно ярко в своей поэме «Сашка»:

Москва, Москва, люблю тебя как сын,
Как русский, сильно, пламенно и нежно!

Общественность нашей столицы не может остаться равнодушной к задаче восстановления единственного сохранившегося в Москве дома, с которым связаны ценнейшие страницы истории жизни и творчества Лермонтова, тем более, что в 1964 г. исполнится 150 лет со дня рождения поэта.

---

³⁷ М. Ю. Лермонтов. Сочинения, т. 1, стр. 146 и 147.

³⁸ М. Ю. Лермонтов. Сочинения, т. 5, М., 1930, стр. 512. — Письмо от 2/IX 1832.

Г. А. ШТЕЙМАН

**РЕШЕНИЕ НЕКОТОРЫХ
КОНСТРУКТИВНЫХ ПРОБЛЕМ
В РУССКОМ ЗОДЧЕСТВЕ
XVI—XVII ВЕКОВ**

Одной из интереснейших конструктивных проблем, которая стояла перед древними зодчими, была проблема устройства плоских крыш над жилыми и общественными зданиями. Как ступенчатые плоские покрытия с параллельными, так и плоские крыши широко применялись в архитектуре XVI—XVII вв. На них устраивались не только переходы, галереи и террасы-гульбища, но и разводились целые сады с дорожками, беседками и прудами.

Наиболее простыми примерами таких плоских покрытий могут служить переходы и галереи жилых зданий, хозяйственных палат и храмов, устраиваемые обычно на открытых аркадах. Кельи московского Высокопетровского монастыря, например, соединялись с трапезной Сергиевской церкви площадкой, покрытой лецадью по забутке. Площадка эта переходила в две открытые галереи, охватывающие трапезную с севера и юга. В больничном корпусе (1686—1692 гг.) Ново-Иерусалимского монастыря на открытой аркаде была обходная галерея, идущая вдоль всего восточного фасада.

Опись Ивана Мичурина, составленная в 1741 г., свидетельствует, что в московском Симоновом монастыре «у кладовой палаты, под переходами своды и на оных площадки с перилами... оные переходы длиною 13,5 арш., шириною с перилами 4,5 арш.». Далее в описи говорится: «Да в том же Симоновом монастыре у трапезной церкви и у государевой палаты вокруг переходы каменные, длиною 57 аршин, шириной $4\frac{3}{4}$ арш., под оными своды и на оных лецадь и перила повредились»¹.

Очень часто вокруг церквей устраивались аркады, поддерживавшие своды, по которым делалось горизонтальное покрытие. Такие обходные галереи, опоясывающие основной объем храма, имеются в целом ряде сохранившихся памятников XVII в.: церковь Покрова в Филях (1693), Тихвинская в селе Алексеевском (1676—1682) и другие.

---

¹ «Материалы для истории, археологии и статистики московских церквей, собранные из книг и дел преждебывших патриарших трапезов В. И. и Г. И. Холмогоровыми при руководстве И. Е. Забелина», ч. 1. М., 1884, стр. 859—860.

При описании церкви Иосафа-царевича в Измайлове (построена в 1678 г., перестроена в 1687—1688 гг.) говорится, что вокруг нее и ее трапезы «перила каменные с растесками, мост наслан лещедьми каменными и залиты смолой»².

При ремонтных работах XVII в. на внутренней дворцовой площади Московского кремля мастерам было велено «лестницу с постельного крыльца разобрать и в том месте свести своды на стенах или на столпах и выверстать и выслать лещадьми же в шахмат, вровень с площадью, и сделать водяные стоки, сколько доведется, а на рундуках и на площадках швы у лещадей залить смолой или смазать известью с маслом»³.

К 1680 г. относится описание устройства еще одной горизонтальной висячей площадки в Кремле: «У палат, где живут богомольцы, сделать площадь. Для этого внизу сделать 5 столбов, на тех столбах свести своды, и на тех сводах выслать лещадьми на извести с маслом и с кирпичной пылью»⁴.

Не менее часто встречаются плоские покрытия в виде больших террас-гульбищ, располагающиеся не на открытых аркадах, а над помещениями жилых или служебных палат. В передних воротах подмосковного села Коломенского, например, с каждой стороны существовали открытые гульбища, расположенные в уровнях нижней и верхней палат, а под ними находились служебные помещения (рис. 1). То же самое видим в Измайлове. Здесь над западными и восточными въездными воротами, по сторонам центрального шатра, размещались две открытые горизонтальные площадки. Аналогичным образом построены и главные ворота Высокопетровского монастыря в Москве. Тут на уровне пола верхней церкви, размещенной под колокольней, имеется плоская довольно просторная терраса, обходящая вокруг церкви. Когда древнее покрытие этой террасы было вскрыто⁵, то выяснилась ее конструкция; помещения, находящиеся в нижнем этаже, перекрыты кирпичными цилиндрическими сводами, пазухи которых забучены кирпичным щебнем и пролиты известковым раствором. Поверхность забутки оказалась покрытой слоем (10 см) розовой известки-цемянки; на нем лежала черная земля (15 см), которая выравнивала поверхность сводов под горизонтальную площадку. Выше находились слои белой известки (3 см) и сухого желтого мелкого песка (от 3 до 5 см). По этой песчаной подготовке, на тонкой известковой подливке и были уложены лещадные плиты. Плиты квадратные, с размером стороны от 60 до 64 см и толщиной от 12 до 15 см. Со всех сторон они имеют четверти, причем по двум сторонам четверти выбраны сверху, а по другим — снизу (рис. 2а).

Ступенчатая конфигурация объемов многих сооружений обуславливала устройство на различных отметках таких террас-гульбищ с удобным выходом на них из расположенных рядом помещений. Подобные плоские покрытия существовали на разных высотах и в Сухаревой башне (Москва). Церковь Знамения на Шереметевом дворе, состоящая из постепенно уменьшающихся объемов, на уступе между нижним и верхним восьмериками имела обходную открытую галерею. Ее плоское покрытие было сделано по забутке над сомкнутым сводом и состояло из двух слоев белокаменных плит. Плиты нижнего ряда лежали впритык друг к другу, а верхнего — были уложены в четверть. Прослойки между рядами плит не обнаружено (рис. 2б). Аналогичную обходную галерею на уровне уступа между нижним и верхним объемами мы видим также в Мостовой башне Измайлова.

Приемы сооружения таких покрытий описаны в царском указе об устройстве галерей, которая соединяла дворцовые помещения Московского кремля и протя-

² «История постройки и опись Измайловского дворца с его хозяйственными заведениями». Приложение к соч.: И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., ч. I. М., 1895, стр. 500.

³ «Записки строительного дела». Приложение к указ. соч. И. Е. Забелина, стр. 589.

⁴ Там же, стр. 596.

⁵ Вскрытие проводилось во время реставрационных работ, проводившихся под руководством архитектора Б. П. Дедушенко.

Рис. 1. Передние ворота в Коломенском

нулась от Курятных до Колымажных ворот на 80 м. В 1681 г., значится в этом документе, «по указу Великого государя велено с дворцовых палат от Колымажных до Курятных ворот деревянные кровли снять и на стенах сделать перила с ширинками в вышину по $1\frac{1}{2}$ арш., а на тех перилах столбики оловениками и со столбика на столбик перемигать перететивья, а верх скрывать лещадьми, а которые палаты над палатами Кормового и Хлебного дворцов выше дворцовых и те палаты понизить и своды свести наровни, что на палатах Оптике и Оружейной палаты; стоков поделать сколько где понадобится, и совсем то дело отделать и прописать по кирпичу против того, как сделаны столбики и перемички на палатах боярина князя Никиты Ивановича Одоевского. Палаты покрыть меж тех стенок в два теса со скалою и наслать дерном»⁶.

Особенно любили древние зодчие сооружать такие плоские террасы-гульбища над жилыми палатами. Как правило, каждые богатые палаты завершались в верхнем этаже светлыми чердаками или теремами, игравшими роль бельведеров с окнами на все стороны. Эти чердаки или бельведеры строились обычно «на 4 угла», а также шестериком или восьмериком. Чердаки и терема делались обычно легче нижних этажей. Ставились они обыкновенно на стойках, которые забирались брусьями или обшивались тесом в закрой или в косяк. Около таких чердаков на покрытиях нижних этажей и устраивались гульбища, огороженные балясами или перилами.

⁶ «Записки строительного дела». Приложение к указ. соч. И. Е. Забелина, стр. 593.

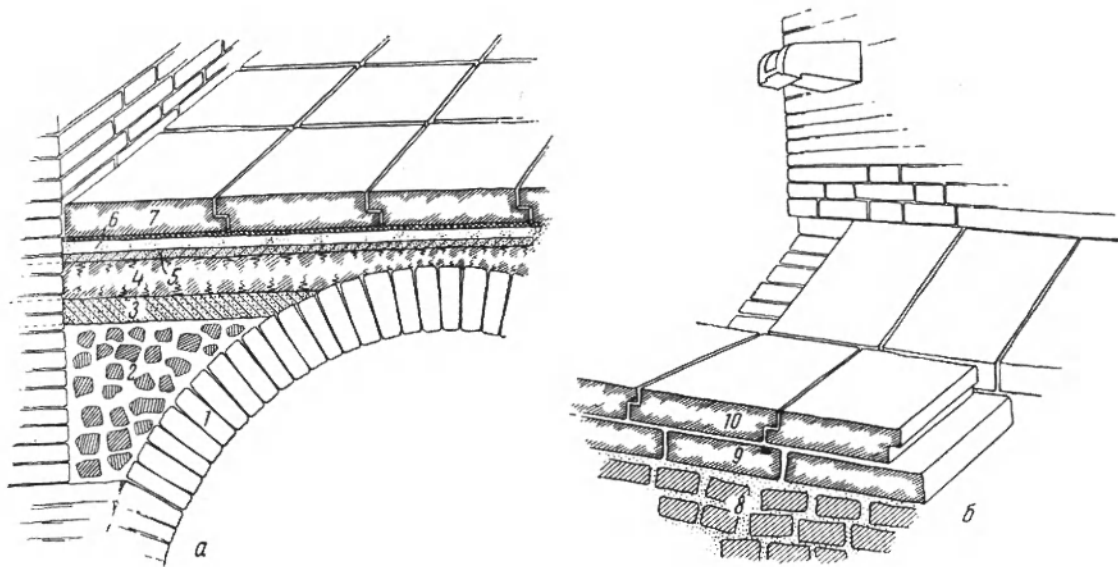

Рис. 2. Конструкция гульбища церкви-колокольни Высокопетроского монастыря в Москве (а) и церкви Знамения на Шереметевом дворе (б)

1 — кирпичный цилиндрический свод; 2 — кирпичная забутка; 3 — слой извести-цемянки; 4 — черная земля; 5 — слой белой извести; 6 — мелкий песок; 7 — белокаменные плиты, лежащие на известковой подливке; 8 — забутка над сомкнутым сводом; 9 — нижний ряд белокаменных плит, уложенных впритык; 10 — верхний ряд белокаменных плит, уложенных в четверть

Хорошо сохранившиеся фрагменты такого гульбища можно видеть на чердаке дома Троекурова в Охотном ряду (рис. 3). Оно обнаружено Г. В. Алферовой, разработавшей проект реставрации дома. Постройка верхнего этажа дома Троекурова относится ко второй половине XVII в. В это же время, очевидно, была почти по всему периметру дома устроена и галерея шириной от 1,5 до 4 м. Она лежала на системе сомкнутых и коробовых сводов, которыми был перекрыт верхний этаж. Конструкция галерей, очевидно целиком сохранившаяся от XVII в., такова: по забутке сводов на расстоянии 1,65—4 м от наружной стены, параллельно ей, была выложена стенка ограждения, толщиной в один кирпич. Пространство между ограждением и наружной стеной было заполнено внизу забуткой из кирпичного щебня, пролитого раствором. Потом шел слой песка (20 см), покрытый известковым раствором. Далее лежал опять песок (7 см), по которому была сделана выстилка кирпичом плашмя. Сверху кирпичная выстилка была залита смолой, которая хорошо сохранилась в швах между кирпичами. Выше заливки по слою известкового раствора лежали лещадные плиты, толщиной 9 см. Возможно, что швы между плитами также были залиты смолой.

Каково было дальнейшее устройство этого гульбища, — было ли оно открытое, имело какой-либо навес — сказать трудно. Во многих местах гульбища сохранились ограничивавшие его бортовые камни. Плиты галерей были уложены с небольшим уклоном наружу; в некоторых местах удалось найти даже остатки желобов и водостоков. Верхние части стен и карниз дома переложены в XVIII в. Возможно, что тогда и было сделано общее покрытие дома крышей с высоким чердаком.

Подобное устройство существовало и в теремном дворце Московского кремля. Здесь, на пятом этаже, на уровне собственно терема, или, как тогда говорили,

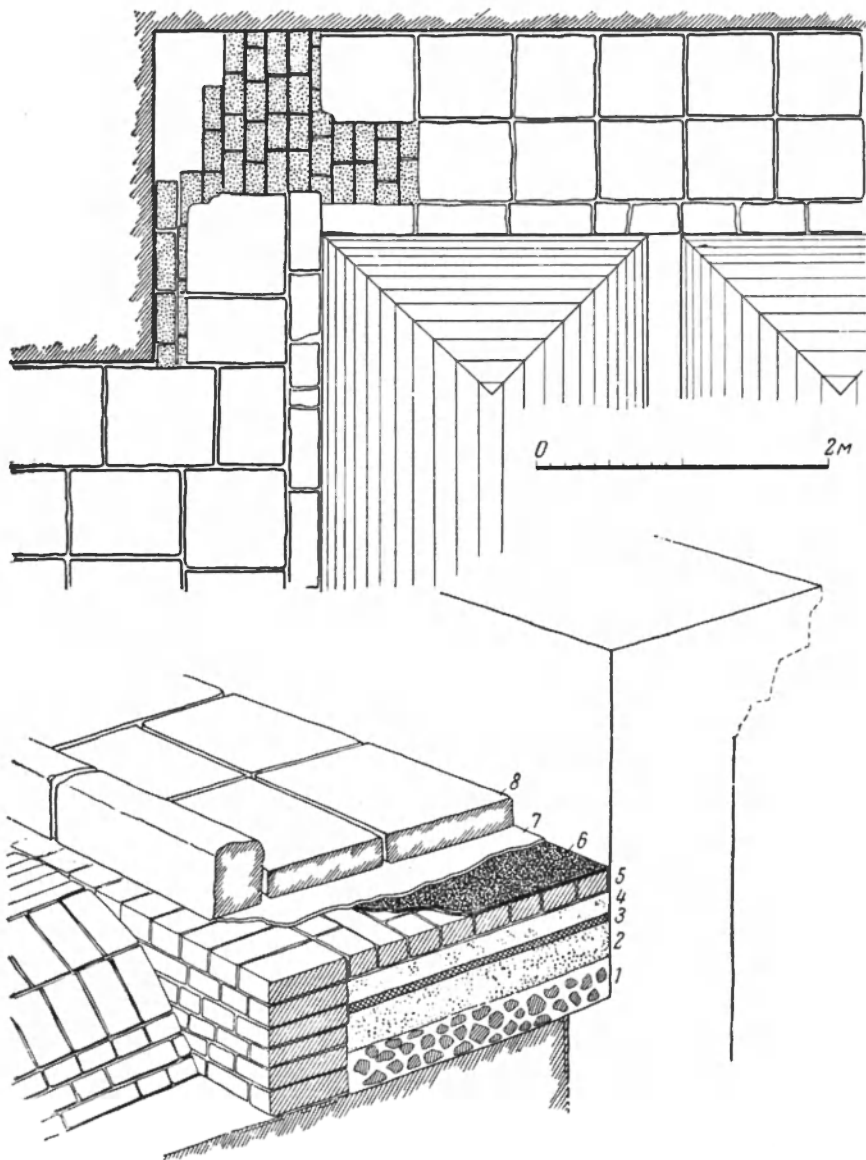

Рис. 3. Конструкция гюльбица над вторым этажом дома Троекурова в Москве

1 — забутка из кирпичного щебня; 2 — песок; 3 — известковый раствор; 4 — песок;
 5 — кирпич, лежащий плашмя; 6 — слой смолы; 7 — известковый раствор;
 8 — белокаменные плиты

«каменного чердака», были две открытые террасы, которые назывались «верхним каменным двором».

В ските патриарха Никона (1658) в Новом Иерусалиме гюльбище было сделано над жилыми помещениями третьего этажа. Выход на него осуществлялся по винтовой лестнице, размещенной в специальной надстройке. Гюльбище имело значительные размеры (7×9 м) и было выложено плитами по сводам с наружными водометами и каменным парапетом. На этом уровне стояла небольшая домовая церковь.

Рис. 4. Палаты посольского двора в Москве
(с рисунка А. Оллария)

Другим примером устройства гульбища может служить недошедший до нас посольский дом в Китай-городе, время постройки которого относится ко второй четверти XVII в. Здесь под верхним этажом здания существовала крытая по деревянным столбам терраса, предназначенная для прогулок.

Исключительно интересным примером устройства плоской крыши-террасы над площадью всего жилого дома может служить также не дошедшее до нас здание посольского двора в Москве, близ которого в 1636 г., останавливалось посольство А. Олария. Его постройку А. А. Потапов относит к XVI или к началу XVII в.⁷ Судя по сохранившимся изображениям, здесь над жилыми покоями существовал еще чердачный этаж, над которым и была уже сделана плоская крыша. Выход на нее осуществлялся через специальную надстройку. Кроме того, там была устроена беседка. Вода с крыши удалялась через наружные водометы. Таким образом, здесь существовал очень близкий прототип современного жилого дома с чердаком и с плоской эксплуатируемой крышей (рис. 4).

Однако конструктивная мысль древних зодчих не ограничивалась устройством только плоских крыш, расположенных над жилыми помещениями. На плоских покрытиях, занимавших порой очень большие площади, сооружались целые сады с цветниками, дорожкам, беседками и даже прудами. Особое распространение такие сады, называвшиеся иногда «красными» (в смысле изящества и красоты внешнего убранства), получили в XVII в.

В старину сад составлял необходимую принадлежность каждого сколько-нибудь зажиточного хозяйственного двора. Большая скученность и затесненность Мо-

⁷ А. А. П о т а п о в. | Очерки древнерусской гражданской архитектуры, вып. I. М., 1902, стр. 70.

сковского кремля и отсутствие свободных площадей близ дворцовых построек, где можно было разбить настоящие сады, привела к тому, что при каждом отдельном дворце появились так называемые «верховые» сады, располагавшиеся на каменных сводах, над палатками и погребам, поэтому они иногда назывались «висячим».

Один из таких садов, возможно существовавший еще при Иване Грозном, был сад на внутреннем дворе Кремлевского дворца, к востоку от церкви Спаса на Бору, против государевой постельной комнаты⁸. В 1681 г. этот сад вместе со столовой избой был разобран⁹.

Точных сведений, когда устраивались все эти «верховые» сады, нет, но по некоторым записям можно судить, что в начале XVII в. они уже существовали при отдельных помещениях дворца. Так, в 1623 г. садовник Назар Иванов в челобитной на имя царя писал, что «уряжая государев сад в Верху (т. е. во дворе. — Г. III.) выбирал я по твоему государеву указу и выскипвал по всяким садам яблоки лучшие к тебе, государю, в Верх в сад»¹⁰. В 1635 г. «садовник Ив. Телятевский да Тит Андреев строили сады на Верху и на Цареворисовом дворе»¹¹. В 1679 г. Федор Алексеевич развел себе новый сад возле Екатерининской церкви. В этом саду, который назывался «Новый верхний», в 1680 г. был поставлен резной деревянный чердак (беседка), расписанный красками. В 1685 г. упоминается о саде, что на верхних хоромах в Потешном дворце, который был покрыт тогда сетями для защиты от птиц. Подле хором царицы Натальи Кирилловны находился комнатный сад¹². В 1685 г. этот сад перестраивался. Он назывался «новым верховым каменным» садом и помещался на каменных сводах длиной 10 саж., шириною 4 саж. На покрытие площади для сада пошло около 640 пудов свинца, из которого «водовзводного дела мастер Галактион Никитин лил доски, покрывал ими своды, и прочно их запаивал»¹³. В апреле того же года сюда наносили хорошей просеянной земли глубиной на 1¼ арш., сделали грядки и ящики для цветов, а весь сад огородили решетками и балясами¹⁴. В 1687 г. сюда же была проведена вода, подававшаяся посредством свинцовых труб и водоводных ларей, и устроен прудок. В саду росли даже «цареградский» и грецкий орех¹⁵.

Самым большим садом был Верхний набережный сад. Он был устроен наверху каменных двухэтажных зданий, построенных Борисом Годуновым возле Боровицких ворот, на самом откосе кремлевского холма, где в свое время стояли деревянные хоромы Грозного¹⁶. Когда этот сад был разбит, точных сведений нет. Можно, однако, предполагать, что это произошло ранее 1679 г., когда создавался сад у Екатерининской церкви, получивший уже название «Нового» Верхнего сада. Кроме того, в 1681 г. вместе с упоминанием о строительстве другого, Нижнего набережного сада, располагавшегося к востоку от него, говорится и о том, что одновременно украшается и переоборудуется Верхний сад¹⁷.

Верхний набережный сад Московского кремля, площадью свыше 2500 кв. м, имел форму глаголя и был в длину «46 сажень, поперек в переднем конце 8 сажень,

⁸ В 1643 г. после кровопускания у Михаила Федоровича в этом саду хоронили его кровь. («Акты исторические», т. III, № 228). Возможно, к этому же саду относится указ Алексея Михайловича от 15 апреля 1657 г.: «Построить в своем государеве верхнем саду всякие разные цветы, дохтуру против того, как построено Обтекарском саду не испустя времени» («Материалы для истории медицины в России». Изд. П. Ф. Змеевым. СПб., 1884, вып. 3, стр. 667).

⁹ «Записки строительного дела». Приложение к указ. соч. И. Е. Забелина, стр. 615.

¹⁰ И. Е. Забелин. Опыт изучения русских древностей и истории, ч. II. М., 1873, стр. 13.

¹¹ И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., ч. I, стр. 93.

¹² Там же, стр. 96.

¹³ Там же, стр. 97.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ И. Е. Забелин. Опыт изучения русских древностей и истории, ч. II, стр. 299.

¹⁷ И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., ч. I, стр. 98.

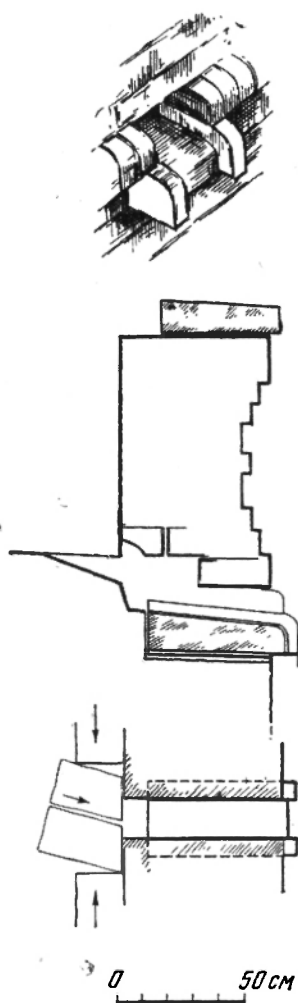

Рис. 5. Детали водосточной части стен Донского монастыря

в другом заднем конце 24 сажени»¹⁸. Он был обнесен каменной оградой с балясами. В северо-западном углу сада был «пруд каменный мерою длина сажень без аршина, поперек 4 сажени, без полуаршина, глубиною 2 аршина». Все место для пруда, как и под садом, было выложено свинцовыми досками. Вода в пруд подавалась по свинцовым трубам из Водовзводной башни»¹⁹. Интересно отметить большую глубину пруда (2 арш.), что, очевидно, заставило строителей понизить в этом месте своды. Этим можно объяснить выбор месторасположения пруда не над палатами, а над проездом «Кривых ворот». Возможно, что выбор места для пруда именно над воротами был вызван опасением зодчего располагать такое ответственное и технически трудно выполнимое сооружение над жилыми и служебными палатами.

Возле Верхнего набережного сада в 1681 г. был разведен Нижний набережный сад. Каменное здание, над которым этот сад устраивали, было тогда укреплено со стороны Тайнинских ворот каменным бьком²⁰. Самый сад был огорожен с набережной стороны каменной стеной с окошками, а с внутренней стороны — решеткой. На углу сада была круглая башня. Нижний сад был расположен на этаж ниже Верхнего сада, на уровне подклета дворца. В длину он имел около 50, а в ширину — 30 м. Так же как и Верхний набережный сад, Нижний сад имел пруд и водовзводный чердак²¹.

Очень любопытно описание другой конструкции основания всячего сада, устроенного на Патриаршем дворе в Кремле. В 1675 г. патриарх Иоаким, считая, что его предшественники мало обращали внимания «на прохладу патриаршего быта», приказал на своем дворе делать «каменное дело» — «на квасоварке новую казенную палату, а подле нее на палатах Казенный приказ с сенями и крыльцом, а над ними, подле своих деревянных келий, устроить и утвердить место, чтобы можно было на нем сад учинить и то садовое место огородить каменной стеной»²². Такой сад над строениями требовал больших затрат на свинцовое покрытие. Поэтому для экономии свинцовых досок патриарх велел сделать «на приказной казенной палате и на ее сенях вверху, подле келий, под садовое место, бревенчатый мост (пол. — Г. Ш.) с бревенча-

тыми толстыми желобами для спуска воды, и мостовые бревна все желобить, мост сплотить и на переклады положить, и желоба все высмолить развариваную с железной смолой; меж бревен спаи выконапатить смоленою поскою и по тому мосту поперек тесом послать, а по тесу скалами (берестой)»²³. На такой помост была насыпана земля и посажены растения. Таким образом вопросы экономики застав-

¹⁸ И. Е. Забелин. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы, ч. I. М., 1884, стр. 1285.

¹⁹ Там же, стр. 1286.

²⁰ И. Е. Забелин. Опыты изучения русских древностей и истории, ч. II, стр. 301.

²¹ И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., ч. I, стр. 98.

²² И. Е. Забелин. История города Москвы, ч. I. М., 1905, стр. 520.

²³ Там же, стр. 521.

ляли древних зодчих изобретать новые конструктивные решения и искать замены дорогостоящего свинцового покрытия местными материалами.

Описанные висячие сады сооружались в XVII в. не только в Москве. В Ростове между Белой палатой и митрополичьим домом на сводах тоже был верховой сад, потом разрушенный²⁴.

Важной особенностью плоских покрытий, рациональное устройство которых обеспечивало длительную сохранность как самих покрытий, так и помещений, над которыми они устраивались, был способ удаления с них осадков. Насколько этому вопросу придавалось серьезное значение, видно хотя бы из того, что во всех указах об устройстве плоских крыш-террас всегда указывалось, что необходимо «стоков сделать сколько где понадобится»²⁵. Сама поверхность лещадного покрытия выполнялась с необходимыми уклонами к водостокам.

На гульбище церкви Вознесения в Коломенском (1532), в лещадных плитах покрытия сохранились вытесанные в них канавки. Идущие вдоль наружного парапета, они подводили ливневую воду к белокаменным водометам. Такие же канавки имеются в бортовых плитах, обрамляющих гульбище Успенского собора в Рязани (1693—1699); они подходят к более глубоким, перпендикулярно идущим белокаменным стокам, оканчивающимся водометами.

Терраса церкви в селе Троицко-Лыково (1698—1703) имеет несколько иную конструкцию водосброса. Здесь водоприемное отверстие находится прямо на полу и открывается в наклонный канал, проделанный в толще свода. Наружный конец канала обработан четырьмя блоками, из которых нижний и верхний для лучшего сброса воды снабжены специальным профилем. Очень тщательно был продуман водосброс со стен Донского монастыря (1686). Здесь ходовые площадки имеют довольно значительный уклон в сторону внутреннего двора и часто расположенные в парапете отверстия для удаления воды. В каждое такое отверстие на всю толщу парапета заложен белокаменный водомет. Кирпичное покрытие каждого зубца передней ограждающей стены имеет уклон к центру зубца, где устроен кирпичный расширяющийся наружу лоток. Последний заканчивается небольшим водометом (рис. 5). Водометы эти большей частью выполнялись из белого камня и сохранились до настоящего времени в ряде памятников.

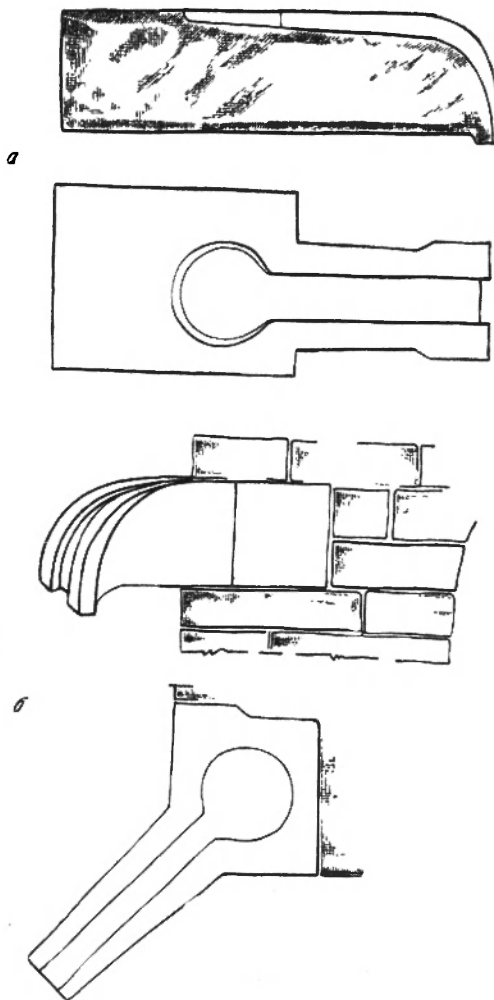

Рис. 6. Белокаменные водометы церкви Спас-Михнево под Москвой

а — на продольном фасаде; б — угловой (обмер Б. Л. Альтшулера)

²⁴ См.: А. А. Потапов. Указ. соч., вып. II. М., 1903, стр. 128.

²⁵ И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI—XVII ст., ч. I, стр. 593.

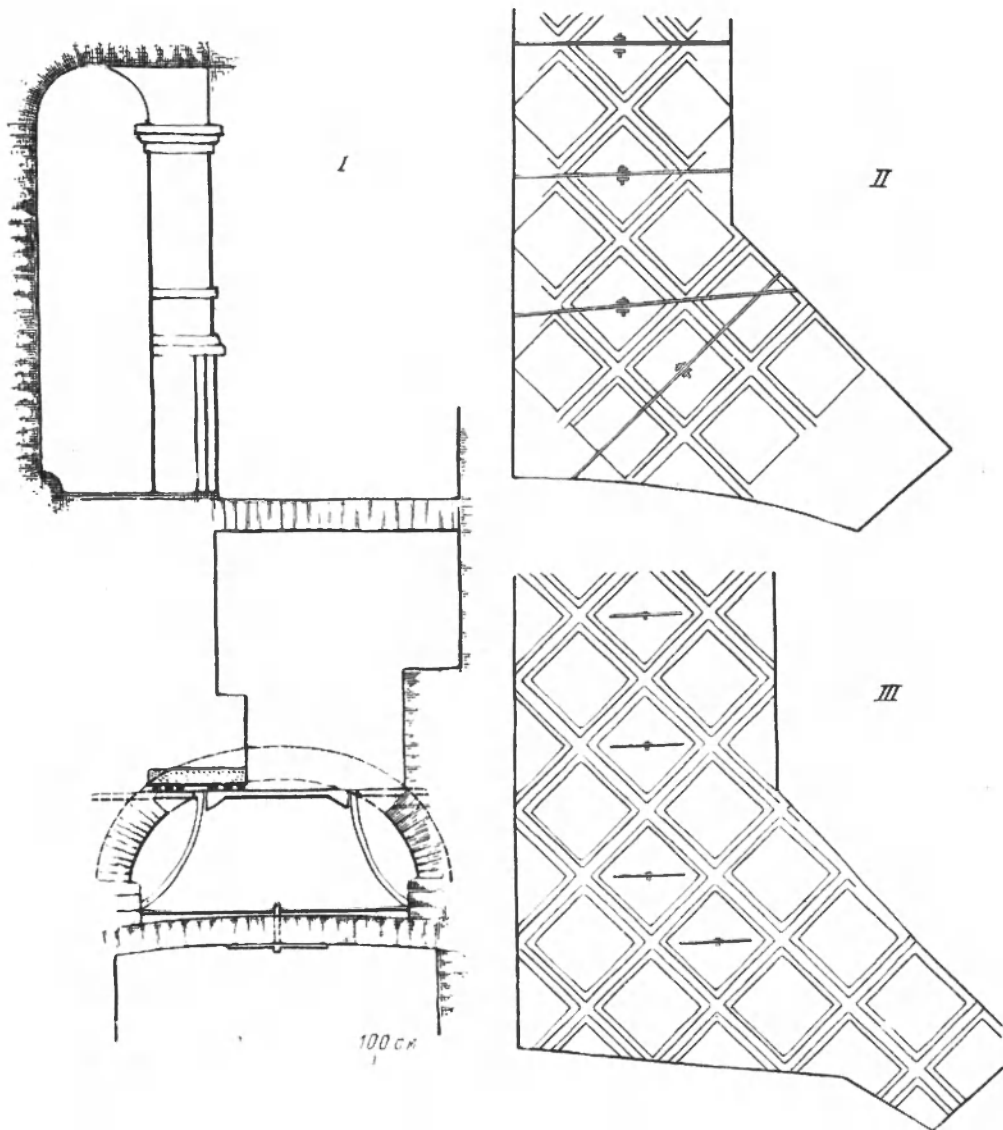

Рис. 7. Плоский кессонированный свод западного участка обходной галереи храма Василия Блаженного в Москве

I — поперечный разрез; II — вид свода со стороны чердака; III — вид свода снизу

Интересные примеры таких водометов найдены в церкви села Спас-Михнево²⁶ (XVII в.). Хвостовая их часть, заложенная в стену, имеет расширение, где размещается чаша для сбора воды. Очертание выступающей части у большинства водометов одинаковое — это белокаменные блоки прямоугольного сечения с высеченной неглубокой канавкой и закругленным концом, выступающим из стены на 30—40 см (рис. 6).

²⁶ Обмеры архитектора Б. Л. Альтшулера.

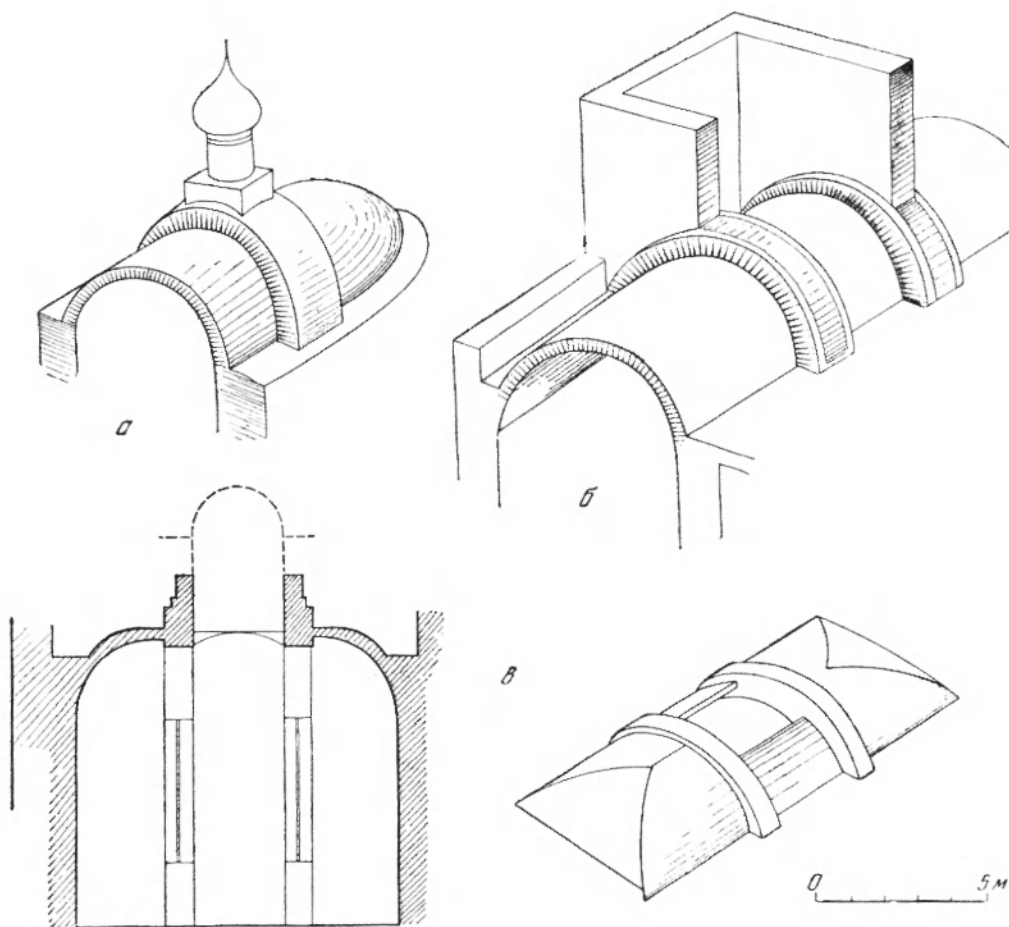

Рис. 8. Постановка главы и звонницы Смоленской церкви в Угличе (а), (б) и церкви Воскресения в Ростове (в)

Иногда водометы делались керамическими. Остатки таких водометов найдены в Сергиевской церкви села Комягино (1678). Приведенные примеры сооружения плоских кровель, террас, гульбищ показывают нам, что древние зодчие очень смело подходили к решению таких сложных технических проблем, как устройство горизонтальных покрытий, проблем, которые часто заставляют задуматься современного строителя, вооруженного всеми достижениями техники. Заслуга древних мастеров тем более велика, что они обладали очень ограниченным сортаментом материалов. Вопросы же экономики заставляли их порой отказываться и от тех немногих материалов, которые можно было использовать, но цены на которые были велики, и стараться заменить их дешевыми местными материалами.

Изобретательность и творческий подход проявляли древние зодчие не только при решении проблемы плоских покрытий, но и в целом ряде других конструктивных и архитектурных вопросов. Располагая очень ограниченными техническими возможностями и небольшим ассортиментом материалов, они создавали сооружения, которые даже и теперь представляют большой интерес по своему конструктивному выполнению. К таким сооружениям может быть отнесен плоский подвесной кирпичный свод над западной частью обходной галереи церкви Василия Блаженного в

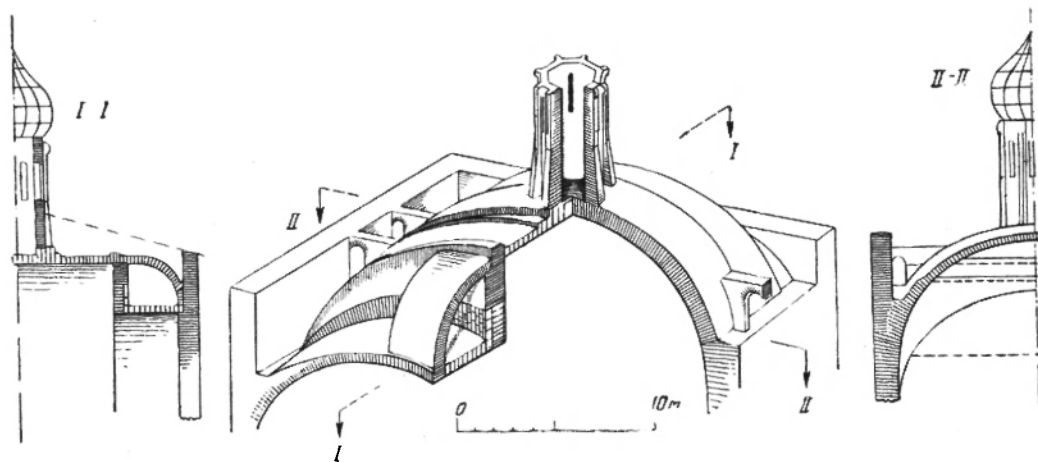

Рис. 9. Покрытие помещения библиотеки над церковью и трапезной Троице-Сергиева монастыря в Загорске

в Москве. Устройство этого перекрытия современно постройке основного храма и датируется 1555—1560 гг. Здесь рассматриваемый участок обходной галереи лежит между центральным и западным столпами храма. Перекрытия его выполнены из нескольких коробовых и конических сводов, пересекающихся под различными углами благодаря неправильной форме помещения (рис. 7). Для того чтобы закрыть изнутри вид на такое случайное пересечение сводов и оформить потолок помещения, было сделано второе дополнительное кирпичное сводчатое перекрытие, почти плоское, с очень небольшой впадушенностью в поперечном направлении.

Перекрытие это состоит из диагонально поставленных кессонов, удачно вписывающихся в очертания потолка. Кессоны, размером 60×60 см, разделены слегка выступающими ребрами. Ребра кессонов, немного выступающие вниз, выложены из большемерного кирпича, шириной 14 см, толщиной 8 см, а заполнение между ребрами (плоскости самих кессонов) — из мелкого кирпича (длина 12—16 см, толщина 4—4,5 см). Ребра кессонов имеют небольшую впадушенность к середине свода. Ввиду того, что данное сводчатое перекрытие обладает ничтожной стрелой подъема (около $\frac{1}{24}$ от пролета) и практически может считаться почти плоским, для обеспечения устойчивости оно подвешено на металлических тяжах к лежащей выше конструкции. При этом оно могло быть подвешено к основному коробовому своду²⁷. Однако зодчий, очевидно, считал, что свод несет достаточно большую нагрузку от опирающейся на него колоннады вокруг центрального столпа. Не желая перегружать этот свод еще дополнительной нагрузкой от кессонного перекрытия, он подвесил последнее к специально заделанным в стене чердака семи металлическим полосам сечением $6,6 \times 3,5$ см. По центру каждой такой полосы при помощи клина закреплен железный хомут из полосового железа $5 \times 1,5$ см. Такие хомуты пропущены через центр каждого из семи средних кессонов и закреплены со стороны помещения анкерами из круглого железа, расположенными по диагонали кессонов (см. план на рис. 7). Та-

²⁷ В настоящее время основной коробовый свод частично разрушен, и для поддержания обходной галереи подведены металлические затяжки с криволинейными подкосами (деталь «Г» на рис. 7).

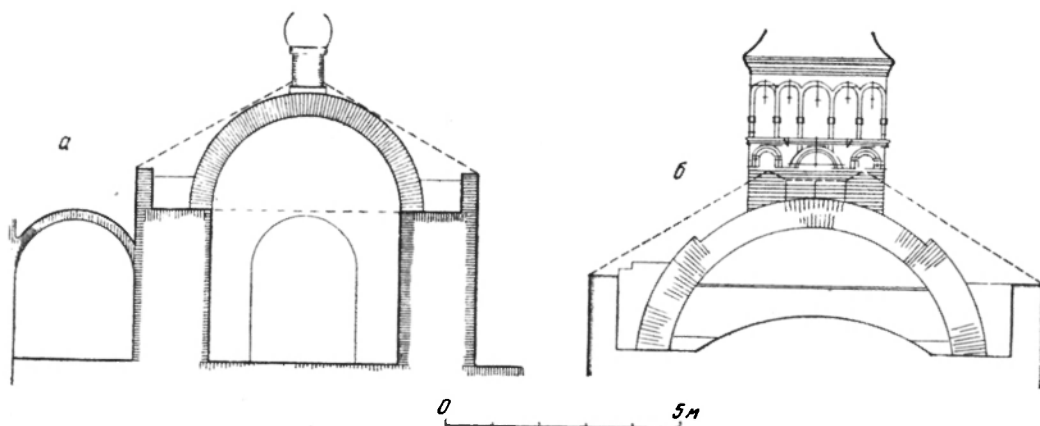

Рис. 10. Постановка глав над воротами (а) и церковью Введения (б) в Николо-Улейминском монастыре под Угличем

ким способом семь средних кессонов, занимающих всю длину помещения, при помощи металлических хомутов были подвешены к лежащей выше конструкции.

Описанная система плоского подвесного кирпичного свода, выполненная в XVI в., вполне себя оправдала. Свод хорошо сохранился, имел достаточную жесткость, а на поверхности потолка совсем не было трещин. Это был совершенно исключительный для XVI в. пример плоского кирпичного перекрытия.

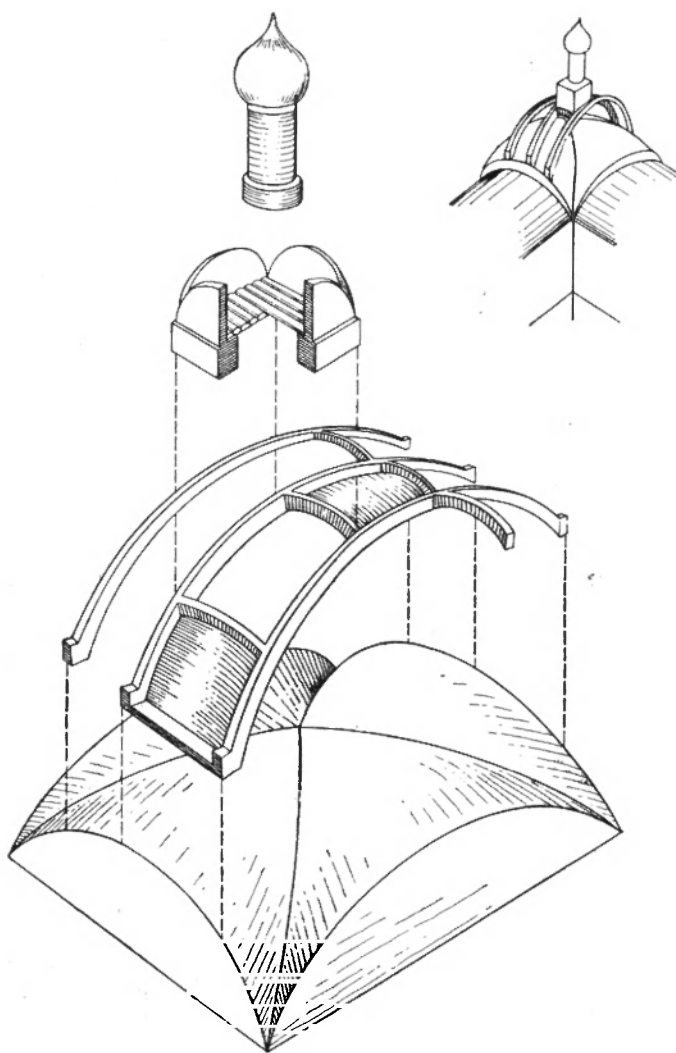
• • •

Не меньший интерес в конструктивном отношении представляет прием постановки на сводчатых покрытиях больших сосредоточенных грузов в виде барабанов с церковными главами, шатров и даже многоярусных башен и звонниц. Наиболее употребительным было при этом местное усиление свода. Так, в Смоленской церкви города Углича (1694) при постановке глухого кирпичного барабана (диаметр 100 см) на цилиндрический свод последний был усилен аркой (шириной 165 см). На этой арке и было возведено квадратное основание постамента (рис. 8). Аналогичный прием применен и в северном приделе (1660) Троицкого собора Данилова монастыря в Переславле-Залесском при расположении глухого барабана на лотковом своде²⁸. В той же Смоленской церкви Углича для установки звонницы над коробовым сводом были перекинуты две поперечные арки. На эти арки и были поставлены продольные стены звонницы.

Если под постаментом было отверстие в своде, то усиливающие свод арки ставились по двум сторонам отверстия, а на них уже располагалось квадратное основание под круглый барабан. Так был поставлен, например, световой барабан над двухлотковым коробовым сводом в церкви Воскресения в Ростовском кремле (1670).

При постановке сосредоточенных грузов на сомкнутом своде зодчий обычно поступал следующим образом: если барабан под центральную главу был световой, то вокруг круглого или квадратного отверстия в центре свода им делался только усиливающий пояс, на который и ставился световой барабан. Такое устройство мы имеем в церкви Спаса на Торгу в Ростове Великом (1685—1690). Если же центральный барабан был глухим и притом значительной высоты, то свод усиливался двумя взаимно-

²⁸ См.: К. П. Иванов. Переславль-Залесский (Путеводитель). Ярославль, 1959, стр. 66.

Рис. 11. Покрытие угловых помещений Воскресенского собора в Старой Руссе

способа постановки барабанов может служить Введенский собор (1689—1693) в Сольвычегодске. Здесь для образования световых проемов нужно было вынуть угловые, мало напряженные участки сомкнутого свода, что не представляло значительных конструктивных трудностей. Более сложная задача стояла перед строителями Спасо-Преображенского собора в Усолье (1727) и Рождественской церкви (1719) в Горьком, так как в этих памятниках барабаны ставились по странам света и нужно было в каждом из четырех лотков свода вынуть среднюю наиболее напряженную часть. Для выполнения этого вынутая нижняя часть свода заменялась распалубкой, на которую и устанавливался световой барабан малой главы. Такая конструкция позволяла передать усилие распора свода из центра опорной части на его углы.

Более сложная конструкция сводчатого покрытия, несущего глухой барабан, применена над библиотекой, расположенной во втором этаже трапезной (1686—

перпендикулярными арками, соединяющими середины сторон основания сомкнутого свода. Благодаря этому усиливающие арки совпадали с направлением действия максимальных усилий в своде. На пересечении арок и устанавливался центральный глухой постамент. Примером подобной конструкции может служить церковь Амвросия (1598) московского Новодевичьего монастыря, где высота барабана законченного пустотелой кирпичной главкой, достигает 8 м.

Барабаны под малые главы при бесстолпном покрытии сомкнутым сводом делались обычно глухими, без оконных проемов, и ставились большей частью по углам свода. Специального постамента под эти барабаны не делалось. Частично они опирались прямо на самый свод, а частично — на стены. Так поставлены барабаны малых глав в ростовских церквях Воскресения (1670), Иоанна Богослова (1683) и в большинстве других памятников архитектуры XVII в. Однако есть примеры (правда, немногочисленные), когда в памятниках XVII в. все пять барабанов делались световыми и ставились либо по углам свода, либо по странам света. Примером первого

1692); Троицко-Сергиева монастыря в Загорске (рис. 9). Покрытие выполнено здесь в виде трех ступенчатых цилиндрических сводов, расположенных таким образом, что центральный из них значительно возвышается над боковым. Для того чтобы избежать поперечных деформаций, повышенный участок свода укрепили контрфорсами с арочными проемами. Средняя часть повышенного свода утолщена на один кирпич и на ней установлен барабан, усиленный по всему периметру ребрами толщиной 0,5 кирпича. Для обеспечения продольной жесткости свода его опорные части соединяются арочными контрфорсами с западной и восточной стенами храма.

В тех случаях, когда сосредоточенная нагрузка сводов по каким-либо причинам была нежелательной, зодчие прибегали к другому приему. В пределах чердака над сводом они сооружали специальные арки, большей или меньшей мощности, опирающиеся на основные стены. На эти арки и ставился сосредоточенный груз, большей частью в виде глухого барабана, несущего главу. Несколько примеров такой конструкции мы имеем в памятниках Николо-Улейминского монастыря под Угличем. Так, над святыми воротами (1713) в восточном прясле ограды этого монастыря поднимается небольшой барабан, несущий главу. Барабан этот установлен на специальной арке, перекинутой над проездом, пролетом в 4 м. Сама арка опирается на боковые стены, ограждающие проезд. Ширина ее равна 2,5 кирпича, высота — 1,5 кирпича. Арка без затяжки, ее распор погашается массивностью боковых пилонов, имеющих ширину 154 см (рис. 10а).

Другой аналогичный пример — церковь Введения (1695) того же монастыря. Здесь храм перекрыт однолуктовым коробовым сводом, над которым с севера на юг перекинута мощная арка пролетом 6 м. Арка опирается на две пилястры, усиливающие стены основного храма, и несет восьмигранный постамент, диаметром 2,8 м, покрытый главой. Распор арки погашается двумя затяжками, сечением 3×5 см каждая, и двумя массивными пилонами (рис. 10, б). Тот же принцип передачи веса сосредоточенного груза через дополнительные конструкции на стены здания применен в Воскресенском соборе (середина XVII в.) в Старой Руссе (рис. 11). В этом храме четыре угловых помещения перекрыты крестовыми впаарушенными сводами. Над сводами устроены три кирпичные арки, связанные между собой маленькими арочками для обеспечения поперечной устойчивости. На эту пространственную систему были поставлены три ряда декоративных кокошников и барабан под главу. Таким образом, вся дополнительная нагрузка передавалась не на крестовые своды, а непосредственно на стены.

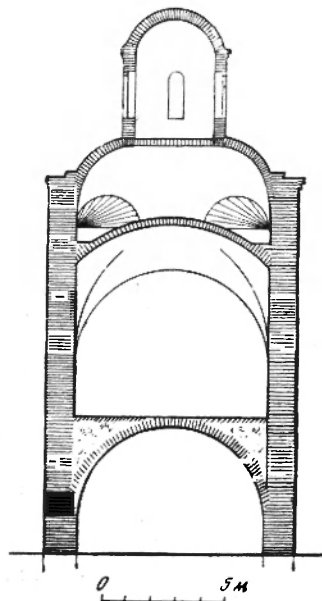
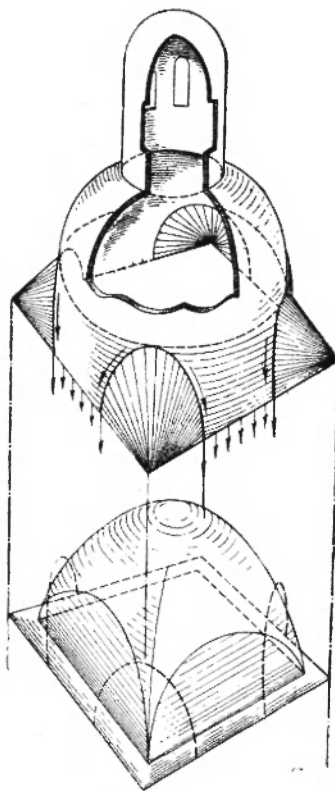

Рис. 12. Покрытие Введенской церкви Вологодского Прилуцкого монастыря

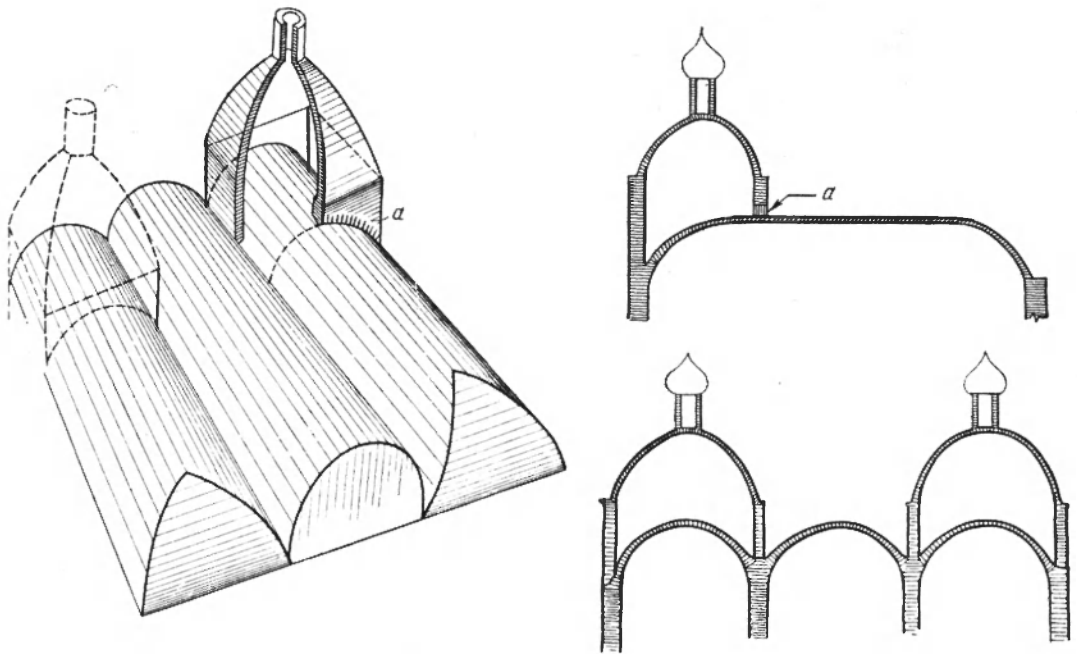

Рис. 13. Покрытие трапезной церкви села Знаменское под Торопцем

Сосредоточенный груз, поставленный на своды, не всегда представлял собой простой барабан, больших или меньших размеров. Иногда это были сооружения в виде шатров, куполов или целых башен. В этих случаях зодчий должен был применять более сложные конструктивные приемы, обеспечивающие устойчивость всего сооружения. Одним из таких примеров может служить Введенская трапезная церковь Прилуцкого монастыря под Вологдой (рис. 12). Для установки большого светового барабана (диаметр 4,16 м), несущего главу, был применен следующий прием. В углах четверика, поднимающегося над крестовым сводом, были устроены конические паруса; на паруса был оперт пологий купол, имеющий в центре отверстие, обрамленное опорным кольцом; на это опорное кольцо и был поставлен световой барабан под главу.

Другой пример — церковь села Знаменского (конец XVII — начало XVIII в.) под Торопцем (рис. 13). Трапезная здесь перекрыта тремя коробовыми сводами, поставленными по продольной оси храма. Над западными концами этих сводов устроены шатрообразные покрытия, несущие барабаны с главами. Три стороны каждого шатрообразного покрытия опираются на стены, а четвертая сторона, проходящая над коробовым сводом, поставлена на арку «а», усиливающую в этом месте свод.

Не меньший интерес в конструктивном отношении представляет так называемая «Соборная колокольня на палатах» (1713) в Соликамске. Здание ее — довольно приземистый куб (17×17 м в плане), стоящий на крутом склоне и благодаря этому имеющий внутри три полных и один неполный этаж, перекрытые различной системой сводов. В центре куба, высота которого около 15 м, возвышается многоярусная, восьмигранная в плане колокольня (высота 26 м). Диаметр нижнего яруса колокольни — 10 м, т. е. значительно меньше основания, на котором она поставлена.

Интересно проследить, как зодчий здесь справляется с задачей постановки меньшего объема на больший при значительных высотах того и другого. Нижний куб на

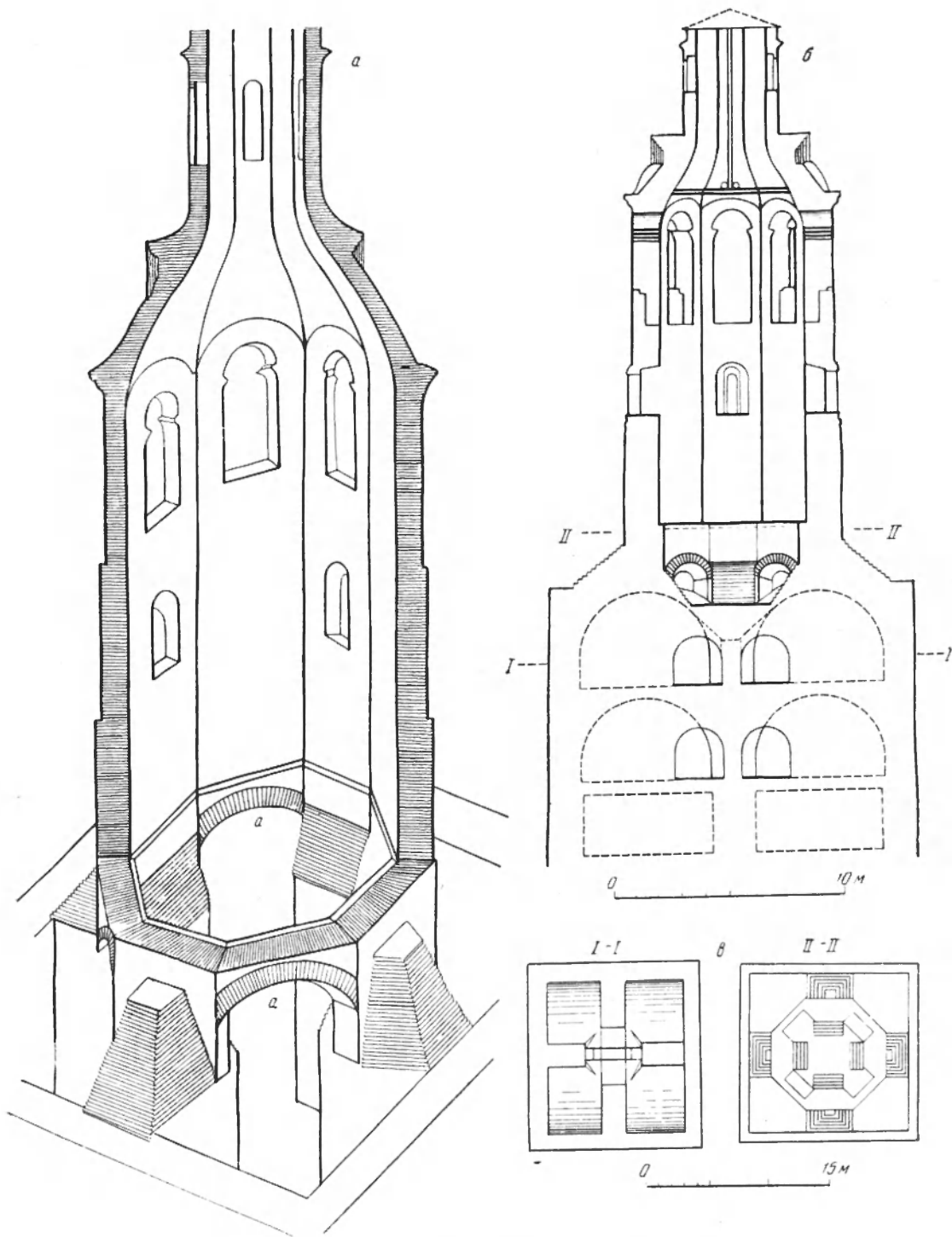

Рис. 14. Колокольня на палатах в Соликамске

всю высоту пересечен двумя внутренними взаимно перпендикулярными стенами, образующими внутренний крест и делящими каждый этаж на четыре помещения (рис. 14). Эти внутренние стены поднимаются выше сводов верхнего этажа, и на них опираются четыре взаимно перпендикулярные стены восьмигранной башни, образующие ее основание. Для придания устойчивости основанию нижние части каждой из четырех стен укреплены контрфорсами. Между четырьмя основными стенами перекинуты диагональные арки, пролетом в 2,75 м и высотой в 1,5 кирпича. На этих арках и стоит восьмигранная башня.

Таким образом, мы имеем здесь интересный способ опирания восьмерика на четверик, осуществленный с помощью четырех опор и четырех перекинутых между ними арок. Говоря о конструктивной основе этого памятника, необходимо отметить также заботу зодчего об устойчивости главного куба, выразившуюся в выборе системы сводов и чередования направления действия распора. Так, первый этаж перекрыт системой цилиндрических сводов, с шельгой, идущей в направлении с севера на юг. Над вторым этажом часть помещений уже перекрыта цилиндрическими сводами с шельгой, идущей с востока на запад. Третий этаж перекрыт системой сомкнутых сводов. Наконец, верхний этаж снова перекрыт цилиндрическими сводами, лежащими в направлении север — юг.

Таким образом, зодчий сумел равномерно распределить усилие действия сводов на все стены сооружения, не создавая перегрузку некоторых из них.

* * *

Приведенные примеры охватывают довольно широкий круг вопросов, связанных с сооружением как гражданских, так и культовых зданий XVI—XVII вв. Анализ архитектурной конструкции древних памятников русской архитектуры показывает, что зодчие того времени очень смело подходили к выполнению тех сложных проблем, которые стояли перед ними. Они никогда не отступали перед трудностями и творчески решали стоявшие перед ними задачи, проявляя много выдумки и изобретательности. В каждом отдельном случае они старались, чтобы конструктивная сторона сооружения была бы органически слита с архитектурным обликом и ни в коем случае не противоречила ему. Изложенное выше показывает, что изучение конструктивной основы памятников архитектуры дает не только богатый материал для истории русской строительной техники, но и раскрывает нам методы, при помощи которых древние зодчие удачно добивались полного единства архитектурной и конструктивной сторон сооружений.

К. А. ПАВЛОВА

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЛИЦЕВОГО КОРПУСА БЫВШИХ ПАВЛОВСКИХ КАЗАРМ В ЛЕНИНГРАДЕ

Военные действия в 1941—1943 гг. нанесли существенные повреждения многим памятникам архитектуры Ленинграда, а в ряде случаев и уничтожили их совершенно. Перед архитекторами, инженерами, строителями-производственниками встали большие задачи по восстановлению зданий и сооружений города. При реставрации памятников архитектуры эти задачи осложнялись еще жесткими условиями необходимости сохранения максимальной подлинности как архитектурного облика здания в целом, так и отдельных его деталей. Сохранение при восстановлении даже самого незначительного, но подлинного, является одним из основных принципов реставрации памятников архитектуры.

Несомненный интерес по технике и методам восстановительно-реставрационных работ в послевоенный период представляет проведенная в 1945 г. работа по выпрямлению фасадной стены лицевого корпуса здания «Ленэнерго», в прошлом Павловских казарм, на Марсовом поле.

Бывшие казармы Павловского полка — выдающийся памятник русской архитектуры первой четверти XIX в. Это одно из наиболее ценных произведений архитектора В. П. Стасова. Здание было воздвигнуто в 1817—1818 гг. путем перестройки и частичного использования фундаментов и стен стоявшего на этом месте старого здания Ломбарда, построенного в 80-х годах XVIII в. архитектором Ю. М. Фельтеном. В. П. Стасов блестяще разрешил задачу оформления гигантского поля, являвшегося плацом для военных учений и парадов, а после Великой Октябрьской социалистической революции ставшего одной из самых красивых площадей города. Главный фасад, обращенный на Марсово поле, был обработан дорическими портиками, поставленными на высокий цокольный этаж. Средний портик, имеющий 12 колонн, увенчан не фронтоном, как боковые, а ступенчатым аттиком, богато декорированным скульптурой.

Здание является одним из наиболее совершенных и художественно-выразительных сооружений позднего русского классицизма. Построенное после победоносного завершения Отечественной войны 1812 г. для Павловского полка, особо отличившегося в походе против Наполеона, оно стало памятником славы русского оружия. Тематика скульптурных панно, изображающих военные атрибуты — оружие, доспехи и эмблемы войны, — связывает здание с площадью, где стоит памятник великому русскому полководцу А. В. Суворову.

Монументальное и массивное здание Павловских казарм имеет три этажа с подвалом. Его наружные стены выложены кирпичом, причем первый этаж сложен в 4 кирпича (106 см), второй — в 3 кирпича (82 см) и третий — в 2,5 кирпича (75 см). Внутренние стены кирпичные — в 3, 2,5 и 2 кирпича. Междуэтажные и чердачное перекрытия деревянные по балкам длиной 8,6 м. Перекрытие над подвалом сводчатое в 1 кирпич. Стропила — деревянные наклонные. Кровля железная¹.

* * *

6 ноября 1941 г. в 7 часов вечера в левое крыло лицевого корпуса здания «Ленэнерго» попала авиационная бомба, сброшенная гитлеровцами. Бомба имела вес 250 кг и была снабжена взрывателем замедленного действия. Пробив крышу, чердачное перекрытие и два деревянных междуэтажных, она упала на пол первого этажа, возле фасадной стены, выходящей на Марсово поле, где и взорвалась через 1 час. 20 мин. после падения.

В результате взрыва обрушились перекрытия над первым и вторым этажами здания, а лицевая стена левого крыла, выходящая на Марсово поле (рис. 1), выпучилась наружу на участке длиной в 32 м и высотой 15 м от пола второго этажа и почти до карниза. Наибольшие отклонения стены обнаружались на уровне 1—1,5 м от пола второго этажа и достигали 15—25 см, причем на уровне перекрытия первого этажа отклонения от вертикали наружу составляли до 15 см, а на уровне перекрытия над вторым этажом — до 25 см. Указанная деформация распространилась также на основание стены, смещение которой достигало 3—4 см в наружную сторону, с отрывом стены от опор сводов над подвалом.

Деформация вызвала в стене многочисленные горизонтальные и вертикальные трещины, распространенные по всей ее плоскости (за исключением венчающей части и цоколя) на площади около 480 кв. м. Особенно большие горизонтальные трещины наблюдались несколько выше пола второго этажа и на уровне пола третьего этажа, примерно в середине корпуса. Вертикальные трещины в кладке образовались под некоторым углом к середине левого крыла и имелись почти над всеми оконными перемычками (рис. 2). Кроме того, в стене появились местные разрушения кладки, сосредоточенные в зонах расположения гнезд для балок перекрытий.

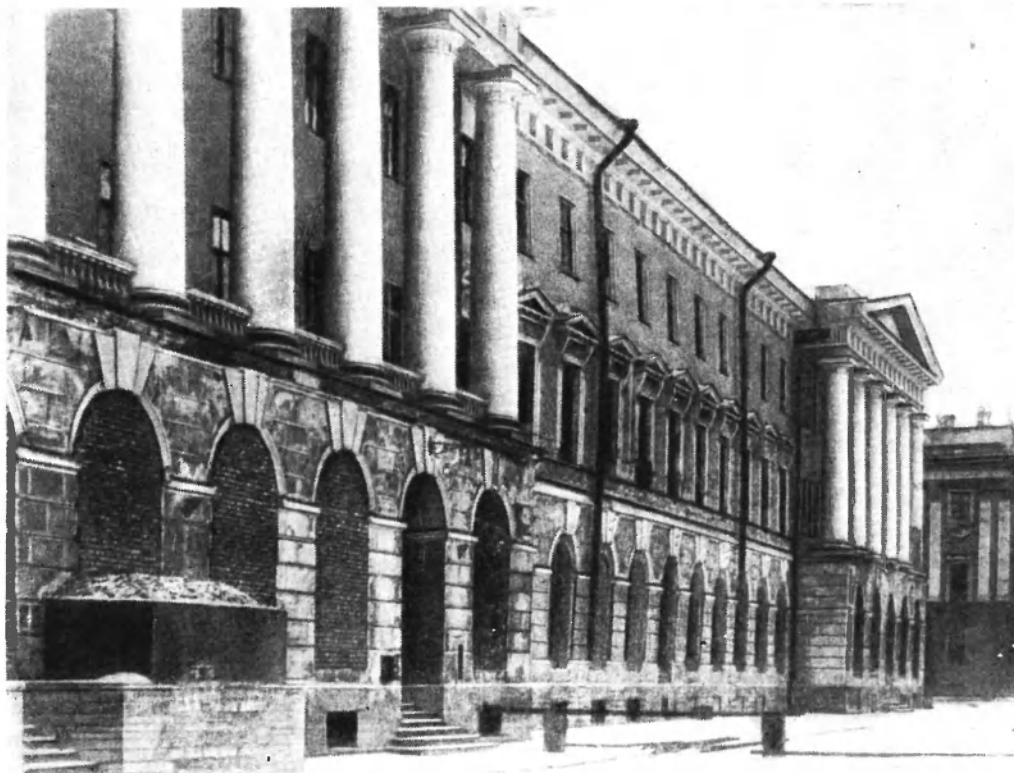
Пострадали также и другие части здания: поперечная внутренняя стена толщиной в 2,5 кирпича обрушилась полностью от пола первого этажа до чердачного перекрытия; металлическая связь из полосового железа на уровне перекрытия третьего этажа вырвалась с анкером (штырем) из фасадной стены. Но связь в уровне чердачного перекрытия по верху поперечной стены сохранилась полностью. Сводчатое перекрытие в 1 кирпич над подвалом, на котором произошел взрыв, сохранилось, что является само по себе интересным фактом². Небольшой обвал среднего участка перекрытия подвала с цилиндрическим сводом пролетом около 2,5 м возник вследствие удара о перекрытие куска кладки обрушившейся поперечной стены весом около 3 т.

Деревянные перекрытия второго и третьего этажей обрушились только в части здания, примыкающей к главному фасаду. Чердачное перекрытие и кровля были повреждены незначительно. Внутренние перегородки оказались частично разрушенными и смещенными со своих мест.

Окна в первом этаже были заложены кирпичной кладкой в один кирпич. Новая кладка, не имевшая связи со старой, была в одном окне (против места взрыва)

¹ Н. И. Васильева. Здание б. Павловских казарм в Ленинграде (Историческая справка). Архив ГИОП, Н — 635.

² Акт экспертизы № 238 от 12 октября 1942 г. проф. Л. П. Шишко. — Архив ГИОП, № 170.

Рис. 1. Выпучивание фасадной стены здания бывших Павловских казарм от разрыва авиабомбы

полностью выброшена наружу и раздроблена в мелкие куски. У второго окна взрывом была вырвана часть заделки. В заделке других окон появились горизонтальные трещины.

Из всего изложенного следует, что наличие металлических связей в уровнях перекрытий в поперечной стене, часто расположенные мощные балки с брусчатым подбором и хорошее качество строительных работ предотвратили немедленный обвал фасадной стены и уменьшили размеры разрушений³.

* * *

В 1944 г. перед проектантами и строителями встал вопрос о восстановлении здания бывших Павловских казарм. Трест «Ленпроект» в октябре 1944 г. закончил разработку проекта в двух вариантах. По первому варианту предлагалась частичная разборка поврежденной стены и замена ее новой, причем для сохранения верхнего карниза и чердачного перекрытия, а также для освобождения стены от нагрузки проектировались коренные леса. Второй, впоследствии принятый за основу вариант предусматривал ликвидацию деформаций наружной стены путем притягивания ее внутрь здания без разборки. Во втором варианте было принято во внимание:

³ Технический паспорт о поражении здания б. Павловских казарм со схемами разрушения за № 31 от 19 декабря 1941 г. (Архив ГИОП, № 170); Технический паспорт о поражении здания б. Павловских казарм со схемами разрушений за № 31-а от 14 января 1942 г. — Там же, № 170.

характер деформации, относительно небольшое отклонение выпученной стены от вертикали, необходимость избежать значительных по объему работ по перекладке фасадной стены и максимальное сохранение подлинных элементов здания.

Второй вариант был запроектирован как экспериментальный, ибо вероятность восстановления здания путем притягивания стены подтвердить точным расчетом было трудно.

Однако возможность выпрямления стены способом притягивания определялась из приближенного расчета, рассматривающего деформированную полосу стены как систему жестких тел. Система представлялась в виде трех массивов, расположенных на ломаной линии, соответственно переломам стены. На основании закона живых сил, пренебрегая малыми значениями скоростей, было составлено выражение равенства работ: с одной стороны — натяжных механизмов, а с другой — работа тел на вертикальных перемещениях, происходящих при спрямлении ломаной линии. В результате было найдено, что для ликвидации деформации в намеченных проектом пределах должно быть применено натяжное усилие не менее 70 т на весь участок поврежденной стены. Остаточные деформации были приняты на основании § 166 «Указаний по восстановлению поврежденных зданий» Наркомстроя 1943 г. и равнялись 10 см.

Подтягивание стены предусматривалось пятью специальными натяжными устройствами, состоящими из двух пар металлических тяжей круглого сечения и винтового ручного домкрата. Неподвижность одной пары тяжей, необходимая для перемещения деформированной стены, обеспечивалась устойчивостью наружной дворовой и внутренней продольной стенами, которые для общей жесткости закреплялись деревянными распорками.

Подвижная пара тяжей соединяла домкрат с подтягиваемой фасадной стеной. Изменение расстояния между элементами, соединяющими концы тяжей попарно, создавало стягивающее усилие обратного направления и сокращало общую длину тяжей. Сокращение длины тяжей вызывало перемещение выпученной зоны деформированной стены. Домкрат поддерживался временными козлами на уровне натяжного приспособления (низ окон второго и третьего этажей).

Для закрепления тяжей на стенах, а также во избежание сдвигов и для равномерного распределения усилий на поле стены, как на лицевом, так и на дворовом фасадах были запроектированы решетки из металлических балок. Решетки состояли из вертикальных распределительных элементов, устанавливаемых у каждого края междуоконного простенка, и из горизонтальных рабочих элементов, расположенных на уровнях низа окон второго и третьего этажей.

К рабочим балкам решеток концы тяжей прикреплялись при помощи стремян и гаек; которыми должна была производиться регулировка длины каждой ветви парных тяжей при монтаже натяжного устройства. Сечения металлических элементов и их сопряжений были подобраны из предположений работы металла с напряжением, близким к пределу пропорциональности, что допускало применение винтовых, ручных домкратов грузоподъемностью до 20 т.

Проектом были предусмотрены следующие этапы работ по притяжению стены:

Первый этап — придание всей системе исходного минимального натяжения для проверки монтажа системы и устранения в дальнейшем случайных смещений, обмятий и т. д. Одновременно требовалось произвести расчистку трещин в стене.

Второй этап — установка измерительной аппаратуры для определения перемещения стены и фиксация первоначальных и последующих положений отдельных характерных точек деформированной стены.

Третий этап — непосредственно рабочее натяжение, причем вначале должны были включиться домкраты верхней зоны, а после начала движения стены — домкраты нижней зоны.

Четвертый этап — установка анкерных балок и заливка трещин в кирпичной стене после максимального натяжения, но до ослабления натяжных устройств.

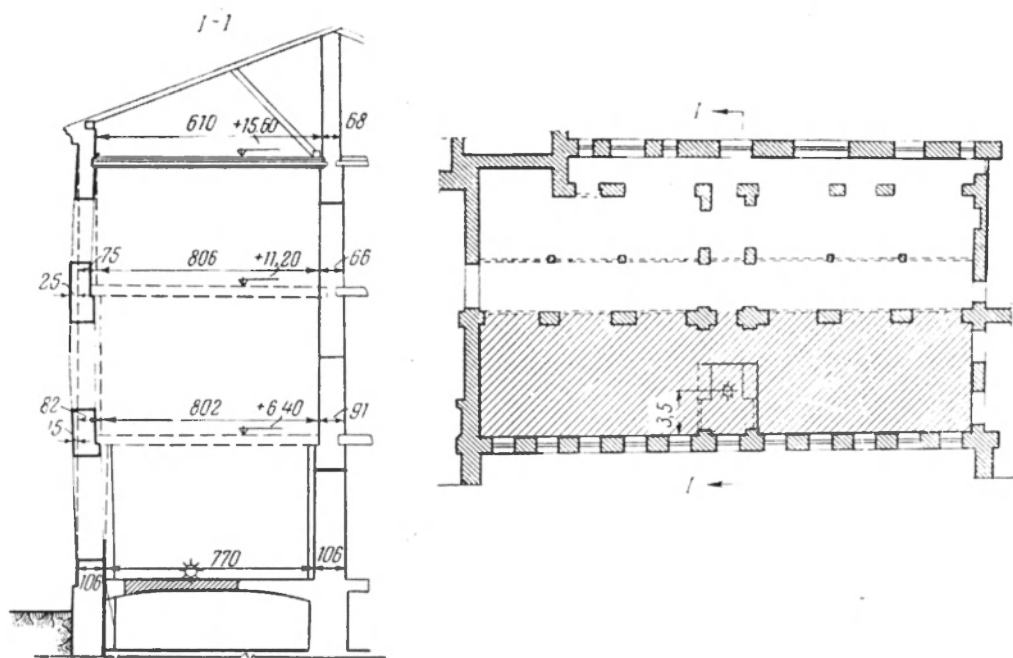

Рис. 2. Схема плана первого этажа и разрез здания бывших Павловских казарм с указанием места разрыва бомбы и участками разрушения.

При этом балки в междуэтажных перекрытиях укладывались в старые гнезда и анкеровались с использованием элементов старых связей (путем приварки и наращивания).

Проектом предусматривалась также разгрузка стены от чердачного перекрытия и венчающей части стены при помощи лесов.

Уточнение разработанного «Ленпроект» способа восстановления стены было произведено Техническим отделом Управления аварийно-восстановительных работ «Ленэнерго» в июне 1945 г. Принцип «подтягивания» стены при помощи домкратов и метод расчета, предложенный трестом «Ленпроект», был принят. Однако вместо 10 домкратов в уточненном проекте принималось 14.

Вспомогательные леса вновь разработанной конструкции, состоящие из стоек диаметром 16, 20 и 25 см, воспринимали вес чердачного перекрытия, полностью освобождая при подтягивании наружную деформированную стену от этой нагрузки. Причем главная стойка (у самой фасадной стены) в местах опоры на нее перекрытия была расклинена березовыми клиньями. Эта стойка должна была подвергаться систематическим наблюдениям во время подтягивания стены.

Упорные брусья лесов в горизонтальной плоскости, перпендикулярные к наружной стене, имели оголовки из брусьев сечением 200×250 мм, и их вертикальная грань совмещалась с плоскостью нормального положения стены, являясь удерживающей опорой от избыточного перемещения стены в процессе ее подтягивания. Крепление дворовой стены делалось также из круглого леса и брусьев. Распорки и подкосы ставились из круглого леса диаметром 20—24 см и распирались березовыми клиньями.

Во избежание сдвига отдельных плоскостей стены при подтягивании и для закрепления тяжелой была запроектирована решетка из металлических балок, но уже с включением в работу большей площади фасада (вместо пяти оконных проемов включалось

Рис. 3. Металлическая рама, поставленная на главный фасад здания бывшего Павловских казарм

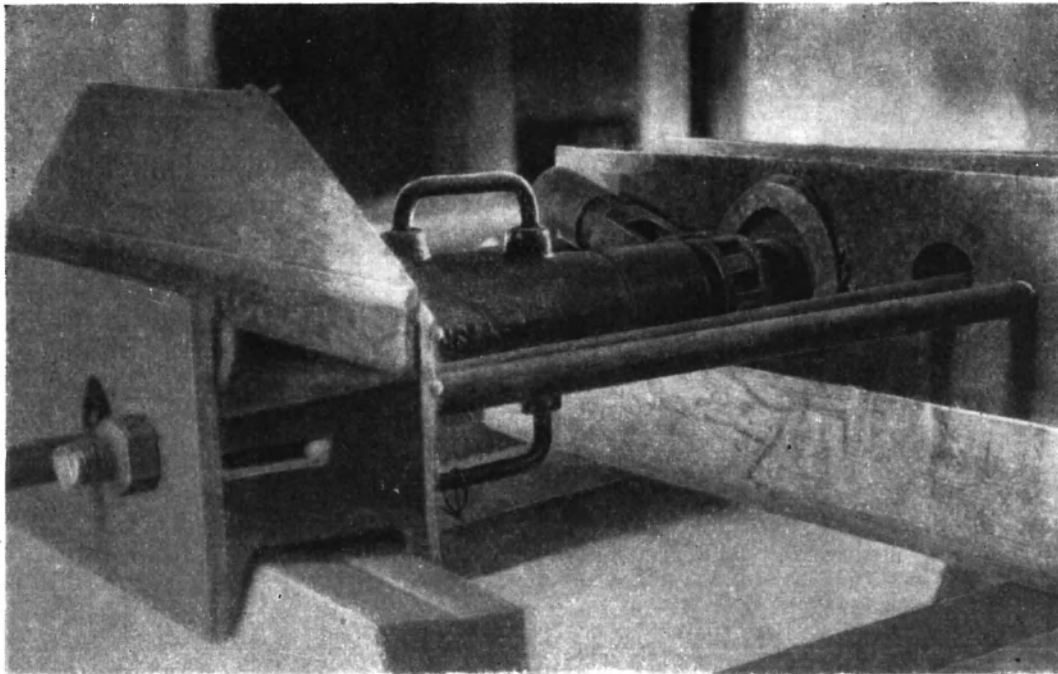
семь). Решетка состояла из тавровых балок № 24 и швеллерных № 24 и № 18. Вертикальные элементы решетки прикреплялись к простенкам при помощи швеллеров № 18 (рис. 3). Сборка решетки должна была производиться на мостовой перед зданием; подъем клеток — при помощи подъемной стрелы. Для осуществления подтягивания стены были применены домкраты высотой 620—580 мм с диаметром верхнего оголовка — 80 мм и подошвой размером 265 × 265 мм (рис. 4). Проект предусматривал установку на уровне пола второго и третьего этажей 14 домкратов. Тяжи были из круглого железа диаметром 24 мм (см. рис. 4,б).

Таковы были основные моменты, уточняющие предложения треста «Ленпроект». Проект получил экспертизу доктора технических наук профессора Б. Д. Васильева (19 июля 1945 г.) и был принят к исполнению⁴.

* * *

Полный цикл работ по выпрямлению проектировалось осуществить отдельными периодами — «скачками». Промежуток времени между «скачками» был необходим для подготовительных работ: устройства дощатых прокладок под направляющие рамы, выверки упорных брусьев, подрубки пилястр в нижнем сечении стены с целью уменьшения площади сопротивления сдвигу, подрубки поясков, проверки клиньев, смены домкрата ввиду мелкой аварии и т. д.

⁴ Проект организации работ по восстановлению лицевого корпуса здания «Ленэнерго», составленный Техническим отделом Управления аварийно-восстановительных работ «Ленэнерго» в июне 1945 г., черт. № 1 — 4 (Архив ГИОП, № 170).

Рис. 4. Общий вид домкрата

Процесс выпрямления стены вместе с вспомогательными и подсобными работами продолжался три дня — с 16 по 18 октября 1945 г. Собственно выпрямление (работа домкратов) заняло 1,5 часа, причем было совершено 11 «скачков» при средней продолжительности «скачка» в 8 минут (16 октября 5 перемещений, 17 октября — 2 и 18 октября 4 перемещения).

Регулировка домкратов на каждый этап выпрямления должна была производиться в зависимости от размеров прогибов стены на участке, примыкающем к тязам данного домкрата и фактическим перемещением стены на предыдущий скачок. За основу определения заданий для перемещений винтового хода домкратов по первым четырем «скачкам» был принят принцип одновременной работы всех домкратов. Таким образом, перемещение хода домкрата IV, например, для одного «скачка» принималось равным 20 мм. К концу первого дня работы после четвертого «скачка» обнаружилось более интенсивное перемещение верхней зоны, по сравнению с нижней, и отставание в перемещениях стены с наибольшей выпуклостью в нижней зоне.

Во избежание возможного перемещения (сдвига) верхней зоны по нижней на протяжении пятого и шестого «скачков» работали домкраты только нижней зоны. При этом оказалось, что перемещения стены обеих зон при работе домкратов только нижней зоны были почти равными. Это обстоятельство объясняется наличием металлической рамы, установленной на всей площади фасадной стены, подвергающейся перемещению. Кроме того, фасадная стена нижней зоны имела большую массу, по сравнению с верхней зоной, так как уширялась пилястрами и воспринимала распор кирпичного свода.

Для придания равномерного характера перемещения всей стены по вертикали на всех последующих «скачках» задания для домкратов верхней зоны определялись меньшими, по сравнению с нижней зоной. На пятом «скачке» при работе домкратов нижней зоны создались особо неблагоприятные условия для домкрата V, так как

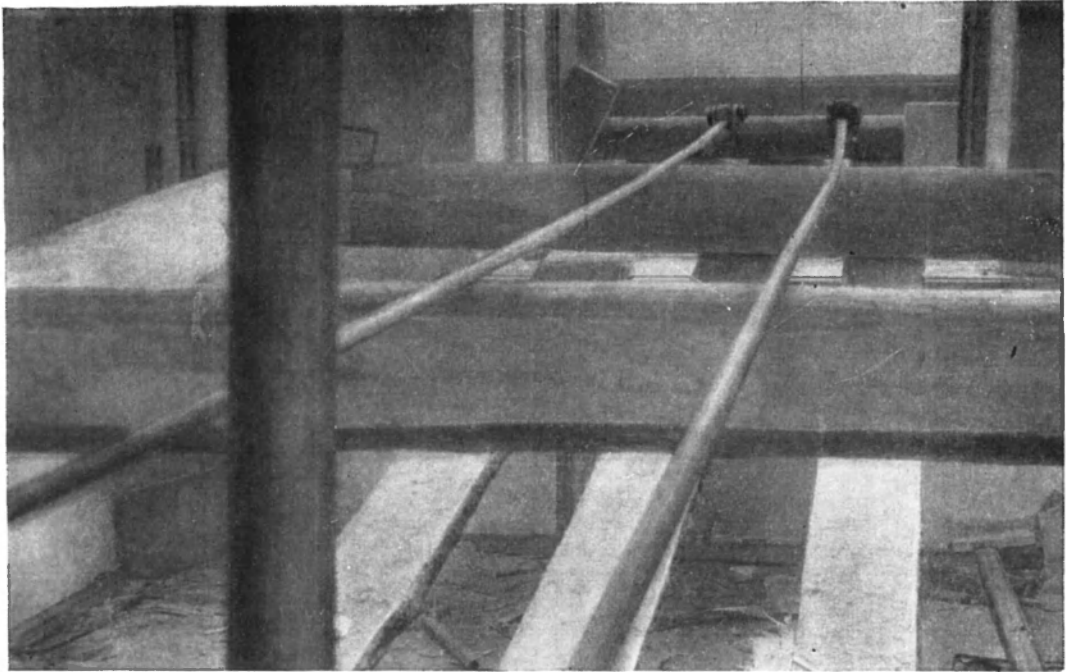

Рис. 5. Общий вид тяжей

последний был установлен по оси наибольшей ординаты кривой прогибов. Необходимо было проверить напряжение стальных тяжей домкрата, для чего домкрат был разгружен и на нем были установлены парные тензометры системы проф. Н. Н. Листова. В последующем тяжи домкрата V были доведены до первоначального натяжения, и определено напряжение в тяжах по тензометрам, которое выражалось в 1000 кг/см^2 . Увеличение тяговых усилий на этом домкрате становилось недопустимым. В результате часть нагрузки домкрата V была передана на смежные домкраты IV и VI, после чего напряжение в тяжах домкрата V снизилось до 550 кг/см^2 , и его работа была приведена в норму.

Небезынтересно отметить, что после разгрузки домкрата V (ослабление тяжей) обнаружили лишь незначительные обратные деформации стены, не превышающие 2 мм. По окончании работы домкратов стена была закреплена заанкерованными балками междуэтажных перекрытий первого и второго этажей. Предварительно расчищенные и промытые швы и трещины заполнены цементным раствором (1 : 3) под напором.

* * *

Одним из требований проекта выпрямления стены здания «Ленэнерго», как это было указано выше, была необходимость строгого наблюдения за состоянием стены и натяжной системы в целях регулирования работы домкратов при производстве подтягивания стены. Наблюдения за перемещением стены и домкратов производились старшим научным сотрудником НИИКХ В. В. Максимовым и старшим инженером Р. И. Черненко. Измерительная аппаратура для определения перемещения винта домкратов помещалась у каждого из 13 работающих домкратов (было установлено 13 домкратов вместо 14 по проекту) и состояла из начерченных на ватмане масштабных линеек с точностью делений до 5 мм. Линейки прикреплялись к станине стычного устройства у его подвижной опоры.

Измерительная аппаратура для определения перемещений стены состояла из деревянных реек-планок с прикрепленными к ним масштабными линейками с точностью делений до 1 мм. Было установлено 14 линеек. В верхней зоне (между III и II этажами) и в нижней зоне (между II и I этажами) с внутренней стороны стены были натянуты горизонтальные струны, закрепленные каждая двумя концами в недеформированном участке стены. Рабочая длина струны верхней зоны составляла 35 м, нижней — 38 м. Горизонтальная ось каждой линейки была линией пересечения двух плоскостей — вертикальной (ось простенка) и горизонтальной (струна).

Перед началом работы домкратов были тщательно промерены расстояния от струны до внутренней поверхности выпученной стены и построены кривые прогибов нижней и верхней зон наблюдений.

Для построения кривой прогибов были произведены следующие вычисления:

1. По верхней зоне

Расстояние между крайними точками струны «В» и «Е» = 35 м

Точки и оси простенка	Расстояние от стены до горизонтальной струны в мм	Приведенное расстояние в мм	Вычисления
В	508	0	$\frac{508 - 395}{35} - 3 \text{ мм}$
I-Л-8	556	66	
II-Л-9	608	129	$(690 - 395) - 3 \times 10,5 = 263 \text{ мм}$
III-Л-10	645	177	$(714 - 395) - 3 \times 14 = 277 \text{ мм}$
IV-Л-11	670	212	$(693 - 395) - 3 \times 17,5 = 245 \text{ мм}$
V-Л-12	693	245	$(670 - 395) - 3 \times 21 = 212 \text{ мм}$
VI-Л-13	714	277	$(675 - 395) \times 3 \times 24,5 = 177 \text{ мм}$
VII-Л-14	690	263	$(608 - 395) - 3 \times 28 = 129 \text{ мм}$
Е	395	0	$(556 - 395) - 3 \times 31,5 = 66 \text{ мм}$

2. По нижней зоне

Расстояние между крайними точками струны «А» и «Е» = 38 м

Точки и оси простенка	Расстояние от стены до горизонт. струны в мм	Приведенное расстояние в мм	Подсчеты
А	495	0	$\frac{495 - 416}{38} \sim 2 \text{ мм}$
В	535	58	
I-Л-1	565	86	
II-Л-2	625	153	$(483 - 416) - 2 \times 3,5 = 60 \text{ мм}$
III-Л-3	640	175	$(569 - 416) - 2 \times 7 = 139 \text{ мм}$
IV-Л-4	648	189	$(616 - 416) - 2 \times 20,5 = 179 \text{ мм}$
V-Л-5	688	237	$(678 - 416) - 2 \times 14 = 234 \text{ мм}$
VI-Л-6	677	234	$(688 - 416) - 2 \times 17,5 = 237 \text{ мм}$
VII-Л-7	616	179	$(647 - 416) - 2 \times 21 = 189 \text{ мм}$
С	569	139	$(640 - 416) - 2 \times 24,5 = 175 \text{ мм}$
Д	483	60	$(625 - 416) - 2 \times 28 = 86 \text{ мм}$
Е	416	0	$(535 - 416) - 2 \times 35 = 59 \text{ мм}$

Наблюдения проводились на каждом этапе работы. При этом составлялись индивидуальные задания для перемещения винтов домкратов. По окончании этапа натяжения производились отсчеты по измерительным стеновым рейкам, и данные по каждой рейке заносились в журнал.

Окончание этапа натяжения определялось старшим монтажником по отсчетам на линейках у домкратов специальными наблюдателями (по одному-двум на каждую зону). При этом соответственно записям в журналах наносились кривые для верхней и нижней зон, которые фиксировали положение стены после «скачка», и составлялся сводный журнал наблюдений.

Наряду с указанными наблюдениями производился надзор за состоянием стены и выборочное наблюдение за работой тязей путем определения напряжения при помощи тензометров. Все это давало возможность техническому руководству изменить и уточнить принятый метод подтягивания стены и избежать возможных аварий.

На основании наблюдений о перемещении стены и домкратов можно дать качественную оценку произведенной работы и определить остаточную деформацию степ. Так, суммарные значения перемещений хода домкратов и отсчетов по линейкам позволили установить среднее значение показателя, характеризующего отношение перемещения стены к перемещению хода домкрата и равного для нижней зоны — 0,7 а для верхней зоны — 1,2. Сумма перемещений домкратов для зон наблюдений выражалась: для нижней — в 1200 мм, а для верхней — в 900 мм.

Приведенные данные говорят о различной степени сопротивления элементов стены сдвигающим усилиям по ее высоте. Кроме того, по данным наблюдениям можно было установить коэффициент использования натяжного устройства.

По диаграмме перемещений можно было подсчитать полную площадь сдвига — ω , рабочую площадь сдвига, ограниченную начальной кривой и кривой последнего скачка ω_p и остаточную площадь, показывающую остаточную деформацию по окончании рабочего процесса выпрямления — ω_0 . Следовательно, $\omega = \omega_p + \omega_0$.

После подсчета были определены следующие площади для верхней и нижней зон в см²:

Площадь	Нижняя зона	Верхняя зона
ω	39218	42 157
ω_p	32970	32 410
ω_0	6248	97 47

Отношение $\frac{\omega_p}{\omega_0}$ устанавливает степень использования натяжного устройства: для верхней зоны $\frac{32\,420}{42\,157} = 0,77$ и для нижней $\frac{32\,970}{39\,218} = 0,84$.

Полученные цифры указывают, что коэффициент использования верхней зоны ниже, чем нижней зоны, и что оба коэффициента достаточно близки к 1, т. е. в проекте был принят некоторый запас прочности натяжных устройств, и количество домкратов выбрано правильно.

По данным наблюдений определяется, наконец, и остаточная деформация стены. Для верхней зоны — 4,6 см (max — 6,7 см, min — 2,8 см); для нижней зоны — 5,1 см (max — 6,8 см, min — 3,6 см).

По окончании выпрямления стены были проведены контрольные промеры по четырем отвесам и получены следующие данные:

Наименование этажей	Отсчеты по вескам в мм			
	I	II	III	IV
1 этаж	560	560	560	560
2 этаж	600	600	570	575
3 этаж	610	600	555	550

Контрольные промеры подтверждают, таким образом, данные рабочей документации и устанавливают, что остаточные деформации не превышают 6 см. Проектом же остаточная деформация ограничивалась 10 см.

* * *

После выпрямления стены были сделаны междуэтажные перекрытия и отремонтировано чердачное перекрытие, установлены перегородки (соответственно прежней планировке), а по окончании штукатурных работ производилась отделка внутренних помещений.

Наблюдения за состоянием подтянутой стены продолжалось в течение года, причем не было обнаружено никаких дополнительных деформаций. Это позволило в следующем строительном сезоне (1946) реставрировать и окрасить фасад, т. е. полностью закончить восстановительно-реставрационные работы. Строительная организация Управления аварийно-восстановительных работ «Ленэнерго» в самый короткий срок прекрасно справилась с поставленной задачей, сохранив подлинную кладку стены при минимальных затратах труда и материальных ресурсов.

Таким образом, выпрямление стены здания «Ленэнерго» — бывших Павловских казарм — ценный инженерный вклад в практику восстановительно-реставрационных работ.

Р. А. РОЗЕНФЕЛЬД

КРАСНЫЕ МОСКОВСКИЕ ИЗРАЗЦЫ

Многие из реставрируемых памятников архитектуры имеют в наружном и внутреннем декоре изразцы. Нередко изразцы встречаются и в забутовке полов зданий. Последние происходят, обычно, из развалов изразцовых печей.

Изучение изразцов при восстановлении декора сооружений совершенно необходимо. После больших археологических раскопок в Москве, в ряде подмосковных городов составились значительные коллекции изразцов, с достаточной полнотой характеризующие московское изразцовое производство XVII—XVIII вв. Эти коллекции особенно важны для изучения начала московского изразцового производства, когда изразцы употреблялись преимущественно для печей.

Следует заметить, что изразцовые печи были сравнительно недолговечными и до нашего времени дошли только отдельные их экземпляры, относящиеся главным образом к самому концу XVII и XVIII вв. Большая часть их перекладывалась и может дать только приблизительное представление о конструкции изразцовой печи того периода.

Время появления в Москве изразцового производства до сих пор не выяснено с достаточной определенностью. Н. В. Султанов, один из первых исследователей наиболее ранней группы московских изразцов, названной им красными, на основании анализа бытовых реалий, их лицевых поверхностей отнес их к XVI в. Одновременно он высказал предположение, что изразцовое производство в Москве могло возникнуть с начала XVI в.¹ Другой крупный знаток изразцового производства А. В. Филиппов, соглашаясь в основном с Н. В. Султановым, полагал, что красные изразцы в Москве могли производиться в XVI в.² Ту же дату начала изразцового производства в Москве приводит и М. Г. Рабинович³.

Все эти датировки не получили подтверждения при раскопках в Москве. Найденные при археологических исследованиях изразцы, в том числе и наиболее ранние из известных, т. е. красные, обнаружены в слоях XVII в. В горизонтах культур-

---

¹ Н. В. Султанов. Древнерусские красные изразцы. — «Археологические известия и заметки», № 12, 1894, стр. 369—397.

² А. В. Филиппов. Древнерусские изразцы, вып. 1. М., 1938, стр. 32.

³ М. Г. Рабинович. Московская керамика. — МИА СССР, № 12. М., 1949, стр. 82.

ного слоя XVI в. в Москве изразцов нет. Из старых датированных коллекций красных изразцов наибольший интерес представляет коллекция Политковского, собранная на месте лагеря Лжедмитрия в селе Спас-Тушино⁴. Лагерь этот существовал в 1608—1609 гг. Среди собранных на его территории красных изразцов представлены только наиболее ранние их разновидности, близкие по времени к началу изразцового производства в Москве. Шестнадцатый век в Москве достаточно подробно освещен письменными источниками. Ни один из них не говорит об изразцовом производстве в городе. Немногочисленные изразцовые печи, бывшие в конце XVI в. в царском дворце и патриарших покоях, по свидетельствам документов, все привозные, собранные польскими и украинскими печниками. Внимательное изучение документов XVI—XVII вв. позволило П. А. Баклановой говорить об отсутствии собственного изразцового производства в Москве до XVII в.⁵

Той же точки зрения относительно начала изразцового производства в Москве придерживаемся и мы. Ошибка Н. В. Султанова при оценке бытовых реалий красных изразцов, как будет показано ниже, состояла в том, что он анализировал фактически бытовые предметы сказочных картин «Александрши», представленные на изразцах, при передаче которых мастер-резчик изразцовой формы сам делал в изображениях исторический экскурс, правда, в более близкое для него прошлое.

Все ранние московские изразцы можно разделить на несколько серий, отличающихся размерами и формой лицевой пластины, наличием на ней дополнительных покрытий в виде поливы или многоцветной глазури, типом румпы, глиной, из которой они изготовлены, и наличием или отсутствием на лицевой поверхности плоской рамки, окантуривающей изображение. В свою очередь эти довольно многочисленные серии можно объединить в две большие группы, первоначально четко между собой различающиеся. Одна группа изразцов имела коробчатую румпу и плоскую рамку, окантуривающую квадратную лицевую пластину изразца. Другая группа их была снабжена румпой, отступающей от края лицевой пластины изразца, и не имела рамки по контуру лицевой пластины. Первая группа рамочных изразцов с коробчатой румпой пользовалась в Москве широким распространением с начала XVII в. до середины его. Подобного вида изразцы хорошо известны на Западе (Польша, Австрия, Германия) во второй половине XVI в. Московские рамочные изразцы первой половины XVII в., по-видимому, явились переработкой этой общеевропейской формы изразцов. Однако представленные на них сюжеты и орнаменты исполнены русскими мастерами в полном соответствии с художественными вкусами москвичей того времени. Совпадений в сюжетах между московскими и европейскими изразцами почти нет. Наиболее ранними в этой группе рамочных изразцов были красноглиняные рельефные бесполивные изразцы, называемые обычно красными изразцами.

Красные изразцы — печные и первоначально употреблялись только для облицовки печей. В зависимости от места изразца в печной облицовке они различаются между собой формой лицевой поверхности и конструкцией румпы. Изразцы, входящие в облицовку печи, образуют печной набор. Основой набора печи, сложенной из красных изразцов, были стенные изразцы. Они имеют вид квадратной пластины, толщиной около 1 см, на одной стороне которой при помощи резной формы оттискивалось рельефное изображение, заключенное в плоскую рамку, шириной около 2 см. С обратной стороны у стенных изразцов имелась румпа или короб, при помощи которого изразец удерживался в печной облицовке. Румпа красных стенных изразцов имеет вид ящика с боковыми стенками, слегка скошенными внутрь, дном которого является лицевая пластинка изразца. Высота румпы у красных изразцов обычно — 7—9 см, толщина — около 1 см.

⁴ А. В. Арциховский. Основные вопросы археологии Москвы. — МИА СССР, № 7. М., 1947, стр. 20.

⁵ П. А. Бакланова. Обстановка Московских приказов в XVII в. — Тр. ГИМ, вып. 3, М., 1926, стр. 53—100.

Красные стенные изразцы, как и другие разновидности красных изразцов, изготовлялись из красножгущихся глины типа суглинков, которые шли на изготовление обычного строительного и печного кирпича. Глина для изразцов обрабатывалась более тщательно. Из нее удалялись различные механические примеси, главным образом камни, которые могли дать при обжиге разрывы в сравнительно тонких стенках изразца.

Красноглиняные стенные изразцы делались при помощи специальной деревянной формы. Она укреплялась на гончарном круге резным изображением кверху, и на нее накладывался пласт глины, прижимающийся к резному изображению. После формовки лицевой пластины на изразец накладывалась рамочная форма для коробчатой румпы изразца.

Другим необходимым элементом облицовки печи из красных изразцов были изразцы стенные угловые, которые употреблялись для выкладки углов. В отличие от обычных стенных изразцов они имеют румпу, срезанную с одной стороны под углом в 45° . Два изразца подобного вида со срезанными румпами при соединении образуют угол печной облицовки. Для удобства набивки румпы угловых стенных изразцов глиной в румпе делался полукруглый вырез. Угловые стенные красные изразцы изготовлялись таким же способом, как и обычные стенные изразцы, только после формовки их ненужные части румпы отрезались ножом.

Третья разновидность красных изразцов — это изразцы стенные угловые половинки. Такие изразцы также шли для устройства угла печной облицовки и имели румпу, с одной стороны срезанную под углом 45° . Лицевая пластина их равна половине лицевой пластины стенового изразца. Такие изразцы были необходимы в облицовке для получения перевязки ее швов. Угловые стенные изразцы-половинки изготовлялись из полных стенных изразцов. Ножом они делились на две половинки и румпы их срезались под углом в 45° от середины лицевой пластины изразца. В одном ряду облицовки угол выкладывался из полного и половинного стенового углового изразца.

Размер лицевой пластины полного стенового изразца был обычно $19,5—20 \times 19,5—20$ см. Угловые стенные изразцы-половинки имеют размер лицевой пластины $9,5—10 \times 19,5—20$ см. В литературе стенные изразцы таких размеров обычно называют изразцами «большой руки»⁶. Гораздо реже встречаются красные стенные изразцы «малой руки» со стороной лицевой пластины в $12—16$ см. Интересно, что среди них не встретилось ни одного углового стенового изразца. Следует также отметить, что в развалах печей, сложенных из красных изразцов «большой руки», ни разу не встретились изразцы «малой руки».

Четвертым элементом облицовки печи, сложенной из красных изразцов, были изразцы поясовые. Они имели вытянутую в горизонтальном направлении лицевую пластину. В средней части лицевой пластины размещалось рельефное изображение, ограниченное сверху и снизу по длинным сторонам изразца плоской рамкой, подобной рамке красных стенных изразцов. Ширина ее та же — 2 см. Короткие концы пластины рамки не имели. Такие красные поясовые изразцы употреблялись для выкладки горизонтальных поясов в печной облицовке. На их лицевой поверхности обычно изображался бесконечный растительный орнамент. Все поясовые изразцы в одной печи бывали одной высоты и имели одинаковый орнамент их лицевых пластин. На оборотной стороне каждого поясового изразца — коробчатая румпа такая же, как и у стенных изразцов; высота ее 6—7 см.

Для выкладки углов печной облицовки на уровне поясовых изразцов употреблялись угловые поясовые изразцы. Они были двух типов. Одни — поясовые угловые изразцы с лицевой пластинкой обычного размера и срезанной с одной боковой стороны румпой, другие (эти встречаются чаще) поясовые угловые изразцы с лицевой

⁶ А. В. Филиппов. Указ. соч., стр. 38.

вой пластиной, ширина которой составляла $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{3}$ от ширины полного поясового изразца.

Как и стенные изразцы, красные поясовые изразцы формовались в деревянных формах, но уже без помощи гончарного круга. Угловые поясовые изразцы изготовлялись из полных (лишнее срезалось ножом). Размеры полных поясовых изразцов 26—28×9,5—11 см. Следует отметить, что наряду с красными поясовыми изразцами указанных размеров крайне редко встречаются поясовые изразцы высотой в 7—8 см и румпой глубиной в 4—5 см. Назначение их в печной облицовке пока не ясно.

Необходимым элементом печной облицовки были также красноглиняные изразцовые перемычки или, как их иногда называют, изразцовые тяги. Они имеют вид полукруглого глиняного валика, на сферической поверхности которого (она была лицевой) наносился обычно растительный или геометрический орнамент. От оборотной плоской стороны валика отходил глиняный гребень — румпа, при помощи которой изразцовая деталь крепилась в печной облицовке. Перемычки изготовлялись в деревянных формах. Тогда же формовался и их гребень.

По расположению изразцовых перемычек в облицовке печи их следует разделить на перемычки вертикальные и горизонтальные. Вертикальные изразцовые перемычки вставлялись между соседними стенными изразцами и разделяли их. Закрапны, имевшиеся на оборотной стороне перемычки, прикрывали сверху боковые части плоской рамки стенных изразцов. Этими перемычками закрывали вертикальные швы между стенными изразцами. Длина вертикальной перемычки равнялась высоте лицевой пластины стенового изразца. Ширина их 3—3,5 см. Горизонтальные красные перемычки вставлялись в горизонтальные швы печной облицовки между рядами стенных изразцов или между рядом стенных и поясовых изразцов. Длина горизонтальных перемычек больше, чем длина вертикальных перемычек, и равнялась 24—26 см. Орнамент на вертикальных и горизонтальных перемычках в одной печи, как это удалось проследить, мог быть и одинаковым и разным. При раскопках встречались короткие вертикальные перемычки, длина которых была равна длине стороны лицевой пластины стенных изразцов «малой руки». Выкладка углов печной облицовки на уровне пояса горизонтальных перемычек проводилась теми же горизонтальными перемычками. Гребни их на концах имеют скосы.

Последним элементом облицовки печи, сложенной из красных изразцов, были изразцовые «городки», которыми сверху завершалась печная облицовка. Красные «городки» имеют вид глиняной лицевой пластины фигурных очертаний (с городчатым или килевидным верхом) с пластинчатой ножкой, отогнутой под углом в 90° к лицевой пластине изразца, при помощи которой «городок» примазывался к облицовке печи. Все красные «городки» изготовлены в резных деревянных формах; ножки их делались от руки. Лицевые пластины «городков» имеют по контуру узкую плоскую рамку (ширина около 1 см), а на самой пластине — отштампованное рельефное изображение.

При раскопках крайне редко встречаются красные комбинированные изразцы, например поясовые изразцы с валиком по верхнему или нижнему контуру лицевой пластины. Видимо, такие изразцы большого распространения не имели.

К настоящему времени не сохранилось ни одной печи, сложенной из красных изразцов. Развалы их при раскопках встречаются крайне редко. Однако некоторые данные для реконструкции внешнего вида печи из красных изразцов имеются. Попробуем их суммировать.

Все печи, сложенные из красных изразцов, были прямоугольными в плане. Плоские лицевые поверхности стенных и поясовых изразцов не давали возможности выкладывать печи со сферическими поверхностями. Зеркало печи выкладывалось из стенных изразцов, разделенных вертикальными и горизонтальными перемычками. Стенные изразцы в облицовке за счет половинных угловых изразцов были перевязанными. Между рядами стенных изразцов не проходило горизонтальных рядов поясовых изразцов, которые располагались, по-видимому, по верху и низу

печной облицовки. При раскопках была обнаружена целая горизонтальная перемычка с прилипшей к ней глиняной обмазкой. По отпечаткам тыльных частей изразцов на этой обмазке можно заключить, что перемычка располагалась между рядами стенок изразцов. В развале печи из красных изразцов, обнаруженной в Москве в 1955 г. при раскопках в Зарядье, был найден маломерный кирпич, употреблявшийся для сооружения основания печи. Там же был найден подовый кирпич, остатки керамических труб. Все изразцовые печи, надо думать, топилась «по-белому». Размеры печей из красных изразцов не известны, но следует думать, что их поперечник был близок 1×1 м.

Все печи из красных изразцов сложены на глине. Швы печной облицовки тщательно промазывались. Румпа изразцов изнутри также набивалась глиной. Сложенные из красных изразцов печи обязательно белились. Большая часть красных изразцов, найденных при раскопках, имеет на лицевых пластинках остатки побелки. Только на их рамках, прикрытых сверху перемычками, побелки нет. В тех случаях, когда на изразце с наружной стороны сохранились остатки глиняного раствора, побелка нанесена поверх него. Довольно часто в побелку изразцовых печей добавлялась толченая слюда, за счет которой получался характерный блеск этой побелки.

Следует заметить, что у печей, сложенных из красных изразцов, не было ножек, столь характерных для более поздних изразцовых печей середины и конца XVII в.

Важнейшим конструктивным недостатком печи, сложенной из красных изразцов, были четыре вертикальных неперевязанных шва, шедших по углам печи. Они сильно снижали стойкость этой облицовки.

Лицевые поверхности красных изразцов и в особенности стенок изразцов как основных в печном наборе богато орнаментированы. Растительные и геометрические орнаменты, скачущие всадники и батальные сцены, звери и птицы, реальные и фантастические, охотники и воины — все это сплошь покрывало поверхность изразцовых печей, превращая их плоскости в рельефный ковер. Орнаменты на поясовых изразцах и перемычках отличались меньшим разнообразием и служили лишь обрамлением того живописного поля, которое было представлено на стеновых изразцах.

Ознакомление с большой серией красноглиняных рельефных стеновых изразцов без поливы дало возможность разделить стеновые красные изразцы по их сюжетам на ряд серий и отыскать некоторые тематические связи, объединяющие изразцы одной серии в определенные сюжетные композиции. Среди них находится одна из наиболее часто привлекающих внимание исследователей — серия изразцов с батальными сценами. В эту серию входят изразцы пяти сюжетов.

1. Изразцы с изображением крепости (рис. 1а). На них представлена крепость с башней, помещенной в центре лицевой пластины⁷. Поверхность стен башни и крепости покрыта прямоугольными, ромбическими и круглыми нишами. Основание крепостной стены сложено из больших прямоугольных, по-видимому, белокаменных квадратов. В нижней части крепостной башни иногда изображается подошвенный пушечный бой в виде грушевидных ниш. На башне видны два зубца в виде ласточкиных хвостов, между которыми стоит изображенная в профиль пушка на лафете с поднятой вверх дульной частью ствола. Иногда под стволом пушки помещено нечто вроде рогульки. На крепостной стене также видны два зубца, такие же как и на башне. За каждым зубцом стоит воин, изображенный в профиль, с короткой пицалью в руках. Стволы пицалей подняты вверх. Воины обычно бородатые в коротких подпоясанных кафтанах, расшитых на груди галунами, и в шапках или шлемах на головах. Они изображены наклонившимися наружу и, очевидно, отбивают осаду.

⁷ См.: А. В. Ф и л и п о в. Указ. соч., альбом, рис. 58 и 60; М. Г. Р а б и н о в и ч. Гонимая слобода в Москве XVI — XVIII вв. — МИА СССР, № 7. М., 1947, стр. 63, рис. 9.

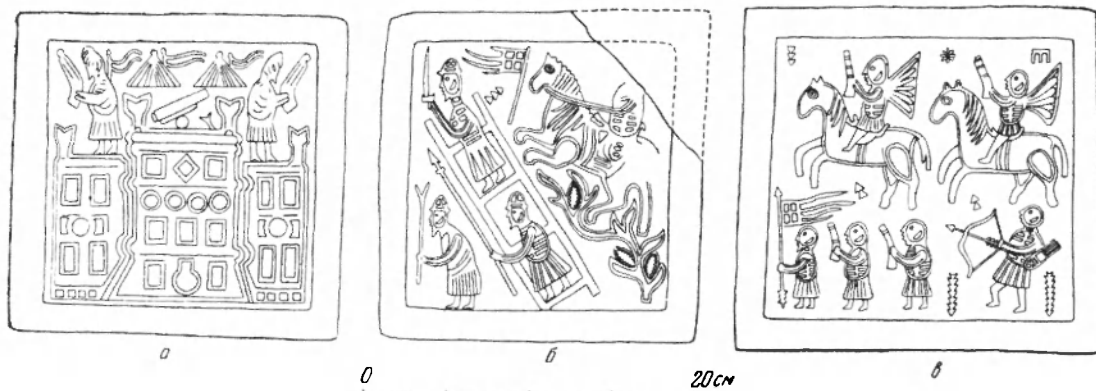

Рис. 1. Красные изразцы с изображением крепости (а); осады (б); войска (в)

Над башней крепости всегда изображаются деревянные шатры. Видны даже доски, из которых сбиты временные крыши. Из-за шатров видны, обычно схематично изображенные, три развевающихся флага на длинных древках с навершиями. На некоторых изразцах с этим сюжетом встречаются отдельные дополнения в виде сабли или рельефной звездочки за спиной воинов или пули, вылетающей из стволов пищалей. Представленное на изразцах этого сюжета изображение (за исключением таких мелких деталей, как флаги) — строго симметричное. Подобные изразцы (цельные и в обломках) найдены при раскопках в культурном слое Москвы.

2. Изразцы с изображением осады крепости (рис. 1б). На них представлена стоящая наклонно осадная лестница, по которой на крепость взбираются два воина⁸. В руках одного из них сабля, у другого — копье. Третий воин стоит под лестницей, и в руках у него рогатина, при помощи которой поднималось это осадное приспособление. Все воины, как и на изразцах первого сюжета, одеты в кафтаны, расшитые галунами на груди. На головах их — разнообразного вида шапки-шлемы. На другой половине того же изразца помещался скачущий всадник с обнаженной саблей в руке. Одежда на нем такая же, как и на воинах. На свободных участках лицевой пластины изразца, между фигурами воинов и скачущим всадником, побеги растительного орнамента, флаг с крещатым полотнищем, рельефные уголки и звездочки. Изразцы такого сюжета известны в двух вариантах — с изображением, повернутым вправо, и с изображением, повернутым влево.

Известен и изразец этого сюжета с лестницей, поставленной вертикально. Она находится у левого края изразца и по ней также поднимаются воины.

3. Изразцы с изображением конницы и пехоты в походе (рис. 1в). На лицевой пластине этих изразцов размещены пехотинцы и всадники⁹. В верхней части — два всадника на скачущих оседланных конях, в руках всадников короткие пищали, за спинами развеваются плащи. В нижнем ряду — движущиеся в том же направлении, что и конница, пехотинцы. Их четверо. В руках первого знамени с крещатым полотнищем и отходящими от него четырьмя языками. Стяг знамени длинный, в верхней части его навершие, в нижней — вток. За первым воином идут два других с короткими пищалами в руках. Стволы пищалей подняты вверх. Шестые замыкает четвертый пехотинец, в руках у которого лук. В него вложена оперенная

⁸ А. В. Филиппов. Указ. соч., альбом, рис. 57.

⁹ С. Д. Яхонтов. Красные изразцы в собраниях Рязанского областного музея. Рязань, 1927.

Рис. 2. Красные изразцы с изображением пушкарей (а) и Александра Македонского во главе конного войска (б)

с наконечником стрела. За спиной воин колчан со стрелами. Воин изображен слегка присевшим и приготовившимся выпустить стрелу. Все пехотинцы и всадники одеты в сравнительно короткие подпоясанные кафтаны, расшитые галунами на груди. На головах у них шапки-шлемы. На других изразцах этого сюжета воины как будто не имеют головных уборов. Пространство между фигурами заполнено рельефными веточками, звездочками, треугольниками. На некоторых изразцах в верхней части лицевой пластины изображен рельефом знак в виде перевернутой буквы «Ш» — по-видимому, клеймо мастера или резчика изразцовой формы.

4. Изразцы с воинами и пушкарями с пушкой (рис. 2а). В верхней части лицевой пластины изображены идущие один за другим три воина¹⁰. Передний — с копьем в руке, видны наконечник копья и вток. За ним следует другой, в руках у которого знамя с крещатым полотнищем и пищаль. Третий, последний, воин имеет в руках натянутый лук со вложенной в него стрелой. Часто встречаются изразцы этого сюжета, на которых второй воин имеет в руках только пищаль, а знамя изображается отдельно. В нижней части лицевой пластины изразца изображалась пушка на лафете. Видны ее детали. Часто передан раструб ствола пушки, ее ручки в виде буквы «S», а также яблоко и перехваты на стволе. На лафете пушки — банник, под пушкой одна или две кучи круглых ядер. Сзади пушки, склонившись над ее казенной частью, стоит пушкарь. В одной руке его правило, другая рука с пальником протянута к заправке. Все воины на изразце также одеты в кафтаны с галунами на груди, а на их головах шлемы. Между фигурами часто изображаются сабли с перекрестьем, стоящие на рукоятях, булавы, пики, флаги, рельефные звездочки, уголки, побеги растительного орнамента. Как и среди изразцов второго и третьего сюжетов, имеются изразцы четвертого сюжета, повернутые как на правую, так и на левую сторону.

5. Изразцы с изображением царя во главе конного отряда (рис. 2б). На лицевой пластине стенового изразца представлен отряд всадников; во главе его — царь. В его руках напряженный лук с вложенной стрелой. За спиной царя — колчан со стрелами. Позади три воина, передний — со знаменем в руках, а два задних — с пищалями. Полотнище знамени, которое держит в руках воин, крещатое, и от него отходят три длинных развевающихся языка. За спиной каждого из воинов — по колчану со стрелами. Все воины одеты в короткие кафтаны с галунами на груди. На голове переднего всадника (царя) корона, на головах остальных — шлемы и шапки. Ло-

¹⁰ А. В. Филиппов. Указ. соч., альбом, рис. 53; М. Г. Рабинович. Указ. соч., стр. 63, рис. 9.

шади под всадниками изображены схематично. Полностью дана только царская лошадь, а от остальных видны крупы и ноги. Так, на одном изразце этого сюжета от четырех лошадей изображены одна голова, три крупы и одиннадцать ног, на другом — одна голова, четыре крупы и девять ног. Лошадь под царем изображена подробно: видна грива, уздечка, седло, потник, нагрудник с репьем, надхвостник, подпруги. Свободные места на лицевой поверхности изразца обычно заполнены звездочками, уголками, побегими растительного орнамента. Иногда ниже лука у царя бывает изображена булава. На отдельных изразцах встречается и другое вооружение у всадников. Так, вместо пищалей три или четыре всадника на некоторых изразцах этого сюжета держат в руках копья. Изразцы этого сюжета встречаются как с изображениями, повернутыми вправо, так и с изображениями, повернутыми влево.

Каждый из изразцов перечисленных выше сюжетов, несмотря на кажущуюся его законченность, является частью панорамы, на которой изображена осада крепости войском во главе с царем. При помощи надписей, иногда встречаемых на более поздних изразцах тех же сюжетов, можно установить, что на этой изразцовой панораме изображается осада царем Александром Македонским града Египта — иллюстрация к широко распространенной в XVII в. повести о жизни Александра Македонского. Центральным изразцом в этой сюжетной линии является изразец с изображением крепости-града Египта. Это единственный изразец с симметричным изображением в сюжетной линии. Другие изразцы могли располагаться как справа, так и слева от него. Изразцы, входящие в эту сюжетную линию, располагались горизонтальным поясом в облицовке печи. Эта сюжетная линия, как показали археологические раскопки в Москве, возникла вместе с появлением изразцового производства в городе и была представлена на каждой печи, сложенной из красных изразцов. Кроме пяти перечисленных выше сюжетов красных изразцов с батальными сценами, иных красных изразцов с рисунками подобной тематики нет.

Изразцы с батальными сценами крайне интересны в смысле изображенных на них бытовых реалий. Оборонительное и наступательное оружие, костюм, головные уборы, сбруя даны на них достаточно подробно. Они заслуживают специального изучения и сравнения с подобными изображениями на миниатюрах и рельефах того времени.

Другую сюжетную линию в печной облицовке составляют красные стеновые изразцы, на которых были изображены звери, птицы и охотник на коне. Можно предполагать, что и эта сюжетная линия обязательно присутствовала на каждой московской печи, сложенной из красных изразцов.

На центральном изразце этой композиции были изображены барсы под пальмой (рис. 3а). На изразце в плоской рамке дано симметрично расположенное изображение пальмы с тонким стволом и развесистой кроной. У нее характерный ствол с комлем в виде высокой луковицы, от нижней части которого отходят три корня. Крона дерева передана условно в виде нескольких побегов. С ветвей пальмы свисают два симметрично расположенных миндалевидных плода; выше их два цветка с раздвоенными завитками. Плоды висят на длинных черешках. Справа и слева от пальмы, ниже плодов, изображены два зверя кошачьей породы. Туловищами они повернуты к стволу пальмы, а головы их обращены в сторону от дерева. У зверей короткие когтистые лапы, небольшие торчащие уши и резко моделированные глаза. Мускулатура шеи животных подчеркнута рельефом. Шерсть животных сделана в виде косой штриховки или треугольников. Хвосты зверей подняты вверх. Мастер-изразечник весьма выразительно передал двух барсов. Этот изразец, судя по симметричности изображения, был центральным в сюжетной линии. Это подтверждается также тем, что пока не найдено ни одного углового изразца с подобным рисунком.

В ту же сюжетную линию должны быть включены изразцы со львом (рис. 3б). Обычно лев изображен в прыжке с поднятыми передними когтистыми лапами,

Рис. 3. Красные изразцы с изображением барсов под пальмой (а); льва (б); журавля (в); мелких птиц (г); охотника (д); единорога (е); лютого зверя (ж); семиголового зверя (з); кентавра (и); двуглавых орлов (к — м)

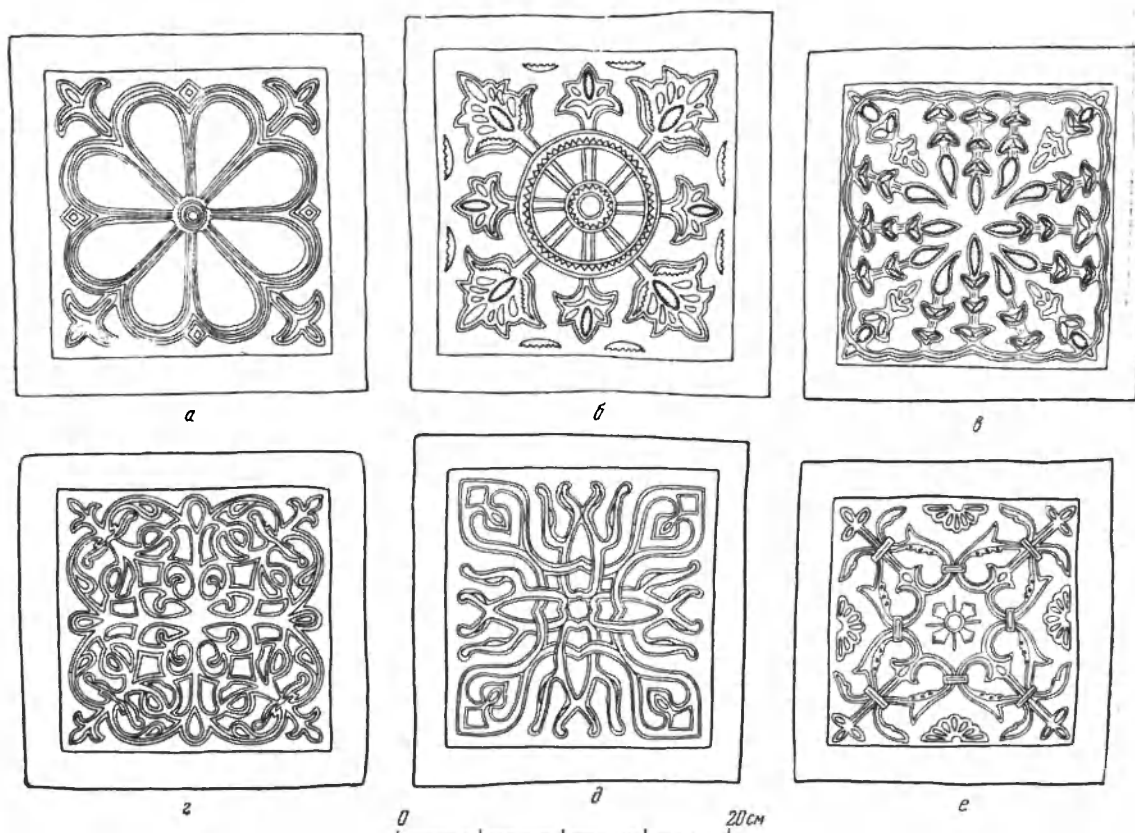

Рис. 4. Красные изразцы с изображением розетки (а) и с растительным орнаментом (б — е)

раскрытой пастью и косматой гривой. Хвост льва с кисточкой на конце поднят вверх. При помощи рельефа выразительно передана мускулатура спины и ног хищника. Свободное пространство лицевой пластины изразца заполнено побегами растительного орнамента.

Третий сюжет, связанный с той же группой изразцов, — изображение журавля (рис. 3в). У него изображены длинные ноги, шея, клюв и короткий свисающий хвост; крылья расправлены; переданы на изразце и перья, покрывающие тулово птицы. Свободное пространство лицевой пластины изразца заполнено побегами растительного орнамента.

Четвертый изразец, входящий в ту же композицию, дает на лицевой поверхности изображения различных птиц, порхающих среди ветвей дерева (рис. 3г). К сожалению, нет ни одного полного изразца этого сюжета, и он может быть охарактеризован только частично. В верхней части изразца изображены три или четыре птицы в полете. Видны раскрытые крылья и подогнутые лапы. Под деревом на земле два лебедя с длинными изогнутыми шеями и расправленными крыльями.

Пятый сюжет, входящий в композицию, завершает эту сюжетную сцену — это конный охотник (рис. 3д). В центре лицевой пластины изразца изображен скачущий конь. Верхом на коне охотник в кафтане, расшитом галунами, и в округлой шляпе с полями. Одной рукой он держит поводья, а на другой сидит птица, по-видимому, сокол. Выше охотника изображена летящая птица, вероятно, утка. Все изображение густо обрамлено растительным орнаментом.

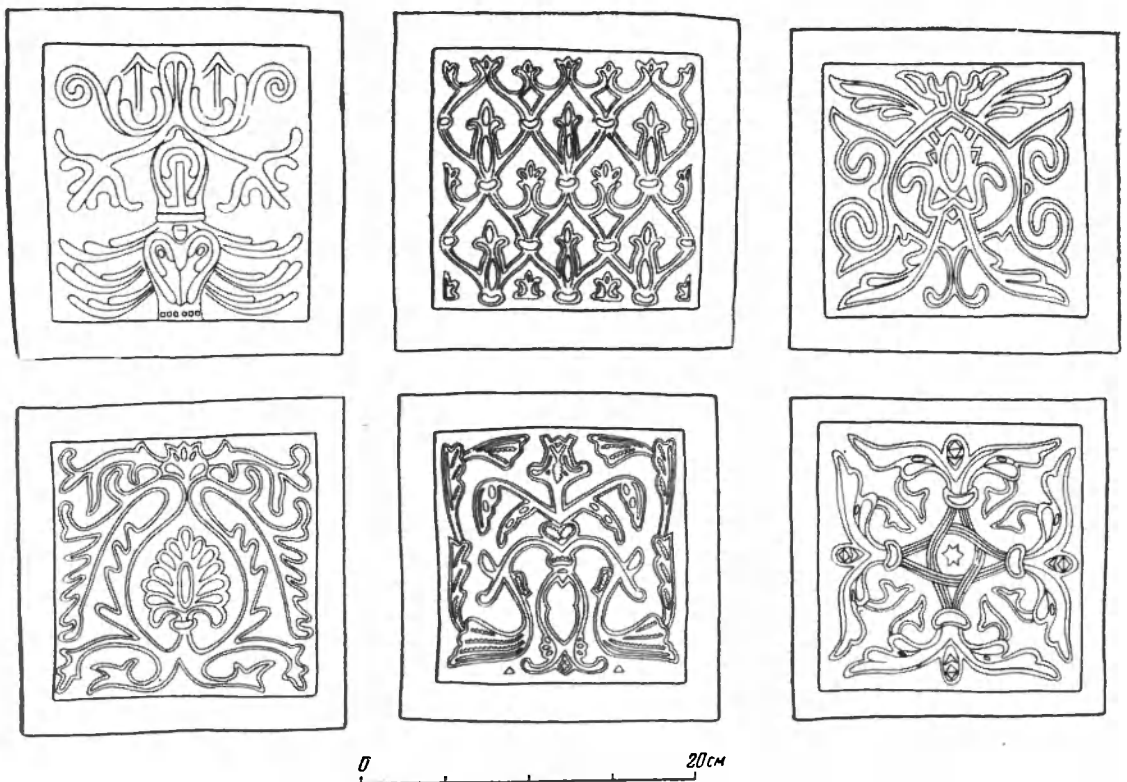

Рис. 5. Красные изразцы с растительным орнаментом

Эта композиция из пяти изразцов, по-видимому, изображает сцену охоты. Не исключено, что охотник — тоже Александр Македонский, который присутствует в первом сюжете.

В третью сюжетную линию собраны красные стенные изразцы с изображениями различных фантастических животных. В эту группу, несомненно, должны быть отнесены изразцы с изображением Единорога, или, как его называли, «инрога». В передаче резчиков изразцовых форм зверь очень похож на коня (рис. 3е). У него конские голова, туловище, ноги. От головы животного вперед и вниз отходит рог. На одних изразцах он прямой и сравнительно короткий, на других — длинный и изогнутый, похожий на свисающую прядь волос. На спине единорога — горб. Хвост животного короткий, изогнутый. Единорог обычно изображается бегущим с поднятыми передними ногами. Рельефом передана мускулатура спины и ног зверя. Вокруг него или отдельные побегов растительного орнамента или, что реже, рамка из него.

В ту же сюжетную линию включаются красные стенные изразцы с грифами или гривами (рис. 3ж). Зверь как бы комбинированный: у него туловище и лапы льва (на последних еще и шпоры), хвост также львиный с поднятой вверх кисточкой, но голова собачья; от передней части туловища отходят два полурасправленных и поднятых кверху крыла. Виден хорошо моделированный круглый или миндалевидный глаз животного. Рельефом передана мускулатура спины и ног зверя. Он изображен слегка присевшим на задние лапы и приготовившимся к прыжку. Свободное поле лицевой пластины изразца заполнено побегом растительного орнамента.

Третий сюжет, входящий в данную группу, — это изображение семиголового зверя апокалипсиса (рис. 3з). У него кошачье туловище на сравнительно коротких

когтистых лапах. Вместо одной головы на расчлененной шее зверя семь змеиных голов. Пасти змей открыты, видны длинные вытянутые языки. Хвост зверя поднят кверху и также кончается тремя змеиными головами. Под ногами зверя обычно изображалась поверженная фигурка человека, переданная схематично. На других изразцах того же сюжета часто видны люди в кружке над спиной животного. На свободном поле лицевой поверхности, обычно в левом верхнем углу, дается иногда изображение бегущего барса и летящей птицы. В ту же группу включается изразец с «китоврасом» (кентавром) (рис. 3и). У кентавра конские туловище, хвост и ноги, а вместо шеи — человеческий торс, одетый в кафтан с галунами на груди. Голова кентавра человеческая, без головного убора, с развевающимися волосами; в руках — большой лук со стрелой. Кентавр передан убегающим и стреляющим назад. Изображение всегда обрешено побегами растительного орнамента.

В эту сюжетную линию входят, по-видимому, красные стенные изразцы с другими фантастическими животными — «сирином», ехидной и т. д. О наличии таких изразцов мы можем предполагать по присутствию этих зверей на нескольких более поздних зеленых рамочных изразцах, часть которых имеет сюжеты, помещавшиеся на ранних красных изразцах. Однако пока красные изразцы с перечисленными выше изображениями не найдены.

Четвертую сюжетную линию в облицовке печи, сложенной из красных изразцов, образовывали изразцы, на которых были изображены двуглавые орлы в геральдических позах с расправленными крыльями. Таких изразцов найдено много. В развале одной печи было обнаружено нескольких обломков изразцов с орлами, оттиснутыми в разных формах и различающихся между собой рисунком изображения (рис. 3к — м). Они образовывали самостоятельный пояс в печной облицовке; в нем изображения с орлами, возможно, перемежались с изразцами, на лицевых пластинах которых были изображены большие восьмилепестковые розетки¹¹ (рис. 4а).

Орлы лицевых пластин красных стенных изразцов имеют обычно две головы. Их крылья и хвосты расправлены. На одних изразцах оттиснуты орлы с раскрытыми клювами, на других — с закрытыми. На головах орлов небольшие короны. Видны хорошо моделированные, обычно круглые глаза птиц. Оперение птиц всегда передано очень тщательно. Орлы на красных стенных изразцах всегда изображаются в дополнительной круглой рамке, украшенной зубчиками. Углы лицевой пластины заполнены либо трилистником, либо иными побегами растительного орнамента. Изразцы с орлами, как уже было сказано, в облицовке печи перемежаются с изображениями восьмилепестковых розеток. Углы лицевой пластины у этих изразцов, так же как и у изразцов с орлами, заняты выполненными в той же манере трилистниками. Нужно отметить, что не обнаружено ни одного углового красного изразца с орлами или половинного. Сам характер изображения не позволял изготовлять половинные изразцы с таким рисунком. С другой стороны, встречаются угловые стенные изразцы-половинки с розетками.

Очень большую группу среди красных стенных изразцов образуют изразцы с растительным орнаментом. Он образован разнообразными по выполнению побегами и листьями, с большим мастерством скомпонованными на лицевой пластине стенного изразца. Все варианты красных изразцов, за исключением одного, имеют на лицевой поверхности растительный орнамент, расположенный симметрично, и потому из них без большого ущерба для рисунка могли изготовляться стенные угловые изразцы-половинки. К настоящему времени насчитывается около десятка рисунков изразцов с различными растительными орнаментами на их лицевых пластинках (рис. 4б — е и рис. 5). Не исключено, что из них выкладывался не один, а два или три пояса печной облицовки. Возможно, что один пояс выкладывался из изразцов

¹¹ Е. И. Горюнова. Итоги работ археологического надзора на строительстве II очереди Московского метрополитена. — МИА СССР, № 7. М., 1947, стр. 46, рис. 17.

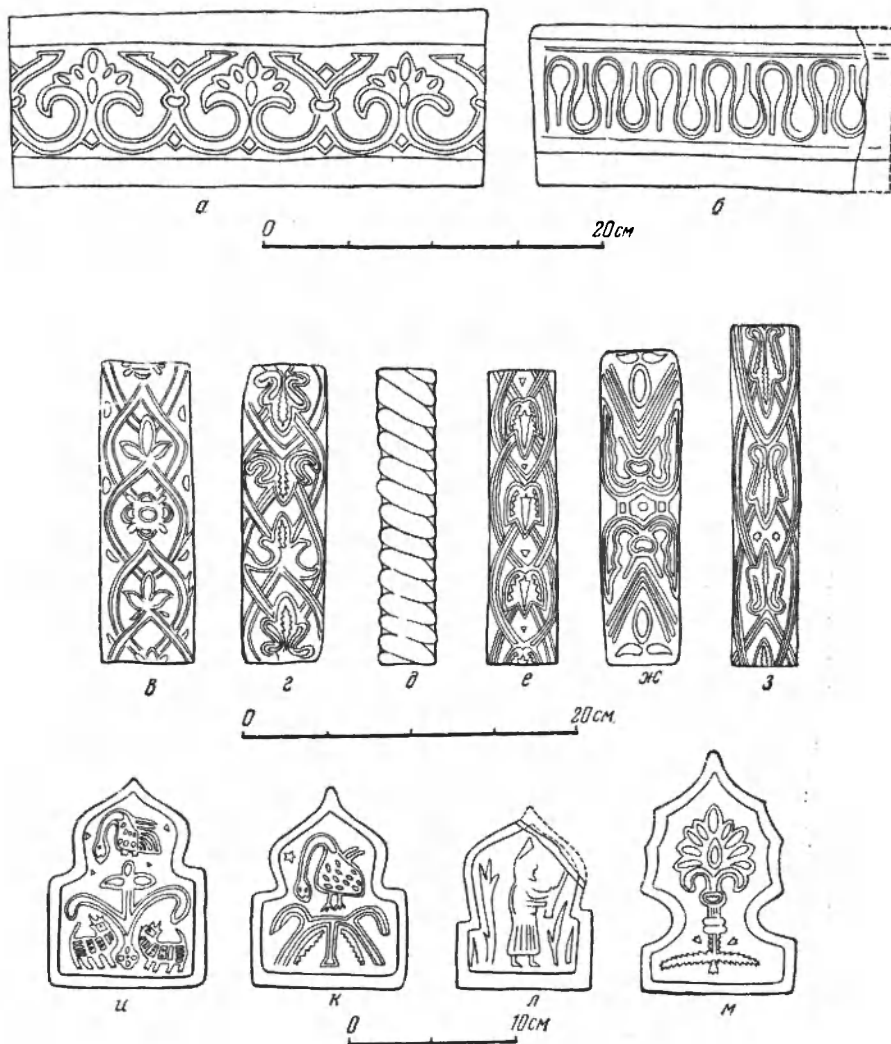

Рис. 6. Красные изразцы: поясовые с растительным и геометрическим орнаментом (а — б); перемычки с растительным орнаментом и жгутovidные (в — г); городки с лебедями, воинами и орнаментом (и — м)

с двучленной симметрией рисунка, а другой — из изразцов с рисунками, выполненными в четырехчленной системе симметрии.

Встретилось также несколько красных стенных изразцов с орнаментами геометрического характера на их пластинах.

При просмотре больших серий красных стенных изразцов выделяются изразцы, формы для которых были изготовлены одним резчиком. Копируя сюжет, последний всегда в деталях отступал от оригинала и вводил или новую форму головных уборов у воинов или своеобразный мотив листа или завитка на изразцах с растительным орнаментом. Задача дальнейшего исследования — выделить среди красных изразцов серии, выполненные в одной манере одним мастером-резчиком изразцовых форм.

Орнамент на красных поясовых изразцах, как отмечалось уже выше, сравнительно однообразен. Это обычно пальметты, соединенные Х-образными фигурами (рис. 6а). Такой орнамент на красные поясовые изразцы попал, несомненно, с белокаменных и терракотовых фриз XV—XVI вв., таких, как на Успенском соборе в Звенигороде на городке. Аналогии эти в свое время были отмечены А. В. Филипповым¹².

Красные изразцовые перемычки, входящие в печной набор, все орнаментированные и делятся на две группы (рис. 6 в — з): перемычки с растительным орнаментом и перемычки, имеющие вид жгута или валика с косыми насечками. Последние встречаются реже, чем перемычки с растительным орнаментом. В настоящее время можно насчитать до полутора десятков различных растительных орнаментов, встречающихся на перемычках.

Красные «городки» также всегда имеют орнаментированные лицевые пластины. На одном из них мы видим как и на стенном, изображение двух барсов под пальмой (рис. 6 и). В отличие от стенного изразца вые пальмы изображен еще летящий лебедь. На другом красном «городке» изображен только лебедь, летящий над деревом (рис. 6 к), на третьем — воин в длинном кафтане с пищалю в руке среди побегов растительного орнамента (рис. 6 л). Довольно часто встречаются красные «городки», на лицевой пластине которых изображена пальметта (рис. 6 м).

Красные изразцы были достаточно широко распространены в Москве, где они производились. При раскопках они встречаются в большом количестве в горизонтах городского культурного слоя первой трети XVII в. Они обнаружены также во Владимире, Ярославле, Коломне и других городах. Начиная с 40-х годов XVII в., их сменили другие типы изразцов и прежде всего красные изразцы с узкой рамкой (шириною до 1 см), производившиеся главным образом вне Москвы. В конструкции печи из этих более поздних изразцов уже не применялись перемычки, что значительно сократило число деталей, необходимых для печной облицовки. На некоторых изразцах помещены надписи, разъясняющие содержание их сюжета. В то же время в Москве появляются первые поливные зеленые изразцы, сделанные из белой глины. Конструкция их, характер орнамента те же, что и на красных изразцах. Однако такие изразцы существовали недолго; в 50-х годах XVII в. они были смещены красноглиняными поливными рамочными изразцами, получившими затем широкое распространение. Эти изразцы известны во многих вариантах. Если для белоглиняных поливных изразцов в облицовке печи требовались и поливные перемычки, то красноглиняные поливные изразцы образовывали печной набор, в котором перемычки не употреблялись. Иногда и на красноглиняных изразцах ставились разъяснительные надписи. Помещение надписей на изразцах связано с тем, что сюжетные линии, бывшие в облицовке печей из красных изразцов, исчезают и стенные изразцы в более позднее время произвольно размещаются на поверхности печи. Появляются изразцы с новыми сюжетами, не известными по красным изразцам.

Изразцовые печи из красных и поливных изразцов, если судить по деталям, найденным во время реставрационных работ, были широко распространены с начала XVII в. как в Москве, так и в подмосковных городах. Настоящие заметки об изразцовом производстве Москвы ставят своей целью дать представление об облицовке печей того времени, о сюжетах изразцов, покрывавших их лицевые поверхности, и о датировке отдельных типов этих печей.

¹² А. В. Филиппов. Указ. соч., стр. 17—20.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Академик Игорь Эммануилович Грабарь

*К статье Г. Н. Любимовой «Культовые постройки
агульских селений горного Дагестана».*

Рис. 1. Мечеть в селении Рича. Общий вид и план	11
Рис. 2. Мечеть в селении Рича. Резное окно	12
Рис. 3. Мечеть в селении Рича. Резные деревянные столбы	15
Рис. 4. Мечеть в селении Рича. Резная деревянная дверь	16
Рис. 5. Минарет в селении Рича. Фасад и разрез	17
Рис. 6. Мечеть в селении Арсуг. Общий вид	18
Рис. 7. Мечеть в селении Арсуг. Планы и разрез	19
Рис. 8. Мечеть в селении Арсуг. Резное окно	20
Рис. 9. Мечеть в селении Арсуг. Резные деревянные столбы	21
Рис. 10. Мечеть в селении Дулдук. Фасад и план	22
Рис. 11. Мечеть в селении Дулдук. Резной деревянный столб	23
Рис. 12. Мечеть в селении Тпиг. Фасад и план.	24
Рис. 13. Мечеть в селении Кураг. Общий вид	25
Рис. 14. Мечеть в селении Кураг. Планы	26
Рис. 15. Мечеть в селении Кураг. Резной деревянный столб	27
Рис. 16. Большая мечеть в селении Хутхул. Фасад и планы	28
Рис. 17. Малая мечеть в селении Хутхул. План	29
Рис. 18. Мечеть в селении Хшюк. Фасад и планы	31
Рис. 19. «Подземная» мечеть в селении Хоредж. План и разрез	32
Рис. 20. Мечеть-источник в селении Яркуг. План и разрез	33

*К статье Г. Н. Логвинна и В. А. Тимощука «Белокаменный храм
XII века в Василёве».*

Рис. 1. Схема генерального плана села Василёва с местом расположения остатков храма	39
Рис. 2. Общий план храма в Василёве	40
Рис. 3. Общий вид остатков храма с запада	41
Рис. 4. План отпечатков каменных блоков на стенах храма	42
Рис. 5. Воздвизальный крест и детали хороса	43

Рис. 6. Фрагмент надгробной плиты строителя храма	45
Рис. 7. Знаки и «вавилон» на плите строителя храма	46
Рис. 8. План храма в Василёве. Реконструкция Г. Н. Логвина	47
Рис. 9. Варианты реконструкций храма в Василёве. Аксонометрические изображения Г. Н. Логвина	49

К статье Н. В. Холостенко «Архитектурно-археологическое исследование Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове».

Рис. 1. Общий вид Успенского собора Елецкого монастыря после восстановления	53
Рис. 2. Расположение типов кирпичей в плане Успенского собора	54
Рис. 3. Арочный пояс Успенского собора	55
Рис. 4. Расположение характерных знаков на кирпичах стен Успенского собора	56
Рис. 5. Разрезы раскопов придела у западной стены Успенского собора	58
Рис. 6. План Успенского собора на уровне первого яруса. Реконструкция Н. В. Холостенко	59
Рис. 7. План Успенского собора на уровне хор. Реконструкция Н. В. Холостенко	60
Рис. 8. Западный фасад Успенского собора. Реконструкция Н. В. Холостенко	62
Рис. 9. Таблица княжеских знаков древнерусских памятников Чернигова.	64

К статье В. В. Косточкина, С. Н. Орлова и П. А. Раппопорта «Новые данные об укреплениях Новгородского острога».

Рис. 1. Разрез вала Новгородского острога	69
Рис. 2. Прорезка вала Новгородского острога	71
Рис. 3. Схема этапов усиления вала Новгородского острога.	72
Рис. 4. Каменные ворота вала Новгородского острога	73
Рис. 5. Торец пилона ворот вала Новгородского острога	74
Рис. 6. Деталь пилона ворот вала Новгородского острога с отверстиями от запорного бруса.	75

К статье Ю. П. Спегальского «Реконструкция церкви Николая на Усохе в Пскове».

Рис. 1. План церкви Николая на Усохе. Обмер 1945—1946 гг.	79
Рис. 2. Западный фасад церкви Николая на Усохе. Обмер 1945—1946 г.	80
Рис. 3. Северный фасад церкви Николая на Усохе. Обмер 1945—1946 гг.	81
Рис. 4. Южный фасад церкви Николая на Усохе. Обмер 1945—1946 гг.	82
Рис. 5. Восточный фасад церкви Николая на Усохе. Обмер 1945—1946 гг.	83
Рис. 6. План церкви Николая на Усохе. Реконструкция Ю. П. Спегальского	84
Рис. 7. Западный фасад церкви Николая на Усохе. Реконструкция Ю. П. Спегальского	85
Рис. 8. Южный фасад церкви Николая на Усохе. Реконструкция Ю. П. Спегальского	86
Рис. 9. Восточный фасад церкви Николая на Усохе. Реконструкция Ю. П. Спегальского	87
Рис. 10. Северный фасад церкви Николая на Усохе. Реконструкция Ю. П. Спегальского	89

К статье Б. В. Гнедовского «Клетская Спасо-Преображенская церковь села Спас».

Рис. 1. Свайная хозяйственная постройка села Спас	93
Рис. 2. Генеральный план Спасо-Преображенской церкви	94
Рис. 3. Общий вид Спасо-Преображенской церкви до разборки	95
Рис. 4. План Спасо-Преображенской церкви до разборки. Обмер Б. В. Гнедовского	96
Рис. 5. Кровля молельни Спасо-Преображенской церкви в процессе разборки	98
Рис. 6. Силуэты кровель Спасо-Преображенской церкви	99

Рис. 7. Схема расположения старой деревянной колокольни по отношению к западному фасаду Спасо-Преображенской церкви. По чертежам Д. В. Милеева и данным натурного обследования	102
Рис. 8. Размещение декоративных элементов в нижних венцах Спасо-Преображенской церкви	102
Рис. 9. Северный фасад Спасо-Преображенской церкви. Реконструкция Б. В. Гнедовского	103
Рис. 10. Западный и восточный фасады Спасо-Преображенской церкви. Реконструкция Б. В. Гнедовского	104
Рис. 11. Волоковое окно, обнаруженное в алтаре при разборке Спасо-Преображенской церкви	105
Рис. 12. Предполагаемое устройство полиц Спасо-Преображенской церкви	106
Рис. 13. Общий вид Спасо-Преображенской церкви в процессе сборки	107

*К статье Г. И. Вздо р н о в а «К архитектурной истории
Саввина-Сторожевского монастыря».*

Рис. 1. Изображение Троице-Сергиева монастыря на иконе середины XVII в.	113
Рис. 2. План Троице-Сергиевой лавры, составленный на основе иконы середины XVII в. и плана 1738 г. . . . .)	114
Рис. 3. Схема плана Саввина-Сторожевского монастыря по чертежу архитектора Н. Лягран	115
Рис. 4. Крепостная стена Троицко-Калязинского монастыря. Зодчие М. И. Шарутин и И. М. Шарутин	120
Рис. 5. Крепостная стена и башня Саввина-Сторожевского монастыря. Зодчий И. М. Шарутин	121

*К статье Г. К. Ва г н е р а «О происхождении центрических композиций
в русском зодчестве конца XVII века».*

Рис. 1. Воскресенская церковь села Воскресенки Подольского района Московской области. Вид с юго-запада. Фото А. И. Некрасова	125
Рис. 2. Церковь Спаса в селе Волынское Кунцевского района Московской области. По чертежу 1838 г.	126
Рис. 3. Церковь Спаса в селе Волынское. Анализ пропорций.	127
Рис. 4. Покровская церковь села Полузуктово (Волынщина) Рузского района Московской области. По чертежу 1843 г.	128
Рис. 5. «Черниговская» часовня в Переславле-Залесском. Вид с северо-запада	129

К статье А. А. Ти ц а «Палаты Пушкиновых в Горьком».

Рис. 1. Палаты Пушкиновых. Вид с юго-востока	135
Рис. 2. Палаты Пушкиновых. План верхнего этажа старой части и нижнего новой. Обмер А. А. Тица	136
Рис. 3. Южный фасад палат Пушкиновых. Обмер А. А. Тица	137
Рис. 4. Новая часть палат Пушкиновых. Вид с северо-востока	138
Рис. 5. Новая часть палат Пушкиновых. План верхнего этажа и чердака. Обмер А. А. Тица	139

*К статье П. А. Т е л ь т е в с к о г о
«Жилые дома XVII—XVIII веков в Чебоксарах».*

Рис. 1. Разрез и планы домов по Союзной улице. Обмеры П. А. Тельтевского	143
Рис. 2. Фасады домов по Союзной улице. Обмеры П. А. Тельтевского.	144
Рис. 3. Дом на улице Калинина	145
Рис. 4. План и разрез дома № 15 на улице Калинина. Обмер П. А. Тельтевского	146
Рис. 5. План и фасад дома на Заводской улице. Обмер П. А. Тельтевского	147

К статье Г. К. Вагнера «Соборная колокольня в Рязани».

Рис. 1. Соборная колокольня в Рязани	150
Рис. 2. Фрагмент плана Рязани 1780 г. с планировкой XVII в.	151
Рис. 3. Никольский собор Николо-Радовицкого монастыря. Фрагмент гравюры А. Грачева, сделанной по рисунку иеромонаха Ионы. Начало XIX в.	155

К статье С. О. Хан-Магомедова «Ханский дворец в Дербенте».

Рис. 1. Общий вид цитадели Дербента со стороны города	159
Рис. 2. Цитадель Дербента в 1638 г. Фрагмент гравюры из книги А. Олеария.	161
Рис. 3. Корпус над воротами. По чертежу 20-х годов XVIII в.	162
Рис. 4. План цитадели Дербента по чертежу 20-х годов XVIII в.	163
Рис. 5. План цитадели Дербента по чертежу первой половины XVIII в.	164
Рис. 6. План и разрез жилой постройки в цитадели. По чертежу 1812 г.	165
Рис. 7. Цитадель Дербента по чертежам 1796 г.	166
Рис. 8. Цитадель Дербента в 1796 г. Фрагмент гравюры Осипова, сделанной по рисунку Г. Сергеева	167
Рис. 9. План цитадели и верхней части Дербента. По чертежу 1810 г.	170
Рис. 10. Ханский дворец Дербента в начале XIX в. Реконструкция С. О. Хан-Магомедова по чертежам первой половины XIX в.	171
Рис. 11. Общий вид ханского дворца в Дербенте. Реконструкция С. О. Хан-Магомедова	172
Рис. 12. Схематический план комплекса ханского дворца в Дербенте	173
Рис. 13. План цитадели Дербента. По обмерам 1949 г.	174
Рис. 14. Проход в цитадель от восточных ворот	175
Рис. 15. Входной портал ханского дворца в Дербенте	176
Рис. 16. Малая цистерна ханского дворца в Дербенте	177
Рис. 17. Комплекс ханского дворца в Дербенте, перестроенный под казармы во второй четверти XIX в. Реконструкция С. О. Хан-Магомедова по чертежам первой половины XIX в.	178
Рис. 18. Планы перестроенного ханского дворца в Дербенте. По обмерам 1949 г.	181
Рис. 19. Южный фасад корпуса «А» ханского дворца в Дербенте	182
Рис. 20. Внутренняя аркада второго этажа корпуса «А» ханского дворца в Дербенте	183
Рис. 21. Дом Ибрагим-бека. Реконструкция С. О. Хан-Магомедова по чертежам первой половины XIX в.	184
Рис. 22. Дом Имангул-бека. Реконструкция С. О. Хан-Магомедова по чертежам первой половины XIX в.	185

К статье М. В. Фехнер «Дом М. Ю. Лермонтова в Москве».

Рис. 1. Современный вид дома на Малой Молчановке	189
Рис. 2. План дома на Малой Молчановке по чертежу 1817 г.	190
Рис. 3. Основные перестройки дома на Малой Молчановке с 1844 по 1907 г.	191
Рис. 4. Фасад дома на Малой Молчановке. Чертеж 1844 г.	192
Рис. 5. Фасад дома на Малой Молчановке. Чертеж 1865 г.	193
Рис. 6. Фасад дома на Малой Молчановке. Реконструкция М. В. Фехнер	194
Рис. 7. Планы первого этажа, антресолей и мезонина дома на Малой Молчановке	195
Рис. 8. Планы дома на Малой Молчановке. Реконструкция М. В. Фехнер	197

К статье Г. А. Штеймана «Решение некоторых конструктивных проблем в русском зодчестве XVI—XVII веков».

Рис. 1. Передние ворота в Коломенском	201
Рис. 2. Конструкция гульбища церкви-колокольни Высокопетровского монастыря в Москве и церкви; Знамения на Шереметевом дворе	202

Рис. 3. Конструкция гульбища над вторым этажом дома Троскурова в Москве	203
Рис. 4. Палаты Московского кремля, где останавливалось посольство А. Олеария. С рисунка А. Олеария	204
Рис. 5. Детали водостоксв ходовой части стен Донского монастыря	206
Рис. 6. Белокаменные водометы церкви Спас-Михнево под Москвой. Обмер Б. Л. Альштулера	207
Рис. 7. Плоский кесонированный свод западного участка обходной галереи храма Василия Блаженного в Москве	208
Рис. 8. Постановка главы и звонницы Смоленской церкви в Угличе и церкви Воскресения в Ростове	209
Рис. 9. Покрытие помещения библиотеки над церковью и трапезной Троице-Сергиева монастыря в Загорске	210
Рис. 10. Постановка глав над воротами и церковью Введения в Николо-Улейминском монастыре под Угличем	211
Рис. 11. Покрытие угловых помещений Воскресенского собора в Старой Руссе	212
Рис. 12. Покрытие Введенской церкви Вологодского Прилуцкого монастыря	213
Рис. 13. Покрытие трапезной церкви села Знаменское под Торопцем	214
Рис. 14. Колокольня на палатах в Соликамске	215

К статье К. А. Павловой «Восстановление лицевого корпуса бывших Павловских казарм в Ленинграде».

Рис. 1. Выпучивание фасадной стены здания бывших Павловских казарм от разрыва авиабомбы	219
Рис. 2. Схема плана первого этажа и разрез здания бывших Павловских казарм с указанием места разрыва бомбы и участками разрушения	221
Рис. 3. Металлическая рама, поставленная на фасад здания бывших Павловских казарм	222
Рис. 4. Общий вид домкрата	223
Рис. 5. Общий вид тязей	224

К статье Р. Л. Розенфельдта «Красные московские изразцы».

Рис. 1. Красные изразцы с изображением крепости, осады и войска	233
Рис. 2. Красные изразцы с изображением пушкарей и Александра Македонского во главе конного войска	234
Рис. 3. Красные изразцы с изображением барсов под пальмой, льва, журавля, мелких птиц, охотника, единорога, лютого зверя, семиголового зверя, кентавра и двуглавых орлов	236
Рис. 4. Красные изразцы с изображением розетки и с растительным орнаментом	237
Рис. 5. Красные изразцы с растительным орнаментом	238
Рис. 6. Красные изразцы: поясовые с растительным и геометрическим орнаментом; перемычки с растительным орнаментом и жгутовидные; городки с лебедями, воинами и орнаментом	240

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АС и А — Академия строительства и архитектуры СССР.
- ВУА — Военно-учетный архив (фонд ЦГВИА).
- ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.
- ГАРО — Государственный архив Рязанской области.
- ГИОП — Государственная инспекция по охране памятников.
- ДПС — Дела Правительствующего Сената (фонд ЦГАДА).
- ЖМВД — Журнал Министерства внутренних дел.
- ПАК — Известия имп. Археологической комиссии
- ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры
- КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР.
- МГИНТА — Московский городской исторический научно-технический архив.
- МГУ — Московский государственный университет.
- МИА СССР — Материалы и исследования по археологии СССР.
- ПЛ — Псковские летописи.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
- РАО — Русское археологическое общество.
- СА — Советская археология.
- СЭ — Советская этнография.
- Тр. ГИМ — Труды Государственного исторического музея.
- УЗИИЯЛ — Ученые записки Института истории языка и литературы.
- ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.
- ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив.
- ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских.
-

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Памяти Игоря Эммануиловича Грабаря	5
Г. Н. Любимова. Культовые постройки агульских селений горного Дагестана. . .	7
Г. Н. Логвин и Б. А. Тимощук. Белокаменный храм XII века в Василёве . . .	37
Н. В. Холостенко. Архитектурно-археологическое исследование Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове	51
В. В. Косточкин, С. П. Орлов и П. А. Раппопорт. Новые данные об укреп- лениях Новгородского острога	68
Ю. П. Спегальский. Реконструкция церкви Николая на Усохе в Пскове	77
Б. В. Гнедовский. Клетская Спасо-Преображенская церковь села Спас	92
Г. И. Вздорнов. К архитектурной истории Саввина-Сторожевского монастыря	110
Г. К. Вагнер. О происхождении центральных композиций в русском зодчестве конца XVII века.	123
А. А. Тиц. Палаты Пушкиновых в Горьком	134
П. А. Тельтевский. Жилые дома XVII—XVIII веков в Чебоксарах	142
Г. К. Вагнер. Соборная колокольня в Рязани	149
С. О. Хан-Магомедов. Ханский дворец в Дербенте	158
М. В. Фехнер. Дом М. Ю. Лермонтова в Москве	188
Г. А. Штейман. Решение некоторых конструктивных проблем в русском зодчестве XVI—XVII веков	199
К. А. Павлова. Восстановление лицевого корпуса бывших Павловских казарм в Ленин- граде	217
Р. Л. Розенфельд. Красные московские изразцы	228
Список иллюстраций	242
Принятые сокращения	247

Памятники культуры. Вып. 3

Утверждено к печати Институтом истории искусств Академии наук СССР

Редактор Издательства А. Х. Грансберг. Технический редактор П. С. Кашина

РИСО АН СССР № 165—93В. Сдано в набор 27/XII 1960 г. Подписано к печати 29/IV 1961 г. Формат 84 × 108¹/₄.
Печ. л. 15¹/₂+1 вкл. Усл. печ. л. 25,42+1 вкл. Уч.-изд. л. 21,5. Тираж 1800 экз. Т-05436. Изд. № 4912. Тип. зак. № 1358

Цена 1 руб. 55 коп.

Издательство Академии наук СССР. Москва, Б-62, Подсосенский пер. 21,

---

2-я типография Издательства АН СССР. Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
57	3 сн.	№ 14	№ 41
137	13 св.	(2,57×2,1 см.)	(2,57×2,1 м.)
168	26 сн.	города	город
170	13 сн.	приход	проход
204	5 св.	под	над
222	10 св.	(см. рис. 4, б).	(рис. 5).